

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2021

№ 73

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнк (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Vabaii E., Permyakova T.M., Pozdeeva E.V. Strategies in Performing a Multi-Level C-Test: Applying Think-Aloud Protocols	5
Ефремов В.А. Аффектонимы: семантика, прагматика и лингвокультурология	18
Казакевич О.А., Старикова Г.Н. Из Сибири в Китай: способы и средства локализации перемещения в незнакомом пространстве (на материале статейного списка Ф.И. Байкова)	38
Лаврова Н.А., Никулина Е.А. Освоение парадигматических отношений в английской фразеологии не носителями английского языка: экспериментальное исследование	55
Панова Г.И. Морфологическая форма и словоформа: к уточнению основных понятий русской морфологии	72
Рахилина Е. В., Казкенова А. К., Ахапкина Я.Э. <i>После, через, спустя</i> во временных контекстах: из наблюдений над текстами казахско-русских билингвов	93
Тарасенко Т.В., Керо Хервилья Э.Ф. Объекты винопития в повести С. Довлатова «Зона» как национальные реалии и их перевод на испанский язык	114
Урманчеева И.С. Фразеологизмы, основанные на псевдонисчерпанин, в говорах Низовой Печоры	137
Чеснокова О.С. «Зеркало для героя», или художественная биография Р. Куэрво (по роману Ф. Вальехо <i>El cuervo blanco</i>)	154

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Зубков К.Ю. Как министр П.А. Валуев покровительствовал А.Ф. Писемскому: Цензура, журналистика и «политический роман» в Российской империи 1860-х гг.	175
Каяниди Л.Г. Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» в свете античной натурфилософии (Парменид, Эмпедокл, Платон, Плутарх)	191
Максимов Б.А. Эрозия патриархальных ценностей в детективной прозе А. Конан Дойла	209
Никонова Н.Е., Абудуванли М. Образы Японии в периодике регионов Российской империи рубежа XIX-XX вв.: переводная литература как имагологический инструмент	230
Орехов В.В. Французские представления о России и русских как «говорящий пропуск» в романе-эпопее «Война и мир»	247
Юрина Н.Г. В.С. Соловьёв – первый символист или последний романтик? (Эстетические взгляды и творческая модель)	267

ЖУРНАЛИСТИКА

Дементьева К.В. Городские паблики социальной сети «ВКонтакте»: специфика привлечения аудитории, особенности подачи информации	287
Долгова Ю.И. Локальное телевидение: программирование и контент-стратегии в цифровую эпоху	311

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Соболев А.Н. Рецензия на книгу: Младенович Р. Говор микрорегиона Сиринич в северной части горного массива Шар	334
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	341

CONTENTS

LINGUISTICS

Babaii E., Permyakova T.M., Pozdeeva E.V. Strategies in Performing a Multi-Level C-Test: Applying Think-Aloud Protocols	5
Efremov V.A. Affectonyms: Semantics, Pragmatics, and Cultural Linguistics	18
Kazakevich O.A., Starikova G.N. From Siberia to China: Ways and Means of Localising Movement in an Unfamiliar Environment (Based on the State Report of Fyodor Baykov)	38
Lavrova N.A., Nikulina E.A. The Main Types of Paradigmatic Idiomatic Relations in English in Non-Native Speakers' Mental Lexicon: An Experimental Research	55
Panova G.I. Morphological Form and Word Form: On Clarifying the Basic Notions of Russian Morphology	72
Rakhilina E.V., Kazkenova A.K., Akhapkina Ya.E. <i>Posle, Cherez, Spustya</i> in Temporal Contexts: Notes on the Writings of Kazakh-Russian Bilinguals	93
Tarasenko T.V., Quero Gervilla E.F. Wine-Drinking Objects in Sergei Dovlatov's <i>The Zone</i> as National Realities and Their Translation into Spanish	114
Urmancheeva I.S. Phraseological Units Based on Pseudo-Exhaustion in the Lower Pechora Dialects	137
Chesnokova O.S. "A Mirror for the Hero", or Rufino Cuervo's Biography in Fernando Vallejo's novel <i>El Cuervo Blanco</i>	154

LITERATURE STUDIES

Zubkov K.Yu. Minister Pyotr Valuev Patronizes Aleksey Pisemsky: Censorship, Journalism, and a "Political Novel" in the Russian Empire of the 1860s	175
Kaianidi L.G. Vyacheslav Ivanov's Tragedy <i>Prometheus</i> in the Light of Ancient Natural Philosophy (Parmenides, Empedocles, Plato, Plutarch)	191
Maksimov B.A. The Erosion of Patriarchal Values in Conan Doyle's Detective Fiction	209
Nikonova N.Ye., Abuduvaili M. Images of Japan in the Periodicals of the Russian Empire Regions at the Turn of the 20th Century: Translated Literature as an Imagological Tool	230
Orekhov V.V. The French Image of Russia and Russians as Aposiopesis in the Epic Novel <i>War and Peace</i>	247
Yurina N.G. Vladimir Solovyov – the First Symbolist or the Last Romantic? (Aesthetic Views and Creative Model)	267

JOURNALISM

Dementieva K.V. Cities' Public Pages of the Social Network VKontakte: Features of Attracting the Audience and Presenting Information	287
Dolgova Yu.I. Local Television: Programming and Content Strategies in the Digital Age	311

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Sobolev A.N. Book Review: Mladenović, R. (2019) <i>Govor Severnošarplaninske Župe Sirinić</i> [The Subdialect of the Micro-Region Sirinić in the North Shar Mountains]. Beograd: Srpska Akademija Nauka i Umetnosti	334
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	341
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

UDC 81'243+ 81'33

DOI: 10.17223/19986645/73/1

Esmat Babaii¹, Tatiana M. Permyakova², Ekaterina V. Pozdeeva²

¹ Kharazmi University (Tehran, Iran)

² Higher School of Economics (Perm, Russian Federation)

E-mail: babaii@khu.ac.ir / tpermyakova@hse.ru / epozdeeva@hse.ru

Strategies in Performing a Multi-Level C-Test: Applying Think-Aloud Protocols

The aims of this study were: 1) to identify the cognitive strategies that Russian EFL learners apply while taking a multi-level C-test; 2) to examine the correlation between the level of complexity of a C-test and the frequency of the usage of the cognitive strategies. The Think-Aloud Protocols method allowed to reveal seven cognitive strategies (predicting, summarizing, questioning, making connections, re-reading/using fix-ups, identifying a problem, and reflecting). The results of chi-square tests indicate that texts with different complexity levels can trigger different type of processing used by the test-takers.

Keywords: c-Test; cognitive strategies; language proficiency assessment; think-aloud protocols

Introduction

C-tests are gap-filling tests that consist of several short texts in which parts of words are missing. They are widely used to assess general language proficiency for purposes of placement, screening, or provision of feedback to language learners. Various studies have revealed that C-tests are integrative and highly reliable and valid measures of general language proficiency [1–3]. This study is motivated by the work of Babaii and Moghaddam [4], with the underlying assumption that the C-test at different proficiency levels triggers the use of different test-taking strategies on the part of learners. We seek to investigate how the shift in the text difficulty level of the C-test input (proficient, intermediate, and beginner) influences the strategies employed by test-takers. We attempted to answer this question through applying an introspective think-aloud protocol (TAP) method.

Literature Review

The C-test was designed as an instance of reduced redundancy testing and was claimed to be more representative in terms of assessing language proficiency than multiple cloze-tests or cloze-elide tests [3]. A typical C-test consists of four or five short texts where the second half of every second word is deleted

(the rule of two). The gaps have to be filled in by second/foreign language test-takers. Each passage has approximately 20 gaps. The first introductory sentence is left intact while the rule of two applies to the rest of the passage.

The C-test is believed and confirmed to be a well-established measure for L2 proficiency level, in different language contexts, for example, Estonia [5, 6], Germany [7], Hungary [2], Thailand [8], Iran [9], and China [10]. To the best of our knowledge, the only published research recruiting a Russian-speaking sample is the one conducted by Drackert and Timukova [11] where the C-test was found to be biased towards heritage language learners and therefore was not deemed satisfactorily valid.

The C-test is a highly reliable and valid instrument [7], as it also correlates well with other proficiency tests such as MTELP – Michigan Test of English Language Proficiency [12], MCT – a multiple-choice achievement test, TOEFL – Test of English as a Foreign Language [9], or a Cloze test [3]. The most notable contradictory result, perhaps, is reported by Jafarpur [13] who investigated the varieties of the C-test by applying different deletion procedures. The results of the study revealed that different versions of the C-tests did not bear similar characteristics, and findings refuted the claims on C-testing as an adequate measure of general language proficiency. Hastings [14], in response, provided a detailed analysis of Jafarpur's methodology vis-a-vis the principal rules of the C-test and concluded that his controversial findings were due to flouting the rules.

Furthermore, when it comes to the support of applicability of the C-test to various specific contexts, the results are mixed. Dörnyei and Katona [2] believe that the C-test is applicable to different proficiency levels. Muller and Daller [15] used C-test with correlation to IELTS ($r = 0.509$, $p < .001$) to measure whether these tests are appropriate for the medical professional context. Similarly, Prediger et al. [16] found that language proficiency is the background factor with the strongest connection to mathematics achievement among all social and linguistic background factors. The study by Daller and colleagues [17] corroborates the validity of the C-test in examining the fluency and overall oral proficiency among bilingual speakers, with correlations ranging from .31 to .63 for different determiners of proficiency. On the other hand, Mashad's study [12] claims that the C-test does not prove to behave consistently with examinees of different proficiency levels; in particular, it cannot differentiate participants of lower and upper intermediate levels. To solve the problem, modifications to C-tests were made to increase and decrease the difficulty of the test by manipulating the size and the distribution of gaps in order to be able to generate C-tests with the desired difficulty levels [18]. These findings were consistent with the reliability of test scores in a modified C-test procedure [19].

Despite the abundance of research on the C-test and its psychometric characteristics, there is a scarcity of research regarding possible interactions between text characteristics and the nature of processing in the C-test completion. One of the works that attempts to investigate whether difficult test tasks can trigger more macro-level processing in C-testing is by Babaii and Moghaddam [4]. Their research involved manipulating degrees of syntactic complexity and ab-

straction as text variables and presenting the chosen texts in two formats: with or without clues regarding the number of missing letters. Out of the sample of 119 students, 36 participated in the retrospective think-aloud phase of the study. The think-aloud protocol analysis revealed that employing texts with more syntactic complexity and abstraction, along with eliminating clues with respect to the number of missing letters can result in more difficult test tasks which seemed to encourage a more frequent use of macro-level processing on the part of test takers.

Several studies focus on the interplay between text difficulty, learners' language proficiency level and the type and frequency of (meta)cognitive strategies learners use for processing and understanding. Kaivanpanah and Moghaddam [20] investigated how different levels of L2 reading proficiency may affect the readers' inferencing behavior with respect to the level of success they achieve as well as the types, combinations, and frequencies of knowledge sources they use when inferring meanings of unknown words. They found that differences in L2 reading proficiency level had a profound impact on inferencing success. However, the contribution of the knowledge sources used by the participants was found to be partial and restricted. Their findings partially confirmed the results of previous studies [21] on the contribution of topic familiarity and text difficulty on the test takers' performance in reading comprehension tests in language for specific purposes.

Similarly, Zhang [22] contends that EFL proficiency is linked with language learners' metacognitive knowledge or awareness of strategies. Using TAP, Zhang [23] employed a 28-item survey of reading strategies to explore relationship between metacognitive awareness and reading-strategy use of Chinese high school students. The strategies were classified into three categories: global, problem-solving, and support. The high-proficiency group outperformed the intermediate group and the low-proficiency group in two categories of reading strategies: global and problem-solving; but no statistically significant difference was found among the three proficiency groups in using support strategies.

A number of introspective studies examined the effect of EFL learners' reading proficiency on the nature of lexical inferencing they employed while reading in English. Learners were found to use the knowledge sources and contextual cues differently; and the level of success and their rate of learning and retention of the inferred target words varied [24]. Reading proficiency in L1 is a contributing factor to general proficiency measured by C-testing and other text-dependent tests [25]. Yet, it seems that learners need to establish some knowledge of an L2 *per se* before they can successfully draw on their L1 reading ability to help with L2 reading in certain tasks like C-test completion.

An intriguing contribution to this line of research was done by Soemer and Schiefele [26] dealing with the question of how the difficulty of a text could affect a reader's thinking including but not limited to task-unrelated thinking (mind wandering) during reading. In the study, participants read three texts rated as easy, moderate, or difficult in terms of readability and cohesion. During reading, participants were required to indicate whether they were engaging in mind wandering. The results showed that reading difficult texts increased mind wan-

dering and this increase partially explained the negative relation between text difficulty and comprehension.

Among introspective techniques used to detect L2 learners' mental processes, Think-Aloud Protocol (TAP) method is a feasible procedure alleviating the need for utilizing highly sophisticated equipment to explore the cognitive processes which are not directly observable [27]. So far, there are few works on the accounts of test-takers' mental processes in the C-test [28]. Babaii and Ansary [9] as well as Babaii and Moghaddam [4] employed TAP to explore the nature of processing in the C-test where both micro- and macro-level processing emerged after the analysis of test-takers' TAPs. In another study, Babaii and Fatahi-Majd [29] investigated the test-takers' failed attempts to complete the blanks through retrospective verbal protocols. High and low performers were reported to experience diverse psycholinguistic obstacles and mechanisms. While the high performers struggled with retrieving the appropriate lexical items and overlooked delicate points of grammar, the low performers suffered most from breakdown in text processing and automatic restoration based on the local clues.

To summarize, the study of available literature on the C-test points to the paucity of research on the modifications of this test in terms of difficulty levels. Specifically, literature overview shows a gap in the introspective use of TAP with regard to strategies employed while C-testing. We assume that the C-test at different proficiency levels may trigger the use of different reading strategies on the part of test-takers. The research gains momentum considering the fact that Russian EFL learners remain an under-investigated sample in this area of inquiry.

Method

Participants and settings

A total number of 20 participants took part in this study. To ensure the sample's homogeneity, they were all selected from Higher School of Economics, aged from 20 to 22, with the average age being 21.3, both males (50%) and females (50%). The participants were Russian native speakers with the recognized upper-intermediate level in terms of the English language proficiency. To ensure they all have the same level of reading proficiency, the participants were pre-tested and had to undergo an EF Standard English Test (<https://www.efset.org/english-certificate>). This test provides the analysis of the test taker's reading skills, and its results are aligned with CEFR levels.

This study applied a qualitative method using the Think-Aloud Protocol. The participants were asked to complete the missing parts in the passages and verbalize as much as possible anything that went through their minds while they were doing the task.

Materials

To ensure the reliability and validity of the material, the passages presented to the participants were extracted from Reading and Use of English sections of the test papers provided by Cambridge Assessment English (Appendix 1). The C-test contained three passages, with the first one extracted from B1 Prelimi-

nary, the second one from B2 First, and the third one from C2 Proficiency tests. The texts' lexical complexity increased from B1 to C2, with the latter containing more long words (6 letters and more, 3 syllables and more) and fewer frequent words. The syntactic complexity also grew from B1 to C2 text, with the latter having more participial constructions and nominal phrases. Each passage contained 24 to 25 gaps and was chosen in such a way that the content did not correlate with the test takers' professional areas to eliminate the possibility of some participants having an advantage over others. The reliability index calculated through KR-21 for the C-test was 0.78. This seems a satisfactory index of consistency considering the homogeneity of test-takers in terms of language proficiency level which generally leads to under-estimation of reliability [30].

Procedure

Data collection started in September 2018 and lasted for 2 months. The C-tests were presented to each participant individually on paper task sheets, and the assigned time for completing three passages was 30 minutes. The researchers asked the participants to verbalize whatever came to their minds while they were filling in the gaps in each passage. The researchers recorded the participants' verbalized thoughts providing prompts when they forgot to "think aloud" by asking questions such as "Why do you use this particular word to fill in the missing part?" The recordings were later transcribed into protocols that were used to analyze the data and spell out the strategies which the participants chose to perform the task.

As the test takers verbalized their thoughts, they typically used sentences such as "I think this should be <... because ...>.", "I will re-read the first sentence", "I do not know exactly what it is going to be but I think ...", etc. As Baumann and colleagues [31] stated, such sentences can serve as indicators of the following strategies: Predicting, Clarifying, Questioning, Making Connections, Re-Reading/Using Fix-Ups, Summarizing, and Commenting. Derived from reading comprehension techniques, strategies were identified by verbalized items, usually preceding the blank to be filled. The researchers analyzed the protocols to recognize what strategies the participants used to complete the C-tests.

Analysis of Data and Results

The participants' think-aloud protocols were studied to find out what cognitive strategies were used when the participants filled the gaps in the C-tests. The data were converted to several types of cognitive strategies: Predicting, Summarizing, Questioning, Making Connections, Re-Reading/Using Fix-Ups, Identifying a Problem, and Reflecting.

The Predicting strategy involved making use of clues while doing the test. For instance, while filling in the gap in "t _____ discuss rese _____ into", one of the participants stated, "to discuss... research. I think it's research here because discuss goes with a noun".

Another strategy which was used by the test takers was Summarizing. The participants applied it when they put some information from the passage into their own words. In case of "hoping t _____ get ri _____", one of the participants

said, “the passage is about discovering gold in Alaska, so I guess people came there hoping to get rich. Yes, it’s rich here”.

The Questioning strategy means that the subjects asked themselves questions when they faced difficulty trying to find the answer. For instance, faced with “plenty of some experience... daily experience... What experience could they have?”, a participant said, “plenty of some experience... dir.... daily experience....What experience could they have?”

Making Connections was a frequently applied strategy when the participants tried to make a connection between what they were reading and what they have already read, or their background knowledge about the world. Faced with “no single governing body”, one of the test takers said, “I think I have heard the phrase governing body. It can be a governing body here. No single governing body”.

The Re-Reading/Using Fix-Ups strategy, as the name itself suggests, involves re-reading the text and the intact co-text. Dealing with “such strenuous training”, the test taker said, “st... training... I should re-read the whole text again to understand”.

Another strategy, Identifying a Problem, was used when the participants had to deal with those gaps that they did not know how to fill. They usually verbalized this strategy saying “I am not sure”, “I do not know what to fill it with” or any other phrase indicating they have faced a cognitive challenge. For instance, having to deal with “and enforce of” one of the subjects said, “It is difficult. I am sure it is about laws but I can’t think of any word”.

Reflecting as a cognitive strategy was applied when the participants “turned back” to explain or interpret their gap-filling decisions. For instance, in case of “to outsmart humans”, the test taker said, “Initially, I thought it could be outstand but then replaced it with outsmart because the text said that rats were clever and intelligent”.

During the procedure, strategies were identified by verbalized items, which usually preceded the blank to be filled. Some of the filled blanks were not commented upon by the respondents. When the two strategies could have been interpreted as overlapping, for instance, Re-Reading and Reflecting, the researchers turned to verbal protocols for the supporting markers such as phrases “I need to re-read” or “I think... because ...” to distinguish between the two.

The analysis revealed that the participants used seven strategies while performing the gap-filling task. However, the usages of the strategies differed: while some of them were applied intensively, the others were used less frequently. Moreover, the frequency of occurrence of these strategies varied in correspondence to the level of the difficulty of the passages (B1, B2, C2). Table 1 presents the data on how often strategies were applied in each passage; figures in **bold** are 5% above the average and figures in *cursive* are 5% below the average in each column.

When the participants had to deal with the passage of the B2 level, which was pre-tested as their baseline, Making Connections was the most frequently used strategy (26%). In case of the B1 passage, the participants applied it slightly less often (22%); however, when they did the C2 level test, only 10% of the gaps in the text were filled using this strategy.

Table 1

**Frequencies and percentages of strategies used across different levels
of text complexity**

Level	Strategies							
	Predicting	Summarizing	Making Connections	Questioning	Identifying a Problem	Reflecting	Re-Reading/Using Fix-Ups	
B1	29 (13%)	59 (27%)	48 (22%)	11 (5%)	21 (9%)	10 (5%)	41 (19%)	N = 219
B2	92 (21%)	33 (8%)	110 (26%)	30 (7%)	45 (10%)	89 (21%)	28 (7%)	N = 427
C2	35 (10%)	46 (13%)	34 (10%)	56 (15%)	81 (22%)	56 (15%)	55 (15%)	N = 363
Total by strategy	156	138	192	97	147	155	124	1009

Predicting was close to Making Connections at the B2 level – the test takers applied it to fill in 21% of the gaps. In case of the B1 and C2 texts, the use of this strategy followed the same pattern as Making Connections did – the frequency of occurrence decreased to 13% and 10% respectively.

At the B2 level, Reflecting was used to fill in 21% of the gaps. However, when the test takers had to fill in the gaps in the B1 passage, they “reflected” on their performance much less intensively – only in 5% out of the total number of gaps. In case of the C2 text, the frequency of occurrence decreased to reach 15%.

The rest of the strategies were used less frequent at the B2 level. Re-Reading/Using Fix-Ups” was used to fill 7% of the gaps. When the participants took the B1 and C2 tests, they applied it more often – 19% and 15% respectively.

The sixth applied strategy at the B2 level was Identifying a Problem, which was used to fill in 10% of the gaps. At the B1 level, its frequency of occurrence did not change much – the participants stated they had to deal with a problem in 9% out of the total number of tasks. However, when they had to do the C2 text, they applied it to 22% of the gaps.

Questioning was the least frequently used strategy in case of the B2 and B1 tests (7% and 5%), while in case of the C2 test the frequency of occurrence grew to reach 15%.

The data indicated that Summarizing and Reflecting were the strategies showing the highest deviation from the average at the B1 level – sharply going up for Summarizing and sharply going down for Reflecting. At the B2 level the trend was reverse – a sharp decrease in using Summarizing and a significant increase in using Reflecting. At the C2 level, the strategies that yielded the greatest deviation from the average were Making Connections (10% in contrast to the average of 19.3%) and Identifying a Problem (22% as opposed to the average of 13.6%).

For example, reading a C2 passage, in the Identifying a Problem strategy, a test taker often commented on not knowing the word: “There is no // govern-

ment / there is no government of what? / Legislature / what is this word? // issues and informs, enforces issues and enforces laws to which any nations / what is this word? / there is no / there is no / why do I want to say ‘there is no worry’? it does not fit here / I do not know / government of legislature issues and enforces laws to which any / what is the word? I do not know its meaning / the international legal order has no sinful / it is either sin or sinful or something else”. While dealing with lower level passages, the frequency of the Identifying a Problem strategy decreases since correct responses are ensured by automatic processing of high frequency lexicon (e.g. “there is no worry”).

These processes are parallel to the Making Connections strategy. For instance, a participant said: “issues and enforces laws to which // to which government / it must be here because I heard it before / issues and enforces laws // There is no // government of legislature issues and enforces laws to which any // to which any nations and subjects / it does not connect well // the international league order has no / has no // I want to say ‘sinful governing’, but it does not meaningfully connect // Governing and operates by agreement between states”. Overall, the main reason for the shift in the use of strategies while reading C2 passages is inability to rely on automatic processing of familiar linguistic items and respondents’ acknowledgment of this fact.

In order to check whether the differences in the use of strategies are statistically significant, three sets of chi-square tests were applied to the data. As it is reported in Table 2, all three comparisons are significant at $p < .000$ with a strong effect size calculated through Cramer’s V [cf. 32].

Table 2

Results of chi-square test for strategies by text levels

Index	Chi-square	df	p-value	Cramer’s V (effect size)
B1 vs B2	89.84	6	.000	.373
B1 vs C2	73.02	6	.000	.354
B2 vs C2	97.93	6	.000	.352

The findings indicate that texts with different complexity levels can trigger different type of processing used by the test-takers.

Discussion and Conclusion

The aim of this study was to investigate the use of cognitive strategies of the test takers performing a task that required making decisions and solving problems. We assumed that the frequency of occurrence of the strategies involved in completing a C-test could vary depending on the text difficulty (in terms of the English language proficiency levels).

The results of the study revealed that each test taker applied a set of cognitive strategies, with some of them being used more intensively. The extent to which each strategy was used reflects the way each participant thinks and solves cognitive problems.

Another finding was that the frequency of the use of each strategy changed depending on the passage that the participant had to deal with. As each participant had the recognized upper-intermediate level (B2) of English, the first passage (B1) was quite likely to cause less trouble for them while the third passage (C2) was expected to be more linguistically challenging. We assumed that the differences in the language difficulty of the three passages would influence the extent to which the strategies would be applied. The results showed that the frequency of reverse occurrence of the strategies Summarizing and Reflecting distinguish between reading texts at B1 and B2 levels. C2 text reading is characterized by the increase of Questioning and Identifying a Problem strategies.

From the theoretical perspective, the findings might be useful in assisting to arrive at a more unified theory for test-taking strategies [33] since this study provided information about the way a group of Russian learners dealt with different difficulty levels in a text-dependent test. A meta-analysis on the contribution of L1 to the C-test completion could benefit from our study, which recruited a Russian sample in a TAP study of the C-test for the first time.

In line with Mashad's study [12], the results of this research add to the complications of tackling C-test difficulty and its interaction with test-taking strategies as the observed strategies do not clearly discriminate between different difficulty levels. One possible explanation for this is the different degree of involvement in extensive reading beyond the classroom for some of the participants [34]. It may also suggest that further control for the test-takers' characteristics such as individual differences, core demographics (males and females, age, educational background) and problem-solving traits is needed [35–38]. Nevertheless, at this point, the use and shift of strategies while performing a multi-level C-test confirm the main findings by Babaii and Moghaddam [4], i.e., text characteristics at different levels have potential effects on the C-test performing strategies.

We acknowledge unavoidable restrictions such as a limited sample that did not allow conducting standard validity tests. However, given the qualitative approach adopted, this was not the primary purpose of the study.

Further studies of TAP in regard to the C-test may also explore the link between the failure frequency with the text difficulty level, to compare the current finding with Salehi and Sanjareh [39], and Babaii and Fatahi-Majd [29]. In addition, academic version versus general version of international English as a Second/Foreign Language could be explored to help administer test-preparation and test-taking. This may also involve both topic types and test patterns.

Ultimately, following the results, pedagogical recommendations could be developed to build individual trajectories for reading test-taking and/or learning vocabulary. Teaching implications of this study also include considering text selection for assessment [4] and/or preparing redundancy tests for assessment at different proficiency levels [40]. It is the introspective data of the reading ability of participants that give teachers the exact estimation of candidates' abilities to identify the source of problem and use interdependent strategies in performance. The findings might be of interest for assessors as well.

References

1. Klein-Braley, C. & Raatz, U. (1984) A survey of research on the C-Test 1. *Language Testing*. 1 (2). pp. 134–146.
2. Dörnyei, Z. & Katona, L. (1992) Validation of the C-test amongst Hungarian EFL learners. *Language Testing*. 9 (2). pp. 187–206.
3. Klein-Braley, C. (1997) C-Tests in the context of reduced redundancy testing: an appraisal. *Language Testing*. 14 (1). pp. 47–84.
4. Babaii, E. & Moghaddam, M.J. (2006) On the interplay between test task difficulty and macro-level processing in the C-test. *System*. 34 (4). pp. 586–600.
5. Sarapu, I. & Alas, E. (2016) Developing a c-test to measure language ability as an alternative to a skills-based test. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu Aastaraamat*. 12. pp. 237–252.
6. Hiser, E.A. & Ho, K.S.T. (2016) C-Tests in Vietnam: An Exploratory Study of English Proficiency. *Electronic Journal of Foreign Language Teaching*. 13 (2). pp. 184–202
7. Eckes, T. & Grotjahn, R. (2006) A closer look at the construct validity of C-tests. *Language Testing*. 23 (3). pp. 290–325.
8. Phakiti, A. (2003) A closer look at the relationship of cognitive and metacognitive strategy use to EFL reading achievement test performance. *Language Testing*. 20 (1). pp. 26–56.
9. Babaii, E. & Ansary, H. (2001) The C-test: a valid operationalization of reduced redundancy principle. *System*. 29 (2). pp. 209–219.
10. Daller, M. & Xue, H. (2007) Lexical richness and the oral proficiency of Chinese EFL students. In: Daller, H., Milton, J. & Treffers-Daller, J. (eds) *Modelling and Assessing Vocabulary Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 150–164.
11. Drackert, A. & Timukova, A. (2019) What does the analysis of C-test gaps tell us about the construct of a C-test? A comparison of foreign and heritage language learners' performance. *Language Testing*. 37 (1). pp. 107–132.
12. Mashad, I. (2008) Another look at the C-Test: A validation study with Iranian EFL learners. *The Asian EFL Journal Quarterly*. 10 (1). pp. 154–180.
13. Jafarpur, A. (1995) Is C-testing superior to cloze? *Language Testing*. 12 (2). pp. 194–216.
14. Hastings, A. (2002) In defense of C-testing. In: Grotjahn, R. (ed.), *Der C-Test. Theoretische Grundlagen und praktische Anwendungen*. Vol. 4. Bochum: AKS-Verlag. pp. 11–29.
15. Müller, A. & Daller, M. (2019) Predicting international students' clinical and academic grades using two language tests (IELTS and C-test): A correlational research study. *Nurse Education Today*. 72. pp. 6–11.
16. Prediger, S. et al. (2018) Language proficiency and mathematics achievement. *Journal für Mathematik-Didaktik*. 39 (1). pp. 1–26.
17. Daller, M.H. et al. (2011) Language dominance in Turkish-German bilinguals: methodological aspects of measurements in structurally different languages. *International Journal of Bilingualism*. 15 (2). pp. 215–236.
18. Lee, J.U., Schwan, E. & Meyer, C.M. (2019) *Manipulating the Difficulty of C-Tests*. arXiv preprint arXiv:1906.06905.
19. Wilmes, C. (2007) *Validation of a German language placement test based on a modified C-test procedure*. Doctoral Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign.
20. Kaivanpanah, S. & Soltani Moghaddam, M. (2012) Knowledge sources in EFL learners' lexical inferencing across reading proficiency levels. *RELC Journal*. 43 (3). pp. 373–391.
21. Peretz, A.S. & Shoham, M. (1990) Testing reading comprehension in LSP: Does topic familiarity affect assessed difficulty and actual performance. *Reading in a Foreign Language*. 7 (1). pp. 447–455.

22. Zhang, L.J. (2001) Awareness in reading: EFL students' metacognitive knowledge of reading strategies in an acquisition-poor environment. *Language Awareness*. 10 (4). pp. 268–288.
23. Zhang, L.J. (2009) Chinese senior high school EFL students' metacognitive awareness and reading-strategy use. *Reading in a Foreign Language*. 21 (1). pp. 37–59.
24. Bengeleil, N. & Paribakht, T. (2004) L2 reading proficiency and lexical inferencing by university EFL learners. *Canadian Modern Language Review*. 61 (2). pp. 225–250.
25. Lee, J. W. & Schallert, D. L. (1997) The relative contribution of L2 language proficiency and L1 reading ability to L2 reading performance: A test of the threshold hypothesis in an EFL context. *TESOL Quarterly*. 31 (4). pp. 713–739.
26. Soemer, A. & Schiefele, U. (2019) Text difficulty, topic interest, and mind wandering during reading. *Learning and Instruction*. 61. pp. 12–22.
27. Matsumoto, K. (1993) Verbal-report data and introspective methods in second language research: State of the art. *RELC Journal*. 24 (1). pp. 32–60.
28. Rahimi, M. & Saadat, M. (2005) A verbal protocol analysis of a C-test. *International Journal of Applied Linguistics*. 8 (2). pp. 55–86.
29. Babaii, E. & Fatahi-Majd, M. (2014) Failed restorations in the C-test: Types, sources, and implications for C-test processing. In: Grotjahn, R. (ed.) *Der C-Test: Aktuelle Tendenzen/The C-Test: Current trends*. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. pp. 263–276.
30. Henning, G. (1987) *A guide to language testing*. Rowley, MA: Newbury House Publishers.
31. Baumann, J.F., Jones, L.A. & Seifert-Kessell, N. (1993) Using think aloud to enhance children's comprehension monitoring abilities. *The Reading Teacher*. 47 (3). pp. 184–193.
32. Cohen J. (1988) *Statistical power and analysis for the behavioral sciences*. 2nd ed. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
33. Cohen, A.D. (2014) *Strategies in learning and using a second language*. 2nd ed. London and New York: Routledge.
34. Iwahori, Y. (2008) Developing Reading Fluency: A Study of Extensive Reading in EFL. *Reading in a Foreign Language*. 20 (1). pp. 70–91.
35. Ryan, K.E. & Bachman, L.F. (1992) Differential item functioning on two tests of EFL proficiency. *Language Testing*. 9 (1). pp. 12–29.
36. Tsai, Y.C. & Li, Y.C. (2012) Test anxiety and foreign language reading anxiety in a reading-proficiency test. *Journal of Social Sciences*. 8 (1). pp. 95–103.
37. Liu, M. (2006) Anxiety in Chinese EFL students at different proficiency levels. *System*. 34 (3). pp. 301–316.
38. Busch, D. (1982) Introversiion-extraversion and the EFL proficiency of Japanese students. *Language Learning*. 32 (1). pp. 109–132.
39. Salehi, M. & Sanjareh, H.B. (2013) On the comparability of C-test and Cloze: A verbal protocol approach. *English for Specific Purposes World*. 14 (3). pp. 1–17.
40. Ajideh, P., Farrokhi, F. & Nourdad, N. (2012) Dynamic Assessment of EFL Reading: Revealing Hidden Aspects at Different Proficiency Levels. *World Journal of Education*. 2 (4). pp. 102–111.

Appendix 1

Directions.

Перед вами небольшой текст, в котором необходимо заполнить пропуски. Первое и последнее предложения оставлены в неизменном виде, а в оставшихся предложениях в каждом втором слове удалена часть слова – если это слово с четным количеством букв, то удалена половина слова, если это слово с нечетным количеством букв, то удалена большая часть букв. Длина пропуска в тексте не зависит от количества удаленных букв.

Восстановите слова с пропусками так, чтобы предложения и текст имели смысл. Выполняя задания, рассуждайте вслух и озвучивайте все ваши мысли и гипотезы, какими бы абсурдными они вам ни казались.

1. Rats

According to French scientists, rats are much cleverer than we thought. Attempts to _____ reduce the _____ rat population _____ have consistently _____ failed, although _____ environmental experiments _____ have explained _____ this failure _____ by claiming _____ that rats _____ have developed _____ a resistance _____ to poison _____. According to _____ scientists who _____ met in _____ Lyons to _____ discuss research _____ into rat _____ intelligence, it _____ now seems _____ that the _____ rat is _____ clever enough _____ to outsmart _____ humans. Rats have an ability to communicate their thoughts.

2. Getting a Return From Training

The employees know their jobs. They _____ have a _____ successfully completed _____ initial training _____ courses although _____ they have _____ had plenty _____ of direct _____ daily experience _____. Nonetheless, compared _____ instinctively feeling _____ they could _____ get more _____ of the _____ staff by _____ giving them _____ further training _____ in areas _____ related to _____ their work _____. When it _____ comes to _____ investing in _____ such as _____ training, however _____, there is _____ a fundamental paradox _____. Training remains an absolutely luxury item.

3. International Law

The term "national law" is used to mean the internal legal rules of a particular country, in contrast to international law, which deals with the external relationships of a state with other states. There is _____ no way _____ government or _____ legislature issues _____ and enforces _____ laws that _____ which a _____ nation is a _____ subject. The _____ international legal _____ order has _____ no single _____ governing body _____ and operates _____ by agreement _____ between states _____. This means _____ that the _____ creation, interpretation _____ and enforcement _____ of international law _____ primarily is _____ the responsibility _____ of states _____ themselves. Its scope and effectiveness depend on the sense of mutual benefit and obligation involved in adhering to the rules.

Использование методики Think-Aloud Protocols для выявления стратегий выполнения многоуровневого С-теста**Бабани Э., Пермякова Т.М., Поздеева Е.В.****Ключевые слова:** С-тест, когнитивные стратегии, оценка языковых компетенций, методика «думай вслух»

DOI: 10.17223/19986645/73/1

В данном исследовании рассматривается процесс выполнения многоуровневого С-теста на английском языке. С-тест представляет собой набор коротких текстов, в которых отсутствует часть каждого второго слова. Учащимся необходимо заполнить пропуски, т.е. восстановить тексты до исходного состояния. С-тесты широко используются как надежный инструмент для измерения уровня владения иностранным языком.

При проведении исследования авторы ставили перед собой две цели: 1) определить когнитивные стратегии, которыми пользуются испытуемые-носители русского языка при выполнении многоуровневого С-теста на английском языке; 2) выявить соотношение между частотой использования когнитивных стратегий и уровнем сложности С-теста. В эксперименте приняли участие 20 испытуемых, уровень языковой компетенции каждого из которых был определен как В2 (согласно шкале общеевропейских компетенций владения иностранным языком). Испытуемые выполняли С-тест, состоящий из трех частей, при этом уровень сложности каждой последующей части возрастал от В1 до С2. Для того чтобы определить, какими когнитивными стратегиями испытуемые пользовались при выполнении теста, авторы использовали методику Think-Aloud Protocols или метод «думай вслух».

В результате исследования были выявлены семь когнитивных стратегий, применяемых при выполнении С-теста: «прогнозирование», «использование умозаключений», «стратегия вопроса», «сопоставление / установление связей», «перечитывание / использование подсказок», «выявление проблемы» и «рефлексия». Было установлено, что частота использования различных стратегий меняется в зависимости от уровня сложности текста. Так, например, при выполнении теста уровня В1 наиболее часто применяемыми стратегиями были «использование умозаключений» и «перечитывание / использование подсказок», в то время как при выполнении теста уровня В2 возросла частота использования таких стратегий, как «прогнозирование», «сопоставление / установление связей» и «рефлексия». При выполнении теста уровня С2 наиболее активно используемыми стратегиями были «стратегия вопроса» и «выявление проблемы». Проверка с помощью критерия хи-квадрата позволила сделать вывод, что различия в частоте использования когнитивных стратегий являются статистически значимыми и уровень сложности текста может инициировать использование различных подходов к выполнению С-теста.

Полученные результаты могут оказаться полезными для дальнейших исследований стратегий, применяемых при выполнении тестов, в частности для исследований, проводимых с участием испытуемых-носителей разных языков. Кроме того, полученные результаты могут быть использованы для разработки подходов к изучению иноязычной лексики, обучению чтению и выполнению тестов на иностранном языке, как общего характера, так и с учетом индивидуальных особенностей учащихся.

УДК 81'373.47; 811.112.2'37
DOI: 10.17223/19986645/73/2

В.А. Ефремов

АФФЕКТОНИМЫ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ¹

С опорой на исследования современных восточноевропейских лингвистов впервые проведен анализ русских аффектонимов (ласкательных вокативов) как значимой части эмотивной лексики, речевого этикета и лингвокультуры. Исследование аффектонимов позволяет подробнее описать прагматическую специфику и оттенки эмоционально-оценочного значения обращений, а также выделить некоторые идиоэтнические особенности употребления подобных единиц, связанные как с системой языка и экстралингвистическими характеристиками коммуникации, так и с картиной мира в целом.

Ключевые слова: аффектоним, обращения, речевой этикет, диминутивы, лингвокультурология

Первые десятилетия XXI в. в западной и российской лингвистике прошли под знаком исследования речевой агрессии, риторики ненависти, языка вражды, хейтерства, что было обусловлено актуальными социокультурными факторами. Когда лингвистическая мода на агональное в языке и коммуникации уходит, все чаще появляются работы, созданные в русле так называемой лингвистики примирения (Peace Linguistics), рассматриваемой как важная часть Peace Studies [1] и представленной работами таких ученых, как Д. Кристал, Г. де Матос, А. Кертис, П. Фридрих и др. (подробнее о концептуальном наполнении термина Peace Linguistics в современной лингвистике см. обзор [2]). Весьма показательной представляется часто цитируемая в западных исследованиях мысль Д. Кристала, сформулированная им еще на рубеже веков, о необходимости уточнения задач и подходов современных лингвистических исследований: «В 1990-е годы в обществе сформировалось мнение о том, что принципы, методы, выводы и направления применения лингвистики должны рассматриваться в качестве средств продвижения мира и прав человека на глобальном уровне. Этот подход предполагает необходимость развивать те языковые практики, которые способствуют уважительному отношению как к отдельным носителям языка, так и к языковым сообществам» [3. Р. 254–255].

Исторически первой формой реализации лингвистики примирения как гармонизирующей, устраняющей агрессию языковой практики, был речевой этикет, под которым традиционно понимают социально заданные правила речевого поведения людей в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-112-50096.

общения. В XXI в. в отечественной лингвистике появилось немало работ, объектом изучения которых становились разные аспекты речевого этикета: от учебников [4] и переиздания ставших классическими монографических исследований [5, 6] до фундаментального словаря русского речевого этикета [7].

Вместе с тем в поле зрения отечественных лингвистов практически не попадает такая разновидность коммуникативных единиц, как *аффектонимы* (лат. *affectus* ‘чувство, эмоция’ + греч. *ὄνομα* ‘имя, название’), под которыми подразумевается «обращение (слово или фраза), используемое в ситуациях близкого знакомства, чаще всего (хотя, возможно, не исключительно) в отношениях между супругами, любовниками и в отношениях родителей и детей» [8. С. 165]. Все возрастающий научный интерес к аффектонимам определяется и формирующейся в западной лингвистике исследовательской проблематикой интимного дискурса [9].

Термин *аффектоним* впервые появляется в лингвистических исследованиях в самом конце XX в. Важно отметить, что первоначально автор термина польская исследовательница Э. Вольнич-Павловска в серии работ [10, 11] противопоставила ласковые вокативы по критерию «системность / индивидуальность» и разделила их на две группы: *affectiva* (узуальные мелиоративные единицы типа *любимый, зайка, солнышко*) и *afektonimy* (уникальные, авторские, индивидуальные единицы типа *кукрыксик, карапузенчик, Дэдик, Сахин, Маиушунечка*). Последние Э. Вольнич-Павловска называла также интимными именами, отдельно подчеркивая тот факт, что они являются редкими единицами и не включаются в общие словари. Однако современные восточноевропейские исследователи, в целом считая методологически это различие оправданным, убедительно доказывают через апелляцию к конкретному лексическому и коммуникативному материалу, что граница между аффективами и аффектонимами сильно размыта: так, существуют аффектонимы, которые невозможно однозначно отнести к имени нарицательному или имени собственному (например, появившийся, под данным Национального корпуса русского языка, в самом конце 1990-х гг. *масик* может быть как диминутивной формой мужского имени собственного (*Марк, Матвей, Моисей* или др.), так и дериватом от *масенький* (‘маленький’). Кроме того, известно, что словари славянских языков обычно не включают в свой состав уменьшительные формы второй и третьей степени деривации, что также затрудняет отнесение подобных диминутивных единиц к одной из двух вышеуказанных групп [12. С. 294].

Отечественные исследователи русского речевого этикета уже обращали внимание на то, что «социолингвистическое и культуроведческое исследование обращений охватывает, прежде всего, узуально закрепленные формы и употребления, *однако надо иметь в виду, что в речи возникает и множество окказиональных* (выделено нами. – В.Е.)» [4. С. 94–95]. По-видимому, уникальные, окказиональные аффектонимы (*аффективы* в концепции Э. Вольнич-Павловской) еще ждут своих исследователей.

В отечественном языкознании термин «аффектоним» для обозначения особой формы обращений пока не используется (редчайшее исключение – работа о французском апеллятиве [13]), само это лингвистическое явление почти не изучается (см. работу по немецкому языку [14] и сугубо описательную работу [15]), в то время как в работах польских (см. обзор важнейших из них в [16]) и украинских [17–21] ученых аффектонимы все чаще становятся объектом много- и разноаспектных исследований. В 2010 г. был опубликован первый в мире словарь аффектонимов (более 500 единиц), созданный польскими учеными по результатам широкого интернет-опроса, в котором приняли участие более 1600 пользователей [22].

В Польше же проведено и несколько контрастных исследований, в которых сопоставляются аффектонимы разных, прежде всего славянских, языков. Так, на материале одного из опирающихся на интроспекцию опросов польско- и русскоязычных учащихся магистратуры были выделены самые популярные ласковые обращения: среди польской молодежи это *kochanie, skarbie, kotku, misiu* (любимый, сокровище, котенок, мишка), у русских это *любимый / любимая и сердце* [23]. Интересно сопоставить эти данные, полученные польскими лингвистами, с результатами другого, социолингвистического эксперимента, проведенного среди русскоязычных студентов приблизительного того же возраста (студенты I–III курсов) в Мордовии в 2018 г.: «Респонденты используют в качестве обращения наименование предмета или явления реальной действительности с уменьшительно-ласкательным оттенком и без оттенка (*золотце, рыбка, киска, колбаска, матрешка, принц, принцесса, рыцарь, занозка* и др.). Все опрошенные указали, что называние тех или иных членов семьи носит позитивный характер, что является залогом оптимально доверительных отношений» [24].

Состоя в гипо-гиперонимических отношениях, аффектонимы отличаются от обычных обращений как в семантическом, так и в прагматическом отношении. Во-первых, они актуализируются почти исключительно в близких, в основном двухсторонних отношениях, являясь составной частью герметичного языка пары (супруги, любовники, партнеры по жизни), семьи [25] или очень близких друзей. Хотя использование аффектонимов может выходить за рамки этих отношений (в сторону более широкого круга), они, как правило, имеют гораздо более узкую область применения, чем обычные обращения, используемые в той или иной микро- или макросоциальной группе [26]. Имеются статистические данные, свидетельствующие, что 76% зафиксированных употреблений аффектонимов ориентированы прежде всего на самых близких людей [20. С. 48]. Однако и в кругу близких коммуникантов, в который входят влюбленные (супруги), родители и дети, близкие и дальние родственники, друзья, заметна определенная иерархия в использовании аффектонимов, что предопределено богатым спектром социально-психологических и коммуникативных ролей, всегда существующих в микрогруппах.

Во-вторых, аффектонимы характеризуются сильным эмоциональным прагматическим зарядом и (даже в отрыве от контекста) прототипически

демонстрируют позитивное отношение адресанта, в то время как подавляющее большинство этикетных формул вообще и обращений в частности либо нейтральны [27], либо слабо эмоционально заряжены, рутинны [28], хотя, безусловно, наблюдаются и агрессивные формы обращений.

В-третьих, аффе́ктони́мы как лексико-семантическая группа весьма нестабильны и подвижны. Как следует из результатов анализа речевого материала, проведенного польскими исследователями [8, 10, 29], в лингвокультурах существуют единицы, которые постоянно, на протяжении многих десятилетий, если не веков, используются людьми, состоящими в близких отношениях (ср. в русском языке: *доченька, бабушка, счастье мое* и мн. др.), однако большая часть аффе́ктони́мов используется эпизодически, окказионально, в зависимости от параметров коммуникативной ситуации, известной только участникам взаимодействия. Кроме того, речевой этикет, как и сам язык, постоянно претерпевает изменения, и те аффе́ктони́мы, которые были возможны еще несколько десятилетий назад и могут сохраняться в речи представителей старшего поколения, могут стать причиной коммуникативного сбоя или даже конфликта. Ср. ироническое описание смены аффе́ктони́мов среди близких родственников под воздействием быстротекущей моды: «Я подошел к нему, шаркнул ногой и назвал его, как меня учили, *дорогим дядюшкой*. – Аh ça! – воскликнул он не без удивления и щелкнул у меня пальцем под самым моим носом. – Какой я тебе *дядюшка*? Вздор. Зови меня *mon cousin*. С этих пор я звал его не иначе, как *кузеном*» (М. Шагинян. *Своя судьба*).

В свое время немецкий лингвист Э. Лайзи соотнес специфику именования друг друга влюбленными с древней, магической функцией языка и мифологической верой в «магию имени»: «...человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» [30. S. 27]. Выбор в каждой конкретной коммуникативной ситуации того или иного имени для возлюбленного позволяет перенастроить коммуникативные коды, добиваясь разнообразных прагматических эффектов. В этом смысле показательна переписка Л.О. Брик и В.В. Маяковского, в которой используются абсолютно уникальные обращения (аффе́ктони́мы в первоначальном значении этого термина), так, только в одном коротком письме находим несколько ярчайших примеров: «*Волосеночек мой!* Спасибо, за ласковое письмецо и за то, что думал обо мне в день моего рождения. <...> Люблю тебя, *Щеним!!* Ты мой? Тебе больше никто не нужен? Я совсем твоя, *родной мой детик!* Все-го целую. Лиля» (Письмо Л.Ю. Брик В.В. Маяковскому, середина ноября 1921 г.).

Анализируя ласкательные вокативы польского, французского, испанского и голландского языков, польские исследователи Я. Перлин и М. Милевская [8. S. 166–167] выделили следующие группы аффе́ктони́мов (польские и некоторые испанские примеры взяты из их статьи [8] и дополнены нами английскими и русскими лексемами):

1) названия животных и их частей тела (*kotku, kitten, gatita* ('котенок'), *kisa, птєнчик, хвостик, лапка*);

2) лексемы с архисемой ‘счастье’, ‘любовь’ (*kochanie, my love, amor* (‘любовь’), *счастье мое*);

3) лексемы с архисемой ‘ценное’, ‘дорогое’ (*skarbie, my treasure, tesoro* (‘сокровище’), *золотце, бриллиант*);

4) ласкательные номинации детей (*dzidziu, baby, bebé* (‘детка’), *девчулька, малышка, крохотулька*);

5) названия небесных тел (*śłoneczko, sunshine, sol* (‘солнце/солнышко’), *звездочка, ясочка*);

6) растительная метафора (*kwiateczku, my flower, flor* (‘цветочек’), *розочка, ягодка*);

7) гастрометафора (*cukiereczku, sweetie, bomboncito* (‘конфетка’), *пирожочек, булочка*);

8) имена мифологических и сказочных персонажей (*anioleczku, (little) angel, angelito* (‘ангелочек’), *богиня, муза, Венера, фея, перу*);

9) соматизмы (*serduszko, sweetheart, corazón / corazoncito* (‘сердечко’), *носик, рученька*);

10) номинации высоких титулов (*księżniczka, (my little) princess, princesa* (‘принцесса’), *князюшка, королева, герцогиня, царица*);

11) интеллектуальные, психические и телесные характеристики (*przystojniaku, handsome, guapo* (‘красавчик’), *милашка, умничка, симпатяга*);

12) названия родственников (*matko, tummy, mami* (‘мамочка’), *папенька, внученька, доченька, сыночек, родимый*);

13) лексемы с архисемой ‘мужчина’, ‘женщина’ (*dziewczynko, lass, chica* (‘девушка’), *мужичок, старушечка, девонька*);

14) диминутивные формы собственных имен (*Petri, Pete, Pedrito* (‘Петя’), *Валерочка, Катюша, Санечка*);

15) названия неясной этимологии (польск. *bromba* (выдуманный персонаж детской книги), исп. *arrobo* (‘восторг’); *нусенька, аюшка, зазнобушка*).

Аффектонимы не только выражают эмоции говорящего, но и влияют на адресата, содержат в себе оценочное суждение – все это свидетельствует о том, что рассматриваемые единицы имеют значительный прагматический потенциал. Релевантным является анализ эмоциональной, экспрессивной и оценочной коннотаций как составных частей прагматического компонента значения аффектонимов. Бесспорно, экспрессивный компонент значения аффектонимов неотделим от эмоционального, поскольку они «выражают не только прагматическую установку говорящего на безусловное доведение до адресата значимых акцентов в речи, но неизбежно свидетельствуют об эмоциональном переживании им этих моментов» [31. С. 303]. Оценка, экспрессивность и эмоциональность находят отражение в каждом аффектониме и вызывают у собеседника тот или иной весомый прагматический эффект.

Некоторые аффектонимы как в западной, так и в отечественной этикетной традиции могут выступать в качестве важной части комплимента. Ценность комплимента как элемента речевой деятельности заключается в

том, что он закладывает основу эффективного общения, устанавливает хорошие отношения с адресатом, воздействует на него в пользу адресанта, настраивает на нужный лад, повышает самооценку как адресанта, так и адресата [32]. Нанизывание нескольких аффе́кционимов («Целую тебя всю, голубушка, красавица моя, солнышко мое. Еще и еще, крепко, крепко») (И. Ротин. Приговоренный к разлуке) эксплицирует высокий уровень эмоциональной тональности, передавая максимально положительное, любовное отношение адресанта к адресату.

Опираясь на труды польских и украинских исследователей, можно выделить разные типы коммуникативных реакций на аффе́кционимы, находящиеся внутри двух полюсов: от положительного до негативного реагирования как результата запланированного или незапланированного перлокутивного эффекта.

Украинская исследовательница О.И. Мокляк отмечает, что реакции на аффе́кционимы следует анализировать в двух планах: внешнем, поведенческом и внутреннем, психологическом. Поведенческие реакции могут быть эксплицированы вербально (репликами-ответами) и невербально (паралингвистическими средствами); поведенчески не выраженные – авторским описанием эмоционального состояния собеседника (речь идет о художественном изображении коммуникации) или во внутренней речи адресата [20]. Анализ данных Национального корпуса русского языка позволяет выделить, например, такие типы положительных реакций:

а) Аффе́кционим на аффе́кционим:

«← Танечка... – Мамочка, это моя дочка» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого);

б) Ответные реплики с положительной оценкой:

«← О чем я хотел попросить вас, *папенька*... – вкрадчиво заговорил по-французски Левушка и запнулся. – Вперед знаю, – благосклонно улыбнулся отец и щипнул его ласково за ухо. – Все денежки свои промотал» (В.П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина).

Разумеется, обращения, не соответствующие представлению адресата об их уместности, вызывают негативную реакцию, обусловленную различными причинами: неучетом социальных ролей, прагматики отношений, актуализацией в сознании говорящего и адресата различных значений в процессе восприятия одного и того же обращения: «АБ: – Впрочем, чего не надо, так это говорить о смерти. Это пижонство, *дорогой*. БА: – Обращение «*дорогой*» без всякого повода – это тоже пижонство. Какой я тебе на... *дорогой*! Когда ты меня ненавидишь. АБ: – Я тебя? Помилуй... (А. Битов. Мое сегодня, 29 июля 1962 года).

Негативное восприятие аффе́кционимов может быть выражено через переживания, ощущения адресата, но такое реагирование не всегда поддается стороннему анализу. Обычно собеседник выражает недовольство открыто – вербально или невербально. Отрицательный перлокутивный эффект может быть эксплицирован в ответных репликах следующих типов:

а) синтаксическая конструкция «Я не N», представленная рядом модификаций:

«– Как ты со мной разговариваешь, *детка!* Не слишком ли нагло? – *Не слишком. И я вам не детка!*» (М. Петросян. Дом, в котором...);

б) императивные конструкции «*не называй(те) меня N*» и их модификации:

«– Понимаешь, *радость моя...* – *Только не называй меня своей радостью*, как эту консержку, а то я решу, что ты – Филипп» (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын);

в) высказывания с семантикой враждебности:

«Настя, *доченька*, что ж ты делаешь, а? – Тамара Матвеевна попыталась дотронуться и до нее, но Настя дернулась всем телом. – *Нет, это вы что делаете?!*» (С. Шикера. Выбор натуры).

Невербальными знаками позитивного восприятия аффектонимов могут быть кинестетические (мимические и жестовые признаки радости), проксемические (сокращение дистанции между коммуникантами), такесические (объятия, поцелуи) и звуковые (плач от умиления, смех).

Если анализировать контексты употребления аффектонимов в классической и современной русской литературе (по данным Национального корпуса русского языка), то недовольство выбранным в свой адрес обращением адресат демонстрирует в основном вербально, реакции невербального характера встречаются гораздо реже.

Итак, существуют положительные и отрицательные реакции на употребление аффектонимов. Реакции на них могут быть выражены как лингвистически, так и паралингвистически. При анализе коммуникативного успеха и избегания коммуникативных неудач необходимо учитывать отношения между собеседниками, а также саму коммуникативную ситуацию, в которой они находятся.

Анализируя реальную и художественно реконструируемую практику использования ласковых вокативов, можно сделать вывод, что эмоционально-оценочные оттенки их значений весьма вариативны, что можно проиллюстрировать, например, контекстами употреблений аффектонима *голубчик* в русской литературе XX в.:

симпатия: «– Я к вам по-соседски, – сказал он. – Выручайте, *голубчик*, а то прямо не знаю, что и делать. Пропала моя родительница. Вчера после обеда вышла подышать воздухом и с той поры не возвращалась» (Л. Юзефович. Дом свиданий);

фамильярность: «Ганс, иди-ка, *голубчик*, погуляй по саду. Сними эти доспехи, сейчас и без того жарко... – Она провела рукой по моему лбу. – Вон как ты вспотел!» (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);

снисходительность: «Гость сочувственно положил руку на плечо бедного поэта и сказал так: – Несчастный поэт! Но вы сами, *голубчик*, во всем виноваты. Нельзя было держать себя с ним столь развязно и даже нагло. Вот вы и поплатились» (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

ирония: «Над моими сомнениями по поводу научного и практического коммунизма он просто смеялся, считая, что они от невежества. – Вы, *го-*

лубчик, – иронизируя надо мной, он всегда меня называл голубчиком, – сначала почитайте Маркса, Энгельса, Ленина, потрудитесь вникнуть в суть их размышлений, а потом будете спорить» (В. Войнович. Монументальная пропаганда);

мягкий упрек: «– Старина Канопус, – объяснила с восторгом П. П., – последнее время бзикнулся на знаковых системах... – Молодец старина Канопус, – похвалил К. М. – Сплетите ему венок из пальмы первенства. – Обойдется фикусом, – парировала П. П. – А вы, *голубчик*, – издевательски-просительным голосом продолжала она, – вы пораскиньте-ка своим могучим радио... Подбросьте восьмушку мыслишек про знаковые системы, чтоб я могла устать этого проклятого энциклопедиста» (И. Адамацкий. Утешитель);

агрессия: «В первый же рабочий день к новому заведующему наведалься Паровоз. – Давайте знакомиться, – сказал он и выложил на стол аккуратную пачку банковских билетов достоинством в сто рублей. Сумасшедший сказал: – Уберите свои деньги и подите, *голубчик*, вон. – А если ты будешь кобениться, сучонок, то я тебя замочу! Сумасшедший сказал: – Значит, такая моя судьба (В. Пьецух. Русские анекдоты).

Широкий прагматический потенциал аффектонимов, безусловно, предопределен доминирующей ролью коннотации в их семантической структуре. Коннотативный макрокомпонент ласкательных вокативов можно представить как совокупность тесно связанных между собой микрокомпонентов: эмоционального, экспрессивного и оценочного. Эти прагматично нагруженные элементы, с одной стороны, эксплицируют отношение говорящего к адресату, что отражено в ряде оттенков эмоционально-оценочного значения аффектонимов, с другой – способствуют достижению желаемого перлокутивного эффекта.

Итак, как отмечал В.Е. Гольдин, обращения – это одно «из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения» [6. С. 29]. Среди универсальных характеристик аффектонимов можно выделить следующие: (1) высокая степень экспрессивности (иногда выявляемая уже в только диахроническом аспекте); (2) мелиоративность; (3) эмоциогенность; (4) широкий спектр прагматических значений; (5) реализация фатической и апеллятивной функции языка.

В связи с практически полным отсутствием работ, посвященных отдельно, самостоятельному анализу ласкательных вокативов русского языка, представляется интересным исследовать специфические особенности именно русских аффектонимов в лингвокультурологическом аспекте: как известно, представители «русского стиля вербальной коммуникации» «демонстрируют значительную степень близости в вербальном контакте» [33. Р. 429], которая далеко не в последнюю очередь и определяется выбором такого фатического средства, как обращение.

Русские аффектонимы – это прежде всего имена нарицательные (и их сочетания с притяжательными местоимениями типа *солнце мое, наш кра-*

савчик), хотя особую для русского речевого этикета роль играют разнообразные диминутивные формы имен собственных (об именах собственных в аспекте диминутивов см., например, классическую работу Д. Джурафски [34], об уменьшительно-ласкательных формах русских имен – отдельное исследование А. Вержбицкой [35], а также недавнюю коллективную монографию «Unconventional Anthronyms» [36]). Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и такое специфически русское грамматическое явление, как второй звательный падеж [37].

Самостоятельной проблемой отечественной лингвистики становится лексикографическая интерпретация обращений [38], в том числе и аффектонимов: «В общем и целом в толковых словарях при описании обращений компоненты речевой ситуации (фактор адресанта, фактор адресата, обстановка, тональность, способ общения, иллюкутивная цель) так или иначе находят отражение. Однако в конкретных словарных статьях сведения эти часто представлены неполно и непоследовательно. Например, слово *дружнице* толкуется следующим образом: **Дружнице**, -а, м. Разг. Дружеское обращение к кому-л. (МАС: т. 1, с. 449). Такое толкование не учитывает важнейших параметров описания обращений, прежде всего факторов адресанта и адресата, соответственно, не определяет правил его узуального употребления» [39. С. 16].

Несмотря на то, что в отечественной лексикографии пока отсутствуют словари аффектонимов, некоторое, в первом приближении представление о составе этой группы можно получить, анализируя данные «Словаря русского речевого этикета» А.Г. Балакая: подраздел «Обращения, включение внимания» содержит 1789 лексем, из которых к ласковым вокативам относятся не менее 1030 [7. С. 592–610].

Итак, используя в качестве материала исследования данные словаря А.Г. Балакая и Национального корпуса русского языка, охарактеризуем ряд наиболее ярких особенностей русских аффектонимов – от системы языка через коммуникацию к картине мира, от системных (словообразовательных) и функционально-коммуникативных (ироническая оценка и гендерная спецификация) к собственно лингвокультурологическим (отражение эпохи и традиционной языковой картины мира).

Наиболее яркая идиоэтническая особенность русских аффектонимов, предопределенная самой системой языка, – **богатая деривация**. Множество ласкательных вокативов образуется с помощью диминутивных суффиксов, среди которых особняком стоят малопродуктивные, сугубо экспрессивные суффиксы, не выражающие уменьшительность: *-ан(я)*, *-аш(а)*, *-еньк(а)*, *-ушк(а/о)*, *-оньк(а)*, *-он(я)*, *-ул(я)*, *-ун(я)*, *-ус(я)*, *-уш(а)*, *-ушек*: «...использование большинства из этих суффиксов сейчас ограничено в основном обращениями в языке влюбленных, членов семьи, нянь, гипокористическими именами собственными: *Катенька*, *Никитушка*, *лапушка*, *детонька*, *кисонька*, *кисуля*» [40. С. 69].

В системе русских ласкательных вокативов выделяется словообразовательное гнездо *брат-*, включающее в себя, по данным «Словаря русского

речевого этикета» А.Г. Балакая, не менее 55 литературных, диалектных, просторечных, жаргонных и жаргонизированных номинаций: *братак, братан, братанушко, братанчик, братанька, братаня, братаха, браташ, браташа, братейка, братейко, братейник, брателка, брательник, братена, братенек, братеник, братенко, братень, братенька, братеня, братец, братечек, братечко, братик, братику, братило, братич, братичка, братиш, братишечка, братишечко, братишка, братишко, братище, братка, братке, братко, браток, браточек, браточка, братулька, братулюшка, братуля, братуха, братуша, братушка, братченька, братчик, братька, братьюшка, братюн, братьяга, братьяха* и *брат-паря* [7].

Этот синонимический ряд демонстрирует широкую палитру коннотаций и потенциально может использоваться едва ли не в любых коммуникативных актах, выражая снисходительность, фамильярность, сочувствие и иные оттенки эмоционально-оценочных значений. Полагаем, что такое богатство дериватов именно этого корня неслучайно: для русского традиционного (патриархатного) общества актуализация, пусть и метафорическая, между коммуникантами родственных связей имеет значение. Стоит подчеркнуть и гомогендерный, сугубо маскулинный (от мужчины к мужчине) характер дискурсивного использования большинства названных единиц.

(Еще одним доказательством андроцентричности русского языка может стать и следующий факт: по данным того же словаря А.Г. Балакая, в русском языке для обращения к бабушке зафиксировано лишь 20 дериватов корня *-баб-*, к матери – 29 аффектонимов с корнем *мам-*.)

Иногда прагматический эффект аффектонима может усиливаться фонетическими изменениями лексемы, создающими аллюзию на детский язык, например: «...здоров ли ты, моя радость; весел ли ты, моя прелесть – помнишь ли нас, друзей твоих (мужеского полу) <...> ... напишешь ли мне, мой *холосенький*. Поговори мне о себе – о военных поселеньях. Это всё мне нужно – потому, что я люблю тебя – и ненавижу деспотизм. Прощай, лапочка» (Письмо А.С. Пушкина П.Б. Мансурову от 27 октября 1819 г.).

В этом же примере отражена и другая важная функционально-коммуникативная особенность русских аффектонимов – **создание иронии**. Семантическое наполнение вокатива максимально зависит от коммуникативных намерений говорящего: значение одного и того же аффектонима определяется интонацией, чувствами и оценками адресанта, тем, как и при каких обстоятельствах оно используется: «Обращение в функциональном отношении действенно. Оно, с одной стороны, позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи. С другой – в аппелятиве часто выражается отношение говорящего к адресату» [41. С. 115].

Ирония как особый вид прагматического воздействия может создаваться аффектонимами, которые способны актуализировать шуточные обертоны значения: «– Вот, *голубчики*, краткая и поучительная история всех «романистов», – заключил сидевший с нами пожилой инженер, всегда спокойный, ровный, не терявший и в тюрьме юмористического отношения к

окружающему, хотя он уже больше года мыкался в тюрьме» (В.В. Чернавин. Записки «вредителя»). В каком-то смысле использование исторически мелиоративных аффектонимов в ироническом ключе отражает известную особенность эволюции лексической системы и языка вообще, сформулированную в середине XX в. Г. Барнеттом: «Никакие инновации не возникают из ничего; у них должны быть предшественники, и их всегда можно отследить при условии, что имеется достаточно данных для анализа. Следовательно, инновация – это новая комбинация чего-то, а не ощущение, что это что-то возникает из ничего» [42. Р. 181].

Сама по себе ироническая тональность ни в коем случае не противоречит природе аффектонимов и может сопровождать самые высокие чувства влюбленности и обожания: «*Мой ангел, я писал тебе сегодня, выпрыгнув из коляски и одурев с дороги. <...> Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажженный пунш с ананасами – и всё за твое здоровье, красота моя. <...> Ух, женка, страшно! теперь следует важное признание. <...> Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю. <...> Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку – я всё еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало. *Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro*» (Письмо А.С. Пушкина Н.Н. Гончаровой от 2 сентября 1833 г.).*

Однако в некоторых случаях употребление старинных, характерных для речевого этикета XIX в. аффектонимов может привести не только к коммуникативной неудаче, но и к тому, что в современных исследованиях называется «антиэтикетные трансформации формул, характерных для речевого этикета в XIX веке» (концепция А.А. Баталова, Н.Л. Огуречниковой [43]): «У нас была одна знакомая, юная женщина замужем за пожилым человеком. Она была так внешне старомодна и придерживалась настолько устаревшего стиля, что Валя, старше её лет на тридцать, безуспешно призывала: – Ниночка, *душечка*, да срежьте вы наконец эти букли к чёртовой матери» (С. Спивакова. Не всё).

Обычно всё же близкие коммуниканты, употребляя аффектонимы, пытаются создать благоприятную, доброжелательную атмосферу, поэтому лишь изредка используют подобные коммуникативные единицы для того, чтобы выразить свое негативное отношение к собеседнику.

В некоторых лингвокультурах (например, англоязычной или китайской) гендерная акцентуация аффектонимов выражена слабо, так как многие подобные единицы могут быть употреблены в адрес и мужчины и женщины (ср., например, гендерно нейтральные *dear, darling, honey, 亲爱的* (‘дорогой / дорогая’)). Русские аффектонимы сильнее **гендерно маркированы** хотя бы потому, что использование в качестве (или в составе) вокатива таких прилагательных, как *благословенный / благословенная, дорогой / дорогая, любименький / любименькая* и мн. др., облигаторно предполагает выбор мужского или женского грамматического рода в зависимости от гендера адресата.

Интересно, что существует несколько десятков аффектонимов, которые, по данным Национального корпуса русского языка, на протяжении последних двух веков могли или могут употребляться в межгендерной коммуникации обоюдноравноправно (от мужчины к женщине и от женщины к мужчине), правда, необходимо учитывать, что в некоторых случаях речь идет о коммуникации исключительно с детьми, например: *ангел, ангелочек, головушка, голуба, детка, детонька, деточка, дитячко, дружочек, дурашка, душа, душенька, душечка, душка, зайнышка, зайка, золотко, золото, золотце, котеночек, котик, кровиночка, кровинушка, крошечка, крошка, лапа, лапонька, лапочка, лапушка, малышка, малютка, малюточка, паинька, птенчик, пусенька, роднуля, рыбка, светик, сердечко, сокровище, солнце, солнышко, соседушка*. Можно предположить, что некоторые из приведенных аффектонимов утратили гендерную (и даже возрастную) маркированность в ходе эволюции русского речевого этикета: степень их гендерной маркированности в истории языка и культуры – предмет отдельного интересного исследования.

Кроме того, гендерная специфика русских аффектонимов сказывается и в их употреблении и восприятии. Польские исследователи установили, что список наиболее популярных ласковых вокативов напрямую зависит от гендерной принадлежности коммуникантов: списки употребляемых и ожидаемых в свой адрес ласковых аффектонимов у мужчин и женщин отличаются [44]. Восприятие любых обращений респондентами детерминировано гендерными особенностями и гендерными стереотипами коммуникативного поведения, например сдержанностью, характерной для маскулинной коммуникации, и эмоциональностью, присущей женской речи.

Аффектонимы эксплицируют не только гендерную составляющую коммуникации, но и **специфику речевого этикета того или иного конкретного периода**. В продолжающем идеи известного канадского социолога И. Гоффмана кросс-культурном социолингвистическом и отчасти антропологическом исследовании П. Браун и С. Левинсона, посвященном лингвистическим аспектам вежливости, сформулирована интересная мысль о том, что «этикетные формулы представляют собой важный, центральный элемент наивных представлений об этикете и о различии между личным тактом и «позиционной» вежливостью» [45. Р. 43]. В этом смысле использование аффектонимов крайне важная сторона речевого этикета, в которой, несомненно, реализуются представления адресанта о такте и вежливости в самой интимной сфере общения.

Например, в диахроническом аспекте использование диминутивов в апеллятивной функции – старинная форма русского речевого этикета, не только устного, но и письменного. Исследователями уже отмечалось, что в русском эпистолярии XVII в. можно обнаружить такую интересную черту, как использование в деловой переписке диминутивов в форме обращений, но не в качестве аффектонимов(!): «...они служили средством выражения уважения пишущего к адресату письма. Наименования лиц, обладающие оттенком ласкательности, употреблялись почти всегда вместе с именем

адресата. За их посредством авторы писем уместно выражали свою благодарность и подчеркивали свое положительное отношение к лицу, к которому обращались, и к его родственникам: А похощь *гсдрь мои батюшка* ведат <...> про здорове гсдря моего дедушка Ивана Федоровича (МДБП 25); Умилосердеся *гсдрь дядюшка Андреи Иличь* вели записат челобитье (ПРНЯ 31)» [46. С. 132]. В связи с этим интересны рассуждения И.В. Фуфаевой о различных функциях употребления этикетных диминутивов в разных типах дискурсов в современном этикете: в равноправной коммуникации диминутивы выражают учтивость и вежливость, в иерархической – «заискивание, подобострастие, задабривание» [47. С. 105].

Привычные современному носителю русского языка и культуры формы взаимодействия в самом тесном социальном круге (семье) также когда-то могли иметь иные способы вербализации. Как убедительно доказано в недавнем исследовании [48], лексема *мама* и ее производные до конца XVIII в. практически не использовались в привычной для современника функции аффектонима и вообще почти не относились к матери, а если и использовались в функции обращения, то прежде всего к кормилицам и нянькам (и даже надзирательницам над ними!). Современное же использование лексемы *мама* в качестве аффектонима к родительнице фиксируется в русской словесности впервые в речи простолюдинов: «Бросясь на шею сына, я мальчишку задавила бы, если бы у меня его не отняли. «Мне ничего, *мама*, я здоровехонек! Но жаль, если не оживет мой спаситель!» – укаывая на писаря, сказал мне Володя. Тут я узнала, что сын мой, не умея плавать, зашел далеко, попал в яму, выбился из сил и уж скрылся под водою...» (И.Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838–1844). Более того, долгое время в дворянской среде аффектоним *мама* произносился на французский лад, с ударением на последний слог [49], что также служит отражением специфики речевого этикета XIX в. и что важно учитывать как в лингвокультурологическом аспекте, так и в аспекте восприятия художественных текстов ушедшей эпохи. Интересен и тот факт, что «слово *маменька*, которое выглядит как производное от *мама*, стало активно использоваться в значении ‘мать’ раньше, чем *мама*» [48. С. 92].

Безусловно, идиоэтническая особенность аффектонимов любого языка, в том числе и русского, связана с **отражением традиционной языковой картины мира**. Как было отмечено выше, часть русских аффектонимов имеет затемненную внутреннюю форму, что создает особый научный интерес для специалистов. Зачастую происхождение и варианты употребления в прошлом того или иного элемента речевого этикета для современных носителей языка, привыкших пользоваться ими автоматически, неосознаваемы, хотя при более пристальном анализе позволяют вскрыть определенные пласты лингвокультуры (ср. хрестоматийный сюжет о происхождении и рецепции современным человеком лексемы *спасибо*, практически полностью утратившей в литературном языке и повседневном этикете религиозные коннотации).

В качестве иллюстрации того, как аффектоним отражает фрагменты за бытой ныне народной картины мира, можно привести следующий пример.

В критическом разборе нового академического словаря В.В. Виноградов отдельно останавливается на лексикографировании слова *лапушка*, критикуя словарную традицию его подачи в качестве сугубо «ласкового обращения». Эта традиция восходит к словарю В.И. Даля, который первым интерпретировал и описал слова *лапушка* и *лапочка* как диминутивные образования от *лапа*. Однако, по мнению академика, если обратиться к работам этнографов и фольклористов конца XIX – начала XX в., то не останется никаких сомнений в том, что *лапушка* – это результат весьма характерной для традиционной (в первую очередь крестьянской) картины мира метафоризации ‘человек – растение’ и ее частного варианта ‘девушка – цветок’. Одно из диалектных значений слова *лапушка* – это ‘клевер’, цветы которого в фольклоре описываются разнообразными оттенками красного цвета. Следовательно, В.В. Виноградов реконструирует следующую семантическую эволюцию слова: «...красный цвет ассоциируется в представлении народа с образом женщины <...> *лапушка* стала символом женщины, а затем потеряла в некоторых местах свое первоначальное значение и сделалась ласкательным словом» [50. С. 15].

В некоторых случаях мертвая внутренняя форма аффектонима может быть связана с ареалом заимствования и языком-источником. Так, гендерно обоюдная лексема *пайнька* также относится к группе названий неясной этимологии, на что напрямую указывает историко-этимологический словарь: «**Пай** – «хороший, послушный, образцовый ребенок». **Пайнька** – тж. только русское, сначала (в XIX в.) м. б., даже только петербургское. Ср. у Даля (III, 5): **пай**, **пайнька** – петерб., чухонск. «умник», «послушный (говор. дитяти). <...> Даль, надо полагать, был прав, указывая на финский источник этого несомненно заимствованного слова. Ср. с фин. детск. *rai* – «послушный»; ср. *raija* – «игрушка», *raijata* – «ласкать» (ребенка) и др.» [51. Т. 2. С. 615]. Необходимо отметить, что затемненная внутренняя форма аффектонима никак не мешает его употреблению в повседневной приватной коммуникации.

Итак, в современных восточноевропейских исследованиях достаточно хорошо проанализирована прежде всего коммуникативная природа аффектонимов, которые, несмотря на ярко выраженную интимность, маркируют не только узкий круг близких людей (влюбленные, супружеские пары, родители и дети), но и повседневные речевые взаимодействия между знакомыми и (иногда) незнакомыми людьми, направленные прежде всего, хотя и не исключительно, на формирование благоприятного фона доверия и взаимопонимания.

Однако в результате проведенного исследования можно утверждать, что аффектонимы как часть языковой системы и речевого этикета позволяют исследовать их и в более широком, лингвокультурологическом аспекте с целью выявления в них отражения идиоэтнической специфики той или иной языковой картины мира. Так, представленный анализ русских аффектонимов эксплицирует такие особенности русской лингвокультуры и коммуникации, как любовь к диминутивам, ироническая тональность коммуникации и гендерная спецификация фатических средств, текучесть и

хронологическая маркированность речевого этикета, а также его глубинная связь с традиционной, народной картиной мира.

Когда в начале XXI в. основатель лингвистики примирения (Peace Linguistics) Гомес де Матос ввел в науку понятие «коммуникативное умиротворение (communicative peace)», он определил его как «конструктивное общение в духе человеческого достоинства» [52. Р. 343]. Думается, что дальнейшие исследования аффектонимов можно продолжать не только в лингвокультурологическом или функционально-коммуникативном аспекте, но и под знаком лингвистики, направленной на гармонизацию межличностных отношений.

Литература

1. *Friedrich P.* English for peace: Toward a framework of peace sociolinguistics // *World Englishes*. 2007. № 26 (1). P. 72–83.
2. *Curtis A.* Re-defining Peace Linguistics: Guest Editor's Introduction // *TESL Reporter*. 2018. № 51 (2). P. 1–9.
3. *Crystal D.* A dictionary of language. Chicago : The University of Chicago Press, 1999. 390 p.
4. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Русский язык, 2002. 216 с.
5. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М. : URSS : КомКнига, 2006. 160 с.
6. *Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. М. : URSS, 2009. 136 с.
7. *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. М. : АСТ-Пресс, 2001. 672 с.
8. *Perlin J., Milewska M.* Afektonimy w polskim, francuskim, hiszpańskim i niderlandzkim. Analiza morfologiczna i semantyczna // *Acta Universitatis Wratislaviensis. Język a kultura*. T. 14. Wrocław, 2000. S. 165–173.
9. *Clancy B.* Investigating Intimate Discourse: Exploring the spoken interaction of families, couples, and friends. L. : Routledge, 2016. 194 p.
10. *Wolnicz-Pawłowska E.* Przewiska intymne w najnowszej polszczyźnie. Cz. 1. Affectiva // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie* 7. *Prace Językoznawcze*. 1997. Z. 1. S. 71–93.
11. *Wolnicz-Pawłowska E.* Przewiska intymne w najnowszej polszczyźnie. Cz. 2. Afektonimy i przewiska rzadkie. Cz. 3. Słowotwórstwo // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie* 12. *Prace Językoznawcze*. 1998. Z. 2. S. 102–114.
12. *Wojciechowska A.* Afektonimy jako przedmiot badań lingwistycznych (na materiale listów Wojciecha Kossaka do żony) // *Stylistyka XXVI*. Zielona Góra, 2017. S. 291–304.
13. *Ларченкова Е.В.* Обращение и призыв как речевые акты (на материале французского языка) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. Филологические науки. 2015. № 5. С. 125–130.
14. *Трофимова Н.А.* Ласкательные вокативы: деривационный аспект // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2014. № 1. С. 95–103.
15. *Леонтьева Л.Е.* Эмоционально-оценочная характеристика вокативных высказываний в дискурсе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 3 (218). Филология. Искусствоведение. Вып. 50. С. 89–92.
16. *Марлена А.С.* У любви не одно имя: об аффектонимах в языке русской и польской молодёжи : магистерская диссертация. Сосновец, 2017. 125 с.
17. *Григораш С.М.* Лексика інтимної сфери життя людини (номінації осіб): структурно-семантичні особливості // *Вісник Житомирського державного університету. Філологічні науки*. 2013. Вип. 6 (72). С. 261–265.

18. *Mygovych I.V.* Secondary nomination in the modern English language: affective lexical units // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2013. № 3. С. 206–214.
19. *Гнат Н.Г.* Аффектоніми в спілкуванні закоханих: засоби вираження та особливості вживання (на матеріалі епістолярію українських письменників ХХ століття) // Тези доповідей VII Регіональної наукової конференції. Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2014. С. 12–14.
20. *Мокляк О.И.* Лінгвопрагматичні характеристики українських аффектонімів: дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2015. 283 с.
21. *Мокляк О.И.* Морфологічні засоби посилення впливового ефекту аффектонімів // Лінгвістичні дослідження. Полтава, 2017. Вип. 45. С. 91–96.
22. *Vańko M., Zygmunt A.* Czułe słówka. Słownik afektonimów. Warszawa, 2010. 152 s.
23. *Rudyk A.* O afektonimach w języku polskim i rosyjskim // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica 9. 2013. S. 89–98.
24. *Мосолова Г.П.* Проблема выражения обращений в условиях современной речевой действительности // Актуальные проблемы современной методики преподавания русского языка в школе и вузе. Саранск, 2018. С. 308–312.
25. *Рисинзон С.А.* Система этикетных действий семейного общения // Филология и человек. 2009. № 3. С. 29–36.
26. *Staroń J.* Afektonimy w najnowszej polszczyźnie // Roczniki Humanistyczne. 2013. T. 61. Z. 6. S. 109–119.
27. *Cieslikowa A.* Miejsce przezwiska w systemie antroponimicznym (historia a współczesność) // Przewiska i przydomki w językach słowiańskich. Cz. 1. Lublin, 1998. S. 71–80.
28. *Glušac M., Mikić Čolić A.* Linguistic functions of the vocative as a morphological, syntactic, and pragmatic-semantic category // Jezikoslovlje. 2018. № 18. S. 447–472.
29. *Olma M.* Językowo-kulturowy obraz arystokratycznej rodziny polskiej drugiej połowy XIX wieku na podstawie korespondencji rodzinnej Heleny i Mieczysława Pawlikowskich. Kraków, 2014. 326 s.
30. *Leisi E.* Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. 167 s.
31. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997. 720 с.
32. *Брутян Л.Г.* Культурный код комплимента // Когниция, коммуникация, дискурс. 2014. № 8. С. 8–19.
33. *Shmelev A.* Russian language-specific words in the light of parallel corpora // Meaning, Life and Culture in conversation with Anna Wierzbicka / ed. by H. Bromhead, Zh. Ye. ANU Press, 2020. P. 403–421.
34. *Jurafsky D.* Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive // Language 1996. Vol. 72, № 3. P. 533–578.
35. *Wierzbicka A.* Personal names and expressive derivation // Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York : Oxford University Press, 1992. P. 225–307.
36. *Unconventional Anthroponyms: Formation Patterns and Discursive Function* / ed. by O. Felecan, D. Felecan. Cambridge, 2014. 521 p.
37. *Janda L.A.* Name-calling: The Russian 'new Vocative' and its status // Perspectives on Language Structure and Language Change. Current issues in linguistic theory 345. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 381–394.
38. *Плотникова А.М.* Вокативность как словарная и прагматическая характеристика слова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 58–65.
39. *Балакай А.А.* Этикетные обращения: Функционально-семантический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Новокузнецк, 2005. 22 с.

40. Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 258 с.
41. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
42. Barnett H.G. Innovation: The Basis of Cultural Change. New York : McGraw-Hill Book Company, 1953. 462 p.
43. Баталов А.А., Огуречникова Н.Л. Особенности русского речевого этикета XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 2(80), ч. 2. С. 285–290.
44. Vaiño M. Jak opracować słownik afektonimów? URL: <https://docplayer.pl/106782527-Jak-opracowaae-słownik-afektonimow.html> (дата обращения: 28.05.2021).
45. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987. 345 p.
46. Каминьска А. О способах выражения суффиксальными существительными со значением лица (на материале деловой письменности XVII века) // Стил. 2006. С. 129–136.
47. Фуфаева И.В. Метафора малого: русские диминутивы. М. : ПГУ, 2020. 270 с.
48. Опачанова А., Добрушина Н. Мама // Два века в двадцати словах. М., 2016. С. 72–92.
49. Еськова Н.А. Ма́ма, па́па – мама́, папа́: (О знаке ударения) // Русская речь. 2004. № 2. С. 121–122.
50. Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
51. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1994.
52. Gomes de Matos F. Harmonizing and humanizing political discourse: The contribution of peace linguists // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2000. № 6 (4). P. 339–344.

Affectonyms: Semantics, Pragmatics, and Cultural Linguistics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 18–37. DOI: 10.17223/19986645/73/2

Valerii A. Efremov, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: valefu@yandex.ru

Keywords: affectonym (affectionate vocatives), vocative, diminutives, etiquette, cultural linguistics.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-112-50096.

The article analyses Russian affectonyms (affectionate vocatives) as an important part of emotive vocabulary, speech etiquette, and linguistic worldview. Affectonyms are a unique phenomenon of the language system. Despite their high level of intimacy, they indicate not only a tight circle of close people (lovers, married couples, parents and children), but also everyday communication between acquaintances and, occasionally, strangers. The main pragmatic goal of affectionate vocatives is to form the favorable climate of trust and mutual understanding. The analysis of affectonyms as universal and ideo-ethnic entities is based on the concepts of modern East European linguists. There are some basic universal characteristics of affectonyms: (1) they have a high degree of expressiveness sometimes revealed only in the diachronic aspect; (2) from a historical perspective, they are a product of melioration of lexical meaning; (3) they demonstrate the emotiogenicity as the ability to evoke an emotional state in a recipient; (4) the range of their pragmatic meanings is extremely wide; (5) they implement phatic and appellative functions of language. The analysis of the data of the Russian National Corpus allows to drawing a number of conclusions about additional semantic and

pragmatic meanings of affectonyms, including the following: affection, familiarity, condescension, irony, reproach, soft and extreme aggression. The detailed comparative analysis of the *Dictionary of Russian Speech Etiquette* by A.G. Balakay and the data of the Russian National Corpus reveals some unique features of Russian affectonyms: (1) they have rich word derivation, especially due to diminutive forms; (2) they are closely related to the traditional linguistic picture of the world, which is sometimes quite obscure for native speakers; (3) they always reflect the rules of etiquette of a particular time; (4) they have gender specification, represented by gender neutral/specific and gender fluid (diachronically) names; (5) they are actively used for creating ironic senses. The findings suggest that this research could also be useful for a future study into a new linguistic direction (Peace Linguistics), which is part of the interdisciplinary Peace Studies.

References

1. Friedrich, P. (2007) English for peace: Toward a framework of peace sociolinguistics. *World Englishes*. 26 (1). pp. 72–83.
2. Curtis, A. (2018) Re-defining Peace Linguistics: Guest Editor's Introduction. *TESL Reporter*. 51 (2). pp. 1–9.
3. Crystal, D. (1999) *A dictionary of language*. Chicago: The University of Chicago Press.
4. Formanovskaya, N.I. (2002) *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod* [Verbal communication: a communicative-pragmatic approach]. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Formanovskaya, N.I. (2006) *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. Moscow: URSS: KomKniga.
6. Gol'din, V.E. (2009) *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Address: theoretical problems]. Moscow: URSS.
7. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow: AST-Press.
8. Perlin, J. & Milewska, M. (2000) Afektonimy w polskim, francuskim, hiszpańskim i niderlandzkim. Analiza morfologiczna i semantyczna. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Język a kultura*. 14. pp. 165–173.
9. Clancy, B. (2016) *Investigating Intimate Discourse: Exploring the spoken interaction of families, couples, and friends*. London: Routledge.
10. Wolnicz-Pawłowska, E. (1997) Przezwiska intymne w najnowszej polszczyźnie. Cz. 1. Affectiva. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie 7. Prace Językoznawcze*. 1. pp. 71–93.
11. Wolnicz-Pawłowska, E. (1998) Przezwiska intymne w najnowszej polszczyźnie. Cz. 2. Afektonimy i przezwiska rzadkie. Cz. 3. Słowotwórstwo. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie 12. Prace Językoznawcze*. 2. pp. 102–114.
12. Wojciechowska, A. (2017) Afektonimy jako przedmiot badań lingwistycznych (na materiale listów Wojciecha Kossaka do żony). *Stylistyka*. XXVI. pp. 291–304.
13. Larchenkova, E.V. (2015) Address and appeal as speech acts (by the material of the French language). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 5. pp. 125–130. (In Russian).
14. Trofimova, N.A. (2014) Affective vocatives: derivational aspect. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1. pp. 95–103. (In Russian).
15. Leont'eva, L.E. (2011) Emotional and evaluative characteristics of vocative statements in discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 3 (218):50. pp. 89–92.
16. Marlena, A.S. (2017) *U lyubvi ne odno imya: ob affektonimakh v yazyke russkoy i pol'skoy molodezhi* [Love has more than one name: about affectonyms in the language of Russian and Polish youth]. Master's thesis. Sosnovets.

17. Grigorash, S.M. (2013) Leksika intimnoi sferi zhittya lyudini (nominatsii osib): strukturno-semantichni osoblivosti [Vocabulary of the intimate sphere of human life (nominations of persons): structural and semantic features]. *Visnik Zhitomir's'kogo derzhavnogo universitetu*. 6 (72). pp. 261–265.
18. Mygovych, I.V. (2013) Secondary nomination in the modern English language: affective lexical units. *Visnik LNU imeni Tarasa Shevchenka*. 3. pp. 206–214.
19. Gnat, N.G. (2014) [Affectonyms in the communication of lovers: means of expression and features of use (based on the epistolary of Ukrainian writers of the 20th century)]. *Tezi dopovidey VII Regional'noi naukovoï konferentsii* [Abstracts of the VII Regional Conference]. Kharkiv: KhNU im. V.N. Karazina. pp. 12–14. (In Ukrainian).
20. Moklyak, O.I. (2015) *Lingvopragmatichni kharakteristiki ukraïns'kikh afektonimiv* [Linguopragmatic characteristics of Ukrainian affectonyms]. Philology Cand. Diss. Kyiv.
21. Moklyak, O.I. (2017) Morfolozhichni zasobi posilennya vplivovogo efektu afektonimiv [Morphological means of enhancing the influential effect of affectonyms]. *Lingvistichni doslidzhennya*. 45. pp. 91–96.
22. Bańko, M. & Zygmunt, A. (2010) *Czule słówka. Słownik afektonimów*. Warszawa: PWN.
23. Rudyk, A. (2013) O afektonimach w języku polskim i rosyjskim. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica*. 9. pp. 89–98.
24. Mosolova, G.P. (2018) Problema vyrazheniya obrashcheniy v usloviyakh sovremennoy rechevoy deystvitel'nosti [The problem of the expression of appeals in the conditions of modern speech reality]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v shkole i vuze* [Topical issues of modern methods of teaching the Russian language at school and university]. Saransk: [s.n.]. pp. 308–312.
25. Risinzon, S.A. (2009) Sistema etiketnykh deystviy semeynogo obshcheniya [System of etiquette actions of family communication]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 29–36.
26. Staroń, J. (2013) Afektonimy w najnowszej polszczyźnie. *Roczniki Humanistyczne*. 61 (6). pp. 109–119.
27. Cieslikowa, A. (1998) Miejsce przerwiska w systemie antroponomicznym (historia a współczesność). *Przewiska i przydomki w językach słowiańskich*. Cz. 1. pp. 71–80.
28. Glušac, M. & Mikić Čolić, A. (2018) Linguistic functions of the vocative as a morphological, syntactic, and pragmatic-semantic category. *Jezikoslovlje*. 18. pp. 447–472.
29. Olma, M. (2014) *Językowo-kulturowy obraz arystokratycznej rodziny polskiej drugiej połowy XIX wieku na podstawie korespondencji rodzinnej Heleny i Mieczysława Pawlikowskich*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie.
30. Leisi, E. (1978) *Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung*. Heidelberg: Quelle und Meyer.
31. Nikitin, M.V. (1997) *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Linguistic Semantics Course]. St. Petersburg: Nauchnyy tsentr problem dialoga.
32. Brutyan, L.G. (2014) Cultural code of a compliment. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs – Cognition, Communication, Discourse*. 8. pp. 8–19. (In Russian).
33. Shmelev, A. (2020) Russian language-specific words in the light of parallel corpora. In: Bromhead, H. & Ye, Zh. (eds) *Meaning, Life and Culture in conversation with Anna Wierzbicka*. ANU Press. pp. 403–421.
34. Jurafsky, D. (1996) Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive. *Language*. 72 (3). pp. 533–578.
35. Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York: Oxford University Press. pp. 225–307.
36. Felecan, O. & Felecan, D. (eds) (2014) *Unconventional Anthroponyms: Formation Patterns and Discursive Function*. Cambridge University Press.
37. Janda, L.A. (2019) Name-calling: The Russian 'new Vocative' and its status. In: Heltoft, L. et al. (eds) *Perspectives on Language Structure and Language Change. Current issues in linguistic theory 345*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. pp. 381–394.

38. Plotnikova, A.M. (2015) Vocativity as dictionary and pragmatic characteristic of a word. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2. pp. 58–65. (In Russian).
39. Balakay, A.A. (2005) *Etiketnye obrashcheniya: Funktsional'no-semanticheskiy i leksikograficheskiy aspekty* [Etiquette addresses: Functional-semantic and lexicographic aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novokuznetsk.
40. Fufaeva, I.V. (2017) *Ekspressivnye diminutivy v usloviyakh konkurentsii s neytral'nymi sushchestvitel'nymi* [Expressive diminutives in competition with neutral nouns]. Philology Cand. Diss. Moscow.
41. Arutyunova, N.D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [Human language and world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
42. Barnett, H.G. (1953) *Innovation: The Basis of Cultural Change*. New York: McGraw-Hill Book Company.
43. Batalov, A.A. & Ogurechnikova, N.L. (2018) The peculiarities of the Russian speech etiquette of the XX century *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2(80):2. pp. 285–290. (In Russian).
44. Bańko, M. (2021) *Jak opracowas słownik afektonimów?* [Online] Available from: <https://docplayer.pl/106782527-Jak-opracowaae-s3ownik-afektonimow.html> (Accessed: 28.05.2021).
45. Brown, P. & Levinson, S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge University Press.
46. Kamin'ska, A. (2006) O sposobakh vyrazheniya ekspressivnosti suffiksalmymi sushchestvitel'nymi so znacheniem litsa (na materiale delovoy pis'mennosti XVII veka) [On the ways of verbalizing expressivity by suffix nouns with the meaning of a person (based on business writings of the 17th century)]. *Stil*. pp. 129–136.
47. Fufaeva, I.V. (2020) *Metafora malogo: russkie diminutivy* [Metaphor of the small: Russian diminutives]. Moscow: RSUH.
48. Opachanova, A. & Dobrushina, N. (2016) Mama [Mother]. In: Dobrushina, N. & Daniel, M. (eds) *Dva veka v dvadtsati slovakh* [Two centuries in twenty words]. Moscow: HSE. pp. 72–92.
49. Es'kova, N.A. (2004) Ma'ma, pa'pa – mama', papa': (O znake udareniya) [Ma'ma, pa'pa – mama', papa': (About the accent mark)]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 121–122.
50. Vinogradov, V.V. (1966) Semnadsatimnyy akademicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznaniiya [Seventeen-volume academic dictionary of the modern Russian literary language and its significance for Soviet linguistics]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 3–26.
51. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes]. Moscow: Russkiy yazyk.
52. Gomes de Matos, F. (2000) Harmonizing and humanizing political discourse: The contribution of peace linguists. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 6 (4). pp. 339–344.

УДК 81-112; 801.8
DOI: 10.17223/19986645/73/3

О.А. Казакевич, Г.Н. Старикова

**ИЗ СИБИРИ В КИТАЙ: СПОСОБЫ И СРЕДСТВА
ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В НЕЗНАКОМОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙНОГО
СПИСКА Ф.И. БАЙКОВА)¹**

Статья посвящена описанию пути из Тобольска в Китай в статейном списке Ф.И. Байкова, представленном двумя вариантами текста середины XVII в. В ходе исследования выявлялись параметры маршрута, характеристики движения посольства и точек его локализации, а также языковые средства репрезентации незнакомого пространства и перемещения в нем. Материал позволил раскрыть тенденции восприятия иноземного и показал зависимость моделей номинации и их лексического наполнения от типа описываемого объекта.

Ключевые слова: статейный список, Китай, XVII в., средства и способы номинации, описание маршрута

Введение в проблему. XVII в., занимающий особое место в истории России и русского языка, называют также временем развития географических знаний: к этому периоду относится поновленная редакция *Книги большому чертежу* (1627), появление поздних списков *Поверстной книги*, содержащей перечень русских городов с указанием расстояния между ними и информацию о «сухих» и «водных» путях (1630-е, 1680-е гг.), других справочников [1, 2]. Среди последних выделяются многочисленные *рописи дороге (пути)* / городам и острогам, получившие позже имя *дорожники (путники)*, содержащие ценные топографические сведения, источниками для которых стали рассказы землепроходцев, торговцев, паломников, а также отчеты государевых посланников о поездках в чужие страны – так называемые *статейные списки*, немалую часть содержания которых занимало описание пути следования посольства, поскольку это официально вменялось в обязанности его главы². В условиях активного установления и развития дипломатических контактов с сопредельными и территориально отдаленными странами роль посольских отчетов в развитии географических знаний, становлении отечественной картографии была значительной. Особую актуальность данный источник приобретал в случаях с экзотическим чужеземьем, совсем еще неизведанными государствами, каковым, несомненно, для русских людей был Китай того времени.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-312-90028 «Чужеземная реальность в восприятии русского средневекового человека».

² Более подробно жанровая специфика, лингвистическая содержательность посольских отчетов представлены нами в [3], компилятивные жанры деловой словесности на основе литературы путешествий XVII в. – в [4].

В частности, в *Хождении за три моря* тверской купец Афанасий Никитин оставил о нем лишь короткую и самую общую информацию: *А от Певгу до Чини да до Мачина месяц итьти, морем все то хождение. А от Чини да до Кытаа сухом месяц, а морем четыре дни ити <...> Мачимь да Чимь от Бедеря 4 месяца морем итьти, а тамъ же дѣлають чими, да все дешево* [5. С. 20, 22]. Л.И. Думан в предисловии редактора к книге *Первые русские дипломаты в Китае* пишет, что более века спустя в России еще считалось, что Китай и Индия располагаются на территории современной Западной Сибири в верховьях реки Оби, а Ледовитый океан – в устье Енисея, через которое можно попасть в Китай [6. С. 3–4]. Немногим больше информации в *Росписи, куды путь конной от Яицкаго города х Китайскому царству*, отнесенной ее издателем к середине XVII в.: *От Яицкаго же города до бухарского же города Самархани конной ѳзды пол-2 недели. От Самархани до бухарского города Водокшани 1 недѣля. Тут камень лал добывает. А от Водокшани до Китайскаго царства скорою ѳздою 3 месяца. И всего от Яицкаго города до Китайскаго царства ѳзду 15 недель, а вьюками будет вдвое. А и ближе того есть иной путь к тому же Китайскому царству степью, и тем путем проехать невозможно, потому что в тех степях кочуют калмыки, и татаровя, и иные многие кочевные люди* [2. С. 230].

И только благодаря отчетам посланников были получены первые достоверные сведения о Китае и дороге туда через Сибирь, что историки связывают прежде всего с именами Ивана Петлина, Федора Байкова и Николая Спафария [6. С. 4]. Каждый из этих отчетов, неся новую для того времени информацию о чужих краях (недавно колонизированных сибирских территориях с далеко не всегда мирным коренным населением, пространствах кочевых монголов, китайских землях), расширял русскому средневековому обществу пределы известного мира. Из подсказываемых содержанием статейных списков возможных аспектов лингвистического исследования материала одним из наиболее интересных представляется изучение восприятия всего нового, незнакомого, иноземного русским человеком того времени¹, которое сопровождалось формированием отдельных терминосфер языка: дипломатической, военной и административной [8–13], искусства [7, 14, 15], некоторых групп бытовых слов [16, 17], а также развитием лексической системы языка в целом [18, 19]. В частности, на материале трех отчетов о поездках в Китай (томского казака И. Петлина, воеводы Ф.И. Байкова, опытного дипломата Н.Г. Спафария-Милеску) О.А. Казакевич (Слугиной) были выделены наиболее актуальные для каждого из посланников денотативные зоны номинации неизвестного, определяемые их личностными характеристиками (социальным происхождением, родом занятий, уровнем образования и знаний о Китайском государстве и др.) [20].

---

¹ Так, А. Болек пишет о дипломате А. Матвееве на основе его «Записок»: «Русский посол оказался не только тонким и любознательным наблюдателем, но и человеком, понимающим и осмысляющим увиденное» [7. С. 94].

В число тем, значимых для данного жанра источников, включаемых специалистами в русскую литературу путешествий (не случайно Д.С. Лихачев называл статейные списки «повестями послгов» [21. С. 319]), входит также тема дороги, географического пространства, многоаспектно представленная в научной литературе, в том числе на диахронном материале. Поскольку первыми к ней обратились специалисты по древнерусской литературе, основное внимание они сосредоточили на литературных жанрах. Так, идеи Ю.М. Лотмана о средневековом представлении пространства¹ были развиты в серии работ С.Н. Травникова на основе *Пелгримации* Ипполита Вишенского [23–25], статья Р.И. Мальцевой и Г.А. Абрамовой, источник которой – хождения игумена Даниила и Афанасия Никитина [26]. В частности, С.Н. Травников указывал: «Одним из главных жанрообразующих элементов путевых записок был мотив дороги. Все, что видел паломник, принадлежало пространству «путного шествия» в Святую землю и обратно. Хождение как жанр рождается дорогой и поэтизирует дорогу» [25. С. 128].

Из лингвистических работ выделяется исследование В.В. Колесова, посвященное определению «первосмысла концепта дорога», построенное на этимологии и ранних значениях синонимов *дорога, путь, тропа, стезя*. Словарные материалы, в которые вошла и литература путешествий, позволили ученому сделать вывод о доминанте этого ряда: «В конечном счёте можно сказать, что Дорога – самое общее обозначение конкретной полосы земли, расчищенной для движения как свободного пространства («дорогу мять»), а также движения по этой полосе (соответствует Пути: «отправиться в путь» по чьим-то следам), направления движения (соответствует дорожная Тропа) и цели такого движения (в соответствии со Стезёй: стёжки-дорожки, «стезя его жизни», «жизненная стезя»)» [27. С. 1209]. На основе данных исторических словарей Е.В. Ивановой восстановлен лексико-фразеологический состав («вербализаторы») ядерной зоны концепта «Странствие» [28]. Ею же выявлены единицы измерения расстояния в хождениях игумена Даниила и А. Никитина и проведен их сравнительный анализ [29].

Опыт предшественников, в том числе работающих на современном языковом материале [30], был учтен в анализе представления незнакомых пространств в одном из посольских отчетов XVII в.

Материал и методология исследования. Источником для настоящего исследования описания маршрута посольства и всего встреченного на пути из «сибирской украины» в Китай послужил статейный список Ф.И. Байкова, возглавившего посольство в эту страну в 1654–1658 гг. Выбор материала обусловлен его лингвистической содержательностью и информационной – как наиболее отвечающий теме исследования: низкий уровень

---

¹ «Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду» [22. С. 239].

знаний о территории маршрута и конечном его пункте, достаточно большой текст описания пути – около четверти от объема статейного списка. Именно перед посольством Ф.И. Байкова были поставлены задачи *однолично проведать всякими мерами накрепко многими ведущими людьми до пряма*, «в Китайское государство от государевы отчины от Сибири на которые земли и улусы или кочевья ходить податнее <...> и сухим ли путем, или водяным, или горами, и сколько от которого города до которого города или от улуса до улуса верст, или милей, или днищ, и на чом сухим путем ходят – на лошадях ли или на велбудах, и сколько от которого города за провоз найму со вьюка дают, и в которой китайской украинной город из улусов или ис каких мест ни буди приезжают, и Китайскою землею от украинного города до стольного города Канбулука сколько недель или дней переезжают, и сколько в Китайском государстве от которого города и места до которого города ж и места дорогою верст, или миль, или днищ считают, и на одно ли место и города в Китай дорога лежит или розные дороги, и будет розные, и которую дорогою ближе и безстрашно, и какие люди по дороге меж Сибири и Китайского государства живут <...> А проведая про тое про все достаточно, написати в статейной список подлинно по статьям порознь, всякую статью имянно» [6. С. 162].

Данный наказ обусловил содержание отчета, представленного в двух списках – Тобольском (создан между 31 июля 1657 г. и 16 марта 1658 г.) и Московском (создан позднее августа 1658 г.) [6. С. 113–145]. Варианты текста (далее Б1 и Б2), совпадая в значительной степени, различаются записями, наличествующими в одном и отсутствующими в другом, а также разной степенью детализации некоторых описаний, что позволяет им дополнять друг друга, повышая тем самым информационность источника. В частности, только в Московском списке указано, что при возвращении из Китая посольство изменило маршрут: *А ис Китайского царьства из города Канбалыка шел посол не тою дорогою, которую шел в Китайское царьство* (Б2: 134). Иллюстрацией разной степени содержательной насыщенности записей могут служить, например, следующие отрывки отчетов:

Тобольский список (Б1: 116–117)

А от ламы степью от Иртыша на правую сторону до камня ходу 6 дней. А итти все степь пустая, лесу и воды нет и улусов калмыцких нет же. А горами ходу до степи 2 дня. А в горах улусы калмыцкие многие кочевные Аблая-тайши. А лес в горах в камению березник и осинник. А от гор каменных степью до аблаевых пашенных бухарцов ходу неделя. А в степи калмыки аблаевы кочевные ж. Степь голая, лесу нет, кроме товоложника.

Московский список (Б2: 73 об.)

А от лабы и от реки Иртыша на правую сторону до аблаевых пашенных бухарцов ходу 2 недели. А итти меж гор каменных. В горах улусы калмацкие многие кочевные Аблая-тайши. А в горах лес березник и осинник, а где гор нет, в таких местех и лесу нет, кроме товоложника да карагальника, и водою скудно.

Ходом исследования выявлялись параметры маршрута, характеристики движения посольства и точек его локализации, языковые средства репре-

зентации незнакомого пространства и перемещения в нем – модели номинации и их лексическое наполнение. Заявленные задачи входят в круг проблем ономазиологии в целом и вопросов номинации неизвестного, иноземного, инокультурного в частности.

Результаты исследования. Слово *дорога* в статейном списке полисемично: 'место движения' – *Пора зимняя, людей близко **дороги** нет, все откочевали в горы на кормные места* (Б2: 134); 'маршрут, направление движения' – *А шел иною **дорогою** меж Мугальские земли и Бухарские* (Б2: 134); 'поездка, передвижение' – *Только на **дорогу** корму дано послу по цареву указу 3 барана* (Б2: 134). Краткость контекстов позволяет в большинстве из них усмотреть «букет» сближенных на основе метонимического переноса значений (движение – его место, маршрут, время) – *прислал де ты от себя с **дороги** человека своего в Канбалык* (Б1: 143), что, например, встречается в частотных конструкциях *едучи / идучи дорогою* – *А **едучи дорогою**, в городех и в деревнях провожатые харчу купить не давали, а пристальных верблюдов и лошадей, дорогою идучи, метали* (Б2: 134). Близкое по семантике *дороге* слово *путь* встретилось единожды – в устойчивом сочетании, обозначающем место и способ передвижения: *А от города де от Канбалыка до Старых Китай **сухим путем** ходу на верблюдах 2 месяца* (Б2: 134). Поскольку одним из значений *дороги* выступает 'передвижение', синонимом ему может служить лексема *ход*: *А **ход** был самой нужной, снеги выпали большие, и морозы были великие, скоту кормов не было, верблюды и лошади з голоду и от стужи помирали* (Б2: 135–136).

Анализ показал, что описание дороги включает указание: 1) на точки маршрута (начальную, конечную и промежуточные) – с обозначением их признаков и/или уточнением расположения в пространстве или без таковых; 2) расстояния между опорными пунктами маршрута; 3) сам факт перемещения, его способа, направления, места движения, а также его условия.

Так, на пути следования посольства из сибирского города Тобольска до китайского города Канбалыка (Пекин) в качестве ориентиров указаны различные объекты, природные и рукотворные. Их номинация идет по модели нарицательное имя, выражающее родовое понятие объекта, + аппеллятив, грамматическая форма которого определяет его позицию в сочетании: *Ишимский острожек, Ермакова перекоть, Ямышево озеро, город Баян-Суму, речка Бешка, камень Калма*, хотя и здесь изредка возможны вариации: *река Ишим – Ишим-река, от Каурдацкаго острожку <...> до острожка Тебендинскаго* (Б1: 115). При этом идентификация по родовому признаку не допускает наименования города *городком*, реки *речкой* и наоборот¹: *от устья **реки** Оми до **речки** Ачаеру* (Б1: 115). Городами называются крупные поселения, русские и иноземные, городками – только иноземные, острожками – небольшие укрепленные поселения русских *служби-*

¹ Единственный пример разночтений – *речка / река Тюл(ь)ка* (Б1: 116), что можно принять за опisku или ошибку прочтения (Ч в этой позиции всегда выносное в памятниках).

лых – для оберегания от калмыков / калмыцких людей (Б1: 115/116), улусами – стойбища калмы/ацкие и му(н)гальские, юртами – татарские населенные пункты. Например, даже короткие контексты позволяют однозначно определить *таран* как поселение хлебопашцев около стойбищ князей [6. С. 151]¹: *И Аблай-тайша Федора Исаковича Байкова с государевою казною поставил на своих пашнях в бухарских глиняных избах <...> А от пашенных бухарцов Федор Исакович Байков покочевал с государевою казною с Аблаем-тайшею из тарану апреля в 3 день* (Б1: 119). Ср. описание обратного пути: *К Аблаевым пашенным бухарцом в таран пришел Федор того ж 165 году марта в 4 день* (Б1: 145).

Без названий объекты упоминаются единично: *А на устье той реки Иишма стоит острожек* (Б1: 115); *озеро соляное, соль в нем добре чиста, и бела, и сладка* (Б1: 121), что прежде всего характеризует указания на поселения тюрко-монгольских народов: *А от того камени до контайшина городка ходу 3 дня.* (Б1: 121); *А от Белых Вод пошел к Аблаю-тайше в улус* (Б2: 117). Данный факт служит показателем чужеземья и неосвоенности его именника. На это же указывает широкое формальное варьирование иноязычных названий: *Канбалы* (Б2: 133) / *Калбалык* (Б1: 123) / *Канбалык* (чаще всего, повсеместно); *Кабан-Гусан* (Б1: 116) / *Кабал-Гасун* (Б2: 72); *Долон-Карагай* (Б1: 116) / *Доло-Карагай, Далан-Каргай* (Б2: 72 об.); *Эн-куль* (Б1: 116) / *Эн-куль* (Б2: 72 об.); *Карбуга* (Б1: 117) / *Карбугай* (Б2: 74 об.) и т.д. Примечательно, что варианты ойконимов, называющих населенные пункты с российским служилым населением, соответствуют типизированным модификациям имени того времени: *А стоит тот город Тарской от реки Иртыш с полверсты, а под городом под Тарою течет речка небольшая, имя ей Аркарка* (Б1: 115), то же – *Тоболеск – Тобольск* (Б2: 71). При обычности употребления топонима-определения при нарицательном имени возможны иные способы указания названий: *речка невелика, имя ей Карбугай* (Б2: 75); *а зовь тому озеру калмацким языком Кизыл-баш* (Б2: 110); *тому месту зовь калмацким и мугальским языком Булуган* (Б2: 109); *Кабал-Гасун – калмацким языком, а по-русски «полата кирпичная»* (Б2: 72 об.); *Далан-Каргай – калмыцким языком, а по-русски – «стоят семь сосен»* (Б2: 73); *от тех мунгальцов до Саахану ходу 2 недели 5 дней; по их калмыцкому языку «до добрых кормов и вод»* (Б1: 122). Типичность подобного способа представления иноязычных названий подтверждается и материалом хождений [25. С. 124].

В идентифицирующую часть наименования топообъектов вполне объяснимо входит этнонимное определение: мечеть *калмыцкая*, юрты *татарские*, пашни *китайские*, город *бухарский*, калмыки *му(н)гальские*, земли *Бухарская, Мугальская, Китайская*, а также *Китайское царство* и *Старые*

---

¹ В Словаре русского языка XI–XVII вв. у слова указано лишь значение 'стенбитное орудие' [31. Вып. 29. С. 216], что еще раз свидетельствует о высокой степени лингвистической содержательности источника, уточняющего лексические данные языковой системы середины XVII в.

Китай, см.: *Китайское царство перед Старыми Китайми нет и четвертой доли* (Б2: 123). Соответственно, этапы маршрута маркируются названиями народов, через земли которых пролегал путь посольства: *А от гор каменных степью до аблаевых пашенных бухарцов ходу неделя* (Б1: 117); *А от тех китайских пашен до мунгальцов ходу день* (Б1: 121). Особо значимыми в этой связи становятся указания на рубежи владений, чему служат выделенные лексические средства: *А от того тайши до последнего мугальского Доброна-тайши ходу 3 недели. А кочует тот Доброн-тайша от китайского рубежа, а от него до Китайские земли ходу 15 дней* (Б2: 108); *А от Абуги до первого китайского города до Кокочотану кочевьем ходу 2 недели 5 дней* (Б1: 123); а также *заставной город Капка, украинные города* (Б1: 141). На принципиальную значимость подобного рода характеристики в описании иноземного пространства указывал также исследователь *Пелгримажи* И. Вишенского [25. С. 123].

Информация характеризующего типа разнообразна и зависит от типа объекта описания. Например, для населенных пунктов важным является указание на материал построек: *городок глиняной* (Б2: 107); *А город Кокочотан земляной, башни кирпичные* (Б1: 124); *А города кирпичные, а иные глиняные* (Б1: 126); *А на том месте поставлен город каменной, выкрашен краскою красною* (Б1: 127); *делает город, а про то подлинно неведомо – каменной ли или деревянной, а лесу навожено много* (Б1: 119). Для водоемов значимо указание на качество воды, наличие в них рыбы: *А калмаки сказывают: рыбы де в том озере много, вода в том озере пресная, зелена* (Б2: 75); *А течет та речка весною и летом с землею* (Б1: 118); *А воды в Канбалыке гораздо нездоровы* (Б1: 139); *озеро небольшое, а вода в нем красна, что кровь* (Б2: 127). В местах проживания на реках также отмечаются постройки: *И мельницы на той речке поставлены, а мелют в них весною* (Б1: 118); *А через реки деланы мосты каменные, камень дич, а деланы мосты добре затейчиво* (Б1: 126).

Ландшафтные характеристики во многом ожидаемые: горы – *каменные, высокие / невысокие*, иначе – *камень*, степь – *голая, пустая*, займища *пойма*, заполняемая время от времени водой [31. Вып. 5. С. 204] – *великие*, лес – *местами* и др.: *А перешед тот камень, степь голая* (Б1: 121); *ити все меж гор каменных, горы добре высоки, а снега велики не сходят* (Б1: 122); *А лес и трава займищами* (Б2: 107). В описании многократно упоминаются леса: *А от Долон-Карагаю по левой стороне реки Иртыша лес сосняк, и ельник, и кедровник, и березник, и до лабы. А по правой стороне реки Иртыша, а в займищах лес тальник и тобольник* (Б2: 73); *А лес в горах в камению березняк и осинник* (Б1: 117). В этой группе обращает на себя внимание суффиксальное (*дубник – дубняк, березник – березняк, сосник – сосняк – сосняг*) и фонетическое (*топольник – тобольник*) варьирование имен – как результат уже давней номинативной конкуренции в языке, контрастирующее с номинацией новой для русских реалий: ... *лес небольшой, называют его соскоул, растет невысоко, а дерево тяжело, а на огне горит, что дуб, топко* (Б1: 121). Встретившееся в отчете карагаль-

ник вошло в Сл. РЯ XI–XVII вв. в значении ‘тип кустарника’ с единственным контекстом – из более позднего статейного списка Спафария (1675 г.) [31. Вып. 7. С. 71]. Таким образом, указание С.Н. Травникова, что писателей-путешественников в описании природного мира привлекали прежде всего необычные, «экстраординарные» для русского глаза реалии [24. С. 119], верифицируется и нашими материалами.

Ландшафтные описания дополняются указанием народов, населяющих места, через которые шел отряд. Это доказывается фактом размещения информации о населении, как правило, в рематической части предложения: *А на той речке Телмир-Чюрге живут бухарцы паишенные контайшинных детей* (Б1: 120); *А живут в том городке лабы калмацкие, а по-русски попы* (Б2: 107); *В горах улусы калмацкие многие кочевные Абляя-тайши* (Б2: 73 об.); *А в степи калмыки аблаевы кочевные ж* (Б1: 118). Если высказывание имеет продолжение, новая рематическая часть содержит уже разную информацию о занятиях, языке, вероисповедании, внешности и других особенностях народа, что удалось узнать проезжающим: *А прошед то место, живут мунгальцы, людишка добре худы, а житье их самое нужное* (Б1: 121); *А в том китайском городе Кококотане живут тьюбейцы, язык у них мунгальской, а воеводы в том городе два, посылаются из Калбалыка* (Б1: 123); *А родится у них пшеница и ячмень, просо и горох, и скота всякого много* (Б1: 120); *молятся болваном... едят всякой гад* (Б2: 129) и др.

Такую характеристику объектов, как размеры, выражают:

- суффиксы со значением уменьшительности (*озерко, речка, городок*);
- прилагательные соответствующей семантики (*дол великой, речка невелика / небольшая, город мал, горы добре высоки*), например: *А земля Мунгальская велика и людна. А хоромы деланы niskие, кроме царевых хором. А царев двор зделан велик, хоромы высокие* (Б2: 124);
- сравнительные конструкции: *а озеро то величиною подобно Переславля Залескаго* (Б1: 121);
- метрическая лексика: *А про город Канбалык сказывают китайцы и мугальцы в длину и поперег по 40-у верст* (Б2: 123); *А стена высока, сажени в 3 печатных, а поперег сажени в полторы* (Б1: 125-126);
- время движения (о территориях): *поперег того камени ходу полднища* (Б1: 121).

Локализация описываемых объектов для каждого из видов осуществляется типовыми (регулярными) языковыми моделями, отличаясь внутри модели разной степенью распространенности описания. Так, о поселениях говорится: *А стоит тот городок в niskом месте меж гор* (Б2: 107); *Стоит тот город в niskом месте в долу, дол великой, а окол его горы каменные <...> В окол того города все паишни* (Б2: 110); *а ставит тот город промеж гор каменных* (Б1: 120), о том же: *а делает те полаты в крепком месте меж гор каменных* (Б2: 107). И если поселение расположено НА реке, то лес – ПО реке, ср.: *А на устье тоя реки Вагаю юрты татарские <...> а стоит тот острожек на край реки Иртышу* (Б1: 114);

а на устье той реки Ишима стоит острожек (Б1: 115) – *А лес по той речке березник, и тальник, и черемошник* (Б1: 119); *А лес по речке топольник мстами* (Б1: 120). Таким образом в первом случае фиксируется факт локализации рукотворного объекта, а во втором – направление расположения протяженного природного объекта по отношению к водоему.

Перемещение от точки к точке маршрута передается в статейном списке посредством немногочисленных глаголов движения, что объясняется небогатым перечнем возможных способов передвижения: идти, ехать, плыть. Их приставки, вкупе с управляемыми глаголами предложными конструкциями, уточняют локализацию движения посольского отряда в пространстве: *А как въехали в город Канбалык в первые ворота... А проехав ворота...* (Б1: 128); *А переходил тою иртышскую вершину поперег* (Б1: 121); *и Федор Исакович Байков отишел от Канбалыка 9 дней, проишед город Баян-Суму, стал на ночь, а до крайнева заставного города Капки не доишел за день* (Б1: 143); *ты сишел с того места, с которого посылал человека своего в Канбалык, и ушел за последней город* (Б1: 144) и др. Помимо глагольной семантики (*идти, ехать, плыть*), способ передвижения выражается обстоятельством образа действия: *А к Бельм Водам приишел Федор Исакович Байков судами* (Б1: 115); *До города или кочевьем* (Б1: 123); *И Федор Исакович Байков пошел <...> на своих лошадях и на верблюдах* (Б1: 125).

В описании движения легко вычлняются этапы последнего, поскольку по достижении промежуточной цели похода всегда следовала остановка в пути, что предопределило циклический характер записей. В общем виде перемещение может быть передано схемой: ПОШЕЛ (куда? / откуда? когда?) – ШЕЛ (куда? / сколько?) – ПРИШЕЛ (куда? когда?) – СТОЯЛ / БЫЛ / ЖИЛ (где? сколько?), а затем новый цикл записи: ПОШЕЛ и т.д.: 1) *...покочевал <...> из тарану апреля в 3 день. И шел Аблай-тайша до речки Дюнму-дун кочевьем 9 дней. А на Дюнму-дун приишли кочевьем апреля в 7 день. <...> А стоял на той речке Аблай-тайша 3 недели. А с той речки покочевал ...* (Б1: 119); 2) *А с Тары поплыл судами по реке Иртышу вниз к городу Тобольску июля в 22 день. А с Тары плыли судами до Тобольска 9 дней. В Тобольск приплыл Федор 166 году июля в 31 день* (Б1: 146). Или: 3) *И посол пошел к городу Кококотану. Под город приишел 164 году генваря во 12 день. Под городом стоял за провожатыми 8 дней* (Б2: 109); 4) *К Аблаю-тайше в улус поехал <...> от пашенных его бухарцов генваря в 17 день. А к Аблаю-тайше в улус приехал того ж числа <...> А у Аблая-тайши в улусе был Федор Исакович Байков 2 дня. А от Аблая-тайши поехал ...* (Б1: 119).

Место движения (где?), во многом дублируя ландшафтные характеристики маршрута, передается обстоятельством при глаголах движения или существительном *ход* следующим образом:

1) творительным локативным имени – *А горами ходу до степи 2 дня* (Б1: 118); *А от ламы степью <...> до камени ходу 6 дней* (Б1: 117); *пошел <...> рекою Иртышем* (Б2: 71 об.); *А Китайскою землею <...> ходу 2 месяца* (Б2: 108); *сухим путем* (Б2: 134);

2) предложными локативными конструкциями – *А итти меж гор каменных* (Б2: 73 об.); *через камень ходу 2 дня* (Б1: 120); *идти меж гор*; *А ход <...> все меж камени* (Б2: 108); *а ити в сем же камени* (Б1: 123); *кочуют они на реке Иртышу* (Б2: 107);

3) совмещением конструкций – *степью меж гор* (Б1: 121); *итти Калмыками и Мугалами все меж камени* (Б2: 108).

Координатами движения единично выступает сторона света: *А речка <...> течет на запад* (Б1: 124), во всех остальных случаях – такие категории обыденного сознания, как «право» – «лево», «верх» – «низ»: *Иртыш остался в праве, вверх пошел в розсыпь мелкими речками* (Б1: 121); *остались те города в левой руке* (Б2: 135). При этом главным географическим ориентиром на значительной части пути стал Иртыш: *А стоит тот город Тарской от реки Иртыш с полверсты* (Б1: 115); *А живет тут калмыцкой лама подле Иртыша на левой стороне* (Б1: 117); *А сквозь то озеро прошла река Иртыш* (Б2: 107); *А стоит тот острожек на край реки Иртышу на правой стороне* (Б1: 115); *А по правой стороне Иртыша от степи приходили займища великие* (Б1: 118). Прежде всего его русло служило важнейшей осью координат при локализации рек и речек, впадающих в Иртыш, о чем сообщается двумя способами – с указанием направления истока и места устья (модели 1, 2) или же только одной из этих характеристик (модели 3, 4) – с некоторыми вариациями языковых средств их выражения:

1) ТЕЧЕТ / ВЫПАЛА (откуда? – куда?): *А течет та речка Бешка из камени в Иртыш* (Б1: 120); *течет та речка ис камени к-Иртышу* (Б2: 107); *А выпала та речка Эн-куль ис камени в-Иртыш* (Б2: 72 об.);

2) ТЕЧЕТ / ВЫПАЛА (откуда?) – УСТЬЕМ ПАЛА (куда? / с какой стороны?): *А течет та речка Дзонму-дун из камени, устьем пала в Иртыш* (Б1: 119); *течет та речка из камени, устьем пала в Иртыш с правой стороны* (Б1: 118); *А выпала та речка Чогуляк из камени, устьем пала в Иртыш с правую сторону* (Б1: 119);

3) ТЕЧЕТ / ВЫПАЛА (куда? / с какой стороны? / по ходу в каком направлении?): *А течет та речка Кара-Кучир к Иртышу* (Б1: 120); *А выпала та речка Алач в Иртыш с правой стороны* (Б1: 116); *А выпала та речка Атмас в Иртыш, вверх идучи, с левой стороны* (Б1: 116); *Выпала та река Муя, по Иртышу идучи вверх, с левой стороны* (Б1: 115); *А выпала та речка Тюлка, вверх идучи по Иртышу, с правой стороны* (Б1: 116);

4) ТЕЧЕТ / ВЫПАЛА (откуда? / с какой стороны?): *А выпала та речка Эн-куль из камени* (Б1: 117); *А выпала та река Камышилов с правой стороны <...> А выпала та река Омь с левой стороны* (Б1: 116).

Этими же моделями, но с несколько иными лексическими средствами, идет привязка к местности Иртыша и не связанной с ним реки Хуанхэ: *А ис того места вышла река Иртыш* (Б2: 108); *а имя той реке Хатунь, а вышла она из Бухарской земли, а впала она в море* (Б2: 137).

Такая значимая характеристика дороги, как расстояния между объектами, описывается в статейном списке с опорой на две единицы измерения:

версты и время пути – при явном преобладании второго способа номинации. В первом, значительно более редком случае препозиция существительного с предлогом *С* по отношению к числительному свидетельствует о приблизительности данной величины: *А от камня ходу до озера верст с 20* (Б1: 120); *недошед до Канбалыка с полверсты* (Б1: 127); *А городом Канбалыком шли до того двора, где поставили посла, версты с 3* (Б2: 117). О времени нахождения в дороге сообщается моделями: 1) ШЛИ / ХОДУ (сколько?); 2) ПОШЛИ (когда?) – ПРИШЛИ (когда?); 3) их совмещением. Первая – самая частотная, в ней используются названия временных отрезков (*А от тех мунгалыцов до Саахану ходу 2 недели 5 дней* (Б1: 121); *кочевьем ходу месяц* (Б2: 135) и др.), а также специальная лексема *днище* и ее производные – расстояние, проходимое за день, равное дневному переходу [31. Вып. 4. С. 251] (*а от бухарских городов от Камыла и от Турфана шли во днище* (Б2: 134); *А от Ермаковы перекопи до реки Вагаю ходу полднища* (Б1: 114))¹. Вторая модель редка и еще менее точна в определении расстояния, поскольку в указанный промежуток времени входят и «простойные дни»: *А от пашенных бухарцов пошел к Аблаю в улус апреля в 4 день. А на речку Бешку к Аблаю-тайше пришел майя в 11 день* (Б2: 135)². Этот способ указания на расстояние обычно включает и первый: *А с речки Чару пошел Аблай-тайша майя в 18 день. А от речки Чару до речки Бешки ходу 3 дня. А на речку Бешку пришел Федор Исакович Байков с Аблаем-тайшею майя в 21 день* (Б1: 120).

По сути, все отмеченные характеристики пути составили условия движения – его лишения и опасности. Надо полагать, что в числе труднейших испытаний дороги была ее *незнаемость*, степень последней была существенно снижена дорожной частью отчета Ф.И. Байкова. Через 20 лет этим маршрутом пойдет посольство Н.Г. Спафария, в статейном списке которого подтвердятся и частично уточнятся характеристики пути, данные его предшественником.

Выводы. XVII в. явился началом великой эпохи в истории России – временем географических открытий, возникновения и последующего развития и укрепления дипломатических отношений, вызвавших развитие ряда жанров делового письма. Важное место среди них занимают дорожники и статейные списки, взаимодополняющие и влияющие друг на друга – как в плане структуры, содержания, так и языка. В частности, к их общим жанрообразующим чертам относятся документальность, объективность изложения информации, выражаемые счетными словами и единицами измерения вообще, однотипный характер построения предложений, союзное нанизывание, наличие языковых клише, параллелизм в построении текстов в целом. Отсутствие полноценных дорожников для Китая

¹ Несмотря на фиксацию слова в Лаврентьевской летописи под 1185 г., такое обозначение расстояний в текстах проанализированных Е.В. Ивановой хождений не отмечено [29].

² В данной записи опущено указание о стоянке в 10 дней в улусе Аблая-тайши (Б1: 145).

обосновало наказ Ф. Байкову отыскать туда удобный и безопасный путь из Сибири и описать его, что и стало единственно выполненной посольством задачей. В свою очередь, лингвистическая содержательность источника определила тематику настоящего исследования.

В статейном списке отражено реально-историческое пространство, маркерами новизны которого, первичности знакомства с наполняющими его объектами в тексте стали:

1) прямые указания на неизвестность, неточность информации: *Иртыш <...> вверх пошел в розсыпь <...> а про то **подлинно неведомо**, из каких мест пошел (Б1: 120); А из[да]леча ль те стены ведены, про то **подлинно неведомо** (Б2: 132);*

2) ссылка на необходимость получения сведений от третьих лиц: *А вверх по той речке Таре, **сказывают**, 3 острожка (Б1:114); А ведена **де** та стена из-за Сукчей города за Китайское царьство до моря. А **сказывали** про то бухарцы, и калмыки, и китайцы (Б2: 111–112); А мунгальцов в том китайском городе в царстве немного, нет **де** и десятой доли, а китайцов **де** многое множество (Б1: 136);*

3) неосвоенность иноязычных номинативных средств представителями русской культуры, выражающаяся в их переводе, толковании (*а кап весом по пуду – Б2: 74 об.*), регулярном формальном варьировании, (*бакчи – бахчи, лама – лаба, мугалы – мунгалы, калмыцкий – калмацкий*), наиболее регулярно – у имен собственных.

Сюда же, вероятно, можно отнести случаи описания топообъектов без указания их названий, наличие особых языковых конструкций со значением приблизительности (*с полверсты*), что сложно структурируется в силу малочисленности примеров.

При описании новых земель с помощью особым образом оформленных языковых средств посланник использует известный ему культурный код номинации, что выражается, во-первых, в значительном числе конструкций сравнения (*А пашни у них **по-русски** – Б1: 124; а дни **перед нашими вдвое** – Б1: 123; снег был **невелик, только в коневье копыто** – Б1: 125) и соответствия (*А **лан их весу 10** золотников, а **русского весу 9** золотников – Б2: 110); во-вторых, в сообщениях о неоправдавшихся ожиданиях при осмотре чего-либо (*А **больших пушек** в тех городех **нигде не видали** – Б2: 115; а **ржи не видали** – Б1: 136). Последнее обстоятельство, предположительно, обусловило нередкие случаи характеризующего определения пространства и его объектов по принципу отрицания – через признаки отсутствия чего-л.: *А **итти все степь пустая, лесу и воды нет и улусов** калмыцких **нет же** (Б1: 116); а где **гор нет, в таких местех и лесу нет, кроме товоложника да карагальника, и водою скудно** (Б2: 73 об.).****

Предпринятую поездку Ф.И. Байков определил как *нужную*, имея в виду ее тяготы и лишения. С позиций нынешнего времени есть все основания назвать ее таковой и с точки зрения важности, необходимости в деле установления контактов с неизвестным и непонятым России и Европе юго-восточным государством.

Литература

1. *Петров В.А.* Географические справочники XVII в. // Исторический архив. 1950. № 5. С. 74–165.
2. *Зимин А.А.* Русские географические справочники XVII в. (из сборника в Собрании Московской духовной академии) // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 21. М., 1959. С. 220–231.
3. *Старикова Г.Н.* Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 51–65.
4. *Казакевич О.А.* Компилятивные жанры деловой словесности на основе литературы путешествий XVII в. // Казанская наука. 2021. № 5. С. 46–49.
5. *Хождение за три моря Афанасия Никитина.* 1466–1472 гг. 2-е изд., доп. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 282 с.
6. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука, 1966. 160 с.
7. *Болек А.* К становлению терминов живописи в русском языке начала XVIII века (на материале «Записок» Андрея Матвеева) // *Studia Rossica Posnaniensia.* 2015. Vol. 40, cz. 1: 2015. P. 93–104.
8. *Сабенина А.М.* Лексика сферы дипломатических отношений в русском языке XVII в. (по материалам статейных списков русских послов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 16 с.
9. *Волоскова А.В.* Дипломатическая лексика начала XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 17 с.
10. *Никитин О.В.* Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилообразующие средства) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 2005. № 1. С. 8–89.
11. *Остапенко О.Г.* Сравнительно-сопоставительный анализ дипломатической и административной терминологической лексики (на основе документов дипломатических контактов России и Англии XVI–XVII веков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 20 с.
12. *Сергеев Ф.П.* Формирование русской дипломатической терминологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1973. 56 с.
13. *Сороколетов Ф.П.* История военной лексики в русском языке. Л. : Наука, 1970. 382 с.
14. *Дробинина Д.П.* Из истории обогащения русской лексики (термины архитектуры, скульптуры, живописи) // Ученые записки Архангельского государственного педагогического университета. 1963. Вып. 13. С. 128–146.
15. *Хачатуров С.В.* Готическое архитектурное наследие в путевых записках петровского времени (доклад, прочитанный на Федоро-Давыдовских чтениях в 1999 г.). URL: <http://www.archi.ru/files/publications/virtual/hachaturov.htm> (дата обращения: 20.11.2013).
16. *Ледяева С.Д.* Очерк по исторической лексикологии русского языка. Кишинев : Штиинца, 1980. 109 с.
17. *Царанкина Л.В.* Обозначения английских экипажей в статейных списках русских послов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fil126.html> (дата обращения: 30.04.2014).
18. *Валькова Д.П.* Лексика «Путешествия» П.А. Толстого: (К истории формирования словарного состава русского национального языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965. 20 с.
19. *Шадрин М.Г.* Эволюция языка «путешествий» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 65 с.
20. *Слугина О.А.* Номинативные сферы в обозначении неизвестного как проявление личностного начала (на материале статейных списков XVII в.) // Вестник Новосибир-

ского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9: Филология. С. 40–44.

21. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319–346.

22. Лотман Ю.М. О понимании географического пространства в русских средневековых текстах // Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 239–249.

23. Травников С.Н. Особенности морского пейзажа в путевых записках конца XVII – начала XVIII века // Литература Древней Руси. М., 1986. С. 103–115.

24. Травников С.Н. «А еже где что выдѣхъ своима очима, вся сия написахъ...»: (Мир природы в «Пелгримации» Ипполита Вишенского) // Вестник славянских культур. Филологические науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-ezhe-gde-cto-vydeh-svoima-ochima-vsya-siya-napisah-mir-prirody-v-pelgrimatsii-ippolita-vishenskogo> (дата обращения: 10.07.2021).

25. Травников С.Н. «И шли горами каменными и ярами глубокими, тилко небо да земля...»: особенности изображения пространства в «Пелгримации» Ипполита Вишенского // Вестник славянских культур. 2017. Т. 43. С. 121–133.

26. Мальцева Р.И., Абрамова Г.А. «Пространство» и «время» в жанре путешествий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 3. С. 42–46.

27. Колесов В.В. Путь-дорога // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 5. С. 1200–1213.

28. Иванова Е.В. К истории формирования концепта «странствие» (по материалам исторических словарей) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 81–83.

29. Иванова Е.В. Наименования расстояний в «Хождении» игумена Даниила и «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (как материал для исторического словаря) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 388–392.

30. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «Дорога» в устных рассказах сибиряков // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 16–28. DOI: 10.17223/15617793/460/2

31. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука: Азбуковник: Нестор-История, 1975–2015. Вып. 1–30.

From Siberia to China: Ways and Means of Localising Movement in an Unfamiliar Environment (Based on the State Report of Fyodor Baykov)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 38–54. DOI: 10.17223/19986645/73/3

Olga A. Kazakevich, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o_slugina@mail.ru

Galina N. Starikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Keywords: state report, ambassador's report, China, 17th century, means and methods of nomination, route description.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-312-90028: Alien Reality in the Perception of Russian Medieval Man.

The article explores the description of the road from Tobolsk to China, presented in the report of 1657–58 by the Russian envoy Fyodor Baykov, whose task was to scout out a convenient and safe route to the neighbouring southeastern country. This medieval genre of business writing, which affirms the formation and development of Russian diplomacy, is called a state report (*stateyny spisok*). The markers of the novelty of the environment and the initial

familiarisation with its objects in the text of the article list are 1) direct indications of the unknown, inaccuracy of information: *Irtys' <...> vver'kh poshel v rozsyyp' <...> a pro to podlinno nevedomo, iz kakikh mest poshel* (B1: 120); 2) a reference to the need of obtaining information from third parties: *A vedena de ta stena iz-za Sukcheya goroda za Kitayskoye tsar'stvo do morya. A skazyvali pro to bukhartsy, i kalmyki, i kitaytsy* (B2: 111–112); 3) the lack of fluency of Russian culture representatives in foreign-language nominative means, which is expressed in their translation, interpretation (*a kap vesom po pudu* – B2: 74 rev.), regular formal variations (*lama – laba, mugaly – mungaly*), most commonly in proper nouns (*Karbuha – Karbuhay*), and so on. The analysis shows that the description of the road includes references to 1) route points (initial, final, and intermediate) with the designation of their characteristics and/or clarification of their location, or without them; 2) the distance between the control points of the route; 3) the very fact of movement, its method, direction, place of movement, and its conditions. The sources demonstrate the dependence between the nomination models and their lexical expression, and the type of the described object. For instance, when settlements are presented, the material of buildings (*kirpichnyy, glinyanny, derevyanny*), location (*mez' gor v nizkom meste*), river source and mouth locations, the nature of the water, the presence of fish, etc. are regularly described. When presenting new lands with the help of particularly structured linguistic means, Baykov uses an already familiar cultural code of the nomination. This is expressed, firstly, in a significant number of comparison constructions (*A pashni u nih po-russki* – B1: 124; *a dni pered nashimi vdvoe* – B1: 123) and correspondence constructions (*A lan ikh vesu 10 zolotnikov, a ruskogo vesu 9 zolotnikov* – B2: 110); secondly, in specific cases of characterisations of the definition of space and its objects by negation – through signs of the absence of something: *A itti vse step' pustaya, lesu i vody net i ulusov kalmytskikh net zhe* (B1: 116); *a gde gor net, v takikh mestekh i lesu net, krome tovolozhnika da karagal'nika, i vodoyu skudno* (B2: 73 rev.).

References

1. Petrov, V.A. (1950) Geograficheskie spravochniki XVII v. [Geographical reference books of the 17th century]. *Istoricheskiy arkhiv*. 5. pp. 74–165.
2. Zimin, A.A. (1959) Russkie geograficheskie spravochniki XVII v. (iz sbornika v Sobranii Moskovskoy dukhovnoy akademii) [Russian geographical reference books of the 17th century. (from the compendium in the Collection of Moscow Theological Academy)]. *Zapiski otdela rukopisey GBL*. 21. pp. 220–231.
3. Starikova, G.N. (2015) Emissaries' accounts of the 17th century: variety of genres, linguistic richness of content. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (33). pp. 51–65. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/33/5
4. Kazakevich, O.A. (2021) Compilation genres of business writing based on the travel literature in the XVII century. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 5. pp. 46–49.
5. Nikitin, A. (1958) *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina. 1466–1472 gg.* [A Journey Beyond the three seas. 1466–1472]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1966) *Pervye russkie diplomaty v Kitae ("Rospis") I. Petlina i stateynyy spisok F.I. Baykova* [The first Russian diplomats in China ("Painting" by I. Petlin and the state report of F.I. Baykov)]. Moscow: Nauka.
7. Bolek, A. (2015) K stanovleniyu terminov zhivopisi v russkom yazyke nachala XVIII veka (na materiale "Zapisok" Andrey Matveeva) [On the formation of the terms of painting in Russian at the beginning of the 18th century (based on the "Notes" by Andrey Matveev)]. *Studia Rossica Posnaniensia*. 40 (1). pp. 93–104.
8. Sabenina, A.M. (1971) *Leksika sfery diplomaticheskikh otnosheniy v russkom yazyke XVII v. (po materialam stateynykh spisokov russkikh poslov)* [Vocabulary of the sphere of diplomatic relations in the Russian language of the 17th century (based on the state reports of Russian ambassadors)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

9. Voloskova, A.V. (1966) *Diplomaticheskaya leksika nachala XVIII veka* [Diplomatic vocabulary of the early 18th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
10. Nikitin, O.V. (2005) Delovoy yazyk russkoy diplomatii XVI–XVII vv. (formal'nye i stileobrazuyushchie sredstva) [The business language of Russian diplomacy in the 16th–17th centuries (formal and style-forming means)]. *Nauch. dokl. vyssh. shk. filol. nauki*. 1. pp. 8–89.
11. Ostapenko, O.G. (2015) *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz diplomaticheskoy i administrativnoy terminologicheskoy leksiki (na osnove dokumentov diplomaticheskikh kontaktov Rossii i Anglii XVI–XVII vekov)* [Comparative analysis of diplomatic and administrative terminological vocabulary (based on documents of diplomatic contacts between Russia and England in the 16th–17th centuries)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Sergeev, F.P. (1973) *Formirovanie russkoy diplomaticheskoy terminologii* [Formation of Russian diplomatic terminology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
13. Sorokoletov, F.P. (1970) *Istoriya voennoy leksiki v russkom yazyke* [History of military vocabulary in Russian]. Leningrad: Nauka.
14. Drobinina, D.P. (1963) Iz istorii obogashcheniya russkoy leksiki (terminy arkhitektury, skul'ptury, zhivopisi) [From the history of the enrichment of Russian vocabulary (terms of architecture, sculpture, painting)]. *Uchenye zapiski Arkhangel'skogo gosudarstvennogo pedinstitutu*. 13. pp. 128–146.
15. Khachaturov, S.V. (1999) *Goticheskoe arkhitekturnoe nasledie v putevykh zapiskakh petrovskogo vremeni* [Gothic architectural heritage in the travel notes of Peter the Great]. [Online] Available from: <http://www.archi.ru/files/publications/virtual/hachaturov.htm> (Accessed: 20.11.2013).
16. Ledyeva, S.D. (1980) *Ocherk po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka* [Essay on the historical lexicology of Russian]. Kishinev: Shtiintsa.
17. Tsarapkina, L.V. (2008) *Oboznacheniya angliyskikh ekipazhey v stateynykh spiskakh russkikh poslov* [Designations of English crews in state reports of Russian ambassadors]. [Online] Available from: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fill26.html> (Accessed: 30.04.2014).
18. Val'kova, D.P. (1965) *Leksika "Puteshestviya" P.A. Tolstogo: (K istorii formirovaniya slovarnogo sostava russkogo natsional'nogo yazyka)* [Vocabulary of P.A. Tolstoy's Journey Around Europe: (On the history of the formation of the vocabulary of the Russian national language)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
19. Shadrina, M.G. (2003) *Evolyutsiya yazyka "puteshestviy"* [Evolution of the language of "travel"]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
20. Slugina, O.A. (2011) Nominativnye sfery v oboznachenii neizvestnogo kak proyavlenie lichnostnogo nachala (na materiale stateynykh spiskov XVII v.) [Nominative spheres in the designation of the unknown as a manifestation of the personal principle (based on state reports of the 17th century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 10 (9). pp. 40–44.
21. Likhachev, D.S. (1954) *Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury* [Tales of Russian ambassadors as literary monuments]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv.: Stateynye spiski* [Travels of Russian ambassadors of the 16th–17th centuries: State reports]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 319–346.
22. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside Thinking Worlds: Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: YaSK. pp. 239–249.
23. Travnikov, S.N. (1986) *Osobennosti morskogo peyzazha v putevykh zapiskakh kontsa XVII – nachala XVIII veka* [Features of the seascape in travel notes of the late 17th – early 18th centuries]. In: *Literatura Drevney Rusi* [Literature of Old Rus]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute. pp. 103–115.
24. Travnikov, S.N. (2015) The World of Nature in "Pilgrimage" by Hippolytus Vyshensky. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/a->

ezhe-gde-cto-vyd-h-svoima-ochima-vsya-siya-napisah-mir-prirody-v-pelgrimatsii-ippolitavishenskogo (Accessed: 10.07.2021). (In Russian).

25. Travnikov, S.N. (2017) “And there were stone mountains and deep ravines, only the skies and the earth ...”: Features of the space portrayal in the “Pilgrimage” by Hippolytus Vyshensky. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 43. pp. 121–133.

26. Mal'tseva, R.I. & Abramova, G.A. (2012) “Prostranstvo” i “vremya” v zhanre puteshestviy [“Space” and “time” in the travel genre]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 3. pp. 42–46.

27. Kolesov, V.V. (2017) Along the Road. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. nauk – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 159 (5). pp. 1200–1213. (In Russian).

28. Ivanova, E.V. (2014) K istorii formirovaniya kontsepta “stranstvie” (po materialam istoricheskikh slovarey) [On the history of the formation of the concept “wandering” (based on materials from historical dictionaries)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3 (45). pp. 81–83.

29. Ivanova, E.V. (2011) Naimenovaniya rasstoyaniy v “Khozhdenii” igumena Daniila i “Khozhdenii za tri morya” Afanasiya Nikitina (kak material dlya istoricheskogo slovarya) [Names of distances in the “Walking” of Abbot Daniel and “A Journey Beyond the Three Seas “ by Afanasy Nikitin (as material for the historical dictionary)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 3. pp. 388–392.

30. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2020) The representation of the concept “Road” in the oral stories of Siberians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 16–28. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/460/2

31. Krivko, R.N. et al. (eds) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th—17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka; Azbukovnik; Nestor-Istoriya.

УДК 811.11-112

DOI: 10.17223/19986645/73/4

Н.А. Лаврова, Е.А. Никулина

ОСВОЕНИЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ НЕ НОСИТЕЛЯМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Рассматриваются основные типы парадигматических отношений в системе английской фразеологии. Анализируются причины, способствующие или препятствующие усвоению изучающими английский язык основных типов системных отношений в английской фразеологии. Особое внимание уделяется отношениям синонимии, антонимии и полисемии. По итогам анализа обосновывается необходимость пересмотра подачи фразеологического материала во фразеологических словарях, учебниках и пособиях, предназначенных для студентов продвинутого уровня обучения.

Ключевые слова: фразеология, идиоматика, парадигматика, синонимия, антонимия, полисемия

Введение

Согласно наиболее консервативным подсчётам каждое пятое высказывание является идиоматическим [1]. Это свидетельствует о важной роли устойчивых выражений как в ментальном лексиконе [2], так и в коммуникации [3]. Существует большое количество терминов, используемых в отношении устойчивых сочетаний слов [4]: «фразеологизмы», «идиомы», «устойчивые сочетания», «фразеологические единицы», «коллокации» и т.д. [5]. В настоящем исследовании термины «фразеологизм» и «идиома» используются как синонимичные. Термин «фразеологизм» и его производные чаще встречаются в России и в Восточной Европе [6], а термин «идиома» – в Западной Европе и в американской лингвистике [7].

Практика преподавания английского языка показывает, что студенты испытывают трудности при необходимости перефразировать устойчивые выражения [8, 9]. Неформальный опрос русскоязычных студентов языковых вузов показал, что большинство и не подозревают о том, что идиомы могут быть многозначными. Некоторые полагают, что у идиом нет идиоматических синонимов. В наибольшей степени студенты согласны с тем, что идиомы вступают в антонимические отношения. Полагаем, смутное представление русскоязычных студентов о системно-парадигматических отношениях среди фразеологизмов должно быть изменено в целях подготовки высококвалифицированных специалистов, владеющих английским языком на уровне *proficiency* и способных к более гибкому использованию английского языка [10].

Таким образом, **проблема** настоящего исследования может быть сформулирована следующим образом: невысокая степень осведомлённости изучающих английский язык о парадигматических отношениях, в которые вступают английские идиомы, и, следовательно, значительные трудности, которые испытывают студенты при необходимости разнообразить свою речь синонимичными, антонимичными или многозначными фразеологизмами.

Обзор литературы и современное состояние вопроса

По сравнению с литературой, посвящённой классификации фразеологизмов [11], работы, посвящённые исследованию парадигматических отношений среди фразеологизмов, большая редкость [12]. Как правило, авторы ограничиваются исследованием одного из аспектов системных идиоматических отношений: полисемии [13], антонимии [14] или вариативности [15].

Представим краткий обзор литературы по заявленной проблеме. Основываясь на корпусных данных, Р. Мун [16] изучает семантическую структуру 3000 английских фразеологизмов и приходит к выводу, что около 8% фразеологизмов многозначны. Автор обращает внимание на расхождение между корпусными данными и данными в словарных источниках: современные англоязычные словари фразеологизмов содержат большее количество многозначных идиом, в среднем около 12%. Р. Мун объясняет такое расхождение тем, что контекст снимает потенциальную многозначность идиом. Многозначные идиомы встречаются в разных синтаксических конструкциях. Так, идиома *to catch the sun* обладает двумя значениями: 1) 'to get suntanned' «загорать», 2) 'to be exposed to the sun (of a place)' «находиться на солнечной стороне» [17]. Если подлежащим предложения является имя одушевлённого существа или части его тела, реализуется первое значение: ср. *He/she/your skin catches the sun easily* «Он/она/твоя кожа легко загорает». Если подлежащим является имя существительное, называющее неодушевлённый предмет, реализуется второе значение: ср. *The terrace/garden catches the sun* «Терраса/сад выходит на солнечную сторону». Сходное семантико-синтаксическое различие действует в отношении идиомы *to put smb. out of its/his/her misery*, реализующей разные значения в зависимости от грамматического значения дополнения. Если в идиоме присутствует грамматическое значение одушевлённости, а также смысловой компонент «человек», реализуется значение «предоставить долгожданную информацию»: ср. англ. 'release someone from suspense or anxiety, especially by telling them something they are anxious to know' [17. P. 190]. Если в семантической структуре идиомы присутствует грамматическое значение одушевлённости наряду со смысловым компонентом «животное», реализуется значение «усыпить»: ср. англ. 'end the suffering of a creature in pain by killing it' [17. P. 190].

По данным А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [12], для английских фразеологизмов не характерна цепочечная полисемия. Как показывают

авторы, отношения синонимии и антонимии во фразеологии носят специфический характер. Синонимия в сфере фразеологии – явление крайне редкое, так как внутренняя форма фразеологизма влияет на его семантику и в той или иной степени всегда актуализируется при восприятии идиомы [18], [19], ср.: «Неохотно вступая в отношения синонимии, фразеологизмы крайне редко обнаруживают идиоматическую синонимическую доминанту, поскольку родовая (обобщающая) семантика для этой сферы лексикона не характерна» [12. P. 107].

По мнению Е.В. Ивановой [14], различия в образности двух синонимичных идиом оказывают непосредственное влияние на их разные смысловые оттенки и употребление. Например, инвариантное значение двух синонимичных идиом *bursting at the seams* и *packed to the gunwales* – «быть наполненным до предела». Первая идиома создаёт впечатление перенаполнения, оказывающего давление на контейнер изнутри. Вторая идиома вызывает представление о плотно спрессованных объектах, которые могут пересыпаться через край. Сходным образом различаются значения идиом *to pull (the) wool over smb's eyes* «обманывать» и *to sell a pup to* «обманывать»: ср. «Первая подразумевает некоторое хитросплетение лжи, не позволяющее обманываемому человеку увидеть истинное положение дел. ...Вторая соотносится с однократным обманом, получением от обманутого человека желаемого с помощью хитрости» [14. С. 230].

Отношения антонимии также слабо выражены во фразеологической системе [14]: ср. *in debt vs out of debt, in touch vs out of touch, in keeping vs out of keeping, rolling in it vs without a penny; made of money vs without two pennies to rub together; broad in the beam vs as thin as a rake; beauty queen vs no oil painting; to get off the rails vs to get back on the rails; to be in smb's good books vs to be in smb's bad books*. Так же, как и среди однословных лексем, среди фразеологизмов достаточно много несимметричных антонимов, различающихся стилистически, ср.: *to drag one's feet* «тащиться, плестись» (разг.) – *shake a leg, get one's skates on, stir one's stumps* «спешить, поторапливаться» (сленг) [8].

И. Теркер [20] рассматривает влияние фразеологизмов родного языка на понимание и усвоение англоязычных идиом. Автор приходит к выводу, что структурно изоморфные идиомы усваиваются не носителями легче, чем структурно алломорфные. Так, усвоение идиомы *a drop in the ocean* русскоязычными студентами происходит быстро и относительно легко, поскольку в русском языке имеется сходное по внутренней форме устойчивое выражение *капля в море*. С другой стороны, понимание идиомы *to sit on the fence* «проявлять нерешительность» затруднено по причине отсутствия сходного по образности выражения в русском языке. В то же время автор отмечает, что при наличии поясняющего контекста понимание и усвоение идиом не вызывают затруднений, даже при отсутствии сходного выражения в родном языке.

Лингводидактическое, экспериментальное исследование К. Конклин и Г. Кэррола [21] также посвящено межъязыковому влиянию на интерпретацию иноязычных устойчивых выражений. По данным ученых, форма и

значение идиом родного языка оказывают влияние на успешность / неуспешность интерпретации иноязычных устойчивых выражений. Изоморфные идиомы, или, по терминологии авторов, «конгруэнтные», интерпретируются легче и быстрее, чем алломорфные. Это означает, что в практике преподавания иностранных идиом в первую очередь следует обращать внимание на идиомы, которые обнаруживают структурный и смысловой параллелизм с идиомами родного языка.

Экспериментально-лингводидактическое исследование Е.А. Никулиной обнаружило, что большинство носителей английского языка не воспринимают идиомы родного языка как многозначные [22]. Прежде всего, это относится к идиомам, первое значение которых носит терминологический, т.е. менее метафорический характер. Носители языка связывают один экспонент идиомы с одним значением. В эксперименте принимали участие как преподаватели университета, так и их студенты. Было установлено, что интерпретация преподавателей статистически не отличается от интерпретации идиом студентами: обе группы не распознавали второе значение идиом. Это означает, что усвоение отношений полисемии во фразеологии не связано напрямую с уровнем владения английским языком, иначе можно было бы предположить, что преподаватели должны распознавать большее количество полисемантов, чем студенты.

Анализ учебных пособий и фразеологических словарей обнаружил недостаток отражения парадигматических связей среди фразеологических выражений. Даже те издания, которые в большей степени, чем другие, фиксируют отношения синонимии, антонимии и полисемии, отличаются непоследовательностью в комментариях и стилистических пометах. Так, Р. Газернс и С. Редман [23] используют различные стилистические маркеры и перекрёстные ссылки при указании на идиомы, сходные по значению и смыслу, не поясняя во введении или в самой словарной статье, имеется ли между этими маркерами и идиомами какая-либо разница. Помимо недвусмысленного маркера *syn.* (=synonym), используется помета *also*, а также наклонная линия / и круглые скобки (). Кроме того, разница между фразеологическими синонимами и вариантами не уточняется. Подобная практика создаёт (ложное) впечатление о полной взаимозаменяемости приводимых идиом, что не соответствует реальным фактам их функционирования в языке. Так, идиома *at your wits' end* «в растерянности, в замешательстве» предлагается в качестве синонима идиомы *at the end of your tether* «на грани», «потеряв терпение» без примера её употребления или контекста: ср. *at the end of your tether having no patience or energy to deal with a difficult situation SYN at your wits' end* [23. P. 26].

В действительности, однако, между данными фразеологизмами имеется существенное смысловое различие [24]: выражение *at the end of one's tether* содержит смысловой компонент «нетерпение», «психологическая или физическая усталость» (ср. 'having no patience, resources, or energy left to cope with something' [17. P. 94]), тогда как идиома *at one's wits' end* предполагает исчерпание когнитивных ресурсов и растерянность и не связывается со значе-

нием нетерпения: ср. 'be overwhelmed with difficulties and at a loss as to what to do next' [17. P. 316]. Подобного рода смысловое различие частично обусловлена внутренней формой и происхождением обоих идиом [25, 26].

Сходная непоследовательность имеет место при введении антонимичных идиом. Чаще всего используется мета-маркер OPP (=OPPOSITE) непосредственно после определения идиомы. В некоторых случаях авторы помещают противоположную по значению идиому в круглые скобки, сопровождая ее употребление контекстуальной дефиницией, начинающейся с союза *if*: ср. *off the record used to say that a remark is not official or intended to be made public OPP on the record* [23. P. 74]; *to break ranks (of a member or members of a group) stop supporting the group of which you are a member (If you close ranks, you join together closely to defend yourselves, especially when being criticized by others)* [23. P. 83].

Анализ словарных изданий также обнаружил непоследовательность в презентации и оценке статуса некоторых синонимичных, антонимичных и многозначных фразеологизмов, а также отсутствие перекрёстных ссылок на антонимы и синонимы. Многозначность некоторых идиом может быть поставлена под сомнение, поскольку значение, указываемое словарями как первое, является неидиоматическим или слабоидиоматическим: ср. *to cast/cut smn. adrift – 1* 'leave smn. in a boat or other craft which has nothing to secure or guide it' «пустить по течению»; *2* 'abandon or isolate smn.' «покинуть в беде» [17. P. 4]. Первое значение идиомы фактически является прямым, поскольку связано с конкретной целевой сферой морской деятельности. Второе значение метафорично: фрейм мореплавания выступает сферой-источником, а межличностные отношения – целевой сферой.

Электронные словари онлайн отражают системные отношения во фразеологии более последовательно, чем печатные издания или издания, переведенные в электронный формат. Так, словарь *The Free Dictionary by Farlex* [27] фиксирует наличие синонима у многозначной идиомы *downhill all the way* (1. «легко, без усилий, шутя», 2. «все хуже и хуже»): ср. *downhill from here* (1. «дальше будет легче», 2. «лучше уже не будет»). В то же время словарь не фиксирует синонимичные и антонимичные идиомы для каждого значения, что некоторым образом затемняет представление о фразеологической вариативности: ср. *as easy as pie* (синоним к первому и антоним ко второму значению), *to go from bad to worse* (синоним ко второму и антоним к первому значению).

На необходимость отражения фразеологическими словарями различного рода парадигматических отношений обращают внимание Е.Ф. Арсентьева и Р.А. Аюпова [28]. Авторы отмечают важность детальной разработки микро- и макроструктуры словарной статьи фразеологических единиц: важно не только логично организовать словарную статью, но и отразить наличие фразеологических синонимов и антонимов.

Таким образом, обзор имеющейся литературы по теме исследования обнаружил следующие пробелы в изучении системно-парадигматических отношений среди английских фразеологизмов:

1) отсутствие экспериментальных исследований, посвящённых одновременно изучению *разных* типов фразеологических парадигматических отношений;

2) отсутствие экспериментальных исследований, цель которых – сопоставительный анализ степени освоенности парадигматических отношений не носителями английского языка, в частности русскоговорящими студентами;

3) несистематичная и непоследовательная фиксация различных типов парадигматических отношений словарными и учебными изданиями, а также наличие противоречий в метаязыковых комментариях.

Настоящее исследование призвано восполнить указанные пробелы. Основная задача авторов – привлечь внимание составителей учебных пособий и словарей к проблеме фиксации различных типов парадигматических отношений среди фразеологизмов.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: наиболее когнитивно выделенными и, следовательно, представленными в ментальном лексиконе не носителей английского языка являются отношения синонимии среди фразеологизмов. На втором месте находятся отношения полисемии. Наименее освоенными остаются фразеологические антонимы.

Методология и материал исследования

Методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе использовались следующие методы: метод фразеологического описания, метод словарных дефиниций, контекстологический анализ, неформальный опрос, невключенное (стороннее) наблюдение, эксперимент, метод систематической и стратифицированной выборки, дисперсионный анализ, пост-экспериментальный тест Тьюки.

Информанты. В экспериментальной части исследования приняли участие 50 студентов 4-го курса МГИМО в возрасте от 20 до 22 лет, прослушавших курс английского языка для сдачи международного экзамена CPE (=Certificate of Proficiency in English), уровень которых не ниже C1 в соответствии с CEFR (=Common European Framework of Reference). 28 студентов имеют сертификат о сдаче международного экзамена CPE; остальные имеют сертификат о сдаче международного экзамена CAE. 39 студентов – представители женского пола. Все студенты имеют высокий средний балл по английскому языку за четвертый год обучения в университете – от 89 до 99 баллов из ста возможных. Таким образом, студенты, имеющие низкий балл по английскому языку, не принимали участия в эксперименте. Все учебные пособия, готовящие студентов к международному экзамену CPE и используемые в практике преподавания английского языка студентам МГИМО (*Proficiency Masterclass, Objective Proficiency, Progress to Proficiency*), имеют раздел, посвящённый изучению английских фразеологизмов. Это означает, что все студенты изучали английские фразеологизмы,

представленные в пособиях. Отметим, что изучению английских фразеологизмов уделяется особое внимание при подготовке к международным экзаменам в целом и к экзамену СРЕ в частности, поэтому при подготовке к экзамену студентам неоднократно предлагались тестовые задания на проверку усвоения (значения и употребления) английских устойчивых выражений.

Материал. Материалом исследования послужили два корпуса. Первый корпус представлен 4000 фразеологических единиц, отобранными методом систематической выборки из современных фразеологических словарей: *The Oxford Dictionary of Idioms, Longman Dictionary of English Idioms, Collins Cobuild Dictionary of Idioms, Longman Pocket Idioms Dictionary*. Второй корпус, т.е. подкорпус, непосредственно задействованный в экспериментальной части исследования, представлен тремя блоками фразеологизмов по 40 единиц каждый, отобранных из основного корпуса методом стратифицированной выборки. Учитывая многочисленные классификации фразеологизмов в имеющейся зарубежной и российской литературе, для подкорпуса были отобраны только наиболее типичные фразеологизмы. Таким образом, коллокации, речевые формулы и грамматические фразеологизмы были исключены из второго подкорпуса. Данные фразеологические единицы находятся на периферии того, что в настоящем исследовании понимается под фразеологизмом: *устойчивое сочетание как минимум двух слов, относящихся к знаменательным частям речи, частично или полностью переосмысленных и выполняющих преимущественно оценочную и экспрессивную функции, помимо номинативной*.

Процедура и анализ данных. Студентам было предложено три списка по 40 фразеологизмов в каждом. Задания были сформулированы на английском языке (в печатном виде) следующим образом¹.

(1) **List 1. Below is a list of 40 English idioms, all of which have synonyms which are also idioms. Look through the list and give at least one synonym to each idiom. In brackets, one word from the synonymic idiom is mentioned. Remember that in some cases only one component of the idiom may be changed, in others a synonymic idiom has a completely different structure:**

Example:

1. **not to turn a hair (eyelid)** – *syn. not to bat an eyelid*
2. **to go down the tubes (drain)** – *syn. to go down the drain*
the icing on the cake (cherry)
to spill the beans (cat)
to get egg on your face (turn)
to have money to burn (a hole)
to carry a torch for smb. (heels)

---

¹ В целях иллюстрации списки содержат меньшее количество фразеологизмов – по 10 каждый, в действительности каждый студент анализировал по 40 фразеологизмов в каждом списке.

to blow a fuse (gasket)
 an unknown quantity (horse)
 flesh and blood (kin)
 thick and fast (leaps)
 to get smb.'s back up (hackles), etc.

(2) List 2. Below is a list of 40 English idioms, all of which have antonyms which are also idioms. Look through the list and give at least one antonym to each idiom. In brackets, one word from the antonymic idiom is mentioned. Remember that in some cases only one component of the idiom may be changed, in others two idioms are lexically completely different:

Example:

1. to keep in trim (shape) – ant. to be out of shape

2. to take a turn for the better (worse) – ant. to take a turn for the worse
 to put all you eggs in one basket (bets)

to have money to burn (hand)

to toss and turn (log)

to have time on one's hands (bee)

to call a spade a spade (bush)

in the red (black)

on the surface (down)

in dribs and drabs (bounds)

a turn up for the books (home)

to push your luck (err), etc.

(3) List 3. Below is a list of 40 English idioms, all of which have (at least) two meanings. Look through the list and give (at least) two meanings of each idiom.

Example: under your belt

1) (of food or drink) consumed

2) safely or satisfactorily achieved or acquired

to put smb. out of his/her misery: 1) to kill 2)

to be on the run: 1) while running 2)

cast someone adrift: 1) to float without being either moored or steered 2)

come of age: 1) to reach adult status 2)

under the banner of: 1) claiming to support a particular cause or set of ideas 2)

a bit on the side: 1) a person with whom one is unfaithful to one's partner 2)

in black and white: 1) in writing or print 2)

blow someone away: 1) to kill smn. using a firearm 2)

to give up the ghost: 1) to die 2)

to find one's feet: 1) to stand up and be able to walk (of a child) 2)

etc.

На выполнение трех заданий студентам было выделено 140 минут. Таким образом, на выполнение одного задания из списка было дано около

минуты (64 секунды), по нашему мнению, этого вполне достаточно, если идиомы усвоены студентами и представлены в ментальном лексиконе [30]. В двух списках из трёх (List 1 и List 2) каждая идиома сопровождается словом-стимулом для облегчения выполнения задания, а также для активации соответствующей фразеологической единицы в ментальном лексиконе. Подобного рода практика – сопровождение выполнения задания не только пояснением, но и упоминанием одного из слов, содержащихся в правильном ответе, – соответствует заданиям и упражнениям из пособий по подготовке к международному экзамену Certificate of Proficiency in English (=CPE). В третьем списке указано первое значение многозначной идиомы. Несмотря на терминологическую и понятийную разницу между фразеологическими синонимами и вариантами, в данном исследовании мы не ставили задачу их принципиального разграничения, тем более что эта разница не всегда признается исследователями фразеологии и осознается студентами. Кроме того, достаточно большое количество промежуточных случаев могут быть рассмотрены либо как синонимы, либо как варианты.

Поскольку общим знаменателем идиоматических синонимов и вариантов является принципиальная возможность замены идиомы как синонимом, так и вариантом (ср. *to chew the fat* «сплетничать» – *to chew the rag* (вариант), *to shoot the breeze* (синоним)), в предлагаемом студентам списке присутствуют как варианты, так и синонимы. Это означает, что в рамках настоящего исследования термин «фразеологический синоним» представляет собой своего рода «зонтичный» термин, включающий в себя как фразеологические синонимы, так и варианты.

Результаты исследования

Эксперимент с русскоязычными не носителями английского языка подтвердил гипотезу о том, что отношения синонимии являются наиболее устойчивыми. Об этом свидетельствуют более высокая скорость распознавания синонимичных идиом и более высокий процент правильных синонимов, указанных информантами (11%). На втором месте – отношения полисемии (5%). Студенты испытывали бóльшие затруднения с поиском правильного ответа, им также требовалось больше времени на заполнение третьего списка. Наконец, наименьшее количество правильных ответов было получено в отношении фразеологических антонимов (4%). Вывод о степени трудности поиска правильного ответа, а также о большем количестве времени был сделан на основе стороннего наблюдения, а также в результате неформального интервью со студентами после завершения эксперимента. Количество правильных ответов в трех заданиях, а также стандартное отклонение представлены на рис. 1.

Анализ внутригрупповой вариативности показал, что она примерно в три раза ниже межгрупповой вариативности (см. средний квадрат). Это означает, что уровень владения английским языком информантов достаточно высок, а популяция информантов однородна, поэтому ведущим фак-

тором, оказывающим влияние на количество правильных ответов, является степень усвоения информантами исследуемых парадигматических отношений. Результаты применения дисперсионного анализа ANOVA представлены в таблице.

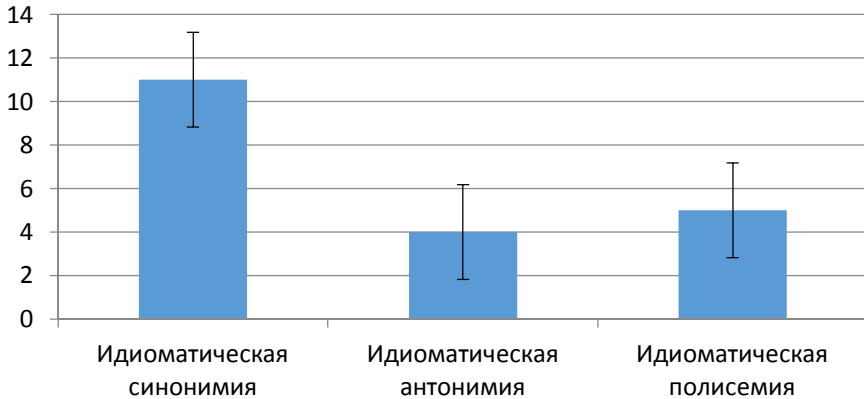

Рис. 1. Количество правильных ответов в трех заданиях (%) и стандартное отклонение

Результаты исследования межгрупповой и внутригрупповой вариативности с применением дисперсионного анализа ANOVA

Источник	Сумма квадратов	Степени свободы	Средний квадрат	Значение F, критическое F и значение p
Систематическая (межгрупповая) дисперсия	39,8182	2	19,9091	F-распределение (распределение Фишера) = 3,77153 критическое F = 3,31582950 F > F-critical p = 0,034584 p < 0,5
(Внутригрупповая) дисперсия	158,3636	30	5,2788	
Итого	198,1818	32		

Исходя из полученных степеней свободы (2 и 30), критическое F равняется 3,31582950. Поскольку распределение Фишера больше критического F (ср. $F > F\text{-critical}$), нулевая гипотеза об одинаковой степени освоенности парадигматических отношений среди фразеологизмов не подтверждается.

Для уточнения степени освоенности парадигматических отношений между отдельными группами фразеологизмов (многозначных, синонимичных и антонимичных) был использован тест Тьюки, показавший, что межгрупповая вариативность статистически значима при HSD (honestly significant difference), равном 2,4152. Сравнение средних показателей в каждой группе обнаружило статистически значимую разницу между группами синонимов и антонимов ($2,45 > 2,4152$).

Разница между степенью освоенности парадигматических отношений синонимии и полисемии ($2,19 < 2,4152$), а также антонимии и полисемии ($0,27 < 2,4152$) оказалась статистически несущественной. Несмотря на это, в целом рабочая гипотеза исследования о разной степени освоенности системно-парадигматических отношений во фразеологии студентами не носителями английского языка подтверждается.

Обсуждение результатов исследования

Детальный постэкспериментальный анализ обнаружил общие закономерности правильного и неправильного выполнения трех типов заданий. Наименьшие сложности в перефразировании вызывают изоморфные идиомы, т.е. такие, форма и значение которых обнаруживают межязыковой параллелизм: ср. *the icing on the cake* (ср. русск. «вишенка на торте»), *a weight off your shoulders* (ср. русск. «груз с плеч»), *a bundle of nerves* (ср. русск. «комочек нервов»). Эти данные соответствуют ранее полученным данным К. Конклин и Г. Кэрролом [21], в соответствии с которыми сходные по форме и семантике идиомы осваиваются не носителями языка легче и быстрее. Наибольшие сложности в перефразировании в первом задании обусловлены редкими словами в составе фразеологизма (ср. *at the end of one's tether* «на грани»), а также библейскими аллюзиями, требующими активации фоновых знаний информантов: ср. *at the eleventh hour* «в последний момент». Несмотря на то, что «подсказки» должны были некоторым образом облегчить выполнение заданий, во втором задании сложности в перефразировании как минимум двух идиом (*on top of the world*, *of your own free will*) могли быть обусловлены сравнительно редкими словами, предлагаемыми в качестве подсказок (prompt words) – *duress* и *doldrums*. Данные слова не используются как отдельные лексемы в современном английском языке. Нераспознавание второго значения некоторых идиом в третьем задании частично обусловлено тем, что они имеют редкое второе значение (*to bring home the bacon* 1. «обеспечивать финансово», 2. «быть успешным в спорте»). Значения других идиом являются очень близкими по смыслу и, по-видимому, представлены недискретно в ментальном лексиконе информантов (*to burn the candle at both ends* 1. «поздно ложиться и рано вставать», 2. «одновременно и напряженно заниматься несколькими делами»). Данный вывод подтверждает результаты, полученные Е.А. Никулиной в эксперименте с носителями английского языка, которые также не воспринимают многозначные идиомы как таковые [22]. Таким образом, ментальный лексикон носителей языка и изучающих иностранный язык на продвинутом уровне, по-видимому, организован сходным образом, несмотря на то, что носители языка знакомы с большим количеством устойчивых выражений [29, 30]. Наконец, явление энантиосемии, т.е. наличие взаимоисключающих смысловых компонентов в составе идиомы, препятствует усвоению ее многозначности: ср. *to be downhill all the way* (1. «под откос», 2. «легко, пойти в гору»).

Принимая во внимание вышесказанное, отметим некоторые ограничения результатов исследования. Несмотря на то, что полученные данные в целом соответствуют данным, полученным нами ранее с участием студентов другого российского вуза с другой выборкой [31], степень освоения информантами по каждому типу отношений значительно ниже. Это может быть обусловлено тем обстоятельством, что в МГИМО английский язык не является основным предметом обучения. Другое ограничение связано с недостаточной разработанностью вопроса изучения парадигматических отношений во фразеологии: отсутствие экспериментальных исследований по выявлению различной степени освоенности системных отношений во фразеологии не позволяет опираться на исследования предшественников и требует тщательной разработки процедуры создания лингвистического эксперимента, учитывающего многочисленные факторы, которые могут повлиять на его результаты. Так, различные регистровые характеристики идиом, а также их частотность оказывают определенное влияние как на количество правильных ответов, так и на интерпретацию полученных данных. Следует также отметить, что «слова-подсказки» в заданиях могут оказывать не вполне однозначное влияние на успешность его выполнения. Некоторые из них действительно облегчают поиск правильного ответа, однако другие, содержащие незнакомые информантам слова и выражения, могут не только не облегчать, но и затруднять выполнение задания.

С лингводидактической точки зрения существует известная проблема соотношения организации ментального лексикона и языковой системы. Можно ли ставить знак равенства между ментальным лексиконом и языковой системой? Изоморфны ли отношения между ментальным лексиконом и языковой системой как в структурном, так и в содержательном отношении? Данный вопрос напрямую связан с проблемой отношений между понятийной и языковой картинами мира, а также с проблемой соотношения языка и мышления. Известно, что языковая картина мира менее подвижна, чем понятийная. Язык, как правило, содержит большее количество архаичных черт, а внутренняя форма слов и устойчивых выражений нередко содержит неактуальный семантический признак с точки зрения современного состояния языка (ср. *dribs, drabs, tether* и др.). Кроме того, наличие яркой образности и метафоричности может как облегчать, так и затруднять понимание, а значит, и перефразирование устойчивых выражений.

Выводы и заключение

Основные выводы проведенного экспериментального исследования могут быть сформулированы следующим образом.

1. Обращает на себя внимание относительно низкая степень усвоения отношений во фразеологии русскоязычными не носителями английского языка: 11% (синонимия), 5% (полисемия) и 4% (антонимия). Это обусловлено спецификой структуры и семантики фразеологических выражений, практикой преподавания английского языка и составления английских словарей и учебных пособий.

2. Большая когнитивная выделенность фразеологических синонимов обусловлена большим удельным весом фразеологических синонимов в имеющихся учебных пособиях.

3. Нераспознавание второго значения многозначной идиомы обусловлено тем, что преподаватели редко обращают внимание студентов на явление фразеологической многозначности, несмотря на относительную частотность многозначных фразеологизмов в корпусе. Тесная связь между значениями многозначной идиомы препятствует их усвоению как отдельных.

4. Статистически несущественная разница между степенью усвоения антонимических и многозначных идиом, по-видимому, обусловлена наименее прочными связями между многозначными и антонимическими фразеологизмами в ментальном лексиконе.

5. Языковая система представляет собой абстракцию и идеализацию по отношению к организации ментального лексикона: фиксирование системно-парадигматических отношений между фразеологизмами в языке не влечет за собой их автоматическое усвоение изучающими иностранный язык. Когнитивные усилия изучающих английский язык направлены на усвоение конкретных идиоматических выражений как отдельных и независимых друг от друга языковых знаков.

Учитывая полученные данные, представляется необходимым пересмотреть практику подачи материала в учебных пособиях по фразеологии и усовершенствовать практику составления словарной статьи в идиоматических словарях. Подобного рода пересмотр будет способствовать лучшему усвоению иноязычных фразеологизмов. Незнание изучающими того, что многие известные и частотные английские фразеологизмы имеют несколько значений, может приводить к коммуникативным сбоям, особенно в переводческой практике.

Результаты настоящего исследования могут быть экстраполированы на другие языки, прежде всего, близкородственные английскому языку (немецкий, шведский и голландский), так как в последние годы наблюдается взаимное обогащение фразефонда указанных языков.

Перспективы исследования включают следующие аспекты: (1) изучение других типов системно-парадигматических отношений во фразеологии, таких как паронимия и блендинг; (2) изучение репрезентации в ментальном лексиконе фразеологических вариантов и синонимов по отдельности, (3) сопоставительно-типологическое исследование парадигматических отношений среди фразеологизмов в дальнородственных языках, (4) сопоставительное экспериментальное исследование степени усвоения парадигматических отношений однословных лексем и устойчивых выражений.

Литература

1. *Cowie A.P.* Past achievements and current trends // *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications* / ed. by A.P. Cowie. Oxford : Clarendon Press, 1998. P. 1–21.

2. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. М. : Высшая школа, 1996. 381 с.

3. Dobrovolskij D., Piirainen E. Conventional figurative language theory and idiom motivation // *Yearbook of Phraseology*. 2018. № 9 (1). P. 5–30.
4. Mel'čuk I. Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer // *Yearbook of Phraseology*. 2012. № 3(1). P. 31–56.
5. Никулина Е.А. Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка. М. : Прометей, 2004. 228 с.
6. Zykova I.V. Linguo-cultural studies of phraseologisms in Russia: past and present // *Yearbook of Phraseology*. 2016. № 7 (1). P. 127–148.
7. Salazar D. *Lexical Bundles in Native and Non-native Scientific Writing: Applying a corpus-based study to language teaching*. Oxford : University of Oxford, 2014. 212 p.
8. Macis M., Schmitt N. Not just 'small potatoes': Knowledge of the idiomatic meanings of collocations // *Language Teaching Research*. 2017. № 21 (3). P. 321–340.
9. Glucksberg S. *Understanding figurative language*. New York : Oxford University Press, 2001. 144 p.
10. Siyanova-Chanturia A. Researching the teaching and learning of multi-word expressions // *Language Teaching Research*. № 21 (3). P. 289–297.
11. Boyarskaya E.L., Zabolotkina V.I. On the challenge of polysemy in contemporary cognitive research: what is conscious and what is unconscious // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2017. № 10 (3). P. 28–39.
12. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Основы фразеологии*. М. : Флинта, 2014. 312 p.
13. Cserép A. Idiom variation and decomposability Part I: Verbal variation // *Yearbook of Phraseology*. 2017. № 8 (1). P. 95–122.
14. Иванова Е.В. *Лексикология и фразеология современного английского языка*. М. : Академия, 2017. 352 с.
15. Дронов П.С. *Общая лексикология*. М. : Языки славянской культуры, 2015. 224 с.
16. Moon R. *Fixed expressions and idioms in English*. New York : Oxford University Press, 1998. 340 p.
17. *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford : Oxford University Press, 2004. 323 p.
18. Gibbs R.W. Skating on thin ice. Literal meaning and understanding idioms in conversation // *Memory and Cognition*. 1986. № 8. P. 149–156.
19. Fiedler S. *English phraseology. A coursebook*. Leipzig : Gunter Nar Verlag Tübingen, 2007. 198 p.
20. Türker E. Idiom acquisition by second language learners: the influence of cross-linguistic similarity and context // *The Language Learning Journal*. 2016. P. 1–12.
21. Conklin K., Carrol G. First language influence on the processing of formulaic language in a second language // *Understanding formulaic language. A second-language acquisition perspective* / eds by A. Siyanova-Chanturia, A. Pellicer-Sanches. New York ; London : Routledge, 2019. P. 62–77.
22. Nikulina E.A. English Phraseology: Integration with Terminology Science // *Journal of Language and Education*. 2015. № 1 (2). P. 41–45. URL: <https://doi.org/10.17323/2411-7390-2015-1-2-41-45>
23. Gairns R., Redman S. *Idioms and Phrasal Verbs*. Oxford : Oxford University Press, 2011. 207 p.
24. *Longman Dictionary of English Idioms*. London: Addison Wesley Longman Dictionaries, 1998. 398 p.
25. *Collins Cobuild Dictionary of Idioms* / ed. by R.E. Moon. London : Harper Collins, 1995. 493 p.
26. *Longman Pocket Idioms Dictionary*. Edinburgh : Pearson Education Limited, 2002. 320 p.
27. *The Free Dictionary* by Farlex (electronic source). URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/downhill+all+the+way> (date of reference: 03.10.2020).
28. Arsenteva E., Ayupova R. Bilingual and multilingual Russian-English phraseological dictionaries // *Yearbook of Phraseology*. 2013. № 4 (1). P. 65–78.

29. Cacciari C., Glucksberg S. Understanding idioms: Do visual images reflect figurative meanings? // *European Journal of Cognitive Psychology*. 1995. № 7 (3). P. 283–305.

30. McGlone M.S., Glucksberg S. Cacciari C. Semantic productivity and idiom comprehension // *Discourse Processes*. 1994. P. 167–190.

31. Lavrova N.A., Nikulina E.A. Advanced Russian EFL Learners' Awareness of Idiomatic Synonymy, Antonymy, and Polysemy // *Journal of Language and Education*. 2020. № 6 (4). P. 61–76. <https://doi.org/10.17323/jle.2020.9689>

The Main Types of Paradigmatic Idiomatic Relations in English in Non-Native Speakers' Mental Lexicon: An Experimental Research

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 55–71. DOI: 10.17223/19986645/73/4

Nataliya A. Lavrova, Elena A. Nikulina, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lavruscha@gmail.com / ea.nikulina@mpgu.su

Keywords: phraseology, idiom, paradigm, synonymy, antonymy, polysemy.

The main aim of the article is to establish which types of paradigmatic idiomatic relations are more accessible to Russian learners of English. The research is experimental and was conceived out of the following practical, methodological, and pedagogical problem: most undergraduate students of English seem to experience difficulty in paraphrasing idiomatic expressions using synonyms or antonyms; nor are they aware that some of the most common idioms are polysemous. With the above aim and problem in mind, the following methodology was applied. At the initial research stage, the statistical method of systematic sampling was made use of, as a result of which 4,000 idioms were selected for the total sample from current dictionaries of idioms. Other methods used in the research are informal interviews, definitional analysis, contextual analysis, phraseological analysis, experimental research, and non-involved observation. The ANOVA analysis was applied to compare the within-group variance with the between-group variance. To obtain experimental data, 50 advanced Russian undergraduate students of MGIMO were asked to complete three tasks whose aim was to establish the degree of non-native learners' awareness of idiomatic synonymy, antonymy, and polysemy. For this purpose, a subsample of 120 idioms was selected through the statistical method of stratified sampling. The participants were given 140 minutes to complete all the three tasks. Each idiomatic expression was thus given slightly more than a minute (about 64 seconds), which is enough time to come up with the target item if the learner is aware of its existence. Apart from an explanation of the task, an example of its possible completion was provided. This detailed presentation of the task is in accordance with the standards required by CAE and CPE international examinations. The hypothesis of the research was formulated as follows: Russian learners of English are more aware of synonymous and polysemous paradigmatic relations among English idioms rather than idiomatic antonymy due to the current practice of teaching English idioms. According to this practice, learners are more frequently exposed to idiomatic synonymy, and, since meanings of most polysemous idioms are closely connected with each other, the second meaning can be guessed provided that the first one is given. The results of the ANOVA analysis revealed that the degree of awareness of the major types of idiomatic paradigmatic relations significantly differs between the three groups of phraseological units, with learners being more aware of synonymy and polysemy. Antonymy was found to be least accessible to learners. These findings proved our initial hypothesis and suggest that current FLT materials and phraseological dictionaries need to be updated and revisited with a view to exposing foreign learners to an extended network of paradigmatic relations within English idioms.

References

1. Cowie, A.P. (1998) Past achievements and current trends. In: Cowie, A.P. (ed.) *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications*. Oxford: Clarendon Press. pp. 1–21.

2. Kunin, A.V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A course of phraseology of modern English]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Dobrovol'skiy, D. & Piirainen, E. (2018) Conventional figurative language theory and idiom motivation. *Yearbook of Phraseology*. 9 (1). pp. 5–30.
4. Mel'čuk, I. (2012) Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer. *Yearbook of Phraseology*. 3(1). pp. 31–56.
5. Nikulina, E.A. (2004) *Vzaimodeystvie i vzaimovliyanie terminologii i frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Interaction and mutual influence of the terminology and phraseology of modern English]. Moscow: Prometey.
6. Zykova, I.V. (2016) Linguo-cultural studies of phraseologisms in Russia: past and present. *Yearbook of Phraseology*. 7 (1). pp. 127–148.
7. Salazar, D. (2014) *Lexical Bundles in Native and Non-native Scientific Writing: Applying a corpus-based study to language teaching*. Oxford: University of Oxford.
8. Macis, M. & Schmitt, N. (2017) Not just 'small potatoes': Knowledge of the idiomatic meanings of collocations. *Language Teaching Research*. 21 (3). pp. 321–340.
9. Glucksberg, S. (2001) *Understanding figurative language*. New York: Oxford University Press.
10. Siyanova-Chanturia, A. Researching the teaching and learning of multi-word expressions. *Language Teaching Research*. 21 (3). pp. 289–297.
11. Boyarskaya, E.L. & Zabortkina, V.I. (2017) On the challenge of polysemy in contemporary cognitive research: what is conscious and what is unconscious. *Psychology in Russia: State of the Art*. 10 (3). pp. 28–39.
12. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2014) *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology]. Moscow: Flinta.
13. Cserép, A. (2017) Idiom variation and decomposability Part I: Verbal variation. *Yearbook of Phraseology*. 8 (1). pp. 95–122.
14. Ivanova, E.V. (2017) *Leksikologiya i frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicology and phraseology of modern English]. Moscow: Akademiya.
15. Dronov, P.S. (2015) *Obshchaya leksikologiya* [General lexicology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
16. Moon, R. (1998) *Fixed expressions and idioms in English*. New York: Oxford University Press.
17. OUP. (2004) *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press.
18. Gibbs, R.W. (1986) Skating on thin ice. Literal meaning and understanding idioms in conversation. *Memory and Cognition*. 8. pp. 149–156.
19. Fiedler, S. (2007) *English phraseology. A coursebook*. Leipzig: Gunter Nar Verlag Tübingen.
20. Türker, E. (2016) Idiom acquisition by second language learners: the influence of cross-linguistic similarity and context. *The Language Learning Journal*. 47 (2). pp. 1–12.
21. Conklin, K. & Carrol, G. (2019) First language influence on the processing of formulaic language in a second language. In: Siyanova-Chanturia, A. & Pellicer-Sanches, A. (eds) *Understanding formulaic language. A second-language acquisition perspective*. New York; London: Routledge. pp. 62–77.
22. Nikulina, E.A. (2015) English Phraseology: Integration with Terminology Science. *Journal of Language and Education*. 1 (2). pp. 41–45. [Online] Available from: <https://doi.org/10.17323/2411-7390-2015-1-2-41-45>
23. Gairns, R. & Redman, S. (2011) *Idioms and Phrasal Verbs*. Oxford: Oxford University Press.
24. Longman. (1998) *Longman Dictionary of English Idioms*. London: Addison Wesley Longman Dictionaries.
25. Moon, R.E. (ed.) (1995) *Collins Cobuild Dictionary of Idioms*. London: Harper Collins.

-
26. Longman. (2002) *Longman Pocket Idioms Dictionary*. Edinburgh: Pearson Education Limited.
27. *The Free Dictionary by Farlex*. [Online] Available from: <https://idioms.thefreedictionary.com/downhill+all+the+way> (Accessed: 03.10.2020).
28. Arsenteva, E. & Ayupova, R. (2013) Bilingual and multilingual Russian-English phraseological dictionaries. *Yearbook of Phraseology*. 4 (1). pp. 65–78.
29. Cacciari, C. & Glucksberg, S. (1995) Understanding idioms: Do visual images reflect figurative meanings? *European Journal of Cognitive Psychology*. 7 (3). pp. 283–305.
30. McGlone, M.S. & Glucksberg, S. (1994) Cacciari C. Semantic productivity and idiom comprehension. *Discourse Processes*. 17 (2). pp. 167–190. DOI: 10.1080/01638539409544865
31. Lavrova, N.A. & Nikulina, E.A. (2020) Advanced Russian EFL Learners' Awareness of Idiomatic Synonymy, Antonymy, and Polysemy. *Journal of Language and Education*. 6 (4). pp. 61–76. <https://doi.org/10.17323/jle.2020.9689>

УДК 81. 366
DOI: 10.17223/19986645/73/5

Г.И. Панова

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА И СЛОВОФОРМА: К УТОЧНЕНИЮ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ РУССКОЙ МОРФОЛОГИИ¹

В обзорно-аналитической статье рассматриваются трактовки понятий морфологической формы и словоформы в русском языкознании конца XIX – начала XXI в., разноречивость которых затрудняет взаимопонимание русистов и осложняет изучение курса морфологии в вузе. На основе концепции разных уровней существования морфологического строя автор предлагает уточненную интерпретацию данных единиц, которая может служить основой для выработки их единого понимания.

Ключевые слова: морфологическая форма, словоформа, уровни существования морфологического строя

Введение

Морфологическая форма – одно из основных понятий русской морфологии, которое представлено во всех лингвистических энциклопедиях, словарях, справочниках, в академических грамматиках и учебных пособиях по морфологии и языкознанию. Под морфологией мы понимаем «грамматическое учение о слове» в соответствии с концепцией В.В. Виноградова и академических грамматик русского языка; это раздел грамматики, который «изучает “грамматическое слово” в системно-структурном и функциональном аспектах» [1. С. 4]

В современной русистике существуют два синонимичных термина: *морфологическая форма* (МФ) и – более традиционный – *грамматическая форма* (ГФ). Последний термин представляется нам неоправданно широким: он предполагает языковую единицу, относящуюся ко всем разделам грамматики, а не только к морфологическому строю, как это есть на самом деле. Поэтому мы отдаём предпочтение более точному термину МФ, введённому А.В. Бондарко. Однако при цитировании того или иного автора будет сохраняться его авторский термин.

Анализ лингвистической литературы показывает, что в настоящее время МФ редко является объектом специального рассмотрения: интересы абсолютного большинства лингвистов ушли за пределы грамматической

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-112-50210 «Экспансия» – подготовка обзорных статей. Автор искренне благодарит профессора Е.В. Клобукова и профессора Т.А. Острикову за плодотворное обсуждение работы.

структуры русского языка (см. об этом [2]). Современный теоретический уровень флективной русской морфологии, в отличие от общей морфологии¹, определяется главным образом трудами русистов 70-х гг. XX в. Это прежде всего фундаментальное исследование морфологического строя русского языка А.В. Бондарко «Теория морфологических категорий» [1], монография Е.В. Клобукова «Теоретические проблемы русской морфологии» [5], а также «учебное пособие» исследовательского характера О.С. Ахмановой «Фонология. Морфонология. Морфология» [6]. Большое значение для развития русской морфологии имеют труды по общей грамматике В.Г. Адмони [7, 8], Т.В. Булыгиной [9], а также работы Н.Д. Арутюновой, М.М. Гухман и В.Н. Ярцевой, вошедшие в коллективную монографию [10].

Данная статья является продолжением многолетних исследований автора в сфере русской морфологии, включая осмысление её понятийно-терминологического аппарата [11–16]. Основные результаты этих исследований представлены в нашем энциклопедическом словаре-справочнике «Морфология русского языка» [17]. Словарь включает 927 словарных статей, расположенных по тематическому принципу, и совмещает жанры справочника, монографического исследования и учебного пособия.

Автор статьи ставит перед собой две главные задачи: провести анализ трактовок морфологической формы и словоформы в русистике конца XIX – начала XXI в. и, опираясь на теоретические достижения классической и современной российской грамматики, предложить на обсуждение уточненное понимание феноменов морфологической формы и словоформы как единиц морфологического строя. Обсуждение этих важнейших понятий с целью снятия разногласий в их понимании – давно назревшая задача как в сфере теоретической морфологии, ставшая особенно актуальной в связи с подготовкой новой академической грамматики русского языка, так и в лингводидактике. Попутно в статье затрагиваются вопросы совершенствования морфологической терминологии, но главный акцент делается на проблемах теоретической морфологии как части грамматики.

Основное внимание в статье уделяется МФ как базовой единице флективной морфологии – того раздела структуры любого языка, который, по выражению А.А. Реформатского, является «центром “языкового пространства”» и «даёт один из важнейших ключей к пониманию грамматических систем» [4. С. 8]. В *практическом плане* МФ как единица морфологического строя русского языка воспринимается всеми тождественно: когда говорят: «МФ 1 лица ед. числа», – всем понятно, что это. Видимо, поэтому грамматисты, рассматривая в том или ином аспекте МФ слова, нередко «обходятся» без её определения (см., например, разделы «Структура и формы слова» в [18. С. 227–229] или «Форма слова и парадигма» в [19. С. 124–127]). О.С. Ахманова через по-

---

¹ Здесь в первую очередь следует назвать пятитомный труд И.А. Мельчука «Курс общей морфологии» [3] и монографию В.А. Плунгяна «Общая морфология: Введение в проблематику» [4].

нятие ГФ определяет словоформу и морфологическую категорию, но не даёт определения самой ГФ [6. С. 78–102].

В *теоретическом плане* ситуация с МФ значительно сложнее: существующие определения данной грамматической единицы весьма разнородны. Исходная причина, на наш взгляд, заключается в неоднозначности самого понятия *формы*. В философии под формой понимают, с одной стороны, «способ существования и выражения содержания», а с другой – «внутреннюю организацию содержания» [20. С. 621]. В истории русского языкознания одни лингвисты связывают истолкование МФ с первым значением данного философского термина, понимая её как единицу *плана выражения*; другие – со вторым, определяя её как единицу *плана содержания*, а третьи – с синтезом этих значений.

Интерпретацию МФ как единицы плана выражения находим, например, у В.Г. Адмони: по его мнению, это понятие охватывает не только систему фонем данного языка, «но и весь набор ритмико-интонационных и всех других грамматических средств» [7. С. 13]. Аналогичной точки зрения придерживается В.Н. Сидоров, определяющий МФ как «звуковое выражение формального значения в слове» [21. С. 69] (ниже приведены и другие подобные определения).

В отличие от сказанного А.А. Потебня понимает МФ как единицу плана содержания: «Грамматическая форма... есть значение, а не звук. Формальность языка есть существование в нём общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка, одновременно со своим появлением в мысли» [22. С. 61]. Как «словоизменительное грамматическое значение» воспринимает МФ также А.А. Зализняк [23. С. 32]. Кстати, у В.Г. Адмони есть определение МФ и как единицы плана содержания – «это соединение лексического значения... с наслаивающимся на него грамматическим значением» [8. С. 50]. На самом деле эта дефиниция отражает содержательную структуру словоформы, о которой речь пойдёт ниже.

Иногда в соответствии с философским истолкованием понятия формы значение грамматической единицы рассматривают как её внутреннюю форму, а его материальное выражение – как внешнюю форму (см., например, [24]). Связь между интерпретацией МФ и философским определением формы ясно прослеживается у Е.В. Клобукова. Говоря о понимании формы языка (и, соответственно, формы слова) как средства «выражения и организации языкового содержания», исследователь пишет: «Если форма слова – это средство выражения и организации его значения, то тогда морфологическая форма слова – это та часть формы слова, которая служит средством выражения и организации его грамматических (т.е. морфологических) значений» [5. С. 56–57]. По мнению В.В. Виноградова, неоднородность толкований МФ «породила ряд научных недоразумений, губительно отразившихся на развитии русской грамматической науки» [25. С. 31].

Представив краткое описание общей рассогласованной картины в понимании МФ, перейдём к конкретному анализу литературы, прослеживая по возможности преемственность тех или иных толкований этого понятия.

Основные типы трактовок морфологической формы

Большинство определений отражают МФ как двустороннюю единицу. Их можно разделить на два основных типа – определения МФ по отношению к слову (1) и по отношению к морфологическим средствам (2). Мы представим и другие, менее типичные дефиниции, отражающие это понятие в иных аспектах.

Определения морфологической формы по отношению к слову. А.А. Шахматов в «Курсе истории русского языка», который он читал в 1910/11 г. в Санкт-Петербургском университете, даёт такое определение МФ: это «*разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением*»¹ (цит. по: [26. С. 10]). И в другой работе – «*те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (нереальной) связи его с другими словами*» [27. С. 9]. В понимании МФ присоединяется к своему учителю В.В. Виноградов: это «*те видоизменения одного и того же слова, которые, выражая одно и то же <...> лексическое содержание, либо выражают дополнительные смысловые оттенки, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли к другим предметам того же предложения*» [25. С. 34]. Авторитет В.В. Виноградова содействовал широкому распространению данной интерпретации МФ ([28. С. 12; 29. С. 53; 30. С. 302; 31. С. 378–379; 32. С. 603; 33 С. 201; 34. С. 718; 35. С. 176] и др.).

Эта интерпретация МФ слова восходит к учению о «форме слова» Ф.Ф. Фортунатова. Наиболее известным является его определение формы слова, понимаемой как «способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова» [36. С. 136]. Одни лингвисты обращаются к данному определению, разделяя такое понимание МФ [37. С. 52; 38. С. 68], другие, напротив, критикуя его в том или ином отношении [29, С. 54; 39. С. 17; 40. С. 417]. А далее, в том же абзаце, Ф.Ф. Фортунатов определяет форму слова в другом, интересующем нас аспекте: «...формальная принадлежность слова образует данное слово как *видоизменение другого слова <...>. Формами полных* (знаменательных. – Г.П.) *слов являются, следовательно, различия полных слов, образуемые различиями в их формальных принадлежностях*» [36. С. 136–137]².

Понимание МФ как разновидности (видоизменения) слова, создаваемой формообразующим аффиксом («формальной принадлежностью» слова), равнозначно её определению как компонента морфологической парадигмы слова [5. С. 56]. В том и другом случае отражается не абстрагированная МФ, а «данная грамматическая форма данного слова» [41. С. 18], т.е. словоформа.

---

¹ Курсивное выделение без пометы в этой и в других цитатах сделано нами; авторское выделение цитаты будет сопровождаться пометой.

² «Учение о форме было изложено Фортунатовым в его литографированном курсе сравнительного языковедения (1902 г. – Г.П.), вплоть до настоящего времени не переиздававшемся» (из предисловия проф. М.Н. Петерсона к «Избранным трудам» Ф.Ф. Фортунатова) [36. С. 13].

Термином *форма слова* традиционно называют не только словоформу, но и МФ. На неоднозначность этого термина указывал ещё Ф.Ф. Фортунатов, отмечая, что «формами» слов называют также сами слова в определённой форме. Например, «слова *несу, беру*, заключающие в себе форму первого лица единственного числа настоящего времени, могут быть названы просто формами первого лица единственного числа» [36. С. 139]. Об этом же писал и А.М. Пешковский [37. С. 44]. М.В. Панов употребляет этот термин только для обозначения словоформы: «...формы слова – это вот что: *дом – дома – дому – домам...*») [42. С. 80–81].

Обратите внимание на одно определение формы слова А.В. Бондарко в энциклопедии «Русский язык»: «Форма слова – *морфологическая разновидность слова (класса слов)*, несущая определённый комплекс категориальных грамматических значений, свойственных данной части речи» [43. С. 819]. Здесь представлено совмещённое определение МФ и словоформы: если речь идёт о морфологической разновидности *слова*, то это словоформа, а если – *класса слов*, то это собственно МФ, отвлечённая от конкретных слов. А.В. Бондарко эксплицитно противопоставил МФ словоформе ещё в монографии 1976 г., определив её как «*отвлечённо-грамматический аналог словоформы*, тот грамматический тип, который репрезентируется словоформами с их конкретным лексическим наполнением» [1. С. 136]. Аналогичное понимание МФ у Т.В. Булыгиной: она полагает, что эта «единица получается в результате отождествления всех словоформ, имеющих одно и то же грамматическое значение» [9. С. 128]. См. также [44. С. 455; 45. С. 443].

В ином аспекте определяет МФ слова Е.Д. Поливанов в «Толковом терминологическом словаре по лингвистике», написанном в 1935–1937 гг.: «...это тот или иной *член парадигмы морфологического словоизменения, присущего данной части речи*» [46. С. 445]. Здесь речь идёт о морфологической парадигме не отдельного слова, а всех слов данной части речи, следовательно, о МФ как «отвлечённо-грамматическом аналоге» СФ. Однако это определение не отражает сущностных свойств определяемой единицы, так как базируется на логическом круге: МФ – это член парадигмы данной части речи, а парадигма части речи – это система её МФ.

Определения морфологической формы по отношению к морфологическим средствам. Большинство грамматистов определяют МФ по отношению к морфологическим, или грамматическим, средствам, по существу, отождествляя её с ними. Выделяются две разновидности таких определений в зависимости от того, что понимается под средствами выражения морфологических значений: план выражения формообразующих аффиксов или сами аффиксы.

Определение МФ **первой** разновидности впервые представлено в «Грамматическом словаре» Н.Н. Дурново – «звуковое выражение отношения между понятиями, выраженными словами» [47. С. 115]. Это «всякое звуковое обнаружение грамматического значения» [48. С. 118]. См. также [49. С. 40] и приведённые выше дефиниции В.Г. Адмони и В.Н. Сидорова. МФ предстаёт в них как односторонняя единица грамматического строя –

единица плана выражения, прежде всего формообразующих аффиксов. К такой интерпретации МФ подталкивает значение слова *форма*, которое в философии [20. С. 621] и языкознании [50. С. 557] понимается прежде всего как материальное выражение содержания. М.В. Панов в статье «О грамматической форме», не давая определения данного понятия, рассматривает на материале русского и немецкого языков чередования звуков, имеющие статус внутренней флексии. Значит, в то время исследователь тоже видел в «грамматической форме» единицу плана выражения [51]. Анализ литературы показывает, что данное понимание МФ осталось в основном в 60-х гг. Из более поздних изданий оно представлено только в энциклопедиях «Русский язык», где в качестве одного из определений МФ даётся следующее: это «материальный вид существования грамматического значения» [52. С. 59; 53. С. 97; 54. С. 119].

В определениях **второй разновидности** МФ предстаёт как двусторонняя языковая единица, отождествляемая с формообразующими аффиксами (и вспомогательными словами). Полагаем, что такое понимание МФ восходит к другому (не фортунатовскому) определению А.А. Шахматова, которое он даёт в «Синтаксисе русского языка»: это «*морфологическое обнаружение* грамматического понятия» [55. С. 487]. Как «*средства выражения* общих категорий в конкретной оболочке слов» рассматривает МФ Н.С. Поспелов [56. С. 53]. Данная трактовка МФ, в том или ином варианте, получила отражение во многих справочных и учебных пособиях по морфологии и языкознанию. Например, МФ – это «языковые средства, служащие для выражения грамматических значений. Так, в слове *беру* окончание *-у* указывает на лицо (1-е), число (единственное)...» [57. С. 75].

Пытаясь дифференцировать, с одной стороны, форму слова, понимаемую как грамматическое средство, и с другой – собственно грамматическое средство, Ю.В. Фоменко определяет МФ как «частный случай грамматического средства. Например, флексия – это грамматическое средство, а *-ый, -ого, -ому* и т. д. – конкретные грамматические формы. Так, в слове *добро* морфологическое значение единственного числа выражено грамматической формой (окончанием) *-о*» [58. С. 120–121]. Интерпретация формы слова как грамматического средства доведена здесь до логического конца, что и обнажает её неадекватность.

Во всех приведённых выше определениях МФ эксплицитно отождествляется с морфологическими средствами, понимаемыми либо как план выражения морфологических аффиксов, либо как сами аффиксы. Отождествление МФ с морфологическими аффиксами может быть имплицитным. Так, О.С. Ахманова рассматривает МФ как «единство данного грамматического содержания (значения) с данным грамматическим выражением» [59. С. 116]). Однако это единство и есть грамматический аффикс с точки зрения структуры, включающей план содержания и план выражения. Подобные определения МФ даны в учебных пособиях по языкознанию Л.И. Баранниковой, Т.И. Вендиной, Б.Н. Головина, Б.И. Косовского, В.Н. Перетрухина, А.А. Реформатского.

Как можно было заметить, в работах одного и того же лингвиста есть разные толкования МФ, чаще определяющие её с разных позиций (ср.: [27. С. 9] и [55. С. 487]; [1. С. 136] и [32, С. 603]; [5. С. 56] и [33. С. 201]), а иногда и противоречащие друг другу, как в [7. С. 13] и [8. С. 50]. Все эти толкования были даны выше.

В справочных изданиях традиционно приводятся несколько определенных МФ / ГФ. Так, в энциклопедии «Русский язык» в словарной статье «Грамматическая форма» их три, причём здесь представлена попытка разграничить понятия ГФ и МФ. Первые два определения отнесены к ГФ: «материальный вид существования грамматического значения» и «языковой знак, в котором грамматическое значение находит своё регулярное (стандартное) выражение»; третье – к МФ: «регулярные видоизменения слов определённых частей речи...» [54. С. 97] (см. также: [60. С. 116]). Однако, с нашей точки зрения, не только третья, но и две первые дефиниции имеют отношение к МФ слова. Об этом свидетельствует и пояснение В.В. Лопатина ко второй дефиниции: «...грамматические значения выражаются разными средствами: это аффиксы (в т. ч. нулевые), фонемные чередования («внутренняя флексия»), характер ударения», т.е. морфологические средства, существующие в СФ.

В энциклопедии есть ещё два определения МФ: в словарной статье «Форма слова» – это «форма слова как существующий в системе языка грамматический образец» [53. С. 603] и в статье «Морфология»: «Грамматическая (морфологическая) форма – это языковой знак, который сочетает в себе материальную сторону и отвлечённый смысл...» [53. С. 244]. Таким образом, одна и та же языковая единица имеет три наименования (*грамматическая форма*, *морфологическая форма* и *форма слова*) и пять дефиниций; это не способствует формированию адекватного представления об этой единице. (Тождественные наименования и дефиниции МФ представлены в третьем издании энциклопедии «Русский язык» [54. С. 119, 360, 819].)

Итак, в типичных случаях МФ определяется либо по отношению к слову, в таком случае она приравнивается к СФ, либо по отношению к средствам выражения морфологических значений, в этом случае она отождествляется с морфологическими средствами. В зависимости от понимания последних МФ предстаёт либо как односторонняя единица языка – единица плана выражения (обычно формообразующего аффикса), либо – чаще – как двусторонняя единица, т.е. сам аффикс. А теперь представим наше понимание МФ, связанное со структурой этой единицы в отвлечении от конкретных слов.

Морфологическая форма с точки зрения структуры. По нашему мнению, большинство тех лингвистов, которые, определяя МФ слова, приравнивают её к морфологическим средствам, в действительности не отождествляют их. В этих определениях по умолчанию подразумевается, что формообразующий аффикс как языковой знак существует не сам по себе, а в неразрывной связи с основой слова. И если эксплицировать эту связь, то получается, что МФ – не «языковой знак», а определённая языковая конструкция, в которой данный знак является её главным конституентом.

Морфологическая форма – это единство морфологического средства (аффикса или служебного слова) и обобщённой основы слов данной части речи. См., например: [(осн. глаг.) + -у], или [(осн. глаг.) + -л-, -а, бы], или [**самый** + (осн. прилаг.) + -ый]. Это толкование МФ мы рассматриваем как корректировку известного фортуатовского определения МФ: «...способность отдельных слов выделять из себя <...> формальную и основную принадлежность слова» [41. С. 136]. Содержательная сущность этой корректировки заключается в указании на обобщённый характер основы слова, её отвлечённость от конкретных лексем (иначе определение будет отражать не МФ с точки зрения структуры, а СФ). Аналогичное понимание МФ выражает Т.П. Ломтев. Освещая систему именного склонения «в общевосточнославянском языке», исследователь отмечает, что МФ имени существительного «как синтагматическое целое содержит только два элемента – *основу и окончание*, являющиеся такими противочленами, которые взаимно предполагают друг друга» [62. С. 17].

Выше мы определили МФ как двухкомпонентную единицу. Однако можно дать более развёрнутое толкование, представив её как трёхкомпонентную единицу, эксплицируя план содержания и план выражения морфологического средства. МФ – это единство: а) морфологического значения; б) его материального выражения; в) обобщённой основы слов данной части речи [14. С. 63; 17. С. 25]. См., например, графическое представление МФ 1-го лица ед. числа глагола¹ (в отвлечении от других, сопутствующих морфологических значений):

основа глаг.   МЗ 1-го л., ед.ч. (отнесенность действ. к субъекту – говорящему).
[у]

Обобщая данное толкование МФ, можно сказать, что она представляет собой *единство выражения и организации морфологического значения* слов, что синтезирует оба значения философского понятия *формы* [20. С. 621].

В русском языке большинство МФ представлены в определённых формальных вариантах, создаваемых равнозначными (нестандартными) аффиксами, характерными для языков флективного типа. Например, комплексная МФ 3-го лица ед. числа глагола представлена в трёх вариантах: [(основа глаг.) + -ет], [(основа глаг.) + -ит] и [(основа глаг.) + -ет]. МФ им. падежа ед. числа у существительных женского рода существует в двух формальных вариантах: [(основа сущ.) + -а] и [(основа сущ.) + ∅]. Таким образом, МФ существуют в определённых формальных комплексах, обнаруживая тем самым разную степень абстрагированности. МФ репрезентируются в конкретных словах и высказываниях.

¹ При развёрнутом определении данной МФ [у] – это фонема, составляющая план выражения флексии 1-го лица, ед. числа, а при свёрнутом её представлении (основа глаг. + -у) -у – это сама флексия.

Основные типы трактовок словоформы

Базовым положением морфологической теории А.В. Бондарко, значимость которого, на наш взгляд, ещё не осознана лингвистами в полной мере [17], является положение о трёх уровнях существования грамматических единиц. Исследователь пишет: «В лингвистической традиции издавна так или иначе дифференцировались *разные уровни существования* и, соответственно, *описания* грамматических категорий. Особенно существенным представляется разграничение 1) уровня абстрактной грамматической системы (рассматриваемой в отвлечении от лексики); 2) уровня репрезентации абстрактной грамматической системы в лексически конкретных единицах; 3) уровня функционирования грамматических единиц в составе высказывания, в тексте» [62. С. 100]. Первый и второй уровни – это уровни языковой системы, третий – уровень речи.

МФ существует «на уровне абстрактной грамматической системы» языка «без той конкретизации, которая связана с лексикой и контекстом» [62. С. 101]. Это *собственно морфологическая единица*, главная единица флективного морфологического строя языка. На втором уровне, уровне «лексически конкретных единиц», МФ репрезентируется в структуре конкретного слова, или в словоформе, которую тоже можно определить с точки зрения структуры.

Словоформа (СФ) – это единство морфологической формы и конкретной лексемы [17. С. 36]¹. Дадим свёрнутое графическое представление СФ 1-го лица ед. числа глагола *рассказать*: [расскаж + -у]. См. её развёрнутое представление (в отвлечении от сопутствующих морфологических значений):

Расскаж МЗ 1-го л., ед.ч. (отнесенность действия к субъекту – говорящему).
[у]

СФ как особую единицу грамматической системы, отличную от МФ, выделил (и предложил термин) А.И. Смирницкий. Это «данное слово в данной грамматической форме, или данная грамматическая форма данного слова» [64. С. 15]. Из двух конверсивных вариантов определения более предпочтительным является второй – «данная грамматическая форма данного слова», потому что, когда говорят о СФ, прежде всего имеют в виду её морфологический аспект. Эта языковая единица также неоднозначно толкуется в лингвистической литературе, хотя и не так многообразно, как МФ.

Известные нам определения СФ можно объединить в два основных типа. Одни лингвисты определяют СФ как «*доречевую*» единицу – единицу языка. Существует целый ряд дефиниций, аналогичных приведённой выше: «морфологическая (словоизменяемая) разновидность данного слова» [33. С. 201]; «конкретное слово в его морфологической форме» [65. С. 381]; «слово, рассматриваемое как представитель определенной лексемы и определенной грамматической формы» [66]. Иногда СФ определяют,

¹ О более сложном представлении структуры СФ см. в [63. С. 124, 129].

не обращаясь к понятию МФ. Так, В.Б. Касевич видит в ней «член парадигмы слова» [19. С. 125], В.А. Плунгян – «минимальный достаточно автономный комплекс, состоящий из достаточно жестко связанных между собой морфем» [4. С. 28], Т.И. Вендина – двустороннюю единицу, представляющую «в единстве её внешней стороны (последовательность фонем, ударение) и внутренней (её значения)» [67. С. 206]. Все подобные определения представляют СФ как «готовые единства, уже собранные до момента речи» (так М.В. Панов характеризует слова) [42. С. 80].

Другие лингвисты представляют СФ как *речевую единицу* – это «грамматическая форма слова в его употреблении» [8. С. 14], «определённый отрезок речи» [68. С. 9], «конкретное употребление слова в конкретном лексическом и грамматическом значении» [69. С. 271]. И.А. Мельчук определяет СФ как «частный случай языкового знака (множество, состоящее из означаемого, означающего и синтактики)» и далее называет её *текстовой единицей* [3. С. 103]. Иногда у одного лингвиста по-разному представлен статус СФ. Например, О.С. Ахманова в [6. С. 80] определяет СФ как слово, «реально выступающее в речи», а в [59. С. 427] – «данное слово в данной грамматической форме», как у А.И. Смирницкого. Г. Буидж в тексте монографии толкует СФ (*word form*) как «конкретное слово, употреблённое в предложении», а в прилагавемом Glossary of terms – как одну «из флективных форм лексемы» [70. С. 324].

Некоторые же исследователи дифференцируют СФ как единицу речи и СФ как единицу языка, правда, не эксплицируя их разный статус. Так, А.А. Зализняк в «Русском именном словоизменении» видит в высказывании *конкретные словоформы*, которые «служат представителями одной и той же *абстрактной словоформы*» [23. С. 20]. Ю.С. Маслов рассматривает СФ «как некие *абстрактные единицы*» в отличие от «*конкретных* экземпляров слов в тексте» [71. С. 10]. Различие между двумя типами СФ наиболее чётко сформулировала Т.В. Булыгина, ссылаясь на А.А. Зализняка и Ю.С. Маслова: «*Конкретная словоформа*, т. е. <...> словоформа, рассматриваемая вместе с тем местом конкретного текста, которое она занимает, и *абстрактная словоформа*, т. е. словоформа, рассматриваемая безотносительно к конкретному тексту, в лингвистике обычно терминологически не разграничиваются» [9. С. 124].

Разграничение СФ как единицы языка и СФ как единицы речи не отмечается в более поздних работах. Возможно, это связано с неудачным их наименованием. Прилагательные *абстрактный* и *конкретный* имеют иной узус употребления в описаниях грамматической структуры языка, когда, например, речь идёт об уровне «репрезентации *абстрактной* грамматической системы в лексически *конкретных* единицах» [62. С. 100].

Итак, в структуре морфологического строя русского языка существуют СФ как единицы системы языка, в которых репрезентируются МФ на уровне слова, и СФ как единицы речи, в которых они репрезентируются на уровне высказывания. Попробуем терминологически разграничить эти единицы. СФ как единицу языка будем называть *собственно словоформой*,

или просто *словоформой*, как А.И. Смирницкий; в этом же значении, и только в этом, логично употреблять термин *форма слова*. СФ как единицу речи предлагаем называть *словоформа-синтаксема* (СФ-синтаксема). У Г.А. Золотовой «синтаксема» трактуется как «минимальная семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как *конструктивный компонент* <...> *синтаксических построений*» [72. С. 4]. Если синтаксема – это СФ в структуре высказывания в её синтаксическом аспекте, то СФ-синтаксема – это СФ в структуре высказывания в её морфологическом аспекте, а точнее, с точки зрения её морфологического содержания, проявляемого в данном контексте. Рассмотрим более конкретно особенности этих единиц.

Словоформа по отношению к абстрагированной МФ – это та языковая единица, в структуре которой реализуется МФ в одном из своих формальных вариантов (например: *пишет, любит, ест*).

СФ по отношению к слову – это его морфологическая разновидность, компонент его морфологической парадигмы. СФ с точки зрения структуры – единство МФ и данной лексемы, следовательно, она является лексико-морфологической единицей языка. В её пределах происходит взаимодействие значений МФ и лексемы. Это взаимодействие может быть согласованным, тогда морфологическое значение выражается в СФ параллельно с её лексическим значением, и несогласованным, тогда оно не выражается. Например, в СФ *книга* – *книги* категориальные значения форм числа выражаются, а *темнота* и *потёмки* не выражаются, потому что они несовместимы с их лексической семантикой и она подавляет морфологическое значение формы. В таких случаях проявляется «сопротивление лексического материала» (В.В. Виноградов), или «противодействие лексики по отношению к грамматике» (В.Н. Ярцева).

Словоформа-синтаксема – это СФ как компонент высказывания в том её морфологическом значении (категориальном или некатегориальном), которое предопределяется контекстом и входит в содержательную структуру высказывания. В высказывании тоже происходит взаимодействие значений МФ (в структуре СФ) и контекста. И оно тоже может быть согласованным и несогласованным. В первом случае морфологическое значение СФ актуально для смысла высказывания, во втором – нет. Например, для высказываний У *Андрея опять новая книга* и У *Андрея опять новые книги* количественная характеристика предмета актуальна, и потому значения числа СФ участвуют в формировании их содержательной структуры. А для смысла высказывания *Книга – источник знаний* эта характеристика не актуальна, и значение единственного числа СФ нейтрализуется и не входит в его содержательную структуру. Для смысла высказывания безразлично, какая СФ числа представляет вид данных предметов, см.: *Книга / книги – источник знаний*. Следовательно, здесь СФ-синтаксемы числа как единицы речи лишены значения количества, присущего собственно СФ как единицам языка.

Таким образом, если в СФ значение МФ рассматривается с позиции содержательной структуры самой СФ (ср.: *книги* и *потёмки*), то в СФ-

синтаксеме оно оценивается с позиции содержательной структуры высказывания. В высказывании морфологическая функция СФ тоже может быть категориальной и некатегориальной (термины А.В. Бондарко), первичной и вторичной (термины Е. Куриловича), т. е. СФ может реализовывать «парадигматический инвариант» морфологического значения или же «синтагматический контекстуальный вариант» (М.М. Гухман).

Ср. ещё употребление СФ настоящего времени *сижу* в высказываниях: *Я сейчас сижу в библиотеке – Сижу я вчера в библиотеке, и вдруг...* В первом случае *сижу* – это категориальная СФ-синтаксема: она обозначает действие, протекающее в момент речи говорящего, т. е. выражает морфологическое значение, присущее СФ на парадигматическом уровне. А во втором высказывании *сижу* – некатегориальная СФ-синтаксема: под воздействием наречия *вчера* она обозначает прошедшее действие; СФ-синтаксема *сижу* – это СФ *сижу* с переносным значением прошедшего времени.

Если собственно СФ – это лексико-морфологическая единица, являющаяся «как бы скрещиванием <...> известного слова <...> и определённой грамматической формы» [42. С. 18], то СФ-синтаксема – это «лексико-синтагмо-морфологическая» единица, в которой проявляется «скрещивание» морфологического значения СФ с семантикой контекста. Таким образом, материально СФ-синтаксема тождественна СФ, а по содержанию может быть тождественной (при категориальном употреблении) и нетождественной (при некатегориальном).

Итак, МФ, существующая на уровне абстрактной грамматической системы, при переходе на уровень слова репрезентируется в собственно СФ, а на уровень высказывания – в СФ-синтаксеме. Дифференциация этих уровней позволяет более чётко представить внутреннее устройство морфологической системы русского языка и стратификацию её единиц, которую мы наметим здесь лишь в самом общем виде.

На уровне абстрактной грамматической системы, кроме *морфологической формы* – базовой единицы, существуют *словоизменятельные морфологические категории, их парадигмы и парадигмы частей речи*. На уровне «лексически конкретных единиц» – *словоформы, парадигмы слов, лексико-грамматические разряды, формальные классы* (типы склонения и спряжения), *классификационные морфологические категории и части речи*. На уровне высказывания есть только одна единица, имеющая отношение к морфологии, – *СФ-синтаксема*. Проблема стратификации морфологических единиц в общей структуре флективного морфологического строя русского языка предполагает специальное рассмотрение, которое отчасти намечено в [14]).

Заключение

В любом языке слова изменяются по определённым образцам, включающим некие обобщённые значения, что, по существу, и составляет предмет морфологии. На примере английского глагола *walk* ('ходить') голландский лингвист Г. Буйдж поясняет эту мысль следующим образом: «Слова

walk, walks, walked, walking (называемые автором *word forms*. – Г.П.) показывают системный характер отношений между формой и значением слова, так как подобные образцы встречаются в английском языке и для тысяч других глаголов» [71. С. 4] (перевод наш). В российском языкознании такие образцы изменения (морфологического оформления) слов были осознаны в начале XX в. как особые языковые единицы и названы формами слова, грамматическими формами, а позднее – более точно – морфологическими формами. Однако само понимание этих единиц в работах разных авторов до настоящего времени остается весьма разноречивым.

В данной обзорно-аналитической статье излагается история учения о морфологической форме, а также словоформе в русистике конца XIX – начала XXI в. и предлагается авторское толкование этих единиц. Анализ существующих трактовок морфологической формы показал, что в большинстве случаев её толкуют через понятие морфологических средств, отождествляя с этими средствами, или через понятие слова, отождествляя в таком случае со словоформой.

Предлагаемое толкование морфологической формы как главной единицы флективного морфологического строя русского языка базируется на концепции разграничения разных уровней её существования, излагаемой в трудах А.В. Бондарко: уровень абстрактной грамматической системы – уровень слова – уровень высказывания. Морфологическая форма определяется нами через конституирующие её элементы в отвлечении от конкретных слов и высказываний.

Морфологическая форма – это единство морфологического аффикса (или вспомогательного слова) и обобщённой основы слов данной части речи, например: [(основа глаг.) + -у]. Морфологическая форма по отношению к словоформе – это её абстрактно-грамматический образец; по отношению к парадигме слов данной части речи – компонент парадигмы; по отношению к морфологическому аффиксу – языковая «конструкция», компонентом которой является аффикс. Морфологическая форма – абстрактная единица грамматической системы, которая на уровне слова репрезентируется в словоформе как единице языка, или в собственно словоформе, а на уровне высказывания – в словоформе как единице речи, или в словоформе-синтаксеме.

Словоформа – единство морфологической формы и конкретной лексемы, например: [(сиз) + -у]. Это морфологическая форма данного слова. Морфологическое содержание словоформы (категориальное или некатегориальное) есть результат согласованного либо несогласованного взаимодействия значений морфологической формы и лексемы.

Словоформа-синтаксема – это словоформа как компонент высказывания в том морфологическом содержании (категориальном или некатегориальном), которое предопределяется контекстом и участвует в формировании смысловой структуры высказывания. Морфологическое содержание словоформы-синтаксемы есть результат согласованного или несогласованного взаимодействия значений морфологической формы (в составе словоформы) и контекста.

Дифференциация разных уровней существования морфологической формы – исходной единицы флективной морфологии – позволяет чётко стратифицировать все объекты морфологического строя. Поуровневое описание морфологического строя дано в нашем энциклопедическом словаре-справочнике «Морфология русского языка» [17], однако сама проблема стратификации морфологических единиц требует специального исследования.

В завершение обратимся к морфологии русского языка как учебной дисциплине. Наш многолетний опыт её преподавания показывает, что предлагаемые толкования морфологической формы и словоформы (конкретизированные графическими иллюстрациями) обеспечивают в студенческой аудитории их адекватное восприятие и осознанное разграничение, а также содействуют более системному восприятию всех единиц морфологического строя. «Отсутствие четко выраженных общепринятых знаний, которые были бы введены в практику вузовского и школьного преподавания» справедливо относят к числу нерешённых задач современной русистики [2. С. 3]. К таким задачам, важным для успешного обучения филологов, безусловно относится и вопрос о снятии разногласий в толковании морфологической формы и словоформы как основных единиц морфологического строя русского языка.

Литература

1. *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л. : Наука, 1976. 255 с.
2. *Шмельёва Т.В.* Исследование русского языка: нерешенные задачи и новые перспективы // Профессорский журнал. Серия Русский язык и литература: изучение и преподавание. 2020. № 1 (1). С. 3–6.
3. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Т. 1–5. Москва ; Вена : Прогресс – WSA, 1997–2006. 2433 с.
4. *Плунзян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику : учеб. пособие. М. : Едиториал УРСС, 2000. 384 с.
5. *Клобуков Е.В.* Теоретические проблемы русской морфологии. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. 96 с.
6. *Ахманова О.С.* Фонология. Морфонология. Морфология : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966. 108 с.
7. *Адмони В.Г.* Основы теории грамматики. М. ; Л. : Наука, 1964. 105 с.
8. *Адмони В.Г.* Грамматический строй как система построений и общая теория грамматики. Л. : Наука, 1988. 239 с.
9. *Булыгина Т.В.* Проблемы теории морфологических моделей. М. : Наука, 1997. 186 с.
10. *Исследования по общей теории грамматики / отв. ред. В.Н. Ярцева.* М. : Наука, 1968. 296 с.
11. *Панова Г.И.* Общие вопросы русской морфологии. Абакан, 1991. 105 с.
12. *Панова Г.И.* Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. Санкт-Петербург ; Абакан, 1996. 164 с.
13. *Панова Г.И.* Об уровнях преодоления омонимии морфологических форм в русском языке // Язык. Функции. Жизнь : сб. науч. ст. в честь проф. А.В. Бондарко. СПб., 2000. С. 110–114.
14. *Панова Г.И.* О стратификации выражения морфологических значений в структуре словоформ русского глагола // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. 2015. № 1. С. 62–75.

15. *Панова Г.И.* О формальном выражении вида и времени русского глагола // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 228–240.
16. *Панова Г.И.* О стратификации морфологических единиц и явлений в грамматическом строе русского языка // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература: изучение и преподавание. 2020. № 1 (1). С. 16–21.
17. *Панова Г.И.* Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. 2-е изд. М. : КомКнига, 2014. 448 с.
18. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке : учеб. пособие для студентов филологических факультетов университетов и пединститутов. 2-е изд. М. : Просвещение, 1965. 544 с.
19. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М. : Наука, 1988. 308 с.
20. Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1983. 837 с.
21. *Сидоров В.Н.* Морфология // Аванесов Р.А., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. М., 1945. 234 с.
22. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1, 2. М., 1958 (1888)¹. 536 с.
23. *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М. : Наука, 1967. 370 с.
24. *Белич А.И.* Внутренняя и внешняя языковая форма // Известия АН СССР, Отделение литературы и языка. 1946. Т. 5, вып. 3. С. 179–182.
25. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М. : Учпедгиз, 1947. 785 с.
26. *Виноградов В.В.* Учение акад. А.А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // А.А. Шахматов. Учение о частях речи / вступ. ст. В.В. Виноградова. М., 2006. С. 3–26.
27. *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. М. : Учпедгиз, 1957. 401 с.
28. *Грамматика русского языка.* Т. 1. Фонетика и морфология. 2-е изд. М. : АН СССР, 1960. 719 с.
29. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, Ленингр. отд., 1974. 427 с.
30. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. 767 с.
31. *Бондарко А.В.* Форма слова // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979. С. 378–379.
32. *Бондарко А.В.* Форма слова // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 603–604.
33. *Клобуков Е.В.* Морфология // Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант. Краткий справочник по современному русскому языку / под. ред. П.А. Леканта. М., 1995. С. 188–264.
34. *Тихонов А.Н.* Морфология // Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. М., 2008. С. 667–839.
35. *Шарандин А.Л.* Русский глагол: комплексное описание. Тамбов : Изд-во Першина Р.В., 2009. 586 с.
36. *Фортуатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 1. М. : Изд-ва Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 472 с.

---

¹ В круглых скобках указан год второго, прижизненного издания книги (см. об этом в [22. С. 3]). В других случаях в круглых скобках отмечается год первого издания работы автора, с тем чтобы отразить хотя бы в общих чертах хронологию анализируемых работ. В трудах, впервые издававшихся после 1980 г., указывается только год цитируемого издания.

37. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении : учеб. пособие. 8-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 451 с.
38. *Ушаков Д.Н.* Краткое введение в науку о языке. 6-е изд. Москва ; Петроград : Госиздат, 1923. 144 с.
39. *Бернштейн С.И.* Основные понятия грамматики в освещении А.М. Пешковского // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М. : Учпедгиз, 1938. 512 с.
40. *Винокур Г.О.* Форма слова и части речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 397–417.
41. *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове: (Проблема тождества слова) // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 4. М., 1954. С. 3–49.
42. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М. : НАУКА – ШКОЛА «ЯРК», 1999. 275 с.
43. *Бондарко А.В.* Форма слова // Русский язык: энцикл. / под общ. ред. А.М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 819.
44. *Русская грамматика* / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. С. 453–459.
45. *Милославский И.Г.* Морфология // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997. С. 442–605.
46. *Поливанов Е.Д.* Толковый терминологический словарь по лингвистике // Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991. С. 318–456.
47. *Дурново Н.Н.* Грамматический словарь. Грамматические и лингвистические термины / ред. О.В. Никитина. М. : Флинта : Наука, 2001. 184 с.
48. *Кацнельсон С.Д.* О грамматической категории // Вестник Ленинградского университета. 1948. № 2. С. 114–121.
49. *Кузнецов П.С.* О принципах изучения грамматики / ред. В.А. Звегинцев. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1961. 100 с.
50. *Булыгина Т.В., Крылов С.А.* Форма // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 557–558.
51. *Панов М.В.* О грамматической форме // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина. 1959. Т. 73. С. 5–39.
52. *Русский язык: энцикл.* / гл. ред. Ф.П. Филин. М. : Сов. энцикл., 1979. 432 с.
53. *Русский язык: энцикл.* / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. 703 с.
54. *Русский язык: энцикл.* / под общ. ред. А.М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 904 с.
55. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л. : Учпедгиз, 1941. 620 с.
56. *Поспелов Н.С.* Соотношение между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1953. № 1. С. 53–67.
57. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. 3-е изд. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
58. *Фоменко Ю.В.* Мифы современной лингвистики. Новосибирск : Изд-во Новосибир. гос. пед. ун-та, 2010. 176 с.
59. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1969. 607 с.
60. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 116.
61. *Ломтев Т.П.* Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. М. : Высшая школа, 1961. 323 с.
62. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, 1983. 207 с.
63. *Крылов С.А.* Некоторые уточнения к определению понятий словоформы и лексем // Семиотика и информатика. М. : Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 1982. Вып. 19. С. 118–136.

64. *Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 11–53.
65. *Лопатин В.В.* Грамматические формы и категории // Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис: учебник. 3-е изд. / под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб., 2001. С. 380–382.
66. *Крылов С.А.* Словоформа // Энциклопедия Кругосвет. URL: krugosvet.ru/enc...nauki/lingvistika/SLOVOFORMA.html
67. *Вендина Т.И.* Введение в языкознание. М. : Высшая школа, 2001. 288 с.
68. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М. : Просвещение, 1982. 254 с.
69. *Куликова И., Салмина Д.* Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб. : САГА, 2002. 352 с.
70. *Geert Booij.* The Grammar of Words. An Introduction to Linguistic Morphology. 2nd ed. New York : Oxford University Press, 2007. 346 p.
71. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. М. : Высшая школа, 1975. 327 с.
72. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 440 с.

Morphological Form and Word Form: On Clarifying the Basic Notions of Russian Morphology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 72–92. DOI: 10.17223/19986645/73/5

Galina I. Panova, N.F. Katanov Khakas State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: gipanova@mail.ru

Keywords: morphological form, word form, levels of the morphological structure existence.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-112-50210.

The article presents an interpretation analysis of the notions of morphological form (MF) and word form (WF) in Russian linguistics of the late 19th – early 21st centuries. The main attention is paid to MF as the basic unit of the inflectional morphological structure of the Russian language. Based on the analysis of more than 70 sources of scientific, reference, and educational literature, rather contradictory interpretations of this notions are revealed, and their historical evolution is traced. Many authors consider MF as a morphological variety of the word, thus identifying it with WF. Often MF is defined as a means of expressing morphological meanings, which is equivalent to its identification with a morphological means. Depending on how the morphological means is understood, MF appears either as a one-sided unit of the language – the aspect of expression of the formative affix, or – more frequently – as a two-sided unit, that is, the affix itself. Interpretations of MF through the notions of a word and a morphological means (affix) are most common. MF is also interpreted as “a linguistic sign in which the grammatical meaning finds its regular expression”; “an abstract grammatical analogue of a word form”; “a member of the paradigm of morphological inflection”; “inflectional grammatical meaning”, etc. WF is also ambiguously defined in linguistic literature. There are two types of definitions. Some definitions represent WF as a unit of language (for example, “a given word in a given grammatical form” and so on); others as a unit of speech (“concrete realization of a word in sentences and phrases” and so on). Such a wide discrepancy in the interpretation of these basic morphological units complicates mutual understanding between researchers of the Russian language and causes difficulties in the study of morphology at a university. The interpretations of MF and WF proposed by the author are based on the concept of different levels of the existence of the morphological structure. MF is viewed as a linguistic unit that exists at the level of an abstract morphological system. It represents the

unity of the morphological means (affix or auxiliary word) and the generalized basis of the words of this part of speech: [(main verb.) + -u]. At the level of words, MF is represented in WF as a unit of language – this is the unity of MF and lexemes: [(sizh) + -u]. At the level of utterances, it is represented in WF as a speech unit – this is WF as an element of an utterance in the version of its morphological content, which is predetermined by the context and participates in the formation of the semantic structure of the utterance. The fundamental difference between MF and WF lies in its abstraction from specific words and statements. The author hopes that the proposed interpretations of the main morphological units will be positively accepted by linguists as a basis for further discussion aimed at developing their common understanding.

References

1. Bondarko, A.V. (1976) *Teoriya morfologicheskikh kategoriy* [Theory of morphological categories]. Leningrad: Nauka.
2. Shmeleva, T.V. (2020) The study of Russian language: challenges and new prospects. *Professorskiy zhurnal. Seriya Russkiy yazyk i literatura: izuchenie i prepodavanie*. 1 (1). pp. 3–6. (In Russian). DOI: 10.18572/2687-0339-2020-1-3-6
3. Mel'chuk, I.A. (1997–2006) *Kurs obshchey morfologii* [General morphology course]. Vols 1–5. Moscow; Vienna: Progress – WSA.
4. Plungyan, V.A. (2000) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku: ucheb. posobie* [General morphology: Introduction to problems: textbook]. Moscow: Editorial URSS.
5. Klobukov, E.V. (1979) *Teoreticheskie problemy russkoy morfologii* [Theoretical problems of Russian morphology]. Moscow: Moscow State University.
6. Akhmanova, O.S. (1966) *Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya: ucheb. posobie* [Phonology. Morphonology. Morphology: textbook]. Moscow: Moscow State University.
7. Admoni, V.G. (1964) *Osnovy teorii grammatiki* [Foundations of the theory of grammar]. Moscow; Leningrad: Nauka.
8. Admoni, V.G. (1988) *Grammaticheskiy stroy kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki* [Grammatical structure as a system of constructions and a general theory of grammar]. Leningrad: Nauka.
9. Bulygina, T.V. (1997) *Problemy teorii morfologicheskikh modeley* [Problems of the theory of morphological models]. Moscow: Nauka.
10. Yartseva, V.N. (ed.) (1968) *Issledovaniya po obshchey teorii grammatiki* [Research on the general theory of grammar]. Moscow: Nauka.
11. Panova, G.I. (1991) *Obshchie voprosy russkoy morfologii* [General questions of Russian morphology]. Abakan: Khakas State University.
12. Panova, G.I. (1996) *Morfologicheskie kategorii v sovremennom russkom yazyke: aspekty formal'nogo vyrazheniya glagol'nogo vida i roda sushchestvitel'nykh* [Morphological categories in modern Russian: aspects of the formal expression of the verb form and the gender of nouns]. St. Petersburg; Abakan: [s.n.].
13. Panova, G.I. (2000) *Ob urovnyakh preodoleniya omonimii morfologicheskikh form v russkom yazyke* [On the levels of overcoming the homonymy of morphological forms in the Russian language]. In: *Yazyk. Funktsii. Zhizn': sb. nauch. st. v chest' prof. A.V. Bondarko* [Language. Functions. Life: Articles in honor of Prof. A.V. Bondarko]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 110–114.
14. Panova, G.I. (2015) On the Stratification of Expression of Morphological Meanings within the Russian Verb's System of Word Forms. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*. 1. pp. 62–75. (In Russian).
15. Panova, G.I. (2016) Formal expression of the Russian verb aspect and tense. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 228–240. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/5720

16. Panova, G.I. (2020) O stratifikatsii morfologicheskikh edinit i yavleniy v grammaticheskom stroe russkogo yazyka [On the stratification of the expression of morphological meanings in the structure of the word forms of the Russian verb]. *Professorskiy zhurnal. Seriya: Russkiy yazyk i literatura: izuchenie i prepodavanie*. 1 (1). pp. 16–21.
17. Panova, G.I. (2014) *Morfologiya russkogo yazyka: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Morphology of the Russian language: an encyclopedic dictionary]. 2nd ed. Moscow: KomKniga.
18. Budagov, R.A. (1965) *Vvedenie v nauku o yazyke: ucheb. posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov universitetov i pedinstitutov* [Introduction to the science of language: textbook for students of philological faculties of universities and pedagogical institutes]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
19. Kasevich, V.B. (1988) *Semantika. Sintaksis. Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow: Nauka.
20. Il'ichyov, L.F. (ed.) (1983) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsikl.
21. Sidorov, V.N. (1945) *Morfologiya* [Morphology]. In: Avanesov, R.A. & Sidorov, V.N. *Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka* [An outline of the grammar of the Russian literary language]. Pt. 1. Moscow: Uchpedgiz.
22. Potebnya, A.A. (1958) *Iz zapisok po russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vols 1, 2. Moscow: USSR AS.
23. Zaliznyak, A.A. (1967) *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka.
24. Belich, A.I. (1946) *Vnutrennyaya i vneshnyaya yazykovaya forma* [Internal and external language form]. *Izvestiya AN SSSR, Otdelenie literatury i yazyka*. 5 (3). pp. 179–182.
25. Vinogradov, V.V. (1947) *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammar doctrine about the word]. Moscow: Uchpedgiz.
26. Vinogradov, V.V. (2006) *Uchenie akad. A.A. Shakhmatova o grammaticheskikh formakh slov i o chastyakh rechi v sovremennom russkom yazyke* [Academician A.A. Shakhmatov's doctrine of the grammatical forms of words and parts of speech in modern Russian]. In: Shakhmatov, A.A. *Uchenie o chastyakh rechi* [The doctrine of parts of speech]. Moscow: URSS; KomKniga. pp. 3–26.
27. Shakhmatov, A.A. (1957) *Istoricheskaya morfologiya russkogo yazyka* [Historical morphology of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz.
28. Vinogradov, V.V. et al. (eds) (1960) *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language]. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: USSR AS.
29. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.
30. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970) *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow: Nauka.
31. Bondarko, A.V. (1979) *Forma slova* [Form of the word]. In: Filin, F.P. (ed.) *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow: Sov. entsikl. pp. 378–379.
32. Bondarko, A.V. (1997) *Forma slova* [Form of the word]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya ros. entsikl.; Drofa. pp. 603–604.
33. Klobukov, E.V. (1995) *Morfologiya* [Morphology]. In: Lekant, P.A. (ed.) *Kratkiy spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku* [A concise guide to the modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 188–264.
34. Tikhonov, A.N. (2008) *Morfologiya* [Morphology]. In: Tikhonov, A.N. & Khashimov, R.I. (eds) *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatiy. Russkiy yazyk* [Encyclopedic Dictionary of Linguistic Terms and Concepts. Russian language]. Vol. 1. M., pp. 667–839.
35. Sharandin, A.L. (2009) *Russkiy glagol: kompleksnoe opisaniye* [Russian verb: a complex description]. Tambov: Izd-vo Pershina R.V.

36. Fortunatov, F.F. (1956) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 1. Moscow: Izd-va Min-va prosveshcheniya RSFSR.
37. Peshkovskiy, A.M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii: ucheb. posobie* [Russian syntax in scientific coverage: textbook]. 8th ed. Moscow: Editorial URSS.
38. Ushakov, D.N. (1923) *Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke* [A concise introduction to the science of language]. 6th ed. Moscow; Petrograd: Gosizdat.
39. Bernshteyn, S.I. (1938) Osnovnye ponyatiya grammatiki v osveshchenii A.M. Peshkovskogo [The basic concepts of grammar in the coverage of A.M. Peshkovskiy]. In: Peshkovskiy, A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii: ucheb. posobie* [Russian syntax in scientific coverage: textbook]. 6th ed. Moscow: Uchpedgiz.
40. Vinokur, G.O. (1959) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz. pp. 397–417.
41. Smirnitkiy, A.I. (1954) K voprosu o slove: (Problema tozhdestva slova) [On the question of the word: (The problem of word identity)]. *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR*. 4. pp. 3–49.
42. Panov, M.V. (1999) *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow: NAUKA – ShKOLA “YaRK”.
43. Bondarko, A.V. (2020) Forma slova [Form of the word]. In: Moldovan, A.M. (ed.) *Russkiy yazyk: entsikl.* [Russian language: encyclopedia]. 3rd ed. Moscow: AST-PRESS ShKOLA. p. 819.
44. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 453–459.
45. Miloslavskiy, I.G. (1997) Morfologiya [Morphology]. In: Beloshapkova, V.A. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 442–605.
46. Polivanov, E.D. (1991) *Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu* [Works on Oriental and general linguistics]. Moscow: Nauka. pp. 318–456.
47. Durnovo, N.N. (2001) *Grammaticheskiy slovar'.* *Grammaticheskie i lingvisticheskie terminy* [Grammar dictionary. Grammatical and linguistic terms]. Moscow: Flinta: Nauka.
48. Katsnel'son, S.D. (1948) O grammaticheskoy kategorii [On the grammatical category]. *Vestnik Leningradskogo universiteta*. 2. pp. 114–121.
49. Kuznetsov, P.S. (1961) *O printsipakh izucheniya grammatiki* [On the principles of learning grammar]. Moscow: Moscow State University.
50. Bulygina, T.V. & Krylov, S.A. (1990) Forma [Form]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsikl. pp. 557–558.
51. Panov, M.V. (1959) O grammaticheskoy forme [On the grammatical form]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta im. V.P. Potemkina*. 73. pp. 5–39.
52. Filin, F.P. (ed.) (1979) *Russkiy yazyk: entsikl.* [Russian language: encyclopedia]. Moscow: Sov. entsikl.
53. Karaulov, Yu.N. (ed.) (1997) *Russkiy yazyk: entsikl.* [Russian language: encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: Drofa.
54. Moldovan, A.M. (ed.) (2020) *Russkiy yazyk: entsikl.* [Russian language: encyclopedia]. 3rd ed. Moscow: AST-PRESS ShKOLA.
55. Shakhmatov, A.A. (1941) *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. 2nd ed. Leningrad: Uchpedgiz.
56. Pospelov, N.S. (1953) Sootnoshenie mezhdru grammaticheskimi kategoriyami i chastyami rechi v sovremennom russkom yazyke [Correlation between grammatical categories and parts of speech in modern Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 53–67.
57. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (1985) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlya uchitelya* [Dictionary-reference book of linguistic terms: teacher's book]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie.

58. Fomenko, Yu.V. (2010) *Mify sovremennoy lingvistiki* [Myths of modern linguistics]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
59. Akhmanova, O.S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. entsikl.
60. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsikl. 61. Lomtev, T.P. (1961) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika vostochnoslavjanskikh yazykov* [Comparative-historical grammar of the East Slavic languages]. Moscow: Vysshaya shkola.
62. Bondarko, A.V. (1983) *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and aspects of aspectology]. Leningrad: Nauka.
63. Krylov, S.A. (1982) Nekotorye utochneniya k opredeleniyu ponyatiy slovoformy i leksemy [Some clarifications to the definition of the concepts of word form and lexeme]. *Semiotika i informatika*. 19. pp. 118–136.
64. Smirnitkiy, A.I. (1955) Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove [The lexical and the grammatical in the word]. In: Vinogradov, V.V. et al. (eds) *Voprosy grammaticheskogo stroya* [Issues of grammatical structure]. Moscow: USSR AS. pp. 11–53.
65. Lopatin, V.V. (2001) Grammaticheskie formy i kategorii [Grammatical forms and categories]. In: Novikov, L.A. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk: Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis: uchebnik* [Modern Russian: Phonetics. Lexicology. Word formation. Morphology. Syntax: textbook]. 3rd ed. St. Petersburg: Lan'. pp. 380–382.
66. Krylov, S.A. (2001) *Slovoforma* [Wordform]. [Online] Available from: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SLOVOFORMA.html
67. Vendina, T.I. (2001) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
68. Miloslavskiy, I.G. (1982) *Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo yazyka* [Morphological categories of modern Russian]. Moscow: Prosveshchenie.
69. Kulikova, I. & Salmina, D. (2002) *Vvedenie v metalingvistiku (sistemnyy, leksikograficheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty lingvisticheskoy terminologii)* [Introduction to metalinguistics (systemic, lexicographic, and communicative-pragmatic aspects of linguistic terminology)]. St. Petersburg: SAGA.
70. Booij, G. (2007) *The Grammar of Words. An Introduction to Linguistic Morphology*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
71. Maslov, Yu.S. (1975) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
72. Zolotova, G.A. (2001) *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic Dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow: Editorial URSS.

УДК 811.161.1; 81'44
DOI: 10.17223/19986645/73/6

Е.В. Рахилина, А.К. Казкенова, Я.Э. Ахапкина

**ПОСЛЕ, ЧЕРЕЗ, СПУСТЯ ВО ВРЕМЕННЫХ КОНТЕКСТАХ:
ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ТЕКСТАМИ
КАЗАХСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ¹**

*Рассматриваются случаи нестандартного употребления казахско-русскими билингвами предлогов **после**, **через** и **спустя** во временных контекстах. Доказывается, что отклонения обусловлены грамматическими различиями между родным и русским языками. Анализ отклонений выявил специфические черты предлогов: способность указывать на завершение событий и отрезков времени, как единичных, так и повторяющихся, а также неоднозначность **через** в составе сочетаний с названиями разных временных интервалов.*

Ключевые слова: корпусная лингвистика, семантика, временные предлоги русского языка, казахско-русское двуязычие, Русский учебный корпус

Вводные замечания

Отправной точкой для наших наблюдений над русскими предлогами послужили тексты, включенные в Русский учебный корпус (Russian Learner Corpus / RLC) [1]. Он создан в НИУ ВШЭ совместно с партнерами из разных стран и включает тексты изучающих русский как неродной и тексты билингвов. Разметка позволяет вести в них поиск типичных отклонений от стандартной нормы.

В статье речь пойдет об особенностях употребления предлогов *через*, *после*, *спустя*, выражающих последовательность событий или временных интервалов, в текстах студентов г. Алматы – носителей казахского (доминантного) и русского (второго) языков (объем подкорпуса в RLC – 107 026 словоупотреблений)².

Наблюдения показывают, что казахско-русские билингвы нередко используют *после* в контекстах, типичных для *через* или *спустя*:

(1) После *пару недель* (=через / спустя пару недель) *они* становится *близкими друзьями* и *поддерживая друг друга*.

(2) Каждый смех *это и есть история, которая будет* вспоминаться *после многих лет* (=через / спустя много лет), и *будущая причиной другого смеха*.

---

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2020-793). Авторы благодарят В.Д. Магомедову за помощь в статистической обработке результатов, П.А. Бычкову и рецензента – за ценные рекомендации и замечания.

² О казахском подкорпусе RLC см. также [2–4].

(3) После нескольких месяцев (=через / спустя несколько месяцев) мне началась видется мама.

Вызывает затруднение и совмещение *через / спустя* и *после* в рамках одной конструкции:

(4) *Получила направление на общежитие* после 3 дня приезда (=через три дня / на третий день после приезда).

(5) После недели разработки (=через / спустя неделю после разработки) антисон, *нас увидели парни которые хотят сделать бионическую руку*.

(6) *Сразу после первой недели* (=через / спустя неделю после знакомства) *мы стали как семьей*.

Смещение *через* и *после* в речи школьников-казахов отмечал еще Г.А. Мейрамов [5. С 198], объясняя его «смысловой близостью» русских конструкций, влиянием родного языка и более ранним освоением предлога *после* казахскими билингвами; см. также опыт сравнения русских предлогов и казахских послелогов в [6] и недавнюю работу о казахских послелогов [7].

Описание межъязыковых квазисинонимов – это не только методическая, но и теоретическая задача: лингвистика и типология накопили значительный опыт исследования семантики временных предлогов, ср. прежде всего [8]; а также с ориентацией на русский [9–12] и др. Материал «нестандартных» контекстов в RLC помогает обнаружить незамеченные аспекты семантики русских предлогов и выявить дополнительные параметры для уточнения типологии служебных слов.

Статья состоит из пяти разделов. Сначала мы опишем семантику предлогов *через*, *после*, *спустя* (1-й раздел) и послелогов *кейін*, *соң*, *сайын* (2-ой раздел). В 3-м разделе обсудим неоднозначность *через* в составе сочетаний с именами временных отрезков. В 4-м разделе обобщим отклонения в употреблении и интерпретации *через* в русской речи казахов-билингвов. Итоги подводятся в заключении.

После, через, спустя: концептуализация времени в русском языке

После, через и *спустя* различаются во временных контекстах семантически и функционально. Как известно, первые два предлога в исходных значениях могут выражать пространственные отношения:

(7) <...> *получалось, что... говорил он... себе да кустам вокруг. Да ещё тропинке, что **после ручья** рванулась... в горы.* [Маканин, 1995]¹

(8) *Я спросила, где этот бар. – **Через два квартала**, – ответил он.* [Сибирские огни 2012]

Во временных контекстах *через* реализует метафору «временной промежуток или событие как пространственное препятствие» [12. С. 5], а *после* отождествляет последовательность событий с линейностью пространства.

¹ Все примеры стандартного русского приводятся по НКРЯ [13]; для экономии места дается ссылка только на год издания и автора или название периодического издания.

В отличие от *через* и *после*, *спустя* – сугубо временной показатель¹: в 100 % из 50 случайных контекстов в НКРЯ *спустя* обозначает время²; ср. *после*: в 45 контекстах = 90 %³, а *через* только в 18 = 36%.

Эти три предлога ведут себя по-разному в отношении событий и временных отрезков, служащих ориентирами во времени.

Связь *после* именно с ситуацией (*после урока / свадьбы / выписки из больницы* = ‘по прошествии события’) определяет его неспособность выражать завершение временного отрезка, ср.: *после года. Ясно, что эта его особенность игнорировалась авторами-билингвами в (1) – (3).

Формально *после* может встречаться в сочетаниях с интервалами времени и как минимум в двух типах случаев. Правда, примеры такого рода далеки от прототипа. Первый случай представлен в (10): *после двух часов* (=после 14.00) и обозначает приближение к временному рубежу и его преодоление, т.е. своего рода событие, а не временной интервал⁴:

(10) **После двух часов** она несколько раз пыталась дозвониться Тетерину... (Геласимов, 2009).

Другой тип сочетаний ‘*после* + единица времени’ представлен в (11) – (14):

(11) Гости танцевали с охотой, **после пяти часов сидения** за столом хотелось размяться (Кучерская, 2012).

(12) **После трех недель знакомства** с Алекс я хорошо поняла свою цель (Радзинский, 1980–1990).

(13) Поэм, ведем беседы на политические темы; **после двух недель ареста** сразу почувствовала себя свободной (Вожатый, 1919).

(14) ...Но беда в том, что стебли у многих двулетников **после первого года** <роста / жизни> очень короткие... (Чуб, 1998).

Такие примеры содержат указание не просто на временной промежуток *после X P* (?*после пяти часов хотелось размяться*), но и на сопряженное длительное состояние или процесс *после X Y-а P* (*после пяти часов сидения*). Это то же свойство, которое применительно к *спустя* отмечала Е.В. Падучева [18. С. 275], сравнивая его с *через*: *спустя* предпочтителен в нарративных контекстах, а *через* может использоваться еще и в действительских⁵, ср.: *через 5 часов он уйдет* (нет указания на сопряженный процесс → дейксис: отсчет от настоящего момента) VS. *после пяти часов сидения / спустя час* (анафора: отсчет от упомянутого события), ср. также (16).

¹ Как известно (ср. [14. С. 279; 15]), *спустя* может быть не только предлогом, но и последогом: *спустя год – год спустя*.

² Пространственные употребления *спустя* в НКРЯ исчезающе редки и маргинальны по отношению к временным, ср.: (9) *Спустя несколько шагов он вскочил и, обгоняя всех, побежал сам...* (Петросян, 2009)).

³ Согласно [16. Р. 183], он близок английскому *after*, более 85% контекстов которого – временные.

⁴ Ср. то же замечание о временном *после* в [17. С. 321–322].

⁵ Ср. «частные точки отсчета, связанные с моментом речи или с моментом, о котором идет речь» в [19. С. 379]. К первым там отнесен пример *через три дня*, ко вторым – *три дня спустя*.

«Нестандартность» примеров (2) – (4) из RLC связана с тем, что имя интервала в сфере действия *после* выступает либо изолированно, без отсылки к ситуации, ср. в (2): *вспоминается* после многих лет (=через / спустя много лет) и в (3): После нескольких месяцев (=через / спустя несколько месяцев) мне началась видется мама – либо с отсылкой не к длительному, а к точечному событию, как *приезд* в (4).

Отметим, что предлог *после* может использоваться по отношению и к уникальному точечному событию (*после Рождества Христова*), и к продолжительному в составе цепочки (*после второй встречи*) или регулярно повторяющемуся:

(15) *Я за один концерт уставал как за два и было очень хорошо, что после каждых трех концертов был выходной день* (Вертинская, 2004).

Спустя, как мы помним, напротив, соотносится исключительно с временными отрезками, обозначает их истечение (16) и никогда – завершение события, ср.: **спустя праздник. Спустя* редок, и, видимо, плохо знаком билингвам, но нам важно, что в русском языке эта «типологическая ниша» заполнена специальным маркером.

(16) <...> *спустя минуту он двигал опустошенный предмет мебели к выходу* (Снегирев, 2015).

Семантика третьего предлога, *через*, особенно сложна. При метафорическом сдвиге ПРОСТРАНСТВО → ВРЕМЯ под «препятствием» (ср. исходное пространственное: *перелететь через забор*) может подразумеваться как событие, ср.: *через две игры на третью*, так и временной отрезок: *через два года станет лучше*. В этом отношении *через* как бы находится между *после*, упорядочивающим события, и *спустя*, соотнесенным с промежутками времени.

Кроме того, *через* обязательно предполагает цепочку однотипных событий или временных интервалов и не используется с именами уникальных событий: в контексте *через* они или переосмысливаются как часть последовательности, или невозможны. Ср.:

(17) *Ведь все равно, на следующем или **через урок** надо будет писать контрольную работу, где знания каждого будут видны* (Клявис, 1989), но не:

(18) **встретимся через его юбилей (!после) / ??через тринадцатое сентября (!после)*.

Уникальные события, где действует запрет на *через* и разрешено *после*, как в (18), можно представить, но период времени никогда не уникален, он всегда часть последовательности. Конкуренция *через* со *спустя*, свойственная этим контекстам, состоит в том, что *через* профилирует это обстоятельство, а *спустя* – затемняет, ср.: *через / спустя год*.

Раз фрагменты цепочек состоят из одинаковых событий / интервалов, их можно посчитать, как в *через две игры / через два года*, и, видимо, для ситуаций, которые передаются конструкцией с *через*, количественная оценка важнее, чем для *после*: в НКРЯ употреблений *через* с числительным почти в 15 раз больше, чем таких же с *после*.

Такие одинаковые «счетные» последовательности событий или интервалов могут повторяться, и именно *через* в сочетании с глаголом НСВ и местоименным прилагательным *каждый* выражает *регулярность* повтора: *через каждые два урока / часа, но не *спустя каждые два урока / часа*, см. [20. С. 276]; показательно, что и число примеров с *после* в контексте *каждый* по НКРЯ пренебрежимо мало по сравнению с *через* (23 / 957).

В присутствии кванторного *каждый* предлог *через* оказывается в такой конструкции семантически избыточным, и часто опускается (ср.: *каждые пятнадцать минут* (=через каждые 15 минут) *устраивается генеральная уборка*), но не так часто, чтобы считать его роль незначительной: по НКРЯ, *через* сопровождает итеративное значение такого рода примерно в четверти случаев¹.

Избыточность в самом деле возникает, если *через* регулярные промежуточные повторяются точечные события, как в (21).

Если же речь идет о процессе, как в (22), то *через* эксплицитно соотносит его начало с окончанием каждого интервала (10 лет заканчивается – происходит перепись, начинается новое десятилетие – и по окончании переписи), а без *через* процесс (переписи) может «попасть» и внутрь интервала (так что перепись велась бы каждый раз по 10 лет). Иными словами, в первом случае можно говорить об эксплицитном указании на завершение, а во втором – о его отсутствии.

(21) <...> *через каждые пять минут* запрашивал о положении дел (Лавренев, 1925).

(22) <...> *переписи в Штатах ведутся через каждые десять лет со всей возможной точностью* (Менделеев, 1903–1905).

Суммирует сказанное о концептуализации времени в русском языке табл. 1.

Кейн, соң, сайын: концептуализация времени в родном языке пишущих

Описание семантики казахских послелогов и их сопоставление с русскими предлогами показывают лингвоспецифичность метафорического отображения времени. В целом на выбранном материале эта специфика не так заметна, но проступает в прямом столкновении двух систем: в нестандартных употреблениях предлогов в русских текстах казахских билингов.

В казахском языке отрезок времени, после которого совершается действие, обозначается формой исходного падежа с послелогом *кейн* и *соң*, см. [6. С. 158].

¹ Запрос: «*через* + каждый + числит. + сущ. со значением времени» (по старой версии НКРЯ) дает 207 предложений, а тот же запрос *без через* – 588. Интересно, что, по корпусу, вариативность *+через /-через* в этих конструкциях наблюдалась еще в XVIII в.: (19) <...> *рѣки, которыя такимъ образомъ рождаются, чрезъ каждые 6 часовъ должны перемѣнять свое теченіе* <...> Руководство къ Математической и Физической Географии и: (20) *По преданию Моисееву, свет начало свое имеет от одного брака и умножался каждые двадцать лет* <...> (Фонвизин, 1766).

Таблица 1

После, спустя и через

Зоны действия	Указание на завершение	Единичные	Повторяющиеся
События	+	<i>после праздника</i>	<i>после</i> каждых 2 уроков <i>через</i> каждые 2 урока <i>через</i> урок
	-		каждый урок каждые 2 урока
Интервалы времени	+	<i>спустя год</i> <i>через год</i>	<i>через</i> день <i>через</i> каждые 2 дня
	-		каждый день каждые 2 дня

Оба послелога – грамматические омонимы полнозначных слов, что типично для послелогов. Наречие *кейін* выражает пространственное значение ‘назад, обратно’ и пространственно-временное ‘затем, потом, после’; пространственное значение *соң* – именное: это существительное со значением ‘конец’, выражающее и пространственно-временное значение ‘затем, потом, после’.

Таким образом, оба послелога имеют исходное пространственное значение, близкое русскому предлогу *после*:

(23) ...*сөйлем-нен кейін көп нүкте қой-ыл-ды*¹.
предложение-ABL после много точка ставить-PASS-PST
‘После предложения поставлено многоточие.’

(24) *Екі, алде үш қадам-нан соң кухня-ның есіг-і.*
два или три шаг-ABL после кухня-GEN дверь-3.POSS
‘Через два или три шага – дверь кухни.’

Послелоги *соң* и *кейін* связаны с последовательным расположением объектов в пространстве – так что во временных контекстах они тоже выражают последовательность событий / временных интервалов. В функции временных послелогов *кейін* и *соң* взаимозаменяемы, ср. *екі күн-нен кейін / екі күн-нен соң* (два день-ABL после) – ‘через два дня’. В казахском события и временные интервалы с помощью этих послелогов не противопоставляются:

(25) *Шай-дан кейін әңгіме-міз жалға-с-ты.*
чай-ABL после беседа-1PL.POSS продолжать-REC-PST
‘После чая (=чаепития) наш разговор продолжился.’

Помимо временного, послелоги *соң* и *кейін* в некоторых контекстах способны выражать значение причины [7. С. 39, 50–51].

¹ Этот и последующие примеры на казахском языке взяты из АККЯ [21].

Русскому *после* это тоже свойственно [10. С. 267–268], ср. *после долгой работы* (или: *после этого*) *устаешь* ('когда кончится долгая работа / потому что работа была долгой) – но в небольших пределах, видимо, меньших, чем *соң / кейін*, и несопоставимых, например, с причинностью, выражаемой союзом и [22]. Ср. пример из RLC, в котором *после* неуместно, потому что недостаточно подчеркивает связь событий; более стандартным оказывается не только *поэтому*, но и союз *и*:

(26) *Дедушка покинул нас когда ему было 45 лет. После этого бабушка сама воспитала и поставила на ноги своих детей.* [ср. грамматически безупречное: *Поэтому бабушка сама воспитала и поставила на ноги своих детей / И бабушка сама воспитала и поставила на ноги своих детей*].

Примечательно, что в этом примере употреблен не просто предлог *после*, а наречное сочетание *после этого*, очень типичное для казахского подкорпуса RLC как своеобразная калька с казахского *содан соң / содан кейін* (тот: ABL после). Сочетание *после этого* как калька с *содан соң / содан кейін* используется, в частности, для обобщения последовательности событий при добавлении следующего, последнего. Ср. еще два примера RLC с нарушенной сочетаемостью.

(27) *В августе я поступил на грант, я был очень рад этим. После этого я поехал в Алматы и сдал свои документы в наш ВУЗ и стал студентом.*

(28) *Люди использовали его (=ее – нефть) в бытовых условиях например керосиновые лампы и т. д. После этого нефтяная промышленность начала стремительно развиваться.*

В русском в таких контекстах конкурируют *после этого* и *потом* (ср. также более маркированное стилистически *затем*). *После этого* профилирует связь цепочки событий и поэтому предпочитает однородные ситуации и их непосредственное следование друг за другом (ср. разного рода инструкции, например кулинарные: *взбить яйца, добавить муку, смешать с пряностями – после этого переложить на сковороду*). *Потом* индифферентно и к первому, и ко второму условию: события могут быть разные, новое событие может отстоять от предшествующих как угодно далеко [23. С. 16–17]. Поэтому в приведенных примерах, где нарушены оба условия сразу, *потом* гораздо предпочтительнее.

Если *кейін* и *соң* соотносимы как в пространственных, так и во временных значениях с *после*, то послелог *арқылы*, в пространственном значении сопоставимый с *через*, лишен временного значения. Значит, в казахском языке метафора «ВРЕМЕННОЙ ИНТЕРВАЛ / СОБЫТИЕ – ЭТО ПРЕПЯТСТВИЕ» не получает развития.

Итеративная семантика (свойственная русскому *через*) не передается *кейін* и *соң*: в контекстах повторяющихся *событий* она поддерживается грамматическими формами глагола и словом *әр* 'каждый'. В отсутствие *кейін* или *соң*, *әр* помещает повторяющиеся точки внутрь воспроизводящихся событий, ср. *әр сұхбат-та* (каждый беседа-ЛОС) 'в каждой беседе'.

Для повторяющихся *временных отрезков* в казахском языке используется особый послелог – *сайын* ('каждый раз'). Семантику завер-

шения ('после') он не выражает, но в контексте цепи событий она возникает имплицитивно. Дополнительно эффект повтора может усиливаться *әр* (29):

(29) *Қауіп (әр) сағат сайын күшей-е бер-ді.*
 опасность каждый час Каждый раз усиливаться-CVB давать-PST
 'Опасность с каждым часом усиливалась'.

При повторяющихся **событиях** *сайын* используется гораздо реже.

В табл. 2 показаны зоны действия казахских послелогов *кейін* и *соң* как коррелятов русских *после*, *спустя* и *через*. Разделены как события и временные промежутки, так и единичные и повторяющиеся ситуации / временные циклы. Там же указаны маркеры итеративности без идеи завершенности: прежде всего, *сайын*, но также *әр*.

Из таблицы видно, что в зоне событий и временных промежутков в казахском, в отличие от русского, требуются разные способы выражения повтора, а послелоги не меняются. При этом множественные события в итеративном контексте сохраняют идею завершенности за счет того, что в конструкцию входят *соң* или *кейін*, а повторяющиеся временные промежутки эту идею напрямую не выражают, для них достаточен маркер итеративности *сайын*, не имеющий коррелятов в зоне единичных событий (см. серые клетки таблицы).

Но для интервалов времени противопоставление по завершенности / незавершенности в потоке повторяющихся циклов не так важно, как для событий, и при необходимости завершенность "вычисляется" имплицитивно, так что пустая белая клетка функционально может быть перекрыта нижней, т.е. показателем *сайын*.

Таблица 2

Казахские послелоги *кейін*, *соң*, *сайын*

Зоны действия	Указание на завершение	Единичные	Повторяющиеся
События	+	<i>сабақ-тан соң / кейін</i> урок-ABL после 'после урока'	<i>әр екі сабақ-тан соң / кейін</i> каждый два урок-ABL после 'после каждых двух уроков'
	-		<i>әр</i> 'каждый' Редко: <i>демалыс сайын</i> отпуск каждый.раз 'каждый отпуск'
Интервалы времени	+	<i>бір жыл-дан соң / кейін</i> один год-ABL после 'через год'	
	-		<i>жыл сайын</i> год каждый.раз 'каждый год'

В русском языке, в отличие от казахского, есть явное противопоставление событий и временных интервалов – предлог тяготеет либо к первым (*после*), и

тогда событие выражено (*после часа ожидания*), либо ко вторым (*спустя*), когда выражен только интервал (*спустя два часа*). Нейтральным к этому противопоставлению остается *через*: этот предлог способен сочетаться и с именами событий, и с именами интервалов, причем и те и другие должны встраиваться в цепочку таких же повторяющихся ситуаций или временных отрезков. При этом в отличие от *после* и *спустя* для *через* точкой отсчета основного, рematicкого события Р может быть не только выбранная и, как правило, эксплицитно обозначенная ситуация в сфере действия предлога (или, для *через*, выраженная дополнительно: *он прочтет лекцию и через час уедет* (Р), *он уедет* (Р) *через час* [после настоящего момента] или: *контрольная будет через урок* [после того урока, который длится сейчас] (дейктическая стратегия). Особенно в употреблении *через* с названиями временных отрезков посвящен следующий раздел.

***Через* + названия временных интервалов: особенности семантики**

Употребления *через* с именами периодов распадаются на две группы. К первой относятся *через минуту, через час, через месяц, через год*, – их интерпретацию можно назвать «интервальной». В этой интерпретации *через минуту* значит: «Р с того момента, когда после точки отсчета на временной оси закончится интервал, равный минуте», ср.:

(30) [*Твердой рукой Сатунин повел самолет на посадку. =точка отсчета*]
Через минуту (и в том же значении: *через час*) *он уже коснулся колесами земли* (Р) (Шиуков, 1940–1941).

Как видим, здесь *минута* как промежуток времени имеет длительность. Он «обрамлен» точкой отсчета и собственным финалом, после которого начинается Р (рис. 1).

Рис. 1

Но в некоторых контекстах реализуется и другая интерпретация, «событийная». Она характерна для событий и сжатых ситуаций (ср. *через урок*), которые представляются как метафорическое препятствие. По одну сторону от «препятствия» находится точка отсчета, а по другую – событие Р (рис. 2).

Для этой модели характерен «перескок» через обозначенную в сфере действия предлога ситуацию / интервал как через точку-препятствие. Так, в частности, ведут себя части суток: *через утро, через вечер, через ночь*. Ср.:

(31) *Кративников сам почти не сочинял, разве, если вылетал какой-нибудь чрезвычайно нужный материал и надо было <...> **через утро** отгрохать передовую <...>* (Корнилов, 1969–1971).

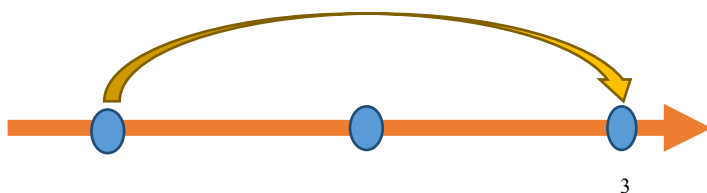

Рис. 2

Мы понимаем это так: нужный материал Крапивникову приходил когда-то накануне, возможно, даже утром, и ему разрешалось пропустить (= «перепрыгнуть») ближайшее к этому моменту утро, и в некоторый момент, принадлежащий следующему за пропущенным утром, сдать работу. Получается цепочка по крайней мере из трех одинаковых периодов: три утра, из которых срединное сжато в событие и пропущено, а два других остались длительными периодами, в них могут вкладываться ситуации, в первый – точка отсчета, а во второй – ситуация Р.

Особенно характерна эта интерпретация для регулярных повторов: в таких цепочках нет точки отсчета, а есть только длительные интервалы, содержащие Р и между ними – сжатые пропущенные. Ср.:

(32) *Жили теперь куда теснее, чем прежде, но занимался Володя с учеником дома регулярно, **через вечер*** (Александрова, 1987).

Интересно, что *день* в контексте *через* теряет свою многозначность – *день* как ‘светлое время суток (связанное с определенным функционалом, см. [24])’ vs *день* как ‘сутки’ – и всегда ведет себя как сутки, а не как часть суток, ср.:

(33) *Следующая встреча должна была произойти **через день**. И хотя вчера я её упрасивал встретиться сегодня же, а она никак не соглашалась... теперь мне казалось, что передохнуть один день даже не помешает* (Искандер, 1969),

а также при регулярном повторе Р:

(34) *Японцы любят нежиться в фуру (Р) если не ежедневно, то, во всяком случае, **через день*** (Овчинников, 2012).

Заметим, что имена, склонные к интервальной интерпретации в контексте *через* – *минута, час, месяц, год*, редко употребляются для выражения повтора:

(34а) ^{??} *Японцы любят нежиться в фуру (Р) если не ежемесячно / ежегодно, то, во всяком случае, **через месяц / через год*** –

(34а) вызывает сомнение, потому что *через год, через месяц* понимаются только как отсылка к однократному событию в будущем.

Этот тип употреблений действительно четко коррелирует с событийным прочтением, потому что требует регулярного пропуска сжатого интервала, концы которого отстоят от момента Р¹.

¹ В НКРЯ не нашлось ни одного примера со словом *год* и глаголом НСВ.

Между тем многие имена стандартных временных периодов, попадая в сферу действия *через*, ведут себя не так определенно и допускаются как в условиях итеративности (35), так и без повтора (36), ср. *через сутки*:

(35) *Плюс больничная столовка, даждь нам днесь сардельку, макароны и кефир. Работаю **через сутки*** (Слава Сэ, 2010).

(36) *Он ответил: «Дай мне подумать двадцать четыре часа». И **через сутки** сказал: «Нет, я буду с тобой»* (Давыдов, 2004).

Похожим образом ведет себя и имя *неделя*:

(37) *Работают **неделя через неделю**, двадцать четыре дня через пятнадцать, шестьдесят через тридцать* (Пищикова, 2012).

(38) *После концерта занятия в хоре отменили на неделю. **Через неделю** Елена Ивановна вернулась в строй* (Трауб, 2011).

Примеры (36) и (38) похожи на интервальные, но в единичной ситуации с длительными интервалами событийную и интервальную интерпретации не всегда легко различить. Трудность в том, что финальный рубеж интервала оказывается размытым и носителю трудно определить, когда интервал заканчивается.

Конкуренция интервальной и событийной интерпретаций свойственна и сочетаниям временных интервалов с количественными числительными. В целом такие сочетания больше тяготеют к интервальному прочтению, потому что интервалы нестандартны и редко становятся мерой регулярно повтора (ср., однако, особые конструкции типа: *через двое суток на третьи, неделя через неделю*). Для единичного интервала выбор Р как продолжения или Р как нового события внутри следующего интервала не так однозначен даже для имени *день*. Ср. событийная интерпретация в (42) – (43) vs интервальная в (44).

Так, в сочетаниях *через две минуты, через два часа, через два месяца, через два года* реализуется «интервальная» модель. *Через две недели*, в отличие от *через неделю*, интерпретируется уже только в соответствии с «интервальной» моделью. Ср.:

(39) *Все принятые <...> **через две недели** приступают к работе* (Рекламный мир, 2000).

Слово *сутки* в тех же контекстах сохраняет свою двойственность. Сочетание *через двое суток* в примере (40) означает ‘по истечении 48 часов’, т.е. имеет «интервальную» интерпретацию, а в (41), где речь идет о регулярно повторяющейся ситуации, подразумевается «перескок» через две единицы (двое суток):

(40) *14 мая в школе Света получила плохие отметки и пожаловалась учительнице, что боится родителей. До дома школьница так и не дошла. <...> родители пожаловались на отсутствие ребенка только **через двое суток**, 16 мая* (Комсомольская правда, 2005).

(41) *Дома, конечно, сидеть не стал, сторожем устроился – **через двое суток** на третьи* (Восточно-Сибирская правда, 2003).

(42) *Сражение в Нормандии закончилось 21 августа, а еще **через два дня** <24 августа 1944 года> [т.е. 22 и 23 пропущены, Р наступает на следующий после пропуска день] был освобожден Париж (Р)...* (Огонек, 2014).

(43) *<...>завершился этот праздник 29 августа 1939 года, а **через два дня** <1 сентября 1939 года> [т.е. 30 и 31 августа пропущены – и Р происходит на следующий после этого день] случилась Вторая мировая война* (Привалов, 2013).

(44) *По версии газеты, 23 мая минувшего года борт отправился в столицу Киргизии Бишкек и вернулся на московскую землю **через два дня** – 25 числа...* [Московский комсомолец, 2018]

Видимо, чем больше дней, тем вероятнее «интервальное» прочтение:

(45) *12 марта правительство Норвегии обвинило в шпионаже <...> пятерых российских дипломатов <...>. **Через пять дней, 17 марта** [т.е. когда миновали четыре дня: 13, 14, 15, 16-е и наступил пятый – 17-е, а не после того, как все пять дней прошли] российские власти в качестве ответной меры объявили о выдворении из страны советника-посланника посольства Норвегии Руне Кастберга <...>* (Коммерсантъ-Власть, 1998).

Слова *ночь* и *вечер* в сочетаниях с количественными числительными, как можно судить по весьма немногочисленным примерам в Основном корпусе НКРЯ, остаются в пределах «событийной» модели:

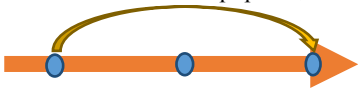
(46) *А он **через два вечера** на третий берет незаряженную винтовку, идет. Вдоль застекленных дач* (Саша Соколов, 1976).

(47) *<...>еще **через две ночи**, при свете молодого месяца, Серая Сова и Анахарео разглядели что-то темное, лежавшее неподвижно на поверхности воды на большом расстоянии* (Пришвин, 1938).

Интерпретации «*через* + *два* + названия временных интервалов» представлены в табл. 3.

Таблица 3

Интервальная и событийная интерпретации

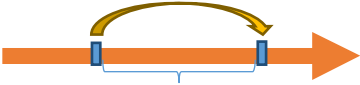
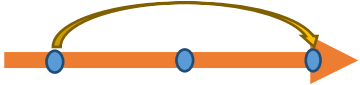
<p>Интервальная интерпретация</p> 	<p><i>через две минуты</i> <i>через два часа</i> <i>через два месяца</i> <i>через два года</i> через двое суток (единичность) через два дня</p>
<p>Событийная интерпретация</p> 	<p>через два дня через двое суток (повторяемость) <i>?через два утра</i> <i>через два вечера</i> <i>через две ночи</i></p>

Обобщим обсуждение дополнительных противопоставлений, свойственных временным употреблением русского *через*, в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Интервальная и событийная модели

<p>Интервальная модель</p> 	<p><i>через минуту</i> <i>через час</i> <i>через месяц</i> <i>через год</i> <i>через неделю</i> (единичность) <i>через сутки</i> (единичность) <i>через N дней</i></p>
<p>Событийная модель</p> 	<p><i>через утро</i> <i>через день</i> <i>через вечер</i> <i>через ночь</i> <i>через неделю</i> (повторяемость) <i>через сутки</i> (повторяемость) <i>через N дней</i></p>

Из таблицы видно, что в русском есть два способа интерпретации таксисных конструкций с *через*: интервальный и событийный; очевидно тяготение одних имен периодов к событийной интерпретации, а других – к интервальной. При событийной интерпретации основное событие Р оказывается как бы на один шаг дальше от точки отсчета, потому что оно не продолжает интервал, а отстоит от него. Это противопоставление коррелирует с итеративностью: при регулярных повторах единичных ситуаций пропущенный временной интервал понимается как сжатое событие, так что «интервальные» периоды в таких контекстах редки. Противопоставление ослабляется, если название периода осложнено числительным. Сам период удлиняется, его границы становятся более размытыми, и наблюдается вариативность.

Система стратегий, стоящая за русскими конструкциями с *через*, довольно сложна. В следующем разделе мы рассмотрим, как она воспроизводится казахскими билингвами.

«Нестандартное» употребление и интерпретация предлогов

Количественное соотношение предлогов *после*, *спустя* и *через* в казахском подкорпусе RLC, приведенное в табл. 5, показывает, что предлог *после* преобладает, в том числе и во временном значении, не только по сравнению с относительно малочастотным *спустя*, но и по сравнению с продуктивным *через*.

В последний столбик табл. 5 включены данные НКРЯ, описанные в разделе 1. Сопоставление показывает, что в текстах казахских билингвов доля временного *после* несколько выше, чем в 50 случайных контекстах НКРЯ. Интересно, что и *через* во временном значении в подкорпусе RLC также фиксируется чаще, чем в НКРЯ, но его употребления в RLC однотипны: только с временными отрезками по интервальной модели (*через год*, *через 20 минут*) или сочетания *через некоторое / какое-то время* (8 случаев).

Соотношение *после*, *спустя* и *через* в казахском подкорпусе RLC и НКРЯ

Предлоги	Общее количество употреблений предлогов	Количество предлогов во временном значении (каз. RLC)	% предлогов во временном значении (каз. RLC)	% употреблений предлогов во временном значении в Основном корпусе НКРЯ
<i>после</i>	141	133	94,3	90
<i>спустя</i>	15	15	100	100
<i>через</i>	74	39	52,7	36

Если считать русскую письменную речь казахских билингвов отражением «промежуточной» системы (между стандартными казахским и русским), то можно видеть, что эта система по отношению к стандартному русскому редуцирована: примеры подкорпуса в основном соответствуют таким типам употреблений, где нет противоречий между родной и русской системами, ср.: *после тренировки*, *после урока*, *после каждой ссоры*. Главное расхождение русской и казахской систем – неразличение в казахском ситуаций и периодов времени – как говорилось в разделе 2, порождает ненормативные варианты типа *после пару недель*. Предлог *через* особенно труден для билингвов, потому что не имеет аналогов в казахском, но в корпусе есть примеры его употребления для самого простого единичного интервала – ср. *через год*. Семантически такие употребления близки к стандартному *спустя* и покрываются послелогами *соң / кейін*. Отсутствие в корпусе более сложных примеров с *через* тоже говорит о влиянии родного языка: видимо, для этих случаев билингвы ищут иные средства выражения, чем носители русского.

Для более детального исследования событийности / интервальности мы дополнили корпусные данные результатами опроса на понимание русских предложений с предлогом *через* и интервалами времени. В основе опроса лежит предположение, что совмещение интервальной и событийной моделей времени, реализуемых в русской микросистеме, может вызывать у казахско-русских билингвов трудности и значимые отклонения в интерпретации временных контекстов.

В опросе приняли участие две группы студентов. Каждая группа состояла из 30 информантов: 14 девушек и 16 юношей от 17 до 20 лет.

Первую группу составили студенты, для которых доминантным является казахский.

Вторая группа – студенты алматинских вузов, для которых русский основной: в анкетах они указывают, что им привычнее думать и говорить по-русски. Как мы предполагаем, ответы информантов этой группы в контексте нашего опроса близки к «эталонным», и они помогут определить, насколько отклоняются носители доминантного казахского в своих интерпретациях от действующего в русском языке стандарта.

Мы попросили участников опроса выбрать одну из двух возможных интерпретаций интервала времени, указанного в предложении, см. (48). В варианте (а) предлагалась интервальная интерпретация, а в (б) – событийная.

(48) *Через день мы вновь встретимся.*

а. Если сегодня 1 мая, значит встретимся 2 мая.

б. Если сегодня 1 мая, значит встретимся 3 мая.

Всего в эксперименте было 7 предложений. Описательная статистика приведена в табл. 6. Даже до анализа результатов видны различия в интерпретации первого примера: доминантный казахский «склоняет» говорящих понимать *через день* как ‘на следующий день’, а не как пропуск суток.

Т а б л и ц а 6

Результаты опроса

№	Предложение	Варианты для выбора	Носители доминантного казахского языка		Носители доминантного русского языка	
			Кол-во участн.	%	Кол-во участн.	%
1	<i>Через день мы вновь встретимся.</i>	Сегодня 1 мая, встретимся 2 мая	17	57	4	13
		Сегодня 1 мая, встретимся 3 мая	13	43	26	87
2	<i>Через час меня вызовут к начальнику.</i>	Сейчас 13.00, вызовут в 14.00	27	90	30	100
		Сейчас 13.00, вызовут в 15.00	3	10	0	0
3	<i>Ты получишь бандероль только через месяц.</i>	Сейчас июнь, получишь в июле	26	87	27	90
		Сейчас июнь, получишь в августе	4	13	3	10
4	<i>Мы договорились снова встретиться в Москве через год.</i>	Сейчас 2019 год, встретимся в 2020	28	93	26	87
		Сейчас 2019 год, встретимся в 2021	2	7	4	13
5	<i>Через минуту пришло сообщение.</i>	Сообщение пришло через 60 секунд	29	97	29	97
		Сообщение пришло через 120 секунд	1	3	1	3
6	<i>Дорога дальняя. Только через сутки будем дома.</i>	Сегодня 12 апреля, будем дома 13-го	24	80	22	73
		Сегодня 12 апреля, будем дома 14-го	6	20	8	27
7	<i>Через два дня – на работу.</i>	Сегодня вторник, на работу в четверг	7	23	4	13
		Сегодня вторник, на работу в пятницу	23	77	26	87

Для выявления значимости применялся метод логистической регрессии со смешанными эффектами по испытуемому и по предложению. Использовались среда программирования R и пакет lme4 [25, 26].

Применение этого метода показало, что в ответах обеих групп участников опроса была получена значимая корреляция количества интерпретаций второго типа (по событийной модели) и интервала времени в предложении. Это значит, что обе группы информантов ощущают то противопоставление, о котором мы говорили в разделе 3: с одной стороны, периодов типа *минута* и *час*, а с другой – *сутки*, *день* или *два дня*. Последние значимо чаще получают «событийную интерпретацию» (бета = $-2,5199$ стандартное отклонение = $0,8058$, $p < 0,005$ для носителей казахского языка, бета = $-4,264$, стандартное отклонение = $1,127$, $p < 0,001$ для русскоязычных испытуемых).

Вместе с тем обнаруживается различие: носители казахского языка, в отличие от носителей доминантного русского, заметно чаще принимали более прозрачную для них интервальную интерпретацию для сочетания *через день*, но также и для *через сутки* (семантически то же, что *через день*), и для *через два дня* (ср.: бета = $-2,5199$ для носителей доминантного казахского и бета = $-4,264$ для носителей русского языка).

Обнаруженные в эксперименте колебания в интерпретации, с одной стороны, связаны с точками наибольшего расхождения между русским и казахским, а с другой – отражают описанную в разделе 3 нестабильность отдельных участков системы русского языка.

Заключение

Наш материал дает возможность сделать несколько заключительных замечаний.

Во-первых, сложность и нестабильность русской системы и ее расхождение с казахской связаны для нас в том отношении, что расхождения дают ключ к описанию сложных случаев внутри каждой из них. Именно ошибки билингов в анализе предложений с *через* позволили обнаружить особую, событийную, интерпретацию для определенных контекстов в русском. Таким образом, учебные корпуса и коллекции текстов нестандартных носителей, материал которых «сталкивает» языковые системы, необходимы как инструмент уточнения русской грамматики.

Второе замечание касается важности материала такого рода для типологии грамматических конструкций, т.е. конструкций с (квази)грамматическим значением (в частности, предложных с временной семантикой: выражающих отношение последовательности ситуаций, их временной соотнесенности). Грамматисты называют такие отношения таксисными, но по традиции только тогда, когда они выражены в глаголе, скажем, деепричастной формой. Ср.: *приехав, он сразу сел обедать*. Именные предложные конструкции с *после* и *спустя* обычно из таксисных выпадают, ср. [27], хотя в [28. С. 50; 29. С. 49] они упоминаются как в принципе

уместные. Для нас важно, что квазиграмматические конструкции добавляются в эту область не вполне стандартные для грамматики, но, видимо, высокорелевантные когнитивно, значения и оппозиции. Можно сказать, что они не просто упорядочивают основное, новое и заранее заданное (точку отсчета) события (*после приезда сел обедать*), но и *измеряют* расстояние между ними – в специально предназначенных для этого мерах: выделенных временных интервалах или выделенных событиях.

Наконец, третье. Наши наблюдения показывают, какую непростую задачу решают казахские билингвы, переключаясь с таксисно-временной системы родного языка на систему русского.

Так, в системе родного (казахского) языка нет противопоставления событий и временных интервалов. Нет в ней и метафоры «ВРЕМЕННОЙ ИНТЕРВАЛ / СОБЫТИЕ – ЭТО ПРЕПЯТСТВИЕ»: наоборот, все события и временные отрезки интерпретируются в контексте временной линейной последовательности (последологи *соң* и *кейін*) или цикличности (*сайын*).

В русском языке предлоги *после*, *через* и *спустя* выражают сложную систему противопоставлений: событий, интервалов времени, уникальных ситуаций и цепочек, цикличных периодов и линейно повторяющихся событий. Сами интервалы могут растягиваться, так что упорядочиваемые ситуации оказываются внутри них или следуют непосредственно за ними как длительные процессы и состояния, а могут сжиматься в события-препятствия, которые резко отделяют их от точки отсчета.

Основываясь на наших данных, можно составить начальную анкету для исследования этой таксисно-временной подобласти в других языках.

Неудивительно, что тексты из RLC обнаруживают отклонения от стандартного русского языка. Привычное восприятие событий и интервалов времени в их линейной последовательности выражается в «экспансии» предлога *после* в тех контекстах, где должны использоваться *через* и *спустя*.

Вместе с тем, как показал опрос, не только использование русских предлогов в речи, но и понимание высказываний с ними может отличаться у казахско-русских билингвов и носителей доминантного русского языка (ср. *через день*, *через два дня*, *через сутки*).

Таким образом, сквозь призму корпусных текстов можно не только увидеть разброс отклонений от стандартного русского языка в речи казахов-билингвов, но и существенно уточнить границы самого стандарта.

Литература

1. *Русский учебный корпус*. URL: <http://www.web-corpora.net/RLC> (дата обращения: 17.12.2020).

2. Рахилина Е.В., Казкенова А.К. Заметки о русском числе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22, № 3. С. 605–627.

3. Рахилина Е.В., Казкенова А.К. Выражение итеративности в русских текстах казахских билингвов // Slavica Helsingiensia 52. 2019. С. 37–45.

4. Казкенова А.К., Рахилина Е.В. Русская письменная речь студентов-казахов в зеркале Русского учебного корпуса: глагольная префиксация // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2019. № 1. С. 389–398.
5. Мейрамов Г.А. Система обучения русскому грамматическому управлению учащихся-казахов. Алма-Ата : Мектеп, 1968. 215 с.
6. Исенгалиева В.А. Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. 227 с.
7. Кенжебаева Ф. Қазақ тіліндегі демеу сөздер (септеуліктер мен демеуліктер). Алматы : Агуна group, 2018. 157 б.
8. Haspelmath M. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages. Munchen : Newcastle. 1997. 181 p.
9. Исследования по семантике предлогов: сб. ст. / отв. ред. Д. Пайар, О.Н. Селиверстова. М. : Русские словари, 2000. 376 с.
10. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. 283 с.
11. Nessel T. Space-Time Asymmetries in Russian Prepositions: Preliminary Analysis // *Poljarnyj Vestnik* // Полярный вестник. 2011. Vol. 14. P. 45–62.
12. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. Временные значения русских предлогов: границы метафоризации // *Русский язык в научном освещении*. 2013. № 1 (25). С. 5–20.
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.12.2020).
14. Крылов С.А., Муравенко Е.В. Послелогии в русском языке // *Русский язык: исторические судьбы и современность* : III Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2007. С. 278–279.
15. Сичинава Д.В. Предлог. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 17.12.2020).
16. Voers F. Spatial Prepositions and Metaphor: a Cognitive Semantic Journey along the Up-down and the Front-back Dimensions. Tübingen : Narr, 1996. 320 p.
17. Агафонова К. О конструкции «предлог *C* + генитив» // Исследования по семантике предлогов : сб. ст. / отв. ред. Д. Пайар, О.Н. Селиверстова. М., 2000. С. 313–337.
18. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
19. Шмелев А.Д., Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
20. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2008. 416 с.
21. Алматинский корпус казахского языка. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search> (дата обращения: 17.12.2020).
22. Урысон Е.В. Русский союз и частица *и*: структура значения // *Вопросы языкознания*. 2000. № 3. С. 97–121.
23. Рудницкая Е.Л. Сентенциальные наречия в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 1993. 24 с.
24. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности // *Логический анализ языка. Язык и время* / ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М., 1997. С. 229–240.
25. R Core Team. R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing. URL: <http://www.R-project.org> (дата обращения: 17.12.2020).
26. Bates D., Maechler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67 (1). P. 1–48.
27. Муравьев Н.А. Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 270 с.
28. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // *Вопросы языкознания*. 2003. № 2. С. 32–53.

29. Храковский В.С. Таксис: семантика, типология // Типология таксисных конструкций / под ред. В.С. Храковского. М., 2009. С. 11–116.

Условные обозначения

1 – 1-е лицо, 3 – 3-е лицо, ABL – исходный падеж, CVB – деепричастие, GEN – родительный падеж, LOC – местный падеж, PASS – страдательный залог, PL – множественное число, POSS – притяжательность, PST – прошедшее время, RECP – совместный залог.

Posle, Cherez, Spustya in Temporal Contexts: Notes on the Writings of Kazakh-Russian Bilinguals

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 93–113. DOI: 10.17223/19986645/73/6

Ekaterina V. Rakhilina, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: rakhilina@gmail.com

Aimgul K. Kazkenova, Eurasian Technological University (Almaty, Kazakhstan). E-mail: aimgul.kazkenova@mail.ru

Yana E. Akhapkina, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: yana.akhapkina@gmail.com

Keywords: corpus linguistics, semantics, Russian temporal prepositions, Kazakh-Russian bilinguals, Russian Learner Corpus.

The study is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-20).

The article concerns the usage of Russian locative prepositions *posle*, *cherez*, and temporal preposition *spustya* in quasi-synonymous temporal contexts ('after/over'). It is based on the grammatical deviations in the written texts of Kazakh bilinguals presented in the Kazakh sub-corpus of the Russian Learner Corpus (RLC, web-corpora.net/RLC). The RLC has been constructed in Higher School of Economics (School of Linguistics) in collaboration with Kazakh scholars. The deviations represented in the RLC were analyzed against the background of the Russian National Corpus (ruscorpora.ru) representing the prototypical temporal contexts of *posle*, *cherez*, and *spustya* in native Russian. In some cases, corpus methods were also complemented by surveying bilingual speakers. The introductory section includes a general description of the objectives and methods, and tackles with some puzzling examples from the RLC. Then follows a brief survey of the corresponding sets of temporal meanings related to time sequence (the data come from both Russian and Kazakh corpora). The time sequence refers to a situation in the near future occurring after a certain event or timespan, cf.: 'to come back after the party/after two days'. Two tables summarizing the results for Russian and Kazakh data conclude the first sections and visualize the main differences in the corresponding systems. The RLC texts display the effect of blending that creates a new system of temporal markers' distribution. The article argues that in most cases the deviations observed in Russian texts produced by bilinguals are triggered by grammatical standards of Kazakh. However, the task of switching from one system to the other is not at all trivial even for bilinguals, and not all cases demonstrate a direct transfer. The usage of *cherez* raises particular difficulties, especially for isolated (not repeated) situations that have no immediate counterparts in Kazakh, cf.: 'one day after May 25' = 'on May 27'. As it is shown in Section 4, not only Kazakh speakers underuse and misuse this preposition in their texts in Russian, but they reinterpret the standard Russian phrases with this preposition "missing" an extra day ('on May 26' instead of 'May 27'). Variance in their linguistic behavior helps to identify gaps in Russian grammar and makes the RLC an effective tool for a more elaborated

semantic explanation of prepositions under description. At the same time, this semantic analysis may serve as a framework for a pilot typological questionnaire and further description of this type of temporal contexts cross-linguistically.

References

1. *Russian Learner Corpus*. [Online] Available from: <http://www.web-corpora.net/RLC> (Accessed: 17.12.2020).
2. Rakhilina, E.V. & Kazkenova, A.K. (2018) Notes on Russian Number. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. 22 (3). pp. 605–627. (In Russian).
3. Rakhilina, E.V. & Kazkenova, A.K. (2019) Vyrazhenie iterativnosti v russkikh tekstakh kazakhskich bilingvov [The Expression of Iterative Meaning in Russian Texts of Kazakh Bilinguals]. *Slavica Helsingiensia*. 52. pp. 37–45.
4. Kazkenova, A.K. & Rakhilina, E.V. (2019) Russkaya pis'mennaya rech' studentov-kazakhov v zerkale Russkogo uchebnogo korpusa: glagol'naya prefiksatsiya [Russian Written Speech of Kazakh Students in the Reflection of Russian Learner Corpus: Verbal Prefixation]. *Przegľad Wschodnioeuropejski*. 1. pp. 389–398.
5. Meiramov, G.A. (1968) *Sistema obucheniya russkomu grammaticheskomu upravleniyu uchashchikhsya-kazakhov* [The System of Teaching Russian Grammatical Government for Kazakh Students]. Alma-Ata: Mektep.
6. Isengalieva, V.A. (1959) *Russkie predlogi i ikh ehkivalenty v kazakhskom yazyke* [Russian Prepositions and Their Equivalents in Kazakh]. Alma-Ata: KazSSR AS.
7. Kenzhebaeva, F. (2018) *Qazaq tilindegi demeu sözder (septelikter men demelikter)* [Functional Words in Kazakh (postpositions and particles)]. Almaty: Aruna group.
8. Haspelmath, M. (1997) *From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages*. München: Newcastle.
9. Paiar, D. & Seliverstova, O.N. (eds) (2000) *Issledovaniya po semantike predlogov* [Research on the Semantics of Prepositions]. Moscow: Russkie slovari.
10. Vsevolodova M. V. (1975) *Sposoby vyrazheniya vremennykh otnoshenii v sovremennoy russkom yazyke* [Ways of Expressing Temporal Relations in Modern Russian]. Moscow: Moscow State University.
11. Nessel, T. (2011) Space-Time Asymmetries in Russian Prepositions: Preliminary Analysis. *Polyarnyy Vestnik*. 14. pp. 45–62.
12. Rakhilina, E.V. & Plungyan, V.A. (2013) Vremennyye znacheniya russkikh predlogov: granitsy metafizatsii [Temporal Meanings of Russian Prepositions: the Limits of Metaphorization]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 1 (25). pp. 5–20.
13. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: www.ruscpora.ru. (Accessed: 17.12.2020).
14. Krylov, S.A. & Muravenko, E.V. (2007) Poslelogi v russkom yazyke [Postpositions in Russian]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [The Russian Language: Historical Fates and the Present]. Proceedings of the III International Congress of Researchers of the Russian Language. Moscow: MAKS Press, pp. 278–279.
15. Sichinava, D.V. (2018) *Predlog* [Preposition]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru> (Accessed: 17.12.2020).
16. Boers, F. (1996) *Spatial Prepositions and Metaphor: a Cognitive Semantic Journey along the Up-down and the Front-back Dimensions*. Tübingen: Narr.
17. Agafonova, K. (2000) O konstruksii "predlog S + genitiv" [The Construction "preposition S + genitive"]. In: Paiar, D & Seliverstova, O.N. (eds) *Issledovaniya po semantike predlogov* [Research on the Semantics of Prepositions]. Moscow: Russkie slovari. pp. 313–337.
18. Paducheva, E.V. (2010) *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa* [Semantic Research: Semantics of Tense and Aspect in Russian; Narrative Semantics]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

19. Shmelev, A.D. & Bulygina, T.V. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury".
20. Rakhilina, E. V. (2008) *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetnost'* [Cognitive analysis of names of objects: semantics and combinability]. Moscow: Russkie slovari.
21. *Almaty Corpus of Kazakh Language*. [Online] Available from: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search> (Accessed: 17.12.2020).
22. Uryson, E.V. (2000) Russkii soyuz i chastitsa *u*: struktura znacheniya [The Russian Conjunction and Particle *u*: Structure of the Meaning]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 97–121.
23. Rudnitskaya, E.L. (1993) *Sententsial'nye narechiya v russkom yazyke* [Sentential Adverbs in Russian]. Philology Cand. Diss. Moscow.
24. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (1997) Vremya sutok i vidy deyatel'nosti [Time of day and types of activity]. In: Arutyunova, N.D. & Yanko, T.E. (eds) *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language. Language and Time]. Moscow: Indrik. pp. 229–240.
25. R Core Team. (2013) *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. *R Foundation for Statistical Computing*. [Online] Available from: <http://www.R-project.org> (Accessed: 17.08.2020).
26. Bates, D., Maechler, M., Bolker, B., & Walker, S. (2015) Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4. *Journal of Statistical Software*. 67 (1). pp. 1–48.
27. Murav'ev, N.A. (2017) *Taksis i taksisnye formy v yazykakh mira: taksonomiya i tipologiya* [Taxis and Taxis Forms in the Languages of the World: Taxonomy and Typology]. Philology Cand. Diss. Moscow.
28. Khrakovskiy, V.S. (2003) Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika) [The Category of Taxis (General Characteristics)]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 32–53.
29. Khrakovskiy, V.S. (2009) Taksis: semantika, tipologiya [Taxis: Semantics, Typology]. In: Khrakovskiy, V.S. (ed.) *Tipologiya taksisnykh konstruksii* [Typology of Taxis Constructions]. Moscow: Znak. pp. 11–116.

УДК 81'25, 347.78.034
DOI: 10.17223/19986645/73/7

Т.В. Тарасенко, Э.Ф. Керо Хервилья

ОБЪЕКТЫ ВИНОПИТИЯ В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗОНА» КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ И ИХ ПЕРЕВОД НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК

На материале повести Сергея Довлатова «Зона» с позиции семантического синтаксиса рассматривается национально-специфическая лексика группы «винопитие». Доказывается, что испанский перевод данного произведения лишь частично отражает социокультурные реалии советского периода, что приводит к недопониманию авторского замысла произведения. В результате анализа переводческих стратегий (форенизации и доместикации), а также различных техник авторы предлагают собственное переводческое решение.

Ключевые слова: национальная реалья, объекты винопития, стратегии и техники перевода

Введение

Перевод реалий является одной из наиболее актуальных проблем в переводоведении. Обращение к исследованиям о реалиях показало множество различных подходов к самому определению понятия «реалия».

В теории перевода под реалией понимаются, по замечанию В.А. Верниговой, не предметы и понятия реального мира, а слова, их называющие [1. С.138]. С.И. Влахов и С.П. Флорин определяют реалию как «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа, и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [2. С. 59–60]. Для других исследователей перевод реалии – это перевод безэквивалентной лексики (Верещагин, Костомаров [3]). Третьи классифицируют их и распределяют по категориям (см. работы: Nida [4]), Newmark [5], Алесина, Виноградов [6], Katan [7], Hurtado Albir [8], Molina [9], Виноградов [10], Igareda [11], Le poder [12]).

Автор «Толкового переводческого словаря» Л.Л. Нелюбин дает следующее определение национальных реалий: «1. Предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы. Реалиями называют слова и словосочетания, обозначающие их. Большинство национальных реалий относятся к безэквивалентной лексике. 2. Элементы национальной системы понятий и объектов данной народности, получившие свое отражение в языке. Лексические средства, обозначающие национальные реалии, получили по законам метонимии то же название, т.е. национальные реалии» ([13. С. 118]).

В теории перевода зарубежных исследователей в отношении реалии употребляется термин «культурема» (объекты, предметы и события), фигурирующий в работах (Oksaar [14], исследовательской группы GILTE, Luque Durán [15]); встречаются также синонимичные культуреме термины «культурно отмеченные сегменты» (Mayoral and Muñoz [16]), «культурные слова» (Newmark [17]), «культурологические термины» (Calvi [18]).

Есть авторы, которые различают предмет и называющее его слово, например Картахена [19], выделяющий специфические культурные референты (предметы) и специфические культурные наименования (слово), Норд [20], разделяющая культурему (предмет) и культурный показатель (слово).

В испанском переводоведении реалия получила название «культурный референт». В переводческой школе Гранады – это объект и лексема, его передающая (см.: Mayoral [21]). Для Марисы Пресас это «словесное выражение феномена, специфичного для данной культуры» [22. Р. 20]; для Лауры Сантамарии – «объекты и события, обладающие общенациональным этнокультурным фоном, влияющие определенным образом на систему ценностей каждого входящего в него индивида» [23. Р. 237]. Важно помнить, что расстояние между культурами оригинального и переводного текста влияет на восприятие читателя, который может знать или не знать о культурных референтах языка оригинала (см.: [24, 25]).

Хавиер Франко вместо реалии вводит понятие *culture-specific items* (культурно-специфические элементы) и дает им следующее определение: «Those textually actualized items whose function and connotations in a source text involve a translation problem in their transference to a target text, whenever this problem is a product of the non existence of the referred item or of its different intertextual status in the cultural system of the readers of the target text» [26. Р. 58].

В.А. Вернигорова подчеркивает важность переводческого аспекта реалий: «Проблема перевода реалий в целом и отражения внеязыковой действительности текста при помощи реалий в частности – одна из самых актуальных проблем в теории перевода, и ее в той или иной степени рассматривали все теоретики перевода [1. С.127].

Исходя из сказанного выше, продолжая идею Х. Франко, в данной работе мы предлагаем термин «национальная реалия» (далее – НР). В нашем понимании НР – это понятие (объект или событие) и его словесное выражение, существующее в этнокультуре оригинального текста, несущее семантическую нагрузку, общеизвестную носителям языка и неизвестную носителям языка перевода. Это могут быть не только понятия из культуры оригинала, но и заимствованные из других культурных традиций, которые, будучи включены в ткань общенационального языка, утратили в значительной степени присущие им первоначальные значения, бытовавшие в другой культурной традиции, и получили новые.

Обращение к проблеме перевода показало, что среди теоретиков перевода распространена точка зрения о непереводаемости реалий, потому и

понятие перевода реалий условно. Иржи Левый, известный чешский исследователь в области перевода, в «Искусстве перевода» называет реалии «*crucis translatorum*» – «крестными муками переводческими» [27. С. 149]. С другой стороны, классик советского переводоведения А.В. Федоров подчеркивал, что «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык хотя бы описательно, то есть распространенным сочетанием слов данного языка» [28. С. 182].

Поэтому в центре внимания в нашем исследовании будет вопрос о трудностях перевода НР. «Трудности при переводе – это или трудности, связанные с пониманием, которые проистекают от недостаточного знания языка оригинала или недостаточного знания существа предмета, т.е. от недостатка специальных знаний. Или трудности, связанные с выражением, объясняемые слабым знанием языка, на который делается перевод, либо отсутствием в этом языке готовых эквивалентов для выражения того, что уже было выражено средствами языка оригинала» [13. С.167].

При переводе художественного текста переводчик должен обладать фоновыми знаниями, чтобы, выявляя различия между культурными традициями языка оригинала и перевода, как можно более точно перевести языковые единицы, относящиеся к НР, и найти способы их передачи в переводном тексте. «Когда мы утверждаем, что одни единицы языка являются отражением его этнокультуры, при их переводе на другой язык мы неизбежно вступаем в область сравнительной культурологии, сравнивая между собой не только языки, но и культурные реалии и общественные явления, что нацеливает нас на приобретение фоновых знаний о культурных социумах страны оригинала и перевода» [26. Р. 14]. Выполнив предпереводческий анализ, переводчик, по мнению специалистов, должен иметь представление о том, как может повлиять его перевод, в том числе и НР, на восприятие читателя художественного текста принимающей культуры, потому что «от точного перевода национально окрашенной лексики зависит, будет ли межкультурное и межязыковое общение способствовать сближению двух культур, или, напротив, приведет к затруднению взаимопонимания между ними» [11. Р. 14].

Американский теоретик переводоведения Л. Венути выделяет две культурно-ориентированные стратегии переводчика: первая стратегия – форенизация (сознательное пренебрежение лингвистическими и культурно-ориентированными нормами принимающего языка и культуры). Вторая стратегия, противоположная первой, – доместикация (ориентированность текста перевода на систему языка и ценности принимающей культуры) [29]. Используя форенизацию как стратегию, переводчик намеренно сохраняют иностранный характер текста, чуждый культуре перевода; при доместикации, напротив, адаптирует текст под культуру перевода. Так в испанском переводе «Зоны» С. Довлатова «ветчина» по воле авторов перевода стала «хамоном»: *Gustav расстегнул мундир. Сел на холмик. Положил ветчину на колени. Исп.: Gustav se desabotonó el uniforme. Se sentó sobre el pequeño otero. Posó el jamón sobre la rodilla.* Стратегия доместика-

ции, выбранная переводчиками, в этом случае вызывает недоумение. Выбор переводческой стратегии одновременно подразумевает выбор техники перевода (в русскоязычном переводе ей соответствует термин «прием перевода»). В теории перевода представлены различные классификации техник перевода (Newmark [5], Franco [26]. 1996, Agost [30], Molina y Hurtado [31], Molina Martínez [9], Ramière [32], Крючко [33]. Vázquez y del Árbol [34]).

Под техникой перевода мы понимаем «конкретные переводческие операции, направленные на достижение переводческой эквивалентности текстовых микроединиц» [8. Р. 257].

Кроме стратегий перевода (доместикации или форенизации) в испанском тексте «Зоны», мы хотим рассмотреть и техники перевода, использованные в переводном тексте, установить взаимосвязь стратегии и техники перевода (см.: [8, 26, 35]). Кроме того, предложить свои переводческие стратегии и техники, наиболее подходящие, на наш взгляд, для анализируемых НР, учитывая фоновые знания о русской культуре испанского читателя, стремясь обеспечить адекватное понимание им переводного текста.

За рубежом С. Довлатов в первую очередь известен в англоязычном мире, но его также активно переводят на другие языки. За последние годы вышло несколько новых переводов текстов писателя на разных языках – в Великобритании и США, Испании, Аргентине и Бразилии, Японии и Китае. Перевод «Зоны» С. Довлатова на испанский язык выполнен Анной Алкорта и Моисесом Рамиресом и опубликован издательством Икусагер Едиссионес в 2009 г. [36]. По данным Ю.И. Микаэлян, в Испании С. Довлатова также активно переводят на каталанский язык (на данный момент на каталанском опубликовано шесть произведений) [37. С. 297].

Тематика и временной отрезок повести «Зона» – эпоха развитого социализма в СССР 60-х гг. XX в., изображение мест заключения, реальность, незнакомая испанскому читателю. Ценность повести в том, что она автобиографична, ибо в ней отразились личный опыт и переживания от несения срочной воинской службы в качестве вояки (солдат срочной службы военизированной охраны), надзирателя в лагере уголовников.

Когда мы обращаемся к такому сложному явлению, как повесть «Зона» С. Довлатова, трудной для восприятия читателя и на языке оригинала, то интересными представляются способы перевода НР оригинального художественного текста, которые позволили бы донести их смысл до читателя принимающей культуры. «Тот факт, что в своей работе переводчик всегда имеет дело с двумя этнокультурами или тремя (в случае если переводит с языка-посредника), создает ситуацию неустойчивого соотношения между ними, и часто бывает так, что семантическая нагрузка языкового фонда культуры экспортера, обслуживающего те или иные национальные реалии, на одной чаше весов перевешивает языковые возможности этнокультуры воспринимающей» [26. Р. 52].

Искусство переводческой деятельности в данной ситуации зависит от понимания ее как двуединого процесса: правильной интерпретации нацио-

нальной специфической лексики, с одной стороны, и поиска переводчиком способа наиболее адекватного отражения мира оригинала в сознании читателя переводного языка – с другой. Выбор того или иного способа передачи НР обусловлен не только характером обозначаемых ею предмета или явления, но и воспринимающей способностью иноязычного читателя. Эта зависимость проявляется в культурном разрыве, т.е. определяется тем, насколько близко или далеко находятся друг от друга культурные традиции языка оригинала и перевода, в данном случае – русская и испанская. «В идеале текст перевода стремится передать специфику оригинала во всех его измерениях, но зачастую просто невозможно отобразить их средствами языка перевода так же, как на языке оригинала» [38. Р. 75].

В данной работе проведем анализ эпизодов повести Сергея Довлатова «Зона», в которых персонажи употребляют спиртные напитки, а точнее, лексем, их обозначающих, в русском и испанском текстах, которые мы относим к НР. При переводе той или иной лексемы, связанной с ситуацией винопития, может произойти утрата национальной специфики оригинального текста или его искажение [39].

Необходимо принимать во внимание и стилистическую окраску НР в речи персонажей, поскольку «...языковые особенности оригинала, на каком бы языке он ни был создан, характеризуют говорящих социально и подчеркивают их культурный уровень; такие языковые средства и не всегда возможно точно и полностью передать на иностранный язык» [40. С. 6].

На основе определения НР, принимая во внимание все вышесказанное, мы утверждаем, что выбор переводческой стратегии и техники обусловлен характером НР, подлежащей переводу, т.е., чтобы найти соответствующую НР лексическую единицу в языке перевода, должен быть проведен анализ семантики НР.

Для этого в статье были поставлены следующие задачи:

1. Провести анализ объектов винопития, составить каталог алкогольных напитков как НР по разным основаниям.

2. Проанализировать стратегии и техники перевода алкогольных напитков как НР в существующем переводе на испанский язык повести С. Довлатова «Зона».

3. Предложить собственные переводческие решения НР, анализируемых в работе, для передачи эстетического своеобразия и социокультурной атмосферы повести.

Некоторые соображения о повести Сергея Довлатова «Зона»

Специфика *Зоны* как литературного произведения отмечена самим автором в одном из первых писем издателю: «Лагерная тема исчерпана. <...> Солженицын описывает политические лагеря. Я – уголовные. Солженицын был заключенным. Я – надзирателем. По Солженицыну лагерь – это ад. Я же думаю, что ад – это мы сами... <...> Это своего рода дневник,

хаотические записки, комплект неорганизованных материалов. <...> Там действует один лирический герой. Соблюдено некоторое единство места и времени. Декларируется в общем-то единственная банальная идея – что мир абсурден...» [41. С. 28].

Цикл рассказов *Зона (Записки надзирателя)* Сергея Довлатова разделен на две части: первая – письма автора издателю о рукописи и т.п., в них автор разъясняет концепцию своего произведения, в связи с чем это эксплицитный, надтекстовый автор, собирающий фрагменты текста в 1982 г., когда он и оформляет письма издателю.

Основной повествовательный прием в *Зоне* – псевдодокументализм (продуманное автором сочетание вымысла и реальности) и ирония, что, с одной стороны, создает у читателя иллюзию достоверности изображаемого; с другой стороны, автобиографичность героя, отсылка к автору повествования (его внешности и душевным качествам).

Во второй части *Зоны* повествование ведется от имени надзирателя Бориса Алиханова, главного действующего лица в шести из четырнадцати новелл. *Зона* – это его дневник, его свидетельство о проведенных им в армии 1962–1965 гг. Поэтому и обыденный мир в *Зоне* – это жизнь солдат ВОХРа: служба (охрана уголовников в зоне) и свободное время от службы, он «...был чужим для всех. Для эзков, солдат, офицеров и вольных лагерных работяг. Даже караульные псы считали его чужим. На его лице постоянно блуждала рассеянная и одновременно тревожная улыбка. Интеллигента можно узнать по ней даже в тайге» [41. С. 44].

Для советского человека шестидесятых-семидесятых годов двадцатого века источником знаний о занятиях солдата-срочника в свободное от службы время были телевидение, документальные фильмы, художественные произведения (кино, литература). Сюжет художественных фильмов, как правило, был следующим: до призыва в армию будущий солдат не всегда был сознательным, ответственным. В армии он изучает военное дело, чтобы повысить уровень боевой и политической подготовки, в свободное время переживает из-за девушки. В конце службы солдат становился дисциплинированным. Армия предстает перед зрителем школой взросления и перевоспитания молодого человека (циклы художественных фильмов об Иване Бровкине или Максиме Перепелице). Но в *Зоне* С. Довлатова в лагерной охране молодой человек из интеллигентной семьи был потрясен открывшейся ему правдой: «Я был ошеломлен глубиной и разнообразием жизни. Я увидел, как низко может пасть человек. И как высоко он способен парить. Впервые я понял, что такое свобода, жестокость, насилие. Я увидел свободу за решеткой. Жестокость, бессмысленную, как поэзия. Насилие, обыденное, как сырость. Я увидел человека, полностью низведенного до животного состояния. Я увидел, чему он способен радоваться. И мне кажется, я прозрел» [41. С. 35]. Борис Алиханов попадает в обстоятельства, далекие от кино: его окружают уголовники и солдаты-срочники, одинаково способные на любое насилие. «Люди в лагере и на воле не отличаются друг от друга, они совершают одинаковые поступки. Их пребывание по разные стороны колючей

проволаки обусловлено чистой случайностью» [42. С. 60]. Для преодоления абсурда и хаоса жизни, от безысходности военнослужащие лагерной охраны и во время службы, и в свободное время от службы пьют: *Хмельные солдаты в расстегнутых гимнастерках без дела шатались по коридору. Глухая и темная энергия накапливалась в казарме. Замполит Хуриев приказал собраться в ленинской комнате. Велел построиться у стены. Однако пьяные вохровцы не могли стоять. Тогда он разрешил сесть на пол. Некоторые сразу легли. – До Нового года еще шесть часов, – отметил замполит, – а вы уже пьяные, как свиньи* [40. С. 46].

Объекты винопития ситуации винопития в повести «Зона» С. Довлатова

В качестве объекта исследования выбраны эпизоды, в которых персонажи пьют спиртное, и рассмотрены с позиции семантического синтаксиса как семантическая ситуация винопития, элементарным соответствием которой являются пропозиция и ее актантное наполнение [43], а именно: субъект (тот, кто пьет), объект (спиртной напиток) и предикат [44. С. 240].

Субъекты выпивки в повести – персонажи *Зоны*: главный герой Борис Алиханов – солдат срочной службы военизированной охраны (вохровец), надзиратель в лагере уголовников; его сослуживцы, офицеры, заключенные (зэки) в колонии для содержания уголовников в Республике Коми; вольнонаемные рабочие в лагере; жители поселка Чебью.

Основные объекты винопития (всего 34 упоминания в тексте) – водка (8) и вино (6), кроме них в тексте «Зоны» есть следующие напитки: самогон, брага, чача, шнапс, горючее, спирт, бормотуха, шартрëз, зверобой, коньяк, вермут, вино красное, розовое, Пино-гри, портвейн, лосьон, одеколон.

Напитки в повести можно разделить по следующим основаниям:

1) алкогольные напитки (самогон, водка, чача, спирт, шартрëз, зверобой, коньяк, вермут, вино, портвейн, брага). В эту группу входят и спиртосодержащие жидкости (лосьон и одеколон), которые не предназначены для употребления внутрь в качестве напитков, но в «Зоне» их пьют за неимением других алкогольных напитков;

2) крепкие напитки, крепость которых составляет 40 градусов и выше (водка, самогон, чача, спирт, шартрëз, зверобой, коньяк) и напитки крепостью 12–18 градусов (вино, портвейн, брага);

3) способ изготовления напитков. Кустарным способом (в домашних условиях) производились самогон, брага, чача.

Спирт, бормотуха, шартрëз, зверобой, коньяк, вермут, вино, портвейн, лосьон, одеколон – промышленного производства. Технология производства в СССР таких напитков, как вермут, вино, портвейн и т.п., из-за дешевизны была примитивна, поэтому сами вина были низкого качества, в связи с чем их называли обобщенным словом – «бормотуха» [45. С. 86].

Таким образом, в повести С. Довлатова алкогольные напитки, их выбор и разнообразие задаются авторским замыслом.

Объекты винопития как национальные реалии и их перевод на испанский язык

Сначала проанализируем свойства языковых единиц, входящих в состав семы «объект винопития» в русском языке, а потом перейдем к изложению способов их передачи на испанский язык.

Для этого разделим все лексемы, относящиеся к объектам винопития, на категории, основываясь на определении НР, данного выше:

1. Языковые единицы этнокультуры оригинала, несущие семантическую нагрузку, известную носителям языка и неизвестную носителям иной культуры.

2. Языковые единицы, заимствованные из других культурных традиций, объем значения которых не совпадает с объемом значения в культуре происхождения; общеизвестные носителям языка и неизвестные носителям «чужой» культуры.

3. Языковые единицы – названия иностранных спиртных напитков, заимствованных из других культурных традиций, которые утратили в значительной степени присущие им первичные значения страны происхождения.

Как уже было сказано выше, мы хотим рассмотреть стратегии перевода (доместикации или форенизации) в испанском тексте «Зоны» и техники перевода НР, использованные в переводном тексте, установить взаимосвязь между стратегией и техникой перевода (в российском переводоведении традиционно говорят о приеме или способе перевода).

Для этого мы, основываясь на классификации переводческих техник, предложенной Хавьером Франко [26. Р. 61–65], рассмотрим каждую из техник перевода в рамках той или другой стратегии в традициях испанской школы переводоведения:

А. В рамках стратегии доместикации применяются следующие техники перевода:

– Ограниченная деконкретизация: замена оригинальной НР другой национальной реалией, характерной для культурной традиции оригинала [26. Р. 63].

– Полная деконкретизация состоит в нивелировании значения НР до такой степени, что она становится общеупотребительной, ни к одной социокультурной традиции не принадлежащей [26. Р. 63].

– Смысловый эквивалент – замена НР на соответствующий языковой эквивалент, «считающийся достоянием принимающей культуры», передающий только сущность изображенного в оригинале феномена, принадлежащий к культурной традиции читателя перевода [26. Р. 63].

– Свободный перевод заключается в подборе языковой единицы безотносительно лексемы оригинала: вводится лексема, которая никак не связана с лексемой, бытующей в оригинальном тексте [26. Р. 64].

– Текстуальный комментарий – метод, предполагающий замену термина или выражения описательным оборотом на иноязыке, «поясняющим материальную основу или функциональное значение термина» [26. Р. 64].

Б. В рамках стратегии форенизации применяются следующие техники перевода:

– Транслитерация – способ имитации звукового облика лексики, придающий тексту перевода специфический национальный колорит [26. Р. 61].

– Лингвистический (дословный) перевод – частичная или полная передача средствами иностранного языка смысла НР, создающей иллюзию ее принадлежности к культуре оригинала [26. Р. 62].

Сюда же относится метапереводческий дискурс, к которому прибегают в тех случаях, когда иностранное заимствование еще не стало полноценной лексической единицей родного языка, но сохранило краску иноязычия в языковой традиции перевода и потому нуждается в пояснении:

а) построчное примечание – пояснение читателю иной культуры смысла сказанного, описания или комментарии переводчика. В тексте бывают подстрочные, в скобках или квадратных скобках [26. Р. 62];

б) внетекстовое примечание: «пояснение», сопровождающееся глоссой: объяснение «осторожно» вводится в текст, чтобы читатель не заподозрил, что он неавторский. Главная его функция разъяснительная, исключая разночтения [26. Р. 62].

Названия спиртных напитков оригинального текста и в тексте испанского перевода представлены в таблице.

Названия напитков	С. Довлатов «Зона»	Текст испанского перевода, выполненного Анной Алкорта и Моисесом Рамиресом
Шнапс	Небось сам дует шнапс в одиночку.	Seguro que no hace más que trasegar aguardientes allí solo.
Шнапс	Все у тебя есть – шнапс и курево.	Aquí tenemos de todo: de beber y de fumar.
Шнапс	– Давай, – подхватил Балодис, – в кильдиге шнапса нет, а у зеков – сколько угодно.	¡Venga! – le secundó Balodis –. En la tienda no habrá priva , pero en la zona nunca falta.
Горючее	– Боб, иди в зону, – сказал Фидель, – и принеси горючего . А то мотор глохнет.	– «Bob», entra en la zona y consigue algo de combustible – dijo «Fidel» –. Si no, el motor se cala.
Самогон	А то у бесконвойников самогона навалом, и все идет против морального кодекса...	Pues, en el actual estado de cosas, los presos de confianza tienen vodka clandestino por arrobas, lo cual atenta contra el código moral...
Брага	Старый Кальо Пахапиль ненавидел оккупантов. А любил он, когда пели хором, горькая брага нравилась ему да толстые ребятишки	El viejo Kalyu Pajávil odiaba a las fuerzas de la ocupación. Lo que le gustaba era cantar en el coro; también la cerveza amarga casera y los críos rechonchos.
Чача	– Слышь, нерусский, дал бы чачи...	– Oye, no ruso, ¿nos das algo de chacha ?
Спирт	– Поддает, поддает, – вмешался Фидель, – у докторов навалом спирта.	Los médicos tienen mares de alcohol etílico . ¿Por qué no iban a echarse un trago?

Названия напитков	С. Довлатов «Зона»	Текст испанского перевода, выполненного Анной Алкорта и Моисесом Рамиресом
Бормотуха	Потом мы зашли в кильдим и спросили у Тонечки бормотухи . Она сказала, что дешевой выпивки нет.	Luego entramos en la tienda y le pedimos a Tónechka algo de vodka . Nos dijo que no había y le gritamos que no importaba,
Шартрэз	Пахапиль брал в магазине литр шартрэза и отправлялся на кладбище.	Papájl se agenciaba un litro de Chartreuse en la tienda y se marchaba al cementerio
Зверобой	Выпили по стакану зверобоя . Снова выпили зверобоя .	Bebían un vaso de vodka . Bebían más vodka .
Коньяк	Ставлю коньяк!	El coñac lo pongo yo.
Вермут	Он достал из-под матраса бутылку вермута с зеленой этикеткой.	Sacó una botella de vermú con la etiqueta verde de debajo del colchón
Красное	Такого алкаша я в жизни не припомню. Хоть красное , хоть белое – только наливай.	Mi vecino tenía una cabra que era una borracha de cuidado. Lo mismo le daba tinto que blanco mientras le escanciaran en abundancia.
Розовое, Пино-гри	– « Пино-гри », розовое крепкое , – добросовестно ответил надзиратель, исследуя винную этикетку.	Pinot gris, tinto fuerte , – contestó él a conciencia, leyendo la etiqueta .
Портвейн	– Перестаньте кошунствовать, – сказал хирург, – идите обедать. Выпейте портвейна . Столовая за углом...	– No blasfene – dijo el cirujano – La vida es sagrada. Vaya a almorzar. Tómese un oportó . Hay un comedor a la vuelta de la esquina.
Лосьон	Алиханов шагнул, наклонился, содрогаясь от запаха мокрых тряпок, водки и лосьона .	Alijánov había dado un paso adelante, se había inclinado y se había estremecido del olor a harapos mojados, a vodka y a tónico capilar .
Одеколон	Потом мы выпили немного одеколona .	Después nos bebimos el agua de colonia .

Перейдем к рассмотрению переводного текста Анны Алкорта и Моисеса Рамиреса и предложим возможные решения, которые, по нашему мнению, лучше всего передают контекст подлинника. Определим выбор стратегии и приемов перевода для каждого из названий спиртных напитков в отдельности, подразделив их на три группы.

Первая группа – это языковые единицы этнокультуры оригинала, несущие семантическую нагрузку, известную носителям языка и неизвестную носителям иной культуры. В эту группу включены прежде всего названия алкогольных напитков, их характеристика в повести С. Довлатова «Зона». Рассмотрим их ниже.

Горючее – в повести обозначает алкоголь вообще или водку.

В разговорной подсистеме литературного языка есть гиперонимы: *алкоголь* (водка и вообще спиртные напитки), включающие в том числе и суррогаты, т.е. не предназначенные для питья спиртосодержащие жидкости, используемые в качестве спиртного напитка, а именно лекарственные пре-

параты, клеи, тормозные жидкости, антифризы, парфюмерно-косметические жидкости и т.п., которого нет в значении лексемы; *горючее* (прост.) – *керосин* – горючая жидкость – спиртное. Проникает в русское просторечие из подъязыка шоферов [45. С. 163–164]).

В примере *Боб, иди в зону, – сказал Фидель, – и принеси горючего. А то мотор глохнет* Анна Алкорта и Моисес Рамирес переводят «горючее» как “*combustible*” (топливо). Стратегия доместикация, техника перевода – языковая эквивалентность.

С нашей точки зрения, возможен перевод «горючего» как “*gasolina*” (бензин), испанское просторечие: *Bob, ve a la zona y trae un poco de gasolina/gasofla que se nos gripa el motor.*

Однако принимая во внимание то, что испанский читатель может не понять юмор фразы «*А то мотор глохнет*», возможен и другой перевод: *Bob, ve a la zona y trae un poco de vodka que estamos secos (водки неси! У нас сушняк)*», техника перевода – ограниченная деконкретизация.

Самогон – крепкий спиртной напиток (низкого качества), обычно изготавливаемый в домашних условиях брожением содержащего углеводы сырья растительного происхождения с последующей перегонкой через самодельные аппараты [46. С. 956]. В советское время самогонование считалось уголовно наказуемым преступлением.

В анализируемом переводе «Зоны» *самогон* переводится как “*vodka*”, стратегия доместикация, техника перевода – ограниченная деконкретизация.

На наш взгляд, возможны еще и другие переводческие решения:

1. Перевод *самогона* как “*aguardiente*”. Агуардъенте – собирательное название для самогона в испаноязычных странах крепостью от 29 до 60 градусов, может быть виноградным, фруктовым и зерновым. Стратегия доместикация, техника перевода – смысловой эквивалент.

2. Возможна и стратегия форенизации, техника перевода – транслитерация с построчным примечанием: перевод слова в испанской орфографии, с ударением на последнем слоге «*samogón*» и примечанием: *una especie de aguardiente, llamado samogón* (нечто вроде водки под названием «самогон»):

А то у бесконвойников самогона навалом, и все идет против морально-го кодекса... lo traduciríamos por “Los presos tienen cantidades ingentes de (1)aguardiente (2) una especie de aguardiente de destilación casera, el samagón lo que va contra todos los principios”, dependiendo del método y de la técnica que empleemos.

Брага – спиртной напиток низкой крепости, изготавливаемый в домашних условиях брожением зерна или, реже, солода. Крепость 4–6%, редко до 12% [46. С. 100].

Название этого напитка испанские переводчики «одомашнивают» словосочетанием “*cerveza casera*” «пиво домашнего приготовления». Решение испанских переводчиков представляется довольно спорным, потому что в Испании это напиток изготавливается исключительно из высококачественных сортов зерна. Стратегия доместикация, техника перевода – свободный перевод.

Для перевода этой реалии возможна и форенизация, техника перевода – транслитерация с построчным примечанием: *braga, un alcohol casero de baja graduación y mal sabor* (слабоалкогольный домашний напиток горького вкуса): *Старый Кальо Пахапиль ненавидел оккупантов. А любил он, когда пели хором, горькая брага нравилась ему да маленькие толстые ребятишки. // El viejo Kalyu Pajávil odiaba a las fuerzas de la ocupación. Lo que le gustaba era cantar en el coro y beber **braga amarga, un alcohol casero de baja graduación y sabor amargo**, y los niños pequeños y gorditos.*

Бормотуха – дешевое низкокачественное спиртное, в СССР так называли вино, портвейн, наливку или настойку. В просторечии «*бормотуха*» – общее название группы спиртных напитков низкого качества.

В «Зоне» *бормотуха* синоним *горючего, алкоголя* [46. С. 86]. Например: *Потом мы зашли в кильдим и спросили бормотухи. Она сказала, что дешевой выпивки нет* [41. С. 156].

Испанские переводчики переводят *бормотуху* как «*vodka*», стратегия доместикация, техника перевода – ограниченная деконкретизация.

По нашему мнению, при переводе слова *бормотуха* возможны следующие стратегии и техники перевода:

- Доместикация:

- 1) техника перевода – полная деконкретизация: “*alcohol*” (*спиртное*);
- 2) техника перевода – смысловой эквивалент: *vino peleón*;
- 3) техника перевода – полная деконкретизация с описанием: “*vino fortificado del malo*” (дешевое крепленое вино).

- Форенизация:

- 4) техника перевода – транслитерация с построчным примечанием-пояснением: *la «bormotuja»: “bormotuja, un vino fortificado de bajísima calidad”* (*бормотуха* – дешевое вино низкого качества).

Потом мы зашли в кильдим и спросили у Тонечки бормотухи. Она сказала, что дешевой выпивки нет. // Entramos en la tienda y le preguntamos si tenía (1) alcohol, (2) vino peleón (3) vino fortificado del malo (4) bormotuja, un vino fortificado de bajísima calidad, y nos respondió que no tenía alcohol barato.

Зверобой – горькая настойка, выпускалась в промышленных масштабах, крепость 40%; цвет светло-коричневый, с добавлением душицы и донника лекарственного [46. С. 752].

При переводе этого названия переводчики заменили его на «*vodka*», стратегия доместикация, техника перевода – частичная деконкретизация.

По нашему мнению, возможен перевод как:

1. *vodka de hierbas* (травяная настойка), доместикация, техника перевода – ограниченная деконкретизация с описанием.

2. *zveroboi, una especie de vodka de hierbas* (*зверобой* – настойка на травах), форенизация, техника перевода – транслитерация с построчным примечанием.

Выпили по стакану зверобоя. // Nos tomamos un vaso de (1) vodka de hierbas. (2) zveroboi, un vodka de hierbas.

Вторую группу составляют языковые единицы, заимствованные из других культурных традиций, объем значения которых не совпадает с объемом значения в культуре происхождения; общеизвестные носителям языка и неизвестные носителям «чужой» культуры.

Чача – грузинский самогон из виноградных выжимок (кожуры, косточек). Крепость 45% [47. С. 231].

Испанские переводчики транслитерировали название как *chacha* без какого-либо комментария, форенизация, техника перевода – транслитерация.

С нашей точки зрения, здесь возможна и стратегия доместикация, техника перевода – смысловой эквивалент, перевод *чачи* как *orujo*.

Орухо – традиционный напиток в Испании, который делают из жмыха, оставшегося после производства вина, крепость 30–60 %. По мнению авторов сайта «ценителей спиртных напитков АлкоФАН», аналогом испанского орухо являются итальянская граппа и грузинская чача (<https://alcofan.com/ispanskaya-vodka-oruxo.html>).

Слышь, нерусский, дал бы чачи... // Oye, forastero, ¿nos puedes dar orujo?

Шартрëз – французский ликер (Chartreuse), в состав которого входят до 130 растительных компонентов, главным образом из альпийского района Дофинэ, крепость 40%.

В СССР выпускалась имитация французского ликера с идентичным названием «*шартрëз*» крепостью 40%; представлял собой сладкий спиртной напиток средней или высокой крепости, изготовленный из фруктово-ягодного и пряно-ароматического сырья [46. С. 647–648].

В испанском переводе «Зоны» название ликера передано как оригинальное французской орфографией “*Chartreuse*”, стратегия форенизация, техника перевода – транслитерация. Решение испанских переводчиков представляется довольно спорным, так как вводит читателя в заблуждение о качестве напитка.

При переводе слово *шартрëз* возможны следующие стратегии и техники перевода:

1) “*vodka de hierbas*” (травяная настойка), доместикация, техника перевода – ограниченная деконкретизация.

2) “*una especie de vodka de hierbas denominado chartreuse*” «ликер из лечебных трав под названием «шартрëз», форенизация, техника перевода – транслитерация с построчным примечанием.

Пахатиль брал в магазине литр шартрëза и отправлялся на кладбище. // Pajapil compró en la tienda un litro (1) de vodka de hierbas (2) una especie de vodka de hierbas denominado chartreuse, y se fue al cementerio.

Шнапс – это оригинальный крепкий (20–30% алкоголя) спиртной напиток; немецкая водка.

В *Зоне шнапс*, как и *бормотуха*, употребляется в значении *алкоголь*, например: *Почему бы и не выпить?.. <...>* – Ладно, – сказал Воликов, – так уж и быть. Он достал из-под матраса *бутылку вермута* с зеленой этикеткой. Вермут был запечатан сургучом. Фидель не захотел возиться, ударил

горлышком о край плиты. Мы выпили из одной кружки. Воликов достал болгарские сигареты. – Ого, – сказал Фидель, – вот что значит жить без начальства. Все у тебя есть – *шнапс* и курево [41. С. 110].

В испанском тексте повести есть несколько вариантов перевода слова *шнапс*: “*aguardiente*”, “*priva*” или более обобщенно: “*tienes algo de beber*”(у тебя есть – *шнапс*).

При переводе *шнапс* как “*aguardiente*” (стилистически нейтральная лексема) или “*priva*” (в испанском молодежном жаргоне лексема обозначает крепкие спиртные напитки) переводчики выбрали domestикацию, техника перевода – смысловая эквивалентность.

Как мы уже отмечали выше, анализируя перевод слова *самогон*, обозначающий напиток такого же способа приготовления, как и немецкий *шнапс*, подобный переводческий выбор, на наш взгляд, достаточно спорный, потому что из текста повести «Зона» понятно, что речь идет не о конкретном напитке, а вообще об алкоголе, и пьют герои *вермут*.

С нашей точки зрения, более точными были бы при переводе стратегия domestикация и следующие техники перевода: 1) полная деконкретизация – “*alcohol*” (спиртное) или “*bebida*” (выпивка) в предложении *Все у тебя есть – шнапс и курево*. // *Tienes de todo: (1) alcohol (2) bebida y tabaco*; 2) ограниченная деконкретизация: перевод *шнапс* как «*vodka*». Например: – *Давай, – подхватил Балодис, – в кильдипе шнапса нет, а у зеков – сколько угодно*. // *¡Venga! – le secundó Balodis-. En la tienda no hay vodka, pero en la zona hay el que quieras*.

Третья группа НР – названия иностранных спиртных напитков, заимствованных из других культурных традиций, которые утратили в значительной степени присущие им первичные значения страны происхождения: *портвейн, вермут, вино, коньяк*.

Портвейн – крепленое вино со специфическим вкусом и ароматом, вырабатываемое по специальной технологии крепостью 18–23%.

«Технология ординарных советских портвейнов, в отличие от марочных, была примитивна, зачастую смешивался подогретый виноградный сок со спиртом сомнительного качества, затем эта смесь подслащивалась и подкрашивалась натуральными красителями. Иногда она выдерживалась в цистернах с дубовой стружкой или опилками. Некоторые ординарные портвейны имели 2–3-значные номера (13, 15, 12, 33, 72, 777). Это было наиболее массовое вино 1960–1980-х гг., его выпускалось больше, чем всех остальных вин, вместе взятых» [46. С. 913].

При переводе названия этого напитка переводчики выбрали лексему “*oportó*”, стратегия форенизация, техника перевода – лингвистический перевод. В данном случае происходит метонимическая замена конкретного значения на более общее, в результате чего смысловая функция слова *портвейн* оказывается невостребованной. Дело в том, что герою повести советуют в столовой выпить не просто вино, а именно портвейн, так как он крепче столового вина.

Мы же считаем, что здесь может быть применена стратегия domestикация, техника перевода – полная деконкретизация: *портвейн* как *vino*. Пере-

станьте кощунствовать – сказал хирург, – идите обедать. Выпейте портвейна. Столовая за углом... // Deje de blasfemar – dijo el cirujano – y váyase a almorzar. Tómese un vino. El comedor está a la vuelta de la esquina.

Можно оставить название «портвейн» // *vino de oporto* или *oporto* (форенизация, техника перевода – лингвистический перевод), но добавить внетекстовое примечание, что речь идет о более дешевом напитке, чем в оригинале, свойства которого далеки от испанского портвейна, продукта более высокого качества.

Коньяк – крепкий ароматный спиртной напиток золотисто-желтого цвета, изготавливаемый фракционной дистилляцией белых сухих виноматериалов и последующей выдержкой полученного коньячного спирта в дубовых бочках [46. С. 588]. Крепость 62–70%. По французскому декрету 1909 г., признанному международным законодательством, название *коньяк* присваивается только напиткам, удовлетворяющим определенным правилам [45. С. 601].

В СССР коньяк пили как обычный спиртной напиток, в больших количествах, с последующим сильным опьянением.

Авторы перевода перевели *коньяк* как *соñас*, стратегия форенизация, техника перевода – лингвистический перевод. Советские коньяки не соответствовали по качеству международным стандартам, что можно было бы отметить с помощью внетекстового примечания.

Вермут – ароматизированное вино, изготовленное купажированием виноматериалов, этилового спирта-ректификата, сахарозы и настоев ингредиентов, среди которых основным является полынь. Крепость 15–18%. Из вермутов, выпускавшихся в СССР, высоким качеством отличались молдавские «Букет Молдавии» и «Утренняя роса». Ординарные вермуты имели очень низкое качество [46. С. 136].

Вермут советского производства по своим характеристикам в основном соответствует испанским, но в отличие от испанского был продуктом очень низкого качества. Поэтому лингвистический перевод названия напитка с русского на испанский терминами “*vermut o vermitú*” приемлем, стратегия форенизация, техника перевода – лингвистический перевод. Но, по нашему мнению, как и в примере выше, с построчным примечанием, что по качеству этот спиртной напиток в СССР был значительно хуже испанского вермута.

Красное, розовое крепкое, Пино-гри (вино) – спиртовой напиток низкой или средней крепости, получаемый в результате брожения виноградного сока. Крепость 10–15% [46. С. 140].

При переводе этого названия переводчики выбрали форенизацию, техника перевода – лингвистический перевод, как и в случае с переводом *портвейн*, заменив «*Пино-гри*» (розовое крепкое) на «*Пино-гри*» (красное крепкое): *pinot gris rosado de alta graduación, dijo el vigilante, mientras leía atentamente la etiqueta.*

Пино гри – это розовое вино; сорт одноименного винограда, который идет на производство преимущественно белых вин, но никогда для красных.

По нашему мнению, дословный перевод, как у С. Довлатова, *Pinot gris rosado de alta graduación* (Пино-гри, вино с высоким содержанием алкоголя), более уместен.

Spirum – горючая бесцветная жидкость жгучего вкуса с характерным запахом, входящая в состав спиртных напитков, или крепкий водный раствор этой жидкости [46. С. 993]. Это 90-градусная жидкость, изначально не предназначенная для употребления внутрь человеком, используется в строго медицинских целях.

Анна Алкорта и Моисес Рамирес при переводе использовали форенизацию, техника перевода – лингвистический перевод с описанием: “*alcohol etílico*” (этиловый спирт, жидкость, которая не предназначена в качестве напитка).

С нашей точки зрения, возможна следующая техника – лингвистический перевод: *спирт* как «алкоголь»: *у докторов навалом спирта. // Los médicos tienen todo el (1) alcohol etílico (2) alcohol que quieren.*

Как уже отмечалось выше, в эту группу НР входят и спиртосодержащие жидкости (*лосьон* и *одеколон*), которые в «Зоне» пьют за неимением других алкогольных напитков при алкогольной зависимости.

Лосьон – водно-спиртовой раствор, применяемый в косметологии, содержит 75% этилового спирта.

При переводе *лосьон* стал *a vodka y a tónico capilar* (тоник для волос) стратегия доместикация, техника перевода – смысловая эквивалентность.

Здесь так же, как и в случае перевода *спирт*, возможен лингвистический перевод: *лосьон* как *loción* с внетекстовым примечанием, объясняющим его использование в качестве алкогольного напитка.

Одеколон – водно-спиртовой раствор ароматических веществ, применяемый в парфюмерии. В советское время различные дешевые сорта одеколona пили часто из-за содержания спирта (55–75%) и дешевизны [46. С. 1101]. Как и в случае с *лосьоном*, это продукт, который потребляется только в том случае, если нет других алкогольных напитков, предназначенных для потребления человеком.

В этом случае авторы перевода использовали стратегию форенизации, техника перевода – лингвистический перевод: *одеколон* как *colonia*, на наш взгляд, было бы целесообразно сопроводить внетекстовым примечанием, объясняющим его использование в качестве алкогольного напитка.

Все рассмотренные стратегии и техники перевода в испанском переводном тексте «Зоны» С. Довлатова представлены в таблице.

Названия напитков	Текст испанского перевода, выполненного Анной Алкорты и Моисесом Рамиресом	Предлагаемые собственные стратегии и тактики перевода
Горючее	Стратегия доместикация, техника перевода – языковая эквивалентность. “ <i>combustible</i> ” (топливо)	Стратегия доместикация, техника перевода – языковая эквивалентность: «горючее» как “ <i>combustible</i> ” (топливо) или ограниченная деконкретизация <i>trae un poco de vodka que estamos secos</i> (водки неси! У нас сушняк)»

Названия напитков	Текст испанского перевода, выполненного Анной Алкорта и Моисесом Рамиресом	Предлагаемые собственные стратегии и тактики перевода
Самогон	Стратегия доместикация, техника перевода – ограниченная деконкретизация: <i>vodka</i>	Стратегия доместикация, техника перевода – смысловой эквивалент: <i>aguardiente</i>
		стратегия форенизации, техника перевода – транслитерация: перевод слова в испанской орфографии, с ударением на последнем слоге « <i>samogón</i> » с построчным примечанием: <i>una especie de aguardiente, llamado samogón</i> (нечто вроде водки под названием «самогон»)
Брага	доместикация, техника перевода – свободный перевод: <i>cerveza casera</i>	форенизация, техника перевода – транслитерация с построчным примечанием: <i>braga, un alcohol casero de baja graduación y sabor amargo</i> (слабоалкогольный домашний напиток горького вкуса)
Бормотуха	доместикация, техника перевода – ограниченная деконкретизация: <i>vodka</i>	доместикация, техника перевода – 1) техника перевода – полная деконкретизация: <i>alcohol</i> (спиртное); 2) техника перевода – смысловой эквивалент: <i>vino peleón</i> ; 3) техника перевода – полная деконкретизация с описанием: <i>vino fortificado del malo</i> (дешевое крепленое вино)
		форенизация, техника перевода – транслитерация с построчным примечанием: <i>la «bormotuja»: “bormotuja, un vino fortificado de bajísima calidad”</i> (бормотуха – дешевое вино низкого качества)
Зверобой	доместикация, техника перевода – частичная деконкретизация: <i>vodka</i>	доместикация, техника перевода – ограниченная деконкретизация с описанием. <i>vodka de hierbas</i> (травяная настойка)
		форенизация, техника перевода – транслитерация с построчным примечанием: <i>zveroboi, una especie de vodka de hierbas</i> (зверобой – настойка на травах)
Чача	форенизация, техника перевода – транслитерация: <i>chacha</i>	доместикация, техника перевода – смысловой эквивалент: <i>orujo</i>
Шартрёз	форенизация, техника перевода – транслитерация: <i>Chartreuse</i>	доместикация, техника перевода – ограниченная деконкретизация: <i>vodka de hierbas</i> (травяная настойка)
		форенизация, техника перевода – транслитерация с построчным примечанием: “ <i>una especie de vodka de hierbas denominado chartreuse</i> ” (ликер из лечебных трав под названием «шартрёз»)
Шнапс	доместикация, техника перевода – смысловая эквивалентность: <i>aguardiente</i> (нейтр.) или <i>priva</i> (жарг.)	доместикация и следующие техники перевода: 1) полная деконкретизация “ <i>alcohol</i> ” (спиртное) или “ <i>bebida</i> ” (выпивка); 2) ограниченная деконкретизация: <i>vodka</i>
Спирт	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод с описанием: “ <i>alcohol etílico</i> ”	форенизация, лингвистический перевод: <i>alcohol</i>

Названия напитков	Текст испанского перевода, выполненного Анной Алкорта и Моисесом Рамиресом	Предлагаемые собственные стратегии и тактики перевода
Коньяк	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод: “ <i>coñac</i> ”	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод с внетекстовым примечанием
Вермут	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод: “ <i>vermut o vermu</i> ”	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод с внетекстовым примечанием
Вино: красное, розовое, <i>Пино-гри</i>	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод: <i>pinot gris rosado de alta graduación</i>	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод: <i>Pinot gris rosado de alta graduación</i> (Пино-гри, вино с высоким содержанием алкоголя)
Портвейн	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод: <i>oportó</i>	доместикация, техника перевода – полная деконкретизация: <i>vino</i> форенизация, техника перевода – лингвистический перевод с внетекстовым примечанием
Лосьон	доместикация, техника перевода – смысловая эквивалентность: <i>a vodka y a tónico capilar</i>	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод с внетекстовым примечанием: <i>loción</i>
Одеколон	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод: <i>colonia</i>	форенизация, техника перевода – лингвистический перевод с внетекстовым примечанием: <i>colonia</i>

Заключение

В настоящей работе рассмотрены алкогольные напитки, представленные в повести «Зона» С. Довлатова, как национальные реалии и их перевод на испанский язык.

Детальное изучение особенностей алкогольных напитков и их бытования (качество, способы их производства, специфика потребления) в «Зоне» дает представление читателю о времени развитого социализма в СССР 60-х гг. XX в. вообще и о жизни надзирателя Бориса Алиханова в частности.

Проведенный анализ продемонстрировал, что данная группа лексики чрезвычайно сложна для перевода, переводчикам удалось лишь частично сохранить авторский замысел оригинального текста и дать читателю приблизительное представление об описываемой действительности.

Сложность перевода обусловлена, во-первых, отсутствием в испанском языке слов, имеющих просторечную окраску со значением *алкоголь* (*инапс*, *спирт*, *бормотуха*); во-вторых, ярким национальным колоритом объектов винопития в повести, что и позволяет считать их национальными реалиями.

Таким образом, на наш взгляд, при переводе художественного текста более целесообразно выбирать стратегию перевода – доместикация, чтобы читатель иной культуры мог воспринимать художественный переводной текст и познать другую (национальную и культурную) действительность.

Литература

1. *Вернигорова В. А.* Понятие реалии в современном переводоведении. // Альманах современной науки и образования. 2010. № 3/2. С. 137–141.
2. *Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 342 с.
3. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М. : Индрик. 1040 с.
4. *Nida E.* Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden : Brill, 1964. 331 p.
5. *Newmark P.* A Textbook of Translation. Hemel Hempstead : Prentice-Hall International., 1988. 292 с.
6. *Алесина Н.М., Виноградов В.С.* Теория и практика перевода (на испанском языке) : учеб. пособие. Киев : Высшая школа, 1993 207 с.
7. *Katan D.* Translating Culture: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators. Manchester : St. Jerome, 1999. 271 с.
8. *Hurtado A.* Traducción y traductología: Introducción a la traductología. Madrid : Ediciones Cátedra, 2001. 696 p.
9. *Molina Martínez L.* El otoño del pingüino. Análisis descriptivo de la traducción de los culturemas. Castellón : Universidad Jaime I, 2006. 284 p.
10. *Виноградов В.С.* Перевод: общие и лексические вопросы : учеб. пособие. 3-е изд. М. : КДУ, 2006. 240 с.
11. *Igareda P.* Categorización temática del análisis cultural: una propuesta para la traducción // Íkala, revista de lenguaje y cultura. 2011. №16 /27. P. 11–32.
12. *Le Poder M.* Una experiencia didáctica centrada en actividades de pre-traducción en torno a referencias culturales en textos literarios // Estudios de Traducción. 2016. №6. P. 211–226.
13. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводческий словарь. М. : Флинта : Наука, 2008. 320 с.
14. *Oksaar E.* Kulturemtheorie : Ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht
15. *Luque Nadal L.* Los culturemas: ¿unidades lingüísticas, ideológicas o culturales? // Language Design. 2009. № 11. P. 93–120.
16. *Mayoral R., Muñoz R.* Estrategias comunicativas en la traducción intercultural // Aproximaciones a los estudios de traducción / ed. by P. Fernández, Bravo José M^a. Valladolid : 1997. Valladolid, 1997. P. 143–192.
17. *Newmark P.* Approaches to Translation. London : Prentice-Hall, 1981. 200 с.
18. *Calvi M. V.* El uso de términos culturales en el lenguaje del turismo: los hoteles y su descripción // Nuevas tendencias en el discurso de especialidad / eds. by Chierichetti Luisa. Bern : The Peter Lang Publishing Group, 2006. P. 265–285.
19. *Cartagena N.* Teoría y práctica de la traducción de nombres de referentes culturales específicos // Por los caminos del lenguaje / ed. by M. Bernal, C. Contreras. Temuco (Chile) : Sociedad Chilena de Lingüística, Departamento de Lenguas, Literatura y Comunicación, 2010. P. 7–22.
20. *Nord C.* Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained. Manchester : St. Jerome, 1997. 154 p.
21. *Mayoral Asensio R.* (1999/2000). La traducción de referencias culturales // Sendebarr: Revista de la Facultad de Traducción e Interpretación: Universidad de Granada. 1999. № 10. P. 67–88.
22. *Presas M.* Bilingual competence and translation competence // Developing Translation competence. Benjamins Translation Library. 2000. № 38. P. 19–32.
23. *Santamaría L.* Función y traducción de los referentes culturales en traducción. // Traducción subordinada (II): El subtítulo (inglés-español/galego) / ed. by L. Lorenz, A.M. Pereira. Vigo : Servicio de Publicacións, Universidade de Vigo, 2001. P. 237–248.

24. *Vermeer H.J.* Translation theory and linguistics. // *Häkökohtia kääntämisen tutkimuksesta* / ed. by P. Roinila, R. Orfanos, S. Tirkkonen-Condit. Joensuu : University, 1983. P. 1–10.
25. *Witte H.* Die Kulturkompetenz des Translators: Begriffliche Grundlegung und Didaktisierung. Stauffenburg. Tübingen, 2000. P. 236.
26. *Franco Aixelá J.* Culture-specific items in translation. // Translation, power, subversion / ed. by R. Alvarez, M. Carmen Africa Vidal, 1996. P. 52–78.
27. *Левый Иржи.* Искусство перевода. М. : Прогресс, 1974. 396 с.
28. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. М. : Высшая школа, 1983. 303 с.
29. *Venuti L.* The Translator's Invisibility: The Evidence of Reviews // *In Other Words*. 1994. № 4. P. 16–22.
30. *Agost R.* Traducción y doblaje: palabras, voces e imágenes. Barcelona : Ariel, 1999. P. 192
31. *Molina L., Hurtado Albir A.* Translation techniques revisited: A Dynamic and Functional Approach. // *META*. 2002. Vol. 47, № 4. P. 498–512.
32. *Ramière N.* Aproximación a una audiencia extranjera: transferencias culturales en traducción audiovisual // *JosTrans*. 2006. № 6. URL: https://diarium.usal.es/experimentado/travesias/jostrans/jostrans06_ramiere/
33. *Крючко И.А.* Анализ перевода языковых реалий на арабский язык на примере романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». 2011. URL: <http://www.alcornish.com/node/176>
34. *Vázquez y del Árbol E.* Técnicas de traducción jurídico-económica: evaluación y posibles aplicaciones de las notas del traductor. // *ONOMÁZEIN*. 2016. № 34. P. 55–69.
35. *Wotjak G.* Técnicas de translación. // Aspectos fundamentales de la teoría de la traducción. / ed. by M. Medina, L. Caballero, F. Martínez. La Habana : Ediciones Pueblo y Educación, 1981 P. 197–229.
36. *Doblatov S.* La zona. Vitoria-Gasteiz : Ikusager Ediciones, S.A., 2009. P. 150.
37. *Микаэлян Ю.И.* «Заповедник» Сергея Довлатова: стилистические особенности и проблемы перевода (на примере испанского, португальского, французского и английского языков) // *Риторика. Лингвистика*. 2018. № 13. С. 296–307.
38. *Orozco Jutorán M.* Propuesta de un catálogo de técnicas de traducción: la toma de decisiones informada ante la elección de equivalentes // *Hermeneus: Revista de la Facultad de Traducción e Interpretación de Soria*. 2014. № 16. P. 233–264.
39. *Тарасенко Т.В., Керо Хервилья Э.Ф.* Повседневная культура и ее элементы в художественном и переводном тексте: (На материале переводов на испанский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // *Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016. № 3. С. 14–26.
40. *Валева Н.Г.* Национально-культурный компонент когнитивной деятельности этноса и проблема перевода // *Вестник МГЛУ*. 2009. Вып. 561. С. 55–70.
41. *Довлатов С.Д.* Зона (Записки надзирателя) // *Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1*. СПб., 1995. С. 25–172.
42. *Малыгина, Н.М.* «Тюремная повесть» Сергея Довлатова. // *Русская словесность*. 1996. № 5. С. 57–62.
43. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988. 43 с.
44. *Бабенко Л.Г.* Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь. М. : Флинта : Наука, 2002. 464 с.
45. *Химик В.В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.
46. *Багриновский Г.Ю.* Энциклопедический словарь спиртных напитков: свыше 3500 назв.: история спиртных напитков. М. : Астрель : АСТ, 2008. 1344 с.
47. *Гусев И.Е.* Национальные спиртные напитки: Иллюстрированный путеводитель. Москва : АСТ ; Минск : Харвест, 2006. 400 с.

Wine-Drinking Objects in Sergei Dovlatov's *The Zone* as National Realities and Their Translation into Spanish

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 114–136. DOI: 10.17223/19986645/73/7

Tatiana V. Tarasenko, Reshetnev Siberian State University of Science & Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: tvt.tarasenko@yandex.ru

Enrique F. Quero Gervilla, University of Granada (Granada, Spain). E-mail: efquero@ugr.es

Keywords: national realities, objects of wine-drinking, translation strategies and methods, Russian, Spanish.

In this article, we analyse the objects of wine-drinking taken from *The Zone* story by Sergei Dovlatov and their translations into Spanish (the translated book was published by the Ikusager Ediciones publishing house in 2009), and propose our own translation solutions. For this purpose, we considered three types of national realities. First of all, there are concepts that appeared in the original ethnoculture and bear the semantic load which is well-known to native Russian speakers and often unknown to Spanish native speakers (*samogon, braga, bormotukha, zveroboy*). Secondly, there are names of alcoholic beverages borrowed from other cultural traditions. They were incorporated into the structure of the national Russian language and are either unknown to foreigners (*chacha, shnaps, shartrez*), or have other (additional) meanings in the original culture, which do not exist in the target language and cannot be perceived by its readers (*portveyn, vermut, los'on, odekolon, spirt*). To translate fiction, one needs to have not only deep background knowledge, but also knowledge of the culture of a foreign language. This will help in the process of identifying the differences between cultural traditions of the source and target languages. In particular, lexical units related to national realities can be determined as accurately as possible, and the ways to translate them into a foreign language can be found. We propose, following Lawrence Venuti (1994), two main ways of their transmission, namely: domestication (deliberate disregard of the linguistic and cultural norms of the target language and culture) and foreignization (orientation of the target text to the language system and values of the target culture), and different translation techniques depending on the characteristics of the national reality, knowledge of which is necessary for the translator and the extent to which the national reality is understandable in the target language to a reader not specialized in Russian culture. In general terms, in this article, we show that, when translating a text, it is more reasonable to choose the method of domestication or to use native words denoting close or semantically similar meaning even though it is not absolutely identical (it can range from a stylistically neutral designation of a word, its partial neutralization to absolute neutralization and descriptive translation). In some cases, one can also resort to foreignization, using such techniques as transliteration in the form of calque or borrowings, which in some cases require textual explanations or notes.

References

1. Vernigorova, V.A. (2010) Ponyatie realii v sovremennom perevodovedenii [The concept of reality in modern translation studies]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 3/2. pp. 137–141.
2. Vlahov, S.I. & Florin, S.P. (1980) *Neperevodimoe v perevode* [The untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
3. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. *Yazyk i kul'tura: Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture: Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientems]. Moscow: Indrik.
4. Nida, E. (1964) *Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: Brill.
5. Newmark, P. (1988) *A Textbook of Translation*. Hemel Hempstead: Prentice-Hall International.

6. Alesina, N.M. & Vinogradov, V.S. (1993) *Teoriya i praktika perevoda (na ispanskom yazyke): ucheb. posobie* [Theory and practice of translation (in Spanish): textbook]. Kyiv: Vysshaya shkola.
7. Katan, D. (1999) *Translating Culture: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*. Manchester: St. Jerome.
8. Hurtado, A. (2001) *Traducción y traductología: Introducción a la traductología*. Madrid: Ediciones Cátedra.
9. Molina Martínez, L. (2006) *El otoño del pingüino. Análisis descriptivo de la traducción de los culturemas*. Castellón: Universidad Jaime I.
10. Vinogradov, V.S. (2006) *Perevod: obshchie i leksicheskie voprosy: ucheb. posobie* [Translation: general and lexical issues: textbook]. 3rd ed. Moscow: KDU.
11. Igarada, P. (2011) Categorización temática del análisis cultural: una propuesta para la traducción. *Íkala, revista de lenguaje y cultura*. 16/27. pp. 11–32.
12. Le Poder, M. (2016) Una experiencia didáctica centrada en actividades de pretraducción en torno a referencias culturales en textos literarios. *Estudios de Traducción*. 6. pp. 211–226.
13. Nelyubin, L.L. (2008) *Tolkovyy pervodcheskiy slovar'* [Explanatory translation dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka.
14. Oksaar, E. (1988) *Kulturemtheorie: Ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht
15. Luque Nadal, L. (2009) Los culturemas: ¿unidades lingüísticas, ideológicas o culturales? *Language Design*. 11. pp. 93–120.
16. Mayoral, R. & Muñoz, R. (1997) Estrategias comunicativas en la traducción intercultural. In: Fernández, P. & Bravo, J.M^a (eds) *Aproximaciones a los estudios de traducción*. Valladolid: Universidad de Valladolid. pp. 143–192.
17. Newmark, P. (1981) *Approaches to Translation*. London: Prentice-Hall.
18. Calvi, M.V. (2006) El uso de términos culturales en el lenguaje del turismo: los hoteles y su descripción. In: Chierichetti, L. (ed.) *Nuevas tendencias en el discurso de especialidad*. Bern: The Peter Lang Publishing Group. pp. 265–285.
19. Cartagena, N. (2010) Teoría y práctica de la traducción de nombres de referentes culturales específicos. In: Bernal, M. & Contreras, C. (eds) *Por los caminos del lenguaje*. Temuco (Chile): Sociedad Chilena de Lingüística, Departamento de Lenguas, Literatura y Comunicación. pp. 7–22.
20. Nord, C. (1997) *Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained*. Manchester: St. Jerome.
21. Mayoral Asensio, R. (1999) La traducción de referencias culturales. *Sendebarr: Revista de la Facultad de Traducción e Interpretación: Universidad de Granada*. 10. pp. 67–88.
22. Presas, M. (2000) Bilingual competence and translation competence. *Developing Translation Competence. Benjamins Translation Library*. 38. pp. 19–32.
23. Santamaría, L. (2001) Función y traducción de los referentes culturales en traducción. In: Lorenz, L. & Pereira, A.M. (eds) *Traducción subordinada (II): El subtítulo (inglés-español/galego)*. Vigo: Servicio de Publicacións, Universidade de Vigo. pp. 237–248.
24. Vermeer, H.J. (1983) Translation theory and linguistics. In: Roinila, P., Orfanos, R. & Tirkkonen-Condit, S. (eds) *Häkökohtia kääntämisen tutkimuksesta*. Joensuu: University. pp. 1–10.
25. Witte, H. (2000) *Die Kulturkompetenz des Translators: Begriffliche Grundlegung und Didaktisierung*. Stauffenburg. Tübingen.
26. Franco Aixelá, J. (1996) Culture-specific items in translation. In: Alvarez, R. & Carmon, M. (eds) *Translation, power, subversion*. Africa Vidal. pp. 52–78.
27. Levý, J. (1974) *Iskusstvo perevoda* [The art of translation]. Translated from Czech. Moscow: Progress.
28. Fedorov, A.V. (1983) *Osnovy obshchey teorii perevoda* [Foundations of the general theory of translation]. Moscow: Vysshaya shkola.

29. Venuti, L. (1994) The Translator's Invisibility: The Evidence of Reviews. *In Other Words*. 4. pp. 16–22.
30. Agost, R. (1999) *Traducción y doblaje: palabras, voces e imágenes*. Barcelona: Ariel.
31. Molina, L. & Hurtado, A.A. (2002) Translation techniques revisited: A Dynamic and Functionalist Approach. *META*. 47 (4). pp. 498–512.
32. Ramière, N. (2006) Aproximación a una audiencia extranjera: transferencias culturales en traducción audiovisual. *JosTrans*. 6. [Online] Available from: https://diarium.usal.es/experimentado/travesias/jostrans/jostrans06_ramiere/
33. Kryuchko, I.A. (2011) *Analiz perevoda yazykovykh realiy na arabskiy yazyk na primere romana M.A. Bulgakova "Master i Margarita"* [Analysis of the translation of linguistic realities into Arabic using the example of the novel by M.A. Bulgakov's "The Master and Margarita"]. [Online] Available from: <http://www.alcornish.com/node/176>
34. Vázquez y del Árbol, E. (2016) Técnicas de traducción jurídico-económica: evaluación y posibles aplicaciones de las notas del traductor. *ONOMÁZEIN*. 34. pp. 55–69.
35. Wojtak, G. (1981) Técnicas de translación. In: Medina, M., Caballero, L. & Martínez, F. (eds) *Aspectos fundamentales de la teoría de la traducción*. La Habana: Ediciones Pueblo y Educación. pp. 197–229.
36. Doblatov, S. (2009) *La zona*. Vitoria-Gasteiz: Ikusager Ediciones, S.A.
37. Mikaelyan, Yu.I. (2018) Sergei Dovlatov's Pushkin Hills: stylistic features and translation challenges as exemplified by Spanish, Portuguese, French and English translations. *Ritorika. Lingvistika*. 13. pp. 296–307. (In Russian).
38. Orozco Jutorán, M. (2014) Propuesta de un catálogo de técnicas de traducción: la toma de decisiones informada ante la elección de equivalentes. *Hermeneus: Revista de la Facultad de Traducción e Interpretación de Soria*. 16. pp. 233–264.
39. Tarasenko, T.V. & Kero Khervil'ya, E.F. (2016) Everyday culture and its elements in literary and translated texts (basing on the Spanish translations of M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezkhul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Ser. 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 3. pp. 14–26. (In Russian).
40. Valeeva, N.G. (2009) Natsional'no-kul'turnyy komponent kognitivnoy deyatelnosti etnosa i problema perevoda [The national-cultural component of the cognitive activity of the ethnos and the problem of translation]. *Vestnik MGLU*. 561. pp. 55–70.
41. Dovlatov, S.D. (1995) Zona (Zapiski nadziratelya) [The Zone. A Prison Camp Guard's Story]. In: *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Vol. 1. St. Petersburg: Limbus-press. pp. 25–172.
42. Malygina, N.M. (1996) "Tyuremnaya povest'" Sergeya Dovlatova. [A "Prison Tale" by Sergei Dovlatov]. *Russkaya slovesnost'*. 5. pp. 57–62.
43. Shmeleva, T.V. (1988) *Semanticheskiy sintaksis: tekst lektsiy* [Semantic syntax: lecture text]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
44. Babenko, L.G. (2002) *Russkie glagol'nye predlozheniya: Eksperimental'nyy sintaksicheskiy slovar'* [Russian Verb Sentences: An Experimental Syntactic Dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka.
45. Khimik, V.V. (2000) *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyy fenomen* [Poetics of the Low, or Vernacular as a Cultural Phenomenon]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
46. Bagrinovskiy, G.Yu. (2008) *Entsiklopedicheskiy slovar' spirtnykh napitkov: syyshe 3500 nazv.: istoriya spirtnykh napitkov* [Encyclopedic dictionary of alcoholic beverages: over 3500 titles: history of alcoholic beverages]. Moscow: Astrel': AST.
47. Gusev, I.E. (2006) *Natsional'nye spirtnye napitki: Ilyustrirovannyy putevoditel'* [National Spirits: An Illustrated Guide]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest.

УДК 811.161.1 + 81'282.2
DOI: 10.17223/19986645/73/8

И.С. Урманчеева

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ПСЕВДОИСЧЕРПАНИИ, В ГОВОРАХ НИЗОВОЙ ПЕЧОРЫ

Рассматриваются печорские фразеологические единицы, в основе построения которых лежит процедура псевдоисчерпания, т.е. частичного перечисления элементов семантического множества. Компоненты подобных конструкций находятся в разнообразных парадигматических отношениях, а сами фраземы строятся по законам ритмико-рифмической гармонизации. Раскрывается семантический потенциал сочинительных конструкций с псевдоисчерпанием. Исследуется роль локальных компонентов в моделировании семантики идиом.

Ключевые слова: говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, сочинительные конструкции с отрицанием, псевдоисчерпание

Псевдоисчерпание – это частичное перечисление элементов множества, представляющих собой все множество (*ни сват ни брат, ни кола ни двора*) [1. С. 24]. Псевдоисчерпание относится к видам переинтерпретации, которая, наряду с непрозрачностью и усложнением способа указания на денотат, является составляющей категории идиоматичности [2. С. 30–50]. Природа идиоматичности заключается в том, что слова-компоненты исходного сочетания «отрываются» от своей области референции и переключаются на новую референтную отнесенность за счет включения в новый фрейм и утраты любых связей со своим источником, кроме мотивации [3. С. 142–143].

Как правило, фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, представляют собой конструкции с сочинительными союзами *и, да, ни...ни, то...то*, а также союзами *и...и*, частицами *не...не*. В составе подобных фразеологизмов служебные компоненты образуют фразеологическую рамку, которая заполняется определенным лексическим материалом; при этом знаменательные компоненты семантически деактуализируются [4. С. 113–114]. Среди особенностей оборотов, представляющих собой конструкции с сочинительными союзами, Н.М. Шанский называет грамматическую однородность компонентов таких выражений (это слова одной части речи, однородные члены предложения), сумма значений компонентов в конструкциях подобного типа определяет значение оборота в целом [5. С. 82].

Модели, основанные на псевдоисчерпании, по своей природе являются метонимическими, когда во внутренней форме идиомы фиксируется часть процедуры, действия, общей ситуации, хотя имеются в виду вся процедура, все действие, вся ситуация [1. С. 23]. Метонимическая природа подобных конструкций не исключает образности, символичности отдельных компонентов или скриптов.

Статья посвящена сочинительным конструкциям с отрицанием, построенным с использованием союза *ни... ни*. Очевидно, процедура псевдоисчерпания распространяется и на конструкции типа *шумливый да громливый; и косит и носит; не ткальня не пряльня; кто по дрова, кто по сено; не крестом, так пестом*. Но подобные фразеологические единицы (ФЕ)¹ объектом данной работы не являются.

Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами, привлекают внимание и признанных ученых, специалистов-практиков, преподавателей (см., например: [5. С. 82–83; 6. С. 180–184; 7]), и молодых исследователей (например: [8, 9]). В работах, посвященных фразеологизмам с сочинительными союзами, затрагиваются такие аспекты, как семантико-грамматическая классификация подобных конструкций, роль сочинительного союза в структуре фразеологической единицы, компонентный состав оборотов, моделирование семантики и варианты фразеологизации. Помимо изучения общих семантико-грамматических вопросов, ученые рассматривают конкретные фразеологизмы под определенным ракурсом, например в лингвокультурологическом [10], коммуникативно-прагматическом [11] или в сопоставительном аспекте [12, 13]. Процедура псевдоисчерпания, характеризующая идиомы с союзами *ни... ни*, описана А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским (см., например: [1, 2]), анализу в этих работах подвергаются идиомы литературного языка.

В настоящем исследовании рассматриваются преимущественно фразеологические единицы говоров Низовой (Нижней) Печоры², литературные фраземы привлекаются лишь в сопоставлении с печорскими оборотами. Сочинительные конструкции говоров Низовой Печоры, основанные на процедуре псевдоисчерпания, до сих пор комплексно не изучались, в этом заключается научная новизна и актуальность работы. Комплексное исследование преследует цель охарактеризовать конструкции с псевдоисчерпанием с разных точек зрения: структуры и семантики, компонентного состава, механизмов реализации процедуры псевдоисчерпания как вида переинтерпретации, художественных особенностей идиом. Немаловажной

---

¹ Термины *фразеологическая единица (ФЕ), фразеологизм, фразеологический оборот, фразема* в настоящей работе употребляются как взаимозаменяемые, синонимичные.

² Фразеология говоров Низовой Печоры не является замкнутой и уникальной системой. Многие фразеологические единицы широко распространены не только в печорских, но и в других севернорусских говорах и даже за их пределами, некоторые находятся на грани диалектного и общенародного употребления. Русские говоры Низовой Печоры – это речь коренных жителей Усть-Цилемского района Республики Коми Российской Федерации; все примеры употребления фразеологизмов зафиксированы в поселениях, расположенных по реке Печоре и ее притокам Пижме, Цильме и Нерице. В русских говорах Низовой (Нижней) Печоры (говорах территории позднего заселения, говорах вторичных), благодаря островному положению и соседству с иноэтничным – коми и ненецким – населением, сохранились архаичные явления и появились новообразования, а также заимствования из соседних языков и диалектов. По языковым особенностям это достаточно однородные говоры архангельского (поморского) типа [14. С. 21] (более подробное описание печорских говоров и библиографию см. в других работах автора).

задачей является рассмотрение подобных оборотов на фоне общерусского фразеологического фонда, в отдельных случаях печорские фразеологизмы сравниваются с выражениями других говоров, в основном территориально близких.

Все рассмотренные в статье печорские фразеологические единицы зафиксированы во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н.А. Ставшина) [15]. Для облегчения восприятия материала ссылки на словарь в большинстве случаев не приводятся.

Компонентный состав конструкций с псевдоисчерпанием

Псевдоисчерпание как способ идиоматического кодирования смысла строится на компонентах, находящихся в разных **парадигматических отношениях**, – антонимических, синонимических, гиперо-гипонимических, гипонимических и др.

Языковые антонимы лежат в основе таких печорских идиом, как *ни дня ни ночи (не знать)*, *ни сзади ни спереди*, *ни добром ни лихом*¹. Противопоставление в подобных фраземах является не конечной целью, а средством создания целостного представления об объекте номинации [6. С. 184]. Во фразеологизмах с компонентами-синонимами и **семантически близкими словами** псевдоисчерпание осложняется плеоназмом, например: *ни дела ни работы*, *ни складу ни ладу*, *ни краю ни конца*. Компоненты-синонимы могут быть общенародными или диалектными: *ни скота ни живота*, где *живот* – устар. ‘домашний скот’ [16. С. 222], печор. ‘сельскохозяйственное животное’ [17. Т. 1. С. 207], *ни в тешках ни в бажках*, где *тешка*, *бажка* – ‘забота, уход, любовь’ [17. Т. 2. С. 348].

Компоненты, находящиеся в **гипонимических** (видовых) отношениях, образуют незамкнутое семантическое множество, все члены которого не могут быть перечислены в одной идиоме: *ни за грош ни за копейку*, *ни мушцы ни крупницы*. Между компонентами в конструкциях с псевдоисчерпанием возможны **партитивные** (*ни гробу ни могилы* ‘об умершем человеке, чье тело не захоронено’, *ни куста ни листа (не знать)* ‘совсем не знать данной местности’) и **паронимические** отношения (*ни одеть ни надеть* ‘нет никакой одежды’). Подобным оборотам присуща смысловая избыточность, плеонастичность.

Парадигматика компонентов сочинительных структур с отрицанием требует более детального рассмотрения, ей будет посвящена отдельная работа.

Конструкции с псевдоисчерпанием могут включать не только слова-компоненты, которые находятся в разнообразных парадигматических отношениях, но и целые **сценарии (скрипты)**, описывающие «стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [18. С. 119]: *ни печь затопить*, *ни в рот положить* ‘ничего нет в доме, в хозяйстве’, *ни в дороге товарищ*,

¹ Семантика оборотов более подробно будет рассмотрена далее.

ни в деревне сосед. Составные элементы двучленных конструкций описывают события, ставшие частью жизненного опыта носителей диалекта. Механизм процедуры псевдоисчерпания предполагает перечисление взаимосвязанных, часто оппозитивных эпизодов, которые тем не менее не называют всего разнообразия бытовых ситуаций: *ни с собой взять, ни дома не оставить* ‘о больном или пьяном человеке’, *ни пером писать, ни топором чесать* ‘ничего не уметь’: *перо* и *топор* символизируют интеллектуальную и физическую работу соответственно, *ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны*: *дождь* и *стужа* – наиболее частые проявления плохой погоды, свойственные разным временам года.

Ср.: *У их-то, алкашей, ни печь затопить, ни в рот положить* (с. Усть-Цильма, Республика Коми); *Непостоянный, ненадёжный, нельзя положиться на него, ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед* (д. Замежная Усть-Цилемского р-на); *Ни с собой взять, ни дома не оставить, напьётся да не заспит, дак как из дому-то уйдёшь* (д. Коровий Ручей); *Ни с собой взять, ни дома не оставить, он ведь больной, дак как его одного оставить* (с. Усть-Цильма); *Этот уж ни пером писать, ни топором чесать, ни богу свечка, ни чёрту ожег* (с. Усть-Цильма); *Одежонка тогда плохая была, ветхая, в заплатках, дак ни от дождя ухороны, ни от стужи обороны* (д. Замежная).

Не последнюю роль в выборе компонентов при процедуре псевдоисчерпания играет эвфоническая организация идиомы – семантически немотивированный выбор компонентов, обнаруживающих звуковое сходство, рифмующихся: *ни дому ни лому; ни дому ни кому; ни дому ни грому; ни кошки ни ложки; ни шалко ни валко; ни здрасти ни прости, ни править ни грести*. В диалектной речи возникновению рифмованной формы способствуют диалектные фонетические явления, например, чоканье: *Дак ведь он всю жизнь такой, ни туш, ни плеч, один горбеч* [15. Т. 2. С. 118]. Осложнение формы возникает также в результате редупликации¹: *ни на ноги ногавки ни на руки рукавки; ни прясть, ни ткать, ни вязьё вязать*.

Печорские фразеологизмы, основанные на псевдоисчерпании, включают в свой состав диалектные лексемы: *ни рубахи ни перемывахи* ‘совсем ничего нет’, где *рубаха* – ‘женская длинная холщовая рубашка с рукавами, надеваемая под сарафан’, *перемываха* – ‘одна из рубашек, которые носят на смену’ [17. Т. 2. С. 233], *ни тусу ни губ* ‘нет самого необходимого’, ‘нет средств’, ‘нет толку, пользы’, где *тус* ‘берестяной сосуд цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой’ [17. Т. 2. С. 362], *губы* ‘грибы’ [17. Т. 1. С. 161] и др.

Конструкции с псевдоисчерпанием могут включать компоненты, употребляющиеся в разных значениях. В идиоме *ни с горы ни с воды* ‘ниоткуда (не приносить добычу для семьи и хозяйства); о неумелом, ленивом мужчине’ (ср.: «*Ванька-то у нас хозяин – ни с горы ни с воды: ни грибов не*

¹ Усложнение дескрипции с помощью квазисинонимов и редупликаций А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский считают одним из факторов идиоматичности [2. С. 47–48].

наготовил, ни ягод, ни веников, ни дров на зиму, ни рыбы» (с. Усть-Цильма)) слово *гора*, вероятно, употребляется в значении ‘лес’ [17. Т. 1. С. 146]. В целом во фразеологизме противопоставляются основные способы добычи питания несельскохозяйственным способом – охота, сбор дикоросов и рыбалка, – особенно актуальные для жителей северного лесного Печорского края. А в обороте *ни горой ни водой* ‘никакими средствами (не добраться куда-то)’ (ср.: *Они продукты до распуты заготавливают; когда распута, дак к им ведь ни горой ни водой не добраться* (д. Новый Бор)) компонент *гора*, по всей видимости, означает ‘высокий берег реки’ [17. Т. 1. С. 146], поскольку Нижняя Печора – край удаленный, труднодоступный, с плохо развитой транспортной инфраструктурой¹.

Корреляция диалектных и общерусских идиом

В диалекте существуют разнообразные варианты общерусских фразеологизмов с конструкцией псевдоисчерпания. Например, печорские ФЕ *ни глаз ни рожки*, *ни туши ни рожки*, *ни рожей ни кожей не выйти* (ср.: *Чёй-но ты в ней нащёл-то, ни глаз ни рожки, небаска девка; Ни туши ни рожки, а какого парня отхватила²; Не вышел, бенный, ни рожей ни кожей – худой, и больной, и небаской*) по значению полностью идентичны общерусскому выражению *ни кожи ни рожки* ‘кто-либо очень худ, некрасив’ [22. С. 301]. По форме их можно квалифицировать как лексический (*ни глаз ни рожки*, *ни туши ни рожки*) и количественно-морфологический (*ни рожей ни кожей не выйти*) варианты литературных идиом. Лексическая вариантность наблюдается между печорским выражением *ни к селу ни к берегу* ‘не к месту, некстати (сказать)’ [15. Т. 2. С. 112] и общерусским оборотом *ни к селу ни к городу* ‘совершенно не к месту, некстати’ [22. С. 608]. Нелогичный на первый взгляд выбор компонентов *село – берег*, в противовес антонимичным *село – город*, можно объяснить лишь особой значимостью для диалектоносителя – сельского жителя – пространственных маркеров, важных для его картины мира.

Лексическая вариантность компонентов в ФЕ *ни богу свечка ни чёрту кочерга* (общерус.) и *ни богу свечка ни чёрту ожег* (печор.) объясняется историческими причинами. В.М. Мокиенко предполагает, что именно компонент *ожег* был во фразеологизме исходным, а впоследствии подвергся лексической замене на слово *кочерга* (более подробно см.: [23.

¹ Всю ближнюю и дальнюю устьцилемскую округу вместе с рекой Печорой и ее притоками – Пижмой и Цильмой – называют устьцилемским краем. До эпохи самолетов и моторных лодок попасть сюда было непросто, реки текут в лесах и пожнях, через пороги, а в верховьях они сжимаются скалами. Пижма – река своенравная, прихотливая, каменистая. Цильма – спокойная, широкая [19. С. 81–110].

² Фразеологизм *ни туши ни рожки* употребляется также в Прилузском р-не Республики Коми [20. С. 266] (русские говоры Прилузья не относятся к говорам Низовой Печоры), а в варианте *не из туши не из рожки* ‘кто-либо не выделяется ни ростом, ни красотой’ – в пермских говорах [21. С. 384].

С. 13–17]). В говорах Низовой Печоры слово *ожег* означает ‘палка, которой мешают угли в печи; кочерга’ [17. Т. 1. С. 512]. Конструкция псевдоисчерпания предполагает отрицание сопоставимых понятий – «богова» (*свеча*) и «чертова» (*ожег, кочерга* – ‘головешка, огарыш, лучина, обгорелая деревяшка’) источников света [24. С. 58].

Идиома *ни туда и ни сюда* представляет собой семантический вариант (омоним) общерусского оборота, поскольку в говорах Низовой Печоры имеет значения, отсутствующие в литературном языке: ‘недалекий, ограниченный’, ‘неумелый’ (ср.: *Она ницё не врандует, ницё ей не объяснить, ни туда и ни сюда* (д. Загрявочная); *Да она ни туда и ни сюда, ничё не умет* (д. Замежная)).

В некоторых случаях имеет место не межсистемная вариантность фразеологизмов, а лишь частичное совпадение компонентного состава и образной основы. Например, исходной формой собственно русского оборота *на кривой не объедешь* было сочетание *на кривой лошади не объедешь* [24. С. 358]. Этому фразеологизму в говорах Низовой Печоры соответствует выражение *ни на простом, ни на вороном коне не объедешь* [15. Т. 2. С. 114], в котором процедура псевдоисчерпания, распространяющаяся только на адъективные компоненты, усиливает отрицательный эффект, преследует цели экспрессивной интенсификации.

Интересно отметить существование в русских говорах отрицательных конструкций с псевдоисчерпанием, в которых угадываются общерусские идиомы иной структуры. И если в одних случаях подобной трансформации подвергаются сочинительные конструкции: печор. *ни тьяп ни ляп* ‘кто-либо совсем не умеет делать никакую работу, необходимую в домашнем хозяйстве’ [15. Т. 2. С. 118] (ср. общерус. *тыяп-ляп, тьяп да ляп, тьяп и ляп* [22. С. 695]), то в других преобразование носит более сложный, труднообъяснимый характер: печор. <бедному> *ни пень ни колода*¹ ‘неумелый человек ни в чем удачи не знает’ [15. Т. 1. С. 30] (ср. общерус. *через пень колоду*). Структурное несоответствие диалектных и литературных идиом сопровождается семантическим диссонансом: печорский оборот *ни тьяп ни ляп* характеризует человека², в то время как общерусский фразеологизм *тыяп-ляп* дает качественную оценку действию. Аналогичное значение наблюдается у ФЕ *через пень колоду*, что совсем не соответствует семантике печорского выражения <бедному> *ни пень ни колода*.

Ср.: *Сидор-то уж ни тьяп ни ляп, никакого толку от него в хозяйстве нету – не мастеровой* (д. Замежная) и *Деревенский, видно, плотничек строил ложу – тьяп да ляп* (Некрасов. Коробейники) [22. С. 695]. *Этот уж ни пень ни колода, ни на что не годный* (д. Нонбург) и [Панин] оста-

¹ В псковских говорах есть фразеологизм *ни в пень ни в колоду*, который означает ‘не нравится, не подходит кому-либо что-либо’, ‘неумелый, нерасторопный’ [25. С. 60].

² В русских говорах Карелии ФЕ *ни тьяп ни ляп* имеет сходное значение ‘о неумелом, нерасторопном человеке’ [26. Т. 3. С. 178], а в говорах Прикамья – ‘о незначительном, ничем не выделяющемся человеке’ [27. С. 103].

вался ко всему равнодушен, всё делал нехотя, **через пень колоду** (Вигдорова. Дорога в жизнь) [22. С. 458].

Любопытным представляется существование в печорских говорах фразеологизма *ни мачинки ни росинки* ‘нет никаких продуктов’ [15. Т. 2. С. 114], который явно соотносится с такими общерусскими и диалектными оборотами, как *маковой росинки во рту не было, маковой росинки в рот не брать, ни маковой росинки* ‘совсем ничего (не дать, не сделать и т.п.)’, *ни на маковую росинку* ‘ничуть, нисколько’ [28. С. 364], пск. *хоть бы макова росинка* [25. С. 65], ряз. *в роте росинки не было* ‘не ел, не пил ничего’, *ни росинки* ‘нисколько, совсем’ [29. С. 492]. Именно бинарная конструкция требует унификации компонентов, в результате чего адъективная лексема становится субстантивной, а атрибутивные отношения сменяются координативными¹.

В говорах Низовой Печоры широко употребляется фразеологизм *ни тпру, ни ну, ни кукареку*, не зафиксированный ни во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова, ни во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Федорова. В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского фразеологизм *ни тпру ни ну [ни кукареку]* приводится с факультативным компонентом под таксоном ‘тщетные усилия, бесполезное упорство’ и подтверждается примером из разговорной речи: «– Как дела? Как идёт проект? – Пока на том же месте. **Ни тпру ни ну ни кукареку**» [31. С. 916, 920]. В говорах Низовой Печоры фразеологизм *ни тпру, ни ну, ни кукареку* имеет следующие значения: ‘кто-либо не обладает никакими познаниями’ (ср.: *А чё ты знаешь? Ни тпру, ни ну, ни кукареку* – *столь ты и знаешь* (д. Замежная)), ‘незначительный, незаметный человек’ (ср.: *Он у ей пусто место, ни тпру, ни ну, ни кукареку* (с. Усть-Цильма)) [15. Т. 2. С. 118]. Вероятно, фразеологизм и по форме, и по значению представляет собой результат контаминации двух общерусских выражений с псевдоисчерпанием: *ни тпру ни ну* ‘о ленивом, безынициативном человеке: никак не проявляет себя, ничего не предпринимает, не делает’, ‘о работе, деле: не дает никаких результатов’ [22. С. 688] и *ни бе ни ме <ни кукареку>* ‘совершенно ничего (не понимать, не знать)’ [22. С. 19]. Первая часть идиомы построена на антитезе, возгласами *Тпру!* и *Ну!* останавливают и понукают лошадь [24. С. 696]. Дополнительный конструктивный элемент *ни кукареку* преследует, вероятно, шутиливо-акустические цели: вся фраза построена на комично звучащих междометиях, которые в сочетании с абсурдным по смыслу звукоподражанием звучат еще более комично. По мнению А.М. Бабкина, образование новой фразеологической единицы в результате контаминации двух семантически близких фразеологических единиц можно признать закономерным фактом языкового развития фразеологического состава [32. С. 29]. Наиболее распространенным типом контаминации фразеологизмов является соединение частей двух ФЕ, не совпадающих по лек-

¹ Синтагма координативная – то же, что сочинительное словосочетание [30. С. 408].

сическому составу, но сходных по синтаксической структуре или функции [32. С. 32–33]. В печорской идиоме *ни тпру, ни ну, ни кукареку* значения общерусских выражений-прототипов соединились, образовав фраземуполисемант¹, которую можно квалифицировать как семантический вариант общерусского выражения.

Нельзя исключать, что трансформация ФЕ *ни мачинки ни росинки* и *ни тпру, ни ну, ни кукареку* носит окказионально-речевой характер, хотя они зафиксированы в разных селах Усть-Цилемского района Республики Коми, поэтому вероятность окказионального образования этих оборотов невелика. Более того, по наблюдениям исследователей, «фразеологизмы, образованные на основе сочетания слов с сочинительной связью, крайне редко подвергаются трансформациям. Такая преобразовательная пассивность обусловлена строением фразеологизмов, в частности их двухкомпонентной моделью с ритмической маркированностью. В определённом ритме кроется особая выразительность этих ФЕ; нарушение ритма, к примеру, окказиональными распространителями снижает выразительную ценность фразеологизма» [11. С. 104].

Структурные и семантические особенности фразеологизмов

Большинство конструкций с псевдоисчерпанием имеет двухчастную структуру (*ни встретить ни проститься, ни выходу ни выезду, ни в сусеке ни в мешке*). Трехчастная или четырехчастная организация свойственна небольшому числу устойчивых выражений, причем компоненты подобных конструкций могут находиться как в одинаковых парадигматических отношениях (примеры см. выше), так и в разных, несовпадающих (*ни есть, ни пить, ни в клеть полезть; ни купить ни продать, ни налить ни подать*). В этих случаях, как правило, идиома расширяется до размеров поговорки или пословицы.

Конструкции с псевдоисчерпанием способны передавать ограниченное число семантических идей. Во-первых, это семантика отсутствия чего-либо (известий, причин, возможностей, отдыха, заботы, свободы, существования, пользы, границ и под.), например: *ни письма ни грамотки* ‘нет никаких известий от кого-либо’, *ни горой ни водой* ‘никакими средствами’, *ни выходных ни проходных* ‘нет никакого отдыха’, *ни в тешках ни в бажках* ‘не быть избалованным семьей или жизнью’, *ни пены ни пузыря* ‘нет никаких следов чьего-то присутствия’, *ни в путь ни в толк* ‘без пользы, без толку’.

Особенно многочисленным в составе этой группы является семантическое объединение, которое указывает на **отсутствие имущества, крайнюю бедность** (*ни коня ни двора, ни дому ни лому, ни двора ни ограды* и др.) или, как вариант, **отсутствие чего-то конкретного** (*ни кошки ни ложки, ни одеть ни надеть, ни мачинки ни росинки, ни гробу ни могилы*).

¹ Первое значение печорского оборота *ни тпру, ни ну, ни кукареку* ‘кто-либо не обладает никакими познаниями’ мотивировано значением общерусской ФЕ *ни бе, ни ме, ни кукареку*, второе значение ‘незначительный, незаметный человек’ – семантикой ФЕ *ни тпру ни ну*.

Во-вторых, довольно часто конструкции с псевдоисчерпанием характеризуют человека по внешним признакам, душевным качествам, интеллектуальным и поведенческим свойствам. Как правило, это характеристика человека **внешне непривлекательного** (*ни сзади ни спереди* ‘о худой, плоскогрудой женщине’, *ни глаз ни рожки*), **неумелого, недобросовестного, ленивого** (*ни течи ни речи, ни в сноп ни в горсть*), **невежливого, неприветливого** (*ни здрасти ни прости*), **хитрого, проницательного, упрямого** (*ни на простом, ни на вороном коне не объедешь; ни складу ни ладу*), **большого / пьяного** (*ни с собой взять, ни дома не оставит*), **не соблюдающего обычай** (*ни богу ни поклону*), **недалекого, ограниченного** (*ни осю ни орю, ни аз ни баз (не знать)*), в целом **ничем не примечательного** (*ни виду ни шерсти*).

Большинство конструкций с псевдоисчерпанием обладают отрицательно-оценочной семантикой: это либо констатация отсутствия чего-либо, крайне необходимого человеку (ситуации нищеты, голода, несвободы, тяжелого труда и под.), либо характеристика негативных качеств человека – непривлекательности, никчемности, посредственности, ограниченности и др., либо в целом отражение семантической идеи неопределенности, которая «априори рассматривается в обыденном сознании как что-то плохое» [33. С. 40]. Важной стилистической характеристикой диалекта является его склонность к грубоватому, фамильярному, а зачастую и вульгарному, с точки зрения стилиста – носителя литературного языка, способу выражения¹ [34. С. 43]. Нейтральные, а тем более положительно-оценочные выражения единичны: *ни краю ни конца* ‘не видно границ чего-либо’ (ср.: *У их ведь пожни были – ни краю ни конца* (д. Нонбург), *Беда уж Косминското озеро како-ли большушишэ, ни краю ни конца не видать* (д. Трусово)), *ни шуму ни грому* ‘кто-либо ведет себя тихо, спокойно, никого не беспокоит’ (ср.: *Дак у вас соседи-то вон каки – ни шуму ни грому* (д. Степановская)). По всей видимости, отрицательная структура сочинительных конструкций с союзом *ни... ни*, основанных на процедуре псевдоисчерпания, препятствует развитию положительной семантики.

Далее более подробно остановимся на фразеологизмах, особенно значимых в историко-культурном плане, выражающих семантическую идею в концентрированном виде или обладающих широкой варьированностью в диалекте и литературном языке.

Семантическая идея отсутствия имущества выражается общерусской фразеологической единицей *ни кола ни двора*, которой в говорах Низовой Печоры соответствуют многочисленные варианты и синонимы с постоянными и переменными компонентами². Формула псевдоисчерпания стремится расширяться за счет включения неперечисленных компонентов множества, что, при невозможности включения всех вероятных членов в один оборот,

¹ Ср. печорский презрительный оборот *ни титок, ни холук, и жс*** как осколок* ‘очень худая женщина’ [15. Т. 2. С. 117].

² Широкая варьированность фразеологизма *ни кола ни двора* свойственна и фольклорному дискурсу (см.: [10]).

создает условия для возникновения вариантности: *ни кола, ни двора, ни милого живота* / *ни кола, ни двора, ни перегородки* / *ни кола, ни двора, ни поддворная труба* / *ни кола, ни двора, ни поддворного места* / *ни кола ни задоринки* (более подробно см.: [35. С. 129–130]). Н.М. Шанский предполагает эллипсизацию оборота *ни кола, ни двора, ни милого живота* до общеизвестного варианта [5. С. 114]. Существуют разнообразные этимологические версии объяснения исходной семантики фразеологизма. Основные споры ведутся по поводу истолкования значения слова *кол*, приводятся преимущественно следующие объяснения: 1) *кол* – ‘полоса пахотной земли шириной в две сажени’ (Борзенко); 2) *кол* – ‘небольшой участок земли’ (Шанский); 3) *кол* – ‘дым’ (Федорова); 4) *кол* – ‘дом, жилище’ (Тимошенко); 5) *кол* – ‘толстая палка с заостренным концом’ (Мокиенко) [24. С. 317–318]. Неоднородность семантики компонентов третьей части поговорки, а также ее широкая варьированность ставят под сомнение утверждение об импликации какого-то конкретного оборота до общеизвестной идиомы [23. С. 126–127].

Непрозрачность компонента *кол* в идиоме *ни кола ни двора* способствует народно-этимологической интерпретации с заменой этого компонента на более понятный и оправданный (ср. попытку объяснения внутренней формы идиомы диалектоносителем: *У нас-то чаще говорили: ни кола ни двора. К колу ведь хоть лодку привяжешь или лошадь. А ещё говорили: ни коня ни двора. Но так редко говорили: не у всех ведь были кони* [15. Т. 2. С. 113]). С синхронной точки зрения компонент *кол* понимается как ‘палка с заостренным концом, служащая для создания забора, ограды’, что находит отражение в диалектных вариантах оборота: *Она ведь одна жила, мужика не было, дак чё, жила, бедна, ни двора ни ограды* [15. Т. 2. С. 111].

Семантическая идея бедности, отсутствия имущества может быть выражена отрицанием элементов довольно большого лексического множества, включающего слова с самой разнообразной семантикой собственности, начиная с наименований личных вещей и заканчивая названиями движимого и недвижимого имущества. Идиома не предполагает перечисления всех элементов множества, вследствие чего подобные семантические идеи успешно реализуются посредством процедуры псевдоисчерпания. Это позволяет перечислить в идиоме взаимосвязанные компоненты, образующие единую семантическую область. В состав идиом, таким образом, включаются однородные компоненты со значением материального имущества (*ни дому ни лому*), живых существ (*ни скота ни живота*), а также неоднородные компоненты, объединяющие имущество живое и неживое (*ни кошки ни ложки, ни рогатки ни лопатки*) и даже материальное и нематериальное (*ни дому ни грому* ‘нет у кого-либо ни хорошего жилья, ни семьи, ни ссор, ни шума’).

Конструкции с псевдоисчерпанием успешно характеризуют человека, не обладающего ярко выраженными личностными качествами: недалекого, неумелого, никчемного, посредственного. В упомянутой выше статье автора [35. С. 126] было охарактеризовано выражение *ни рыба ни мясо, <ни кафтан ни ряса>*, в котором посредственность, отсутствие индивидуаль-

ности выражается кулинарными и социальными образами: гастрономическая метафора продукта, «природу и качество которого невозможно определить» [36. С. 486], поддерживается образами традиционной одежды, метонимически указывающими на лиц определенного социального статуса – гражданских (*кафтан*) и духовных (*ряса*). По мнению некоторых этимологов, двучленный фразеологизм первичен, а эксплицитные, пословичные варианты являются лишь его вторичными локальными развертываниями [24. С. 616–617]. Сходным смыслом обладает ФЕ *ни в сноп ни в горсть*¹ ‘о ком-либо невыразительном, безликом, не интересном ни в каком отношении’: *Игнашка у их ни в сноп ни в горсть, никудышной* [15. Т. 2. С. 109]. Вообще считается, что с концептами обыденности, ординарности граничит поле нормативности, т.е. рядовое, заурядное, посредственное – норма. Однако в области аксиологических понятий норма не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью [37. С. 7, 12]. Следовательно, человек, не обладающий яркими, индивидуальными чертами, воспринимается не как соответствующий норме, а как отклоняющийся от нее в сторону негативного полюса.

Семантика умственной ограниченности, неприспособленности к жизни и неспособности к каким-либо занятиям тоже успешно реализуется сочинительными конструкциями, которые не требуют отрицания всех элементов соответствующей семантической области: *ни дома ни на поле* ‘нигде (кто-либо не хочет работать)’, *ни туда и ни сюда* ‘недалекий, ограниченный’, ‘неумелый’, *ни в работе ни в гульбе* ‘кто-либо ни в чем не способен себя проявить’, *ни аз ни баз (не знать)* ‘непонятливый, бестолковый’, *ни прядь, ни ткать, ни вязьё вязать* ‘о девушке, не приученной ни к какой женской работе, любящей только развлекаться’, *ни послать ни помогчи* ‘о никчемном человеке, от которого нет никакой помощи’.

Выводы

Анализ диалектного материала позволил отметить более широкую представленность фразеологических единиц, основанных на псевдоисчерпании, в печорских говорах по сравнению с литературным языком (многие из проанализированных печорских оборотов употребляются и на других территориях). Количественное превалирование подобных конструкций может быть объяснено, в том числе и широкой варьированностью фразеологических единиц в диалекте, где наряду с общерусскими выражениями употребляются их региональные варианты (*ни туши ни рожки, ни рожей ни кожей не выйти, ни к селу ни к берегу, ни богу свечка, ни чёрту ожег*). Числовой состав сочинительных конструкций с отрицанием увеличивается благодаря компонентам-локализмам, которые в литературном языке, как правило, не употребляются.

---

¹ С пометой *обл.* оборот *ни в горсть ни в сноп* в значении ‘без видимых результатов’ зафиксирован во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А.И. Федорова [22. С. 153].

Процедура псевдоисчерпания предполагает перечисление неких элементов семантического множества, которые являются манифестаторами всего множества. При этом выбор компонентов-манифестаторов не всегда закономерен и логически оправдан, зависит от объема лексической группировки. Поэтому компоненты-оппозитивы, синонимы и квазисинонимы наиболее логично вписываются в сочинительную конструкцию с отрицанием и обладают высокой степенью прогнозируемости состава фразеологизма. Семантическая однородность компонентов создает смысловую избыточность, плеонастичность, а также способствует экспрессивной интенсификации оборотов. Спорадический выбор элементов присущ оборотам с тематически разнородными компонентами (*ни присесть ни поесть, ни поспать ни помочь, ни с краю ни с берегу* и др.).

Компоненты конструкций с псевдоисчерпанием, как правило, находятся в разнообразных парадигматических отношениях – антонимических, синонимических, гипонимических, партитивных, ассоциативных и ситуативных. Но такой вид отношений в анализируемых конструкциях не единственный. Мнимое впечатление представленности всех элементов множества может передаваться когнитивными сценариями (*ни печь затопить, ни в рот положить; ни пером писать, ни топором чесать; ни в дороге товарищ, ни в деревне сосед* и др.). Некоторые компоненты идиом находятся в отношениях дизъюнкции.

Эвфоническая организация идиомы играет не последнюю роль в выборе компонентов при процедуре псевдоисчерпания. Возможно, именно стремление подобных конструкций к эвфонической стройности, основанной на ритмико-рифмической организации, влечет использование семантически непрозрачных или окказиональных компонентов (*ни корки ни маковки, ни сдоху ни отдоху, ни вести ни повести, ни аз ни баз*).

Семантика конструкций с псевдоисчерпанием, констатирующих отсутствие чего-либо (имущества, отдыха, свободы и под.) или негативно характеризующих человека, обуславливает оценочную ориентированность оборотов. Большая часть идиом в говорах Низовой Печоры обладает пейоративной семантикой, нейтральные и мелиоративные фраземы представлены единичными примерами.

Диалект предлагает богатый материал для исследования механизмов переинтерпретации, и в частности такой ее разновидности, как псевдоисчерпание. Исследования подобного рода расширяют представления о категории идиоматичности.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М. : Знак, 2008. 656 с.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. М. : Высшая школа, 2006. 408 с.

5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М. : Высшая школа, 1985. 160 с.
6. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремология. М. : Флинта : Наука, 2009. 344 с.
7. Хлызова Т.Н. Фразеологизмы с компонентами *не* и *ни* в современном русском языке: семантический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 3. С. 369–377.
8. Потапова В.В. Фразеологические единицы с компонентами – сочинительными союзами в русском языке // Молодая филология-2019: Лингвистика, литературоведение, методика преподавания филологических дисциплин : сб. ст. по материалам студенческой конференции. Пермь, 2019. С. 106–109.
9. Чигирь Ю. Семантическая и структурная особенность фразеологизмов с сочинительными союзами // Проблемный и неосферный подходы к реализации средств современного образования в условиях устойчивого развития цивилизации : материалы XVI Московской международной конференции / отв. ред. Е.В. Ковалевская. М., 2017. С. 163–165.
10. Ковшова М.Л. Ни кола ни двора: образ бездомного в русском фольклоре и фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Языки славянских культур, 2004. 344 с. С. 208–220.
11. Третьякова И.Ю. Оказиональные преобразования микроидиом и фразеологизмов с сочинительной связью компонентов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 1. С. 101–105.
12. Ермакова Е.Н., Хлызова Т.Н. Фразеобразующая функция компонентов *не* / *ни* в составе английских фразеологизмов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 11. С. 265–272.
13. Хлызова Т.Н. Типы варьирования в номинативных фразеологизмах с компонентами *не* / *ни* в русском и *not* / *no* в английском языках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 290–297.
14. Ли А.Д. Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар : Изд-во Коми пединститута, 1992. 106 с.
15. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 т. / сост. Н.А. Ставшина. СПб. : Наука, 2008. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 420 с.
16. Федоров А.И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка / Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М. : Восток-Запад, 2012. 894, [2] с.
17. Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2003. Т. I. 553 с.; Т. II. 470 с.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. 314, [6] с.
19. Гунин Г.П. По Нижней Печоре. М. : Искусство, 1979. 162 с.
20. Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2004. 312 с.
21. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2002. 431 с.
22. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878, [2] с.
23. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1989. 287 с.
24. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926, [2] с.
25. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина / науч. ред. Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. СПб. : Норинт, 2001. 176 с.

26. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / гл. ред. А.С. Герд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1994–2002. Т. 1–5.
27. *Прокошева К.Н.* Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь, 1972. 114 с.
28. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А.И. Молоткова. М. : АСТ : Астрель, 2001. 512 с.
29. *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)* / под ред. И.А. Оссовецкого. М. : Наука, 1969. 612 с.
30. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : Сов. энцикл., 1969. 608 с.
31. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики* : ок. 8 000 идиом современного русского языка / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, К.Л. Киселева и др.; под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135, [1] с.
32. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники / отв. ред. В.В. Виноградов. 2-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 264 с.
33. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Ни два ни полтора: семантика неопределенности в русской идиоматике // *Русский язык в научном освещении*. 2016. № 2 (32). С. 32–45.
34. *Радченко О.А., Закуткина Н.А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // *Вопросы языкознания*. 2004. № 6. С. 25–48.
35. *Урманчеева И.С.* Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариантности печорских и общерусских фразеологизмов // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 125–134.
36. *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
37. *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык: (К проблеме языковой «картины мира») // *Вопросы языкознания*. 1987. № 3. С. 3–19.

Phraseological Units Based on Pseudo-Exhaustion in the Lower Pechora Dialects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 137–153. DOI: 10.17223/19986645/73/8

Irina S. Urmancheeva, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: isurman@rambler.ru

Keywords: subdialects of Local (Lower) Pechora, Pechora phraseology, phraseological units with negation, phraseological units with conjunctions.

The aim of the article is to consider the Lower Pechora subdialect phraseological units, whose construction is based on the procedure of pseudo-exhaustion, i.e. partial enumeration of elements of a semantic set. The Russian subdialects of the Lower Pechora are the speech of the aboriginals of the Ust-Tsilemsky Region of the Komi Republic of the Russian Federation. Fixed expressions which are coordinative phrases with negation are described. The relevance and novelty of the research lie in the fact that this phraseological material has not yet been analysed in a comprehensive manner. So far, scholars have investigated constructions with coordinative conjunctions in comparative, communicative-pragmatic, and other aspects. The *Phraseological Dictionary of Russian Dialects of the Lower Pechora* compiled by N.A. Stavshina was the main source of the research. The all-Russian phraseological units were taken from Russian phraseological dictionaries. In the article, the author views Russian phraseological units broadly, and therefore such units include idioms, proverbs, and sayings. The research methods are linguistic (synchronous) description, definition analysis, context (distributive) analysis, component analysis, as well as taxonomic and descriptive-comparative methods. The pseudo-exhaustion procedure, which belongs to the category of reinterpretation

as one of the components of the category of idiomaticity, is described in the works of A.N. Baranov and D.O. Dobrovolskiy. The research shows that components of constructions with pseudo-exhaustion are in diverse paradigmatic relations: synonymy, antonymy, hyponymy, part and whole, and others, as well as in disjunction relations. The author notes that constituent parts of some phraseological units are scripts or are constructed according to the laws of rhythm-and-rhyme harmonization. The author particularly focuses on the semantics of phraseological units in general and of their individual components, including dialect ones, in particular. The author notes that there are more phraseological units with coordinative conjunctions in the dialect than in the literary language. This can be explained by the presence of dialect variants of all-Russian phraseological units. In addition, some phraseological units include dialect components absent in the literary language. The conclusions are the following. (1) The quantitative prevalence of dialectal constructions with pseudo-exhaustion compared to the literary language can be explained by the wide variation of phraseological units in the dialect, which uses both Russian expressions and their dialect variants. The quantitative composition of coordinative constructions with negation expands due to dialect components that are not generally used in the literary language. (2) Most pseudo-exhaustion constructions possess the semantics of negative evaluation. Neutral and positive evaluation expressions are single. It is likely that the development of positive semantics is hampered by the negative structure of coordinative constructions that are based on the pseudo-exhaustion procedure.

References

1. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (2009) Printsipy semanticheskogo opisaniya frazeologii [Principles of semantic description of phraseology]. *Voprosy yazykoznanija*. 6. pp. 21–34.
2. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak.
3. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekt* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
4. Zhukov, V.P. & Zhukov, A.V. (2006) *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Shanskiy, N.M. (1985) *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009) *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Khlyzova, T.N. (2012) Frazeologizmy s komponentami ne i ni v sovremennom russkom yazyke: semanticheskij aspekt [Idioms with components ne and ni in modern Russian: the semantic aspect]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 369–377.
8. Potapova, V.V. (2019) [Phraseological units with components – coordinating conjunctions in Russian]. *Molodaya filologiya–2019: Lingvistika, literaturovedenie, metodika prepodavaniya filologicheskikh distsiplin* [Young Philology–2019: Linguistics, literary criticism, methods of teaching philological disciplines]. Conference Proceedings. Perm: Perm State University. pp. 106–109. (In Russian).
9. Chigir', Yu. (2017) [Semantic and structural specificity of phraseological units with coordinating conjunctions]. *Problemnyy i neosfernyy podkhody k realizatsii sredstv sovremennogo obrazovaniya v usloviyakh ustoychivogo razvitiya tsivilizatsii* [Problematic and neospheric approaches to the implementation of modern education in the context of sustainable development of civilization]. Proceedings of the International Conference. Moscow: [s.n.]. pp. 163–165. (In Russian).
10. Kovshova, M.L. (2004) Ni kola ni dvora: obraz bezdomnogo v russkom fol'klore i frazeologii [Neither house nor home: the image of a homeless person in Russian folklore and

phraseology]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Kul'turnye sloi vo frazeologizmax i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural layers in phraseological units and in discursive practices]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 208–220.

11. Tret'yakova, I.Yu. (2010) Okkazional'nye preobrazovaniya mikroidiom i frazeologizmov s sochinitel'noy svyaz'yu komponentov [Occasional transformations of micro-idioms and phraseological units with coordinating connection of the components]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*. 1. pp. 101–105.

12. Ermakova, E.N. & Khlyzova, T.N. (2012) Phrase-Forming Function of the Components NE/NI and NOT/NO in the Russian and English Phraseological Units. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 11. pp. 265–272.

13. Khlyzova, T.N. (2015) Types of Variation in the Nominative Phraseological Units with Components NE/NI in Russian and NOT/NO in English. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2. pp. 290–297. (In Russian).

14. Li, A.D. (1992) *Russkie govory Komi Respubliki* [Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi Pedagogical Institute.

15. Stavshina, N.A. (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: v 2 t.* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka.

16. Fedorov, A.I. (2012) *Tolkovyy slovar' ustarevshikh slov i frazeologicheskikh oborotov russkogo literaturnogo yazyka* [Explanatory dictionary of obsolete words and phraseological turns of the Russian literary language]. Moscow: Vostok-Zapad.

17. Ivashko, L.A. (ed.) (2003) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory: v 2 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 volumes]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.

18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2010) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.

19. Gunin, G.P. (1979) *Po Nizhney Pechore* [Along the Lower Pechora]. Moscow: Iskustvo.

20. Kobeleva, I.A. (2004) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.

21. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm: Perm State University.

22. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST.

23. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.

24. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2007) *Russkaya frazeologiya: Istoriko-etimologicheskii slovar': ok. 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary: approx. 6000 phraseological units]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST: Khranitel'.

25. Ivashko, L.A. (ed.) (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok. 13 000 edinit* [Dictionary of Pskov proverbs and sayings. 13,000 units]. St. Petersburg: Norint.

26. Gerd, A.S. (ed.) (1994–2002) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Vols 1–5. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

27. Prokosheva, K.N. (1972) *Materialy dlya frazeologicheskogo slovarya govorov Severnogo Prikam'ya* [Materials for the phraseological dictionary of dialects of the Northern Kama region]. Perm: Perm State Pedagogical Institute.

28. Molotkov, A.I. (ed.) (2001) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: AST: Astrel'.
29. Ossovetskiy, I.A. (ed.) (1969) *Slovar' sovremennoy russkoy narodnoy govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Dictionary of modern Russian folk dialect (village Deulino, Ryazan District, Ryazan Oblast)]. Moscow: Nauka.
30. Akhmanova, O.S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl.
31. Baranov, A.N. et al. (eds) (2007) *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki: ok. 8 000 idiom sovremennoy russkoy yazyka* [Dictionary-thesaurus of modern Russian idioms: c. 8,000 idioms of the modern Russian language]. Moscow: Mir entsiklopediy Avanta+.
32. Babkin, A.M. (2009) *Russkaya frazeologiya, ee razvitiye i istochniki* [Russian phraseology, its development and sources]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
33. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2016) Ni dva ni poltora: semantika neopredelennosti v russkoy idiomatike [Neither two nor one and a half: semantics of uncertainty in Russian idioms]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (32). pp. 32–45.
34. Radchenko, O.A. & Zakutkina, N.A. (2004) Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskii fenomen [Dialectal picture of the world as an idio-ethnic phenomenon]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 25–48.
35. Urmancheeva, I.S. (2017) Rhythm and rhyme organisation as manifestation of structural variability of Pechora and all-Russian phraseological units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 125–134. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/8
36. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Znachenie. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy* [The Big Phraseological Dictionary of the Russian Language: Meaning. Use. Culturological commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
37. Arutyunova, N.D. (1987) Anomalii i yazyk: (K probleme yazykovoy "kartiny mira") [Anomalies and language: (To the problem of the linguistic "picture of the world")]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 3–19.

УДК 811.134.2

DOI: 10.17223/19986645/73/9

О.С. Чеснокова

**«ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ», ИЛИ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
БИОГРАФИЯ Р. КУЭРВО (ПО РОМАНУ
Ф. ВАЛЬЕХО *EL CUERVO BLANCO*)¹**

Анализируется произведение колумбийского писателя Ф. Вальехо “El cuervo blanco”, трактуемое как философский роман-биография колумбийского филолога Р. Куэрво. Установлено, что идиостиль писателя отличают яркая образность, необычные аргументативные стратегии, многообразные интертекстуальные средства. Обосновано, что художественный метод Ф. Вальехо представляет роман как целостное гражданское послание и одновременно как эстетическое осмысление личности Р. Куэрво и уникальности его роли в испанистике.

Ключевые слова: Руфино Куэрво, Фернандо Вальехо, Колумбия, роман-биография, нарратив, идиостиль, аллюзия, интертекстуальность

Биография – это не произведение, а эстетизированный, органический и наивный поступок в принципиально открытом, но органически себе доверяющем ближайшем ценностном авторитетном мире.

М.М. Бахтин

Введение

Фернандо Вальехо Рендон (Fernando Vallejo Rendón; р. 1942 г.) – один из ярких представителей современной колумбийской прозы, сценарист, режиссер, общественный деятель [1; 2. С. 132–134]. Писатель – атеист, открытый гомосексуалист и бескомпромиссный противник виоленсии (исп. *violencia*; внутригосударственный вооруженный конфликт в Колумбии). Широко известны его романы, обличающие виоленсию: *La Virgen de los sicarios* «Богоматерь наемных убийц», 1994), *El desbarrancadero* («Падающий в овраг», 2001). Знаменитый колумбийский режиссер и сценарист Луис Оспина (1949–2019) снял о Фернандо Вальехо документальный фильм *La desazón suprema: retrato incesante de Fernando Vallejo* «Крайнее беспокойство: бесконечный портрет Фернандо Вальехо» (2003), посвященный уникальной творческой личности Ф. Вальехо.

Русскоязычному читателю доступен в переводе роман Ф. Вальехо *La Virgen de los sicarios*, русское название которого «Богоматерь убийц» [3] при обрат-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-012-00316).

ном переводе на испанский язык дает словосочетание *La Virgen de los asesinos*, что неверно, так как лексема *asesino* означает ‘убийца’, тогда как *sicario* – ‘наемный убийца’, что семиотически принципиально в названии оригинала.

Признанным специалистом по прозе Фернандо Вальехо является литературовед из Национального университета Колумбии (Богота) Диана Диакону, которая предложила для определения творческого метода писателя термин *autoficción* ‘автоповествование’ [4], получивший одобрение специалистов [5]. Перу Вальехо принадлежат художественные биографии (исп. *biografía novelada*) знаковых личностей колумбийской культуры: *El mensajero* (1991) – биография поэта Порфирио Барбы Хакоба; *Almas en pena, chapolas negras* (1995) – биография поэта Хосе Асунсьона Сильвы, исследование которых только начато колумбийскими учеными [1. Р. 331–382], при этом особое внимание уделяется первому лицу [6] в идиостиле автора, что созвучно с термином *autoficción* ‘автоповествование’, предложенным Д. Диакону.

Писатель широко известен многочисленными выступлениями за чистоту языка, что мотивировало его обозначение колумбийцами как *El (último) gramático* ‘(Последний) грамматист’ [7]. Квинтэссенция гражданской позиции писателя по защите чистоты испанского языка, осмыслению уникального места в испанистике и лексикографии Руфино Куэрво – биография выдающегося колумбийского филолога Руфино Хосе Куэрво Урисарри (1844–1911) в романе *El cuervo blanco* (2012) [8], что и составляет объект данной статьи. Публикация романа получила отклики в прессе [9], рецензии [10], но текст *El cuervo blanco* еще не становился предметом комплексного филологического анализа. *A priori* это предполагает анализ колумбийской идентичности, аксиологических ценностей колумбийской лингвокультуры, ориентацию в идиостиле Ф. Вальехо¹. Незнание колумбийских реалий может привести к ошибочному толкованию текста. К примеру, в статье, посвященной роману *El cuervo blanco* [11], указано, что вместе с Антонио Каро Куэрво основал Институт Каро и Куэрво [11. Р. 296], тогда как этот широко известный в испаноязычном филологическом сообществе Институт был основан 30 лет спустя после смерти Руфино Куэрво и был назван в честь двух знаменитых колумбийских интеллектуалов.

Задача предлагаемой статьи – с применением приемов филологической герменевтики выявить лингвистические и семиотические параметры и биографического описания, и художественного пространства романа *El cuervo blanco* как целостной эстетической системы.

Биография в классическом литературоведении и в творчестве Фернандо Вальехо

В классическом литературоведении биография может быть научной, художественной, академической, популярной, при этом в любом жанровом ракурсе «на основе фактического материала она дает картину жизни человека,

---

¹ Автор статьи признателен доктору Ивану Падилья Часингу (Национальный университет Колумбии, Богота) за консультацию.

развитие его личности в связи с общественными обстоятельствами эпохи» [12. С. 54]. «Апология Сократа» Платона и Евангелия Нового Завета обычно служат примерами биографий, известных с древнейших времен. Развитие мировой культуры привело к различным традициям биографического описания, связанным с национальной литературной традицией и идиолектом автора [13, 14]. Ф. Вальехо разрабатывает синкретичный жанр биографического описания колумбийского филолога Р. Куэрво, окрашенный личностным отношением, собственным жизненным опытом и сопровождаемый многочисленными рассуждениями о языке. Воссоздание хронологической канвы жизни Р. Куэрво в произведении не линейно. Время в тексте не представляет однонаправленной перспективы. Временной пласт смещается в сторону как ретроспекции, так и проспекции, при этом в повествование органично интегрирован образ реального автора-рассказчика, созвучный мыслям М.М. Бахтина, что «резкой, принципиальной грани между автобиографией и биографией нет, и это существенно важно» [15. С. 171].

Повествование *El cuervo blanco* начинается и заканчивается на парижском кладбище Пер-Лашез, где похоронен Руфино Куэрво и его горячо любимый старший брат Анхель (1838–1896). В начале романа читатель вместе с автором-повествователем, ищущим могилу своего кумира, видит прекрасного черного ворона: *Entre los árboles sin hojas de invierno veo un pájaro negro, hermoso. Ah, no, “hermoso” es pleonazgo, sobra. Todos los animales son hermosos. Este es un cuervo, un pájaro negro de alma blanca que tiene el don de la palabra, y ahora me está diciendo: “Por allí”* [8. P. 10] – ‘Среди по-зимнему голых ветвей деревьев я вижу прекрасную черную птицу. Ах, нет, сказать «прекрасную» будет плеоназмом. Все животные прекрасны. Это ворон, черный ворон с белой душой, имеющий дар речи, который сейчас говорит мне: «Сюда»’ (здесь и далее перевод наш. – О.Ч.). В конце же повествования кладбищенские вороны взлетают ввысь, а автор-повествователь преклоняет колени и плачет вместе со всеми колумбийцами у могилы Р. Куэрво: *Pero no, no era yo el que ascendía, eran los cuervos los que se iban. Yo seguía arrodillado abajo ante la tumba, cargando con Colombia y llorando por él* [8. P. 379] – ‘Но не я возносился, а вороны улетали. Я же оставался коленопреклоненным перед могилой, вместе со всей Колумбией, и оплакивал его [Куэрво]’. Закольцованная топосом кладбища Пер-Лашез композиция вбирает текст с подробной реконструкцией жизни, отношений с современниками и подвижнического творчества Руфино Куэрво. В произведении нет ни одного живого диалога персонажей. Однако многочисленные документы, такие как счета-фактуры, выписки из актов гражданского состояния, выдержки из завещаний, свидетельства о причастии, крещении, фрагменты статей, дневников, названия и перечни книг, черновики писем, переписка Куэрво на различных языках с коллегами и друзьями, письма других персонажей повествования создают особую письменную форму диалогов. Напомним в этой связи точку зрения М.М. Бахтина об открытости и диалогичности письменного текста [15. С. 10].

В диалог со своим героем, с самим собой и с читателем вступает и сам автор. Автоповествование, о котором мы уже упоминали [4–6], включает-

ся в многочисленных отступлениях от биографии Руфино Куэрво и в рассуждениях об испанском языке, за счет чего текст и объективирует три функции языкового высказывания, по К. Бюлеру: информативную, экспрессивную и эвокативную – и создает риторическую триаду: этос (этические обстоятельства речи) – пафос (замысел речи) – логос (языковое воплощение замысла). Факты и размышления о межличностных отношениях Р. Куэрво с родственниками и коллегами перетекают в авторские комментарии речевого узуса и обобщения о сущности языка. Так, например, высказывая недоумение по поводу обращения на *usted* / *Вы* к товарищу юности Мигелю Каро, с которым Р. Куэрво в ранней молодости написал «Граматику латинского языка для испаноговорящих» (*Gramática de la lengua latina para el uso de los que hablan castellano*, 1867), автор-повествователь объясняет, что все жители Боготы обращаются друг к другу на *Вы* (*usted*): *Es que los bogotanos solo hablan de usted: al papá, a la mamá, a los hermanos, a los hijos* [8. P. 29] – ‘Дело в том, что все боготинцы обращаются на *Вы*: к папе, к маме, к братьям и сестрам, к детям’. Приводя далее примеры конкретного употребления обращений, автор завершает свои рассуждения метафорическим обобщением о варьировании олицетворяемого языка и возвращается к особенностям колумбийского узуса: *Los idiomas son caprichosos, varían según la altura de las montañas y con el transcurrir de los años. Y “trasteo” es colombianismo y significa mudanza* [8. P. 29–30] – ‘Языки капризны, они изменяются в зависимости от высоты гор и с течением времени. А “trasteo” – это колумбианизм и означает «переезд»’. При кажущейся метафоричности вывода он имеет глубокую реалистическую основу, поскольку один из принципов выделения диалектных зон Колумбии – высокогорье и побережье [16. С. 39], так же как и вокабула *trasteo* имеет достоверное значение ‘переезд’, зафиксированное лексикографически [17. P. 2091]. Факты биографии Р. Куэрво всегда получают авторскую оценку. Так, осмысливая решение братьев Куэрво навсегда уехать из Колумбии, повествователь делает вывод: *Patria es donde uno vive, no de donde se tiene que ir* [8. P. 35] – ‘Родина там, где человек живет, а не откуда он должен уехать’. Отъезд во Францию братьев Куэрво с книгами автор комментирует как отъезд с самым дорогим, что у них было: *Se fueron para siempre de Colombia los hermanos Cuervo y con sus libros, lo más precioso que tenían* [8. P. 105] – ‘Из Колумбии братья Куэрво уехали навсегда и с книгами – самым дорогим, что у них было’. Придерживаясь определения, что идиостиль – это «индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам автопрезентации средствами идиолекта» [18. С. 37], можно заключить, что переплетение фактологических данных жизни и научного творчества Руфино Куэрво с оценкой их автором и рассуждениями об испанском языке составляет одну из доминантных композиционно-структурных и эстетических черт художественного пространства биографии ученого, созданную Ф. Вальехо.

Эстетика названия романа-биографии

В странах испанского языка обычно принята следующая ономастическая идентификация: имя (имена), первая отцовская фамилия, первая материнская фамилия [2. С. 9–10]. Герой произведения имеет полную ономастическую идентификацию *Rufino José Cuervo Urisarri* (Руфи́но Хосе Куэрво Уриса́рри), где *Rufino José* – два имени, *Куэрво* – первая отцовская фамилия (полная ономастическая идентификация отца: Руфи́но Куэрво-и-Баррето; *Rufino Cuervo* у *Barreto*), а *Уриса́рри* – первая материнская фамилия (полная ономастическая идентификация матери: Ма́рия Франси́ска Уриса́рри Тордеси́лья; *María Francisca Urisarri Tordecillas*). Официальная многокомпонентная ономастическая идентификация в неформальном общении в странах испанского языка практически не используется. В колумбийской лингвокультуре протагонист известен как *Руфи́но Куэрво*. Его первую фамилию, вместе с первой фамилией колумбийского филолога и государственного деятеля Мигеля Антонио Каро (*Miguel Antonio Caro Tobar*, 1845–1909), носит основанный в Боготе в 1942 г. Институт для развития исследований в области филологии – *Instituto Caro* у *Cuervo* ‘Институт Каро и Куэрво’.

В одном из фрагментов текста автор отмечает, что упрямство характера его героя идет от басков, о чем говорит баскская по происхождению первая фамилия его матери: *La terquedad le viene de lo vasco, de lo Urisarri* [8. Р. 355] – ‘Упрямство досталось ему от басков, от Урисарри’. Известный басколог Луис Мичелена посвящает отдельный раздел баскским фамилиям с формантом *uri-* ‘город’ [19. Р. 159]. Отцовская же фамилия *Cuervo* имеет этимологию «ворон» и широко распространена в странах испанской речи. В названии произведения *El cuervo blanco* существительное *cuervo* написано со строчной буквы и с определенным артиклем, т.е. выступает как имя нарицательное и, имея явную аллюзию фамилии героя, реализует эстетическую функцию. Если в русской лингвокультуре существует выражение «белая ворона» как обозначение человека, резко отличающегося от других, не похожего на других [20. Т. 1. С. 78], то в испанском языке у существительного *cuervo* ‘ворон’ нет подобной метафоризации. Однако в природе реально существует достаточно редкий ворон белого цвета, в русской орнитологической номенклатуре «*негий ворон*», латинское название которого *Corvus albus* [21]. В обыденном сознании колумбийцев ворон черного цвета, и словосочетание *cuervo blanco* ‘белый ворон’ прочитывается как оксюморон. Именно вóрона видит в начале повествования автор на кладбище Пер-Лашез, и именно ворон указывает ему, как найти могилу Руфи́но Куэрво: *Era un cuervo impaciente que me estaba guiando: “À gauche, à gauche!”* [8. Р. 10] – ‘Это был нетерпеливый ворон, который указывал мне путь: «Налево, налево!»’. Найдя могилу Р. Куэрво, автор вспоминает знаменитую поэму Эдгара Аллана По «*Ворон*» (англ. “*The Raven*”) и её повторяющиеся рефреном слова: исп. *Nunca más* (англ. *Nevermore*), что создает аллюзивный фон названия романа-биографии, которое, как и названия

произведений в целом, в рамках современной филологической парадигмы можно расценивать и анализировать как прецедентные высказывания [22]. Р. Куэрво был знаком практически со всеми известными лингвистами своего времени, и один из них, немецкий филолог Август Фридрих Потт (1802–1887) назвал его *cuervo blanco*, имея в виду уникальность его личности аскета, деликатность и беззаветную преданность филологии [8. Р. 28; 23]. Аллюзия на поэму Эдгара Аллана По может быть расценена как утверждаемая писателем неповторимость личности Р. Куэрво, подобного которому не было, как говорится в поэме Эдгара Аллана По, «никогда» и перед которым Фернандо Вальехо преклоняется, выступая в романе одновременно и как реальное лицо, и как рассказчик-повествователь.

Диалогичность биографии

Современные исследования диалога, получив импульс от исследований М.М. Бахтина, расширили свои горизонты до охвата новых жанров и модальностей диалога, его мультилингвальности, риторики, нарративных стратегий [24]. Через моделирование необычного текстового рисунка и языковой портрет центрального персонажа писатель показывает, как искреннее призвание Руфино Куэрво отвечало глубинным потребностям его души и в чем состоял его лексикографический подвиг, невероятный для одного человека.

Приводя многочисленные письма Р. Куэрво в объеме от целых текстов до отдельных фрагментов, автор-повествователь осмысливает их содержание, стиль и отчасти полемизирует со своим героем. Так, он отмечает, что Куэрво избегал в письмах упоминания личных имен: *si cuenta que ha ido a asistir a un amigo moribundo, no dice a cuál amigo* [8. Р. 38] – ‘Если он рассказывает, что ходил навестить умирающего друга, то не говорит, какого именно’. Вступая на материале корреспонденции Куэрво в диалог с читателем, за счет современных аллюзий автор-повествователь констатирует её уникальность: *El que no sepa del correo antiguo porque es de la era del e-mail, no se meta a perseguir fantasmas que de pronto agarra un oso* [8. Р. 137] ‘Кто не разбирается в корреспонденции прошлого, потому что родился в эпоху электронной почты, пусть не ищет призраков, а то поймает медведя’.

В письмах Р. Куэрво много этикетных аббревиатур, создающих исторический контекст письменной формы испанского речевого этикета XIX в., например *S.s.s.q.b.s.m.*: *Su seguro servidor que besa su mano* ‘Ваш покорный слуга, целующий Вашу руку’. Помимо констатации учтивости Куэрво, подобные этикетные формулы Ф. Вальехо расценивает как прообраз аббревиации в современном виртуальном общении [8. Р. 209], тем самым расширяя хронотоп романа-биографии. Повествование не лишено критических соображений относительно героя; ср. бахтинское: «<...> где он [автор] скептивен по отношению к жизни героя, там он может стать чистым художником» [13. С. 186]. К примеру, разделяя горе Р. Куэрво от утраты брата, автор говорит о его полном непонимании поэзии близко знакомого с

братьями знаменитого юного поэта Хосе Асунсьона Сильвы, покончившего жизнь самоубийством: *Los versos obscenos no lo son, son tontos...* [8. P. 91]. – ‘Непристойные стихи [Сильвы] таковыми не являются, они просто глупые’, добавляя, что в настоящее время одним из самых распространенных колумбийских ругательств стало слово *gonorrea* ‘триппер’, не только потерявшее в колумбийском узусе свое прямое значение (сравним нормативную кодификацию в современном словаре речи жителей Боготы [25. P. 147]), а сама болезнь элементарно лечится [8. P. 91], что показывает шокирующий тон некоторых авторских рассуждений, апеллирующий к телесному «низу» для возвышения портрактируемого персонажа. Подобные обобщения и оценки стиля писем присутствуют в отношении корреспондентов Р. Куэрво. Например, говоря о письмах любимого друга юности братьев, колумбийского филолога Рафаэля Помбо (1833–1912), автор комментирует, что его ненормативное употребление фамилии во множественном числе не нравилось Р. Куэрво: *De las cartas de Pombo la primera dirigida a Rufino José y ya nunca más a los “Cuervos” (con el apellido en plural, cosa que no le gustaba a don Rufino)...* [8. P. 92] – ‘Из писем Помбо первое адресовано Руфино Хосе и уже никогда больше «Куэрвос», с фамилией во множественном числе, что не нравилось дону Руфино’. Сравним с авторской речью и нормативным употреблением фамилии во множественном числе: *Pombo conocía a los Cuervo de toda la vida* [8. P. 92] – ‘Помбо знал [братьев] Куэрво всю жизнь’. В оценке корреспонденции Р. Куэрво автор-повествователь создает неологизмы, например аллитерирующий с названием болезни *osteítis* ‘остеит’, ‘остоз’ авторский неологизм *usteítis*, обозначающий избыточное употребление местоимения вежливости *usted / Вы*, свойственное как учтивому и деликатному Р. Куэрво, так и его другу, колумбийскому писателю и дипломату Х.М. Торресу Кайседо (1830–1889), для писем которого автор создает характеристику-неологизм *amiguitis* [8. P. 210] – постоянное употребление лексемы *amigo* ‘друг’.

Автор-повествователь вступает в диалог со своим героем, которого он обычно уважительно называет *Don Rufino / Дон Руфино* или по фамилии: *Cuervo*, когда речь идет о беспристрастном изложении событий: *<...> van veintinueve años más unos días: es lo que vivió Cuervo sin regresar a Colombia* [8. P. 20] – ‘двадцать девять лет и несколько дней: вот сколько прожил Куэрво за пределами Колумбии’. В отдельных фрагментах текста, концентрирующих его пафос, герой упоминается в полной ономастической идентификации *Rufino José Cuervo Urisarri*. Сравним полную ономастическую идентификацию в рассуждении как о чуде факт прибытия из Парижа завещанных Колумбии книг Куэрво в Боготу и восприятие Р. Куэрво автором-атеистом как святого: *Ah, con don Rufino ¡Creía no solo en Dios dividido en tres, sino también en buena voluntad de prójimo y que le iban a hacer caso! Pues se lo hicieron. Colombia que tumba casas, parques, árboles, que atropella y mata sin respetar a los vivos le hizo caso a un muerto. He aquí el primer milagro de san Rufino José Cuervo Urisarri* [8. P. 23] – ‘Ах, дон Руфино! Вы верили не только в триединого Бога, но и в добрую волю ближнего и в то,

что на Вас обратят внимание. Так и произошло! Колумбия, которая сносит дома, парки, деревья, нападает и убивает, не уважая живых, проявила уважение к мертвому. Вот оно, первое чудо святого Руфино Хосе Куэрво Урисарри'. Диалог с героем может стилизоваться под письменное этикетное общение за счет стереотипных конструкций форм обращения и одновременно нарушать этикет за счет перехода к обращению на «ты» и на снижено-разговорную тональность общения, в том числе в отношении религиозной сферы, что приближает героя и автора к читателю: *Mi querido don Rufino: aquí el único que canonizo soy yo, y el que decide si necesitaste o no de rezos para irte derechito a la Gloria de Dios donde hoy te encuentras, intercediendo por los que solicitamos tu intervención en nuestro favor ante el Susodicho* [5. P. 39] – ‘Дорогой мой дон Руфино! Единственный, кто здесь канонизирует, это я. И я же решаю, нужны ли были тебе молитвы, чтобы прямехонько отправиться во Славу Божию, где ты сегодня и находишься, выступая за тех, кто просит тебя о посредничестве перед Вышеозначенным’.

Проявляя эмпатию скорби героя, похоронившего брата, автор скептически расценивает передачу племянникам имущества скончавшегося Анхеля и укоряет своего героя в непрактичности и даже глупости, используя снижено-разговорный глагол *apendejarse* [17. P. 129] ‘вести себя по-дурацки’: *Llore, si quiere, por Angel, don Rufino, pero no se empendeje* [8. P. 186] – ‘Плачьте, если хотите, по Анхелю, дон Руфино, но не становитесь идиотом’, и снижено-разговорное однокоренное существительное *pendejez* ‘идиотизм’, ‘глупость’: *Pero usted, por nobleza o pendejez (que se dan la mano) les dio a sus sobrinos, a los hijos de Luis María, la parte que por ley les tocaba del tío intestado pero no por justicia* [8. P. 187] – ‘Но Вы, из-за порядочности или глупости, которые всегда идут рука об руку, дали своим племянникам, детям Луиса Марии, то, что им доставалось от не оставившего завещания дяди по закону, но не по справедливости’.

Диалог перерастает в полилог, когда автор начинает обращаться к адресатам и адресантам переписки Куэрво. Яркий пример – ответ на философский и одновременно очень личный вопрос, который звучит в письме Куэрво к его близкому другу, колумбийскому математику Льерасу: “*U. que tiene hijos a quienes tanto ha querido, vivirá en ellos siempre; pero quien es solo ¿en quién confiará para el cariño póstumo?*” *En mí, don Rufino, ¿en quién más?* [8. P. 173] – ‘Вы, у кого есть горячо любимые дети, будете вечно жить в них. А если человек один, кто будет любить его после смерти? Кто, как не я, дон Руфино?’. В полилоге голос автора может однозначно звучать снижено-грубо, как в обращении к перепутавшему название «Критических заметок о речи боготинцев» чилийскому политику и адвокату Амбросио Монту (1830–1899): *Y no eran “Apuntamientos” sino “Apuntaciones”, mapuche estúpido* [8. P. 211] – ‘И это были не «Замечания», а «Заметки», тупой мапуче!’, где *мапуче* – название коренного индейского населения Чили.

Текст изобилует глаголами в первом лице единственного числа и таким образом явно выраженной автокоммуникацией, диффузной в эстетике романа-биографии в плане отнесения к жанру дневника или диалога с чита-

телем, как, например, в контекстах ввода персонажей: *Al loco José María Torres Caicedo ya lo presenté* [8. P. 209] – ‘Сумасшедшего Хосе Мария Торреса Кайседо я уже представил’.

В плане автокоммуникации просматривается реальная позиция Ф. Вальехо как антинатуралиста и защитника животных: *¡Ah con don Rufino, dejándoles su plata a los pobres! Los pobres son unos hijueputas que lo único que hacen es pedir y reproducirse* [8. P. 39] – ‘Ах, дон Руфино! Оставить деньги бедным! Да бедняки – это сукины дети, которые единственное, что делают, это кланчат и рожают’; *Defensor como soy de los animales y del derecho del hombre a no nacer, también defiendo a los muertos de los atropellos de los vivos* [8. P. 185] – ‘Так же, как я выступаю в защиту животных и защищаю право человека не рождаться, я защищаю мертвых от посягательств живущих’.

Таким образом, диалогичность в диапазоне от автокоммуникации до полилога также составляет характерологическую черту романа-биографии.

Если руководствоваться высказыванием Умберто Эко: «...найти код – это и значит теоретически постулировать его» [26. С. 66], то комплексный филологический анализ данного текста позволяет, на наш взгляд, выделить в нём несколько ведущих семиотических кодов: языковая и историческая личность Руфино Куэрво, его профессиональное окружение, главный труд жизни Р. Куэрво – «Словарь сочетаемости и управления испанского языка». Важная роль в семиотике романа-биографии принадлежит интертекстуальности, подразумевающей «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста» [27. С. 48].

Языковая и историческая личность Руфино Куэрво

Языковые средства описания личности Р. Куэрво в изобилии включают прилагательные оценки, например *modesto y delicado* [8. P. 29] ‘скромный и деликатный’, *escrupuloso* ‘внимательный к деталям’, *intachable* ‘безукоризненный’ [8. P. 315], *escrupuloso hasta ser maniático* [8. P. 234] ‘дотошный до маниакальности’; абстрактные существительные: *una pureza absoluta* [8. P. 34] ‘абсолютная чистота’, *honradez personal* [8. P. 143] ‘порядочность’, *religiosidad y modestia* [8. P. 234] ‘религиозность и скромность’. Повествователь приводит многочисленные хвалебные характеристики Р. Куэрво со стороны его коллег, особенно после выхода в свет «Словаря сочетаемости»: *el maestro venerado de filología española* [8. P. 138] ‘обожаемый учитель испанистики’; *príncipe incomparable de la filología hispánica* [8. P. 138] ‘несравненный принц испанистики’; *ilustre colombiano* [8. P. 206] ‘выдающийся колумбиец’; *el ilustre filólogo bogotano* [8. P. 211] ‘выдающийся филолог из Боготы’, *máxima autoridad en materia de filología española* [8. P. 243] ‘высший авторитет в испанской филологии’. Подчеркивая холодность характера и необщительность французского романиста Мореля-Фасио, автор цитирует фрагмент его пламенной статьи-некролога о смерти Р. Куэрво: *Es muy honroso para la América del Sur, y en particular para*

Colombia, que uno de sus hijos sea el encargado de volver a enseñar a la antigua madre patria la historia de su lengua [8. P. 138] – ‘Для Южной Америки и особенно для Колумбии очень почетно, что один из ее сыновей облечен миссией вновь научить родину-мать истории своего языка’.

В тексте романа многократно подчеркивается необыкновенное чувство языка Р. Куэрво, а самого ученого автор называет «первым филологом, изучавшим испанский язык»: <...> *exceptuando a don Rufino, que es el primer filólogo de este idioma: el primero en el tiempo y el más grande* [8. P. 126] – ‘<...>за исключением дона Руфино, являющегося первым филологом в области испанского языка: первым по времени и смыс великим’; *Filólogos como don Rufino imbuidos del amor a este idioma* [8. P. 141] – ‘филологи, как дон Руфино, наполненные любовью к этому [испанскому] языку’; *Nadie en los mil años de este idioma – ni Nebrija, ni Salvá, ni Bello – ha tenido un sentido de gramática más fino que tú* [8. P. 216]. – ‘Никто за тысячелетнюю историю этого языка: ни Небриха, ни Сальва, ни Бельо – не имел такого тонкого чувства грамматики, как ты’. В приводимом в тексте романа фрагменте письма, сопровождающего отправку по почте первого издания «Словаря сочетаемости и управления испанского языка», читатель слышит мнение самого Р. Куэрво о своем предназначении: *...habiendo sido mi designio estudiar la vida de nuestra lengua desde sus orígenes* [8. P. 229] ‘...мое предназначение – изучение жизни нашего языка от самых его истоков’.

Много строк посвящено необыкновенной дружбе братьев Куэрво: *Su única preocupación era que su hermano, al que adoraba y cuidaba como madre, no tuviera preocupaciones y sí la paz monacal necesaria para sus trabajos* [8. P. 123] ‘Его [Анхеля] единственной заботой было, чтобы его брат, которого он обожал и о котором заботился, как мать, не имел бы никаких забот, а имел бы монашеский покой, необходимый для работы’.

Текстовый орнамент из конкретных биографических фактов, их оценки, нередко в форме диалога, перерастающий в рассуждения о языке на грани парадоксальности, регулярен и при создании образа Р. Куэрво. Так, говоря о смерти Анхеля Куэрво, автор-повествователь задается вопросом, вступая в диалог с самим собой и с читателем, почему в испанском языке нет слова, обозначающего человека, потерявшего брата, и делает гиперболически-парадоксальный вывод о бедности испанского языка, что передает страдания Руфино Куэрво от смерти горячо любимого брата: *Cuando un niño pierde a los padres, en español se dice que quedó “huérfano”. ¿Y cómo se dice cuando un hermano pierde a un hermano? No hay palabra. Este es un idioma paupérrimo* [8. P. 34] ‘Когда ребенок теряет родителей, по-испански его называют huérfano «сирота». А когда брат теряет брата? Нет для этого слова. Испанский язык чрезвычайно скуден’.

Все события жизни Куэрво, в том числе воображаемые действия, например молитвы, сопровождаются авторской оценкой, авторскими эмоциями или констатацией собственного жизненного опыта. Если автор постоянно подчеркивает набожность своего героя, он пропускает этот факт через личностный опыт: *Que Cuervo iba a misa diaria lo he oído desde niño* [8.

P. 119] – ‘То, что Куэрво ежедневно ходил на мессу, я слышал с детства’; *Cada vez que don Rufino le pedía algo a Dios, no le salía. Pero no aprendía. Era más terco y empecinado que mi abuelo materno Leónidas Rendón* [8. P. 138] – ‘Каждый раз, когда дон Руфино просил что-то у Господа, у него ничего не получалось. Но это его ничему не учило. Он был более упрямый и упертый, чем мой дедушка по материнской линии Леонидас Рендон’.

Общеизвестно, что Р. Куэрво получил не университетское, а лишь домашнее образование [28. С. 75]. Ф. Вальехо, констатируя этот факт, с горечью добавляет тщетность преподавательских усилий Р. Куэрво, контактно располагая конверсивы *aprender* ‘изучать’ – *enseñar* ‘преподавать’: *Lo que aprendió Cuervo lo aprendió solo. Y lo que enseñó se lo llevó el viento* [8. P. 60] – ‘Все, чему научился Куэрво, он научился сам. А то, чему научил он, унес ветер’. С той же горечью автор говорит о нежелании своих соотечественников постигать науку: *A cien años de su muerte siguen sin querer aprender. De nada sirvió su ejemplo* [8. P. 143] – ‘Спустя сто лет после его смерти [колумбийцы] не проявляют желания учиться. Ничему не научил их пример Куэрво’.

Все словесные характеристики героя сводятся, на наш взгляд, к лексеме *santo* ‘святой’ в её многочисленных реализациях в тексте романа: *Alemán aprendió. Lo que es la vida no, pues fue un santo y los santos prácticamente no viven* [8. P. 57] – ‘Немецкий Куэрво выучил. А вот что такое жизнь, нет, потому что он был святой, а святые не живут практически’; *Yo a Cuervo y a su Bello los quiero. Son santos* [8. P. 67]. – ‘Я люблю Куэрво и его Бельо. Они святые’. Святость дона Руфино автор противопоставляет прагматизму его отца-политика, внося сарказм за счет разговорной лексики *papá* ‘папа’ и ее противопоставления лексеме *santo* ‘святой’: *En cuanto al Diccionario biográfico de Cortés, confundían ahí a Rufino Cuervo Barreto, el vicepresidente, el papá, con Rufino José Cuervo Urisarri, el santo* [8. P. 155] – ‘Что касается «Биографического словаря Кортеса», то люди путали вице-президента, Руфино Куэрво Баррето, папу, с Руфино Хосе Куэрво Урисарри, святым’. Интересно, что юмористическая «деканонизация» персонажа, а точнее, его приближение к повседневной жизни читателя происходит констатацией с детства любви Р. Куэрво мяса [8. P. 206], что в структуре текста воспринимается как добрый юмор. Себя самого автор представляет как агиографа, называя Куэрво *mi santo* ‘мой святой’ или, отождествляя себя с колумбийцами или с читателями своего текста, *nuestro santo* ‘наш святой’.

Стиль работы Куэрво над текстом включал постоянные изменения и правки уже сданной в верстку работы. И, как и во всех фрагментах своего романа, автор сопровождает этот факт лично окрашенным комментарием, на этот раз саркастическим и в то же время сочувственным: *La manía de cambiar y corregir un libro mientras lo imprimían le quedó de por vida. Es más, de edición en edición siguió corrigiendo las Apuntaciones y modificándolas hasta el día en que, por fin mi señora Muerte le puso punto final a la pesadilla* [8. P. 47] – ‘Мания изменять и исправлять книгу, пока она была в печати, осталась у него на всю жизнь. Более того, от издания к изданию [Куэрво] продолжал проверять «Заметки» и вносить в них измене-

ния до тех пор, пока Госпожа Смерть не положила конец мучениям⁷. Писатель подчеркивает чистоту и аскезу братьев Куэрво, их юношескую предприимчивость при организации пивоварни в Боготе и одновременно наивность. Веру Куэрво в авторитет сенаторов он, например, обесценивает трудным для перевода сарказмом, строящимся на латиноамериканской омофонии существительных *senador* ‘сенатор’ – *cenador* ‘ужинающий, любитель поужинать’: *Don Rufino, no eran “senadores” con ese que no existen: eran cenadores con ce* [8. Р. 167]. – ‘Дон Руфино, это были не сенаторы, а любители хорошего ужина’. Эмпатия жизненным событиям Р. Куэрво, преклонение писателя перед его личностью также образуют одну из характерологических черт текста: *A mí me acompaña desde niño, tal y como me acompaña este idioma* [8. Р.378] – ‘Куэрво со мной с детства, так же как и мой родной язык’.

Профессиональное окружение Руфино Куэрво

Текст изобилует упоминаниями реальных лиц, с которыми был знаком, встречался, дружил и сотрудничал Р. Куэрво, что создает исторический код текста: это колумбийский лингвист Эсекьель Урикоэча (1834–1880), оказавший огромное влияние на Куэрво; выдающийся немецкий лингвист, специалист по компаративистике Гуго Шухардт (1842–1927), с которым Куэрво поддерживал переписку в течение 29 лет; родившийся в Москве филолог-романист Борис де Танненберг (1864–1914), преданный друг Куэрво до самых последних дней его жизни и автор некролога *Cuervo íntimo* «Мой Куэрво», в 1911 г. опубликованного как статья в журнале *Bulletin Hispanique*; французские испанисты Альфред Морель-Фасио (1850–1924), первым во Франции написавший о Р. Куэрво, и Раймонд Фульш-Дельбоск (1864–1929); итальянский полиглот и санскритолог Эмилио Теза (1831–1912); колумбийский математик и инженер Луис Мария Льерас (1842–1885); чилийский политик, историк и грамматист Мигель Луис Амунатеги (1828–1888); испанский писатель и филолог Хуан Эухенио Артсенбуч (1806–1880) и мн. др. Факт, что Р. Куэрво, владевший многими языками, отвечал своим многочисленным корреспондентам на родном испанском языке, автор расценивает как знак особо бережного отношения к языку.

Рассуждения Ф. Вальехо об испанском языке

Художественное пространство романа интертекстуально насыщено фактами из истории испанского языка, в частности языка сефардов, многочисленными примерами варьирования испанского языка в пространстве и времени, в том числе примерами стилистического варьирования, что лингвистически выделяет образ Р. Куэрво и расширяет хронотоп текста. Собственные рассуждения Ф. Вальехо о современном состоянии испанского языка, его тонкие наблюдения над особенностями языкового узуса различных стран, в первую очередь Колумбии, Мексики (Вальехо имеет мекси-

канское гражданство), Испании, олицетворение языка, в котором одним из наиболее частотных прилагательных оказывается *caprichoso* ‘капризный’, сравнение языка с рекой показывают постоянные колебания живого языка между хаосом и упорядоченностью и вполне могут стать учебными материалами в университетском преподавании испанского языка и профессионального перевода. Именно значимость этого романа для лингвистов-испанистов и культурологов справедливо подчеркивает в своей рецензии Амелия Ройо [10. Р. 264]. К примеру, Вальехо говорит о существовании *loístas* и *leístas* – важной черте грамматического варьирования испанского языка, о стилистическом расслоении лексики и территориальном варьировании: “*chamaco*”, *por ejemplo, es una palabra del español coloquial mexicano, del que se habla en México en vida diaria; “deliberadamente” en cambio es una palabra culta, literaria, usada en todo el ámbito de la lengua; y “casa” pertenece tanto al idioma hablado como al escrito* [8. Р. 218] – ‘Например, *chamaco* «ребенок» – разговорный мексиканизм, *deliberadamente* «умышленно» – это книжное слово, а слово *casa* «дом» принадлежит как устной, так и письменной речи’. Рассуждения о современном узусе строятся на конкретных примерах, за которыми обычно следует эмоционально-оценочный вывод; ср. междометие *¡bestias!* ‘черт возьми’ в следующем контексте: *Todos decimos: “firma ante mí”, sin el “por”. No somos los españoles que dicen “Voy a por el libro”. Debe ser “voy por el libro”, sin “a”, ¡bestias!* [8. Р. 14] – ‘Мы все говорим: «подписывает в моем присутствии», без предлога *por*. Мы не испанцы, которые говорят “*Voy a por el libro*”. Должно быть “*voy por el libro*”, без “*a*”, черт возьми!’. В заметках об узусе автор нередко вступает в полемику со своим героем. Рассматривая материал «Критических заметок», переписку Р. Куэрво с испанским писателем и филологом Хуаном Эухенио Артсенбучем (1806–1880) и обсуждение ими ошибок, грамматист Ф. Вальехо делает свой беспристрастный вывод об ошибках Р. Куэрво и Х.Э. Артсенбуча в отношении изменения нормы: *Hay errores que lo parecen pero que no lo son. Son la lengua* [8. Р. 49] – ‘Есть ошибки, которые кажутся таковыми, но в действительности ими не являются. Это язык’. Писатель много рассуждает о варьировании языка: *¡Cómo cambian con el tiempo los idiomas! Y también se fagocitan unos a otros* [8. Р. 156] – ‘Как изменяются языки со временем! И одни поглощают другие’; *La historia de un idioma es la de sus caprichos* [8. Р. 273] – ‘История языка – это история его капризов’. Реальная позиция Вальехо как защитника чистоты испанского языка просматривается в критике притока в испанский язык англицизм: *Hoy el español no es más que un adefesio anglicado* [8. Р. 274] – ‘Сегодня испанский язык – это не более, чем англизированная несурзность’.

«Словарь сочетаемости и управления испанского языка». Ф. Вальехо детально реконструирует историографический контекст кульминации филологической деятельности Р. Куэрво, которой стал «Словарь сочетаемости и управления испанского языка» (*Diccionario de construcción y régimen de la lengua castellana*). Работе Р. Куэрво над словарем, которая продлилась два-

дцать один год, предшествовала *Грамматика латинского языка для испаноговорящих*, написанная вместе с Мигелем Каро, когда, как подчеркивает писатель, Р. Куэрво было всего двадцать два года, а М. Каро – двадцать три [8. Р. 46].

Из истории испанской лексикографии известно, что на момент замысла Р. Куэрво создания «Словаря сочетаемости» Испанская королевская академия выпускала новые издания Академического словаря, которые вызывали критическую оценку в отношении помет, использования латинских названий и собственно дефиниций, поскольку за пределами лексикографического описания полностью оставалась сочетаемость слов. По существу, «Словарь сочетаемости» Р. Куэрво стал прорывом в лексикографии как опыт исторического словаря и одновременно словаря сочетаемости [28. С. 76–78]. Ф. Вальехо осмысливает научный подвиг Куэрво, подчеркивая колоссальный труд ученого: *El Diccionario de Cuervo era único: las monografías de las palabras que presentaban alguna peculiaridad sintáctica, como son todas las preposiciones y los verbos y adjetivos que las rigen. Con él intentaba una obra de malabarismo científico: volver al diccionario gramática y a la gramática diccionario. Y lo logró. Los enterró a ambos. Y es que al idioma no lo apresó nadie, es un río que se va* [5. Р. 115–116] – ‘Словарь Куэрво уникален, это монографические описания слов, имеющих синтаксические особенности, каковыми являются все предлоги, а также глаголы и прилагательные, которые ими управляют. Своим словарем Куэрво начинал работу научного фокусника: вернуть словарю грамматику, а грамматике – словарь. И у него это получилось. Он похоронил их обоих. Но язык никто не может обуздать: язык – это река, которая утекает’. Известно, что словарь был закончен Куэрво на букве *D*, что было связано со смертью горячо любимого брата: *Por Ángel había conocido Rufino José la dicha. Por Ángel acababa de conocer la desdicha. Nunca se recuperó de la muerte de su hermano. Por eso dejó el Diccionario de construcción y régimen de la lengua castellana, su obra máxima, empezado: en letra D.* [8. Р. 45] – ‘Благодаря Анхелю Руфино Хосе узнал счастье. И из-за Анхеля узнал и несчастье. Он никогда не восстановился после смерти брата. Поэтому он и прервал главный труд своей жизни на букве *D*’. Как это свойственно стилистике повествования, горечь от незаконченности словаря рождает неологизм *Devocionario* [8. Р. 266], аллитерирующий с лексемой *Diccionario* ‘словарь’, но имеющий внутреннюю форму *devoción* ‘призвание’, ‘преданность’. Заключительная часть повествования посвящена «Словарю», и автор подробно анализирует цели Р. Куэрво, его сомнения, осмысливает значение словаря для эпохи Куэрво и для потомков: *¿No sería el Diccionario de construcción y régimen de la lengua castellana una gramática presentada como un diccionario? Sí, eso era, la obra de un gramático presentada como de un lexicógrafo, y además la de un filólogo historiador de la lengua* [8. Р. 229] – ‘Не был ли «Словарь сочетаемости и управления испанского языка» грамматикой в форме словаря? Да, именно так: это был труд грамматиста, представленный как труд лексикографа, а также историка языка’. При этом Ф. Вальехо беспристрастен в

констатации таких сложностей восприятия словаря, как огромное количество примечаний и ссылок: *...eran un capricho del filólogo por fuera del lugar en un diccionario* [8. P. 263] – ‘...каприз филолога, неуместный для словаря’. Словарь, по сути, стал «словарем-грамматикой»: *diccionario-gramática* [8. P. 277], компендием сведений по морфологии, синтаксису, этимологии, фонетике, орфографии испанского языка и, по мнению Вальехо, должен был бы называться «Историческим словарем испанского синтаксиса» (*Diccionario histórico de sintaxis castellana*) [8. P. 221]. Широту охвата Р. Куэрво языкового материала автор-повествователь сравнивает с Божественным Промыслом, создавая по аналогии с относящимся к Богу прилагательным *omnipresente* ‘вездесущий’, неологизм *omnisaciable* ‘насыщающийся всем’: *Cuervo era como Dios, omnisaciable* [8. P. 282] – ‘Куэрво был, как Бог, «всенасытный»’. То, что работа над словарем по силам не каждому, Ф. Вальехо облекает в свойственную ему форму парадоксальных аргументов, в которых переплетаются политика, искренние человеческие и профессиональные порывы и мотив противопоставления религии-профанности: *El que quiera vivir bien y en paz con Dios y su mujer, póngase a tamar del gobierno y no se meta a hacer diccionarios. Salvo, claro, lo que busque sea la santidad* [8. P. 180] – ‘Тот, кто хочет жить хорошо и в мире с Господом и со своей женой, давайте, сосите грудь правительства и не суйтесь составлять словари. За исключением случаев, если то, что вы ищете, это святость’. Труд Р. Куэрво был продолжен Институтом Каро и Куэрво спустя сто лет после его начала автором, через девять лет после основания Института, в 1951 г., а завершен спустя сорок лет. То, что Колумбия дала миру такого филолога, как Руфино Куэрво, атеист Ф. Вальехо вновь облекает в парадоксальную форму: *Pues porque Dios existe. Esta es mi prueba gramático-lexicográfica de la existencia de Dios y de la grandeza de Colombia* [8. P. 299] – ‘Потому что Бог существует. Это мое грамматико-лексикографическое подтверждение существования Бога и величия Колумбии’.

Колумбия как семиотический код текста

В тексте присутствует много характеристик Колумбии, раскрывающих двойственное отношение любви-ненависти Ф. Вальехо к родине: *Colombia es una desgracia, una cruz. Yo cargo con ella como cargó con la suya el Nazareno* [8. P. 15] – ‘Колумбия – это несчастье, это крест. Я несу его, как нес Свой крест Назарянин’. Приведем отдельные из многочисленных примеров перифраз Колумбии и ее референциальных синонимов в тексте романа: *Republiquita tropical* [8. P. 41] – ‘тропическая республишка’; *madre ingrata, mala patria* [8. P. 46] – ‘неблагодарная мать, злая родина’; *Esa era Colombia, esa es Colombia, los países no cambian* [8. P. 61] – ‘Такой была Колумбия, такая она есть, страны не меняются’; *tierrita* [8. P. 67] – ‘землишка’; *la gallina ponedora* [8. P. 71] – ‘курица, несущая яйца’; *ese país desmemoriado* [8. P. 93] – ‘страна без памяти’; *un paisito salvaje perdido en el*

mapamundi [8. P. 157] – ‘дикая страна, затерявшаяся на карте мира’; *impredecible país de destino incierto y nombre cambiante* [8. P. 175] – ‘непредсказуемая страна с неясной судьбой и изменяющимся названием’, *país de la felicidad, la cocaína y los doctores* [8. P. 363] – ‘страна счастья, кокаина и формы обращения «доктор»’. Столица страны Богота в речи автора иронично, как это принято в колумбийской лингвокультуре [16. P. 40], называется *La Atenas suramericana* – ‘Афины Южной Америки’, однако автор дает историографическое пояснение, что впервые так назвал Боготу посол в Колумбии аргентинец Мигель Канэ [8. P. 110]. Один из выводов автора-рассказчика, соединяющих код личности Р. Куэрво и код Колумбии, – Р. Куэрво родился «не в той стране»: *Usted nació en un país equivocado. Ha debido nacer en Francia, o “ya de perdida”, como dicen en México, en Madrid, en la villa y corte. Con usted Dios metió las patas* [8. P. 231] – ‘Вы родились не в той стране. Вам бы родиться во Франции или, «в крайнем случае», как говорят мексиканцы, в Испании, в прекрасном городе и при королевском дворе. С Вами Господь опростоволосился’.

Интертекстуальность романа-биографии

Эстетически преломленные сведения о Колумбии создают одну из черт интертекстуальности романа. В целом же сам роман становится мозаичным интертекстом мифологических, библейских аллюзий, исторических сведений о реальных языковедах от индийского грамматиста Панини до коллектива Института Каро и Куэрво в Боготе. Эстетическое преломление «мозаики цитат», по Ю. Кристевой, порождает авторские неологизмы, строящиеся на претексте, которым оказываются филологическая традиция, испанский язык в пространстве и времени и работы Руфино Куэрво. В качестве отдельных семиотических кодов романа, регулярно вступающих в интертекстуальные связи с образом главного героя книги, укажем код смерти в его многочисленных аллюзиях и контекстах, например: *Doña Muerte es femenino y don Thánatos masculino, y son dos distintos pero uno solo: la Santísima Dualidad de la Muerte, a la que invoco y rezo y pido y ruego con devoción* [8. P. 180]. – ‘Донья Смерть женского рода, а Дон Танатос мужского, они разные, но по сути одно и то же: Священная Амбивалентность Смерти, которую я зову и которой истово молюсь’; двойной код «религия – атеизм», также находящий многочисленные словесные воплощения и интертекстуальные аллюзии: *Tan alto está el Altísimo que no está* [8. P. 45] – ‘Бог так высоко, что его нет’. Семиотические коды, как это свойственно органическим частям целого, взаимодействуют и дополняют друг друга: *Además de hagiógrafo, soy tanatólogo* [8. P. 45] – ‘Помимо автора жизнеописания святых, я еще и танатолог’. Семиотически и интертекстуально значимый пример взаимодействия кодов представляет противопоставление писателем сорока лет работы над «Словарём» целого коллектива авторов, имевших в руках современные научные средства, работе Руфино Куэрво над этим проектом в одиночку: *Lo acabó en 1994, ciento veintidós años después de que*

lo comenzara Cuervo de joven bajo los auspicios de los apóstoles san Pedro y san Pablo. Se tardan un poco más estos lexicógrafos pachorrudos y me llama Dios a cuentas y me voy de este valle de lágrimas sin ver mi Devocionario acabado [8. P. 266] – ‘Институт Каро и Куэрво закончил Словарь в 1994 г., спустя сто двадцать два года после его начала юным Куэрво под покровительством Святых Апостолов Петра и Павла. Несколько не торопятся эти ленивые лексикографы, а меня Бог призывает подвести баланс, и я уйду из этой долины плача, так и не увидев мой «Девосионарио» законченным’. Это лишь один из многочисленных примеров, показывающих интертекстуальную насыщенность романа: в нем аллюзия набожности Руфино Куэрво, упоминание реального факта начала работы молодого Куэрво над «Словарем», библейская аллюзия долины плача (Пс. 83:7–8), разговорный колумбианизм *pachorrudo* ‘лентяй’ [17. P. 1552], авторский неологизм-гибрид *Devocionario «Девосионарио»*, от *devoción* ‘призвание’ + *diccionario* ‘словарь’.

Заключение

Специфика идиостиля Ф. Вальехо проявляется в высокой интертекстуальной и аллюзивной насыщенности романа *El cuervo blanco*, что делает его философским произведением, развивающим темы призвания, самопожертвования, смысла человеческого бытия, с явственно выраженной этической и оценочной позицией писателя. Очевидно, что художественное пространство биографии Руфино Хосе Куэрво Урисарри в романе *El cuervo blanco* имеет хронотоп, значительно превосходящий реальные даты жизни выдающегося колумбийского филолога, охватывая период от зарождения испанского языка до наших дней. Главные пространственные координаты текста – Колумбия и Франция. Для эстетики произведения характерны постоянные переключения нарративного регистра с объективно-биографического на художественно-возвышенный или снижено-разговорный, в том числе с использованием национально-специфичной колумбийской лексики. Автор строит необычные аргументативные стратегии за счет широкого спектра аллюзий, создает неологизмы. Историческая и языковая личность Руфино Куэрво, реальные персоналии филологии и романистики его времени, деятели колумбийской истории в их эстетическом отображении, образ автора-рассказчика в художественном пространстве повествования вступают в особые формы письменного диалога в диапазоне от автокоммуникации до полилога.

Биография Руфино Куэрво, которого автор признает «святым», сопровождается явственно выраженным отношением автора к событиям его жизни и деятельности, постоянными размышлениями о сущности языка в целом и испанского языка в частности превращая текст *El cuervo blanco* в философский роман-биографию и стимулируя читателя приобщиться к профессиональному наследию Руфино Хосе Куэрво Урисарри, познанию Колумбии в мире испанского языка, сущности языка и возможностей его лексикографического отображения. Примечательно, что в 2011 г., к столе-

тию кончины Руфино Куэрво, Испанская королевская академия открыла конференц-зал «Руфино Хосе Куэрво» в память о «первопроходце современной лингвистики» (“pionero de la lingüística moderna”) [29]. Следуя высокому интертекстуальному потенциалу романа-биографии, мы позволили себе использовать в названии статьи название повести Станислава Рыбаса «Зеркало для героя» (1984), поскольку философская и эстетическая составляющая биографии выдающегося колумбийского филолога Руфино Хосе Куэрво Урисарри отражена в *зеркале* уникальной творческой личности Фернандо Вальехо Рендона.

Литература

1. *Fernando Vallejo*. Hablar en nombre propio/Luz Mary Giraldo y Néstor Salamanca-León, Editores. Bogotá: Universidad Javeriana y Universidad Nacional. 2013. 490 p.
2. *Чеснокова О.С., Радович М., Талавера П.Л.* Ибарра. Словарь персоналий Тихоокеанского Альянса = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico / под ред. О.С. Чесноковой. М. : РУДН, 2020. 349 с. : ил.
3. *Вальехо Ф.* Богоматерь убийц. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000073014-bogomater-ubijts-fernando-valeho> (дата обращения: 1.11.2020).
4. *Diaconu D.* Fernando Vallejo y la autoficción: Coordinadas de un nuevo género narrativo. Bogotá : Universidad Nacional de Colombia, 2013. 392 p.
5. *Padilla Iván.* Reseña // Lit. Teor. Hist. Crít. 2014. Vol. 16, № 2. P. 190–197.
6. *Balderston D.* La primera persona en La puta de Babilonia de Fernando Vallejo // Cuadernos de literatura. 2010. Vol. 14, № 17. P. 256–263.
7. *Video del Conversatorio "FERNANDO VALLEJO, el último gramático"*. URL: https://www.academia.edu/28692916/Video_del_Conversatorio_FERNANDO_VALLEJO_el_%C3%BAltimo_gram%C3%A1tico (дата обращения: 08.03.2020).
8. *Fernando V.* El cuervo blanco. Alfaguara. Madrid, 2012. 379 p.
9. *Zeballos M.* El Cuervo Blanco – Fernando Vallejo. Indiehoj, 30/05/2020: URL: <https://indiehoj.com/libros/el-cuervo-blanco-fernando-vallejo/> (дата обращения: 01.11.2020).
10. *Royo A., Vallejo F.* El cuervo blanco. Bs.As. : Alfaguara, 2012. 379 p.
11. *Sánchez M.C.* Biografía y conversaciones filológicas en la novela “el cuervo blanco” // HYBRIS. Revista de Filosofía, Vol. 8, № Especial: El mestizaje imposible. Septiembre 2017. P. 295–311.
12. *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В.М. Кожевникова. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
13. *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 336 с.
14. *Иванова Е.В.* Жанр биографии в русской литературе: западноевропейские влияния // Studia Litterarum. 2016. Т. 1, № 3–4. С. 43–59.
15. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Наука, 1986. 354 с.
16. *Чеснокова О.С.* Колумбия в мире испанского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : РУДН, 2014. 118 с.
17. *Diccionario de americanismos*. Lima : Santillana, 2010. 2333 p.
18. *Леденёва В.В.* Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 36–41.
19. *Michelena Luis.* Apellidos Vascos. San-Sebastián, 1973. 252 p.
20. *Словарь русского языка*. М. : Русский язык, 1986. Т. 1. 698 с.
21. *Пегий ворон*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD (дата обращения: 08.03.2020).

22. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
23. Vallejo F. Yo en parte soy Cuervo. URL: <https://www.elespectador.com/noticias/temadeldia/yo-parte-soy-cuervo-fernando-vallejo-articulo-340342> (дата обращения: 08.03.2020).
24. Weigand E. Dialogue: The key to pragmatics // From Pragmatics to Dialogue / ed. by Edda Weigand, Istvan Kecskes, 5–28. Amsterdam/Philadelphia : Benjamins, 2018. <https://doi.org/10.1075/ds.31.02wei>
25. Ospina A. Bogotólogo II: usos, desusos y abusos del español hablado en Bogotá. Bogotá : Instituto Distrital de Patrimonio Cultural, 2016. 320 p.
26. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. М. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
27. Кристева Ю. Семиотика. М. : Изд-во МГУ, 1970. 218 с.
28. Садиков А.В. Испанский язык сквозь призму лексики: Проблемы испанской и испанско-русской лексикографии. М. : Либроком, 2014. 328 с.
29. La RAE inaugura la Sala Rufino José Cuervo en honor al filólogo colombiano. URL: <https://www.fundeu.es/noticia/la-rae-inaugura-la-sala-rufino-jose-cuervo-en-honor-al-filologo-colombiano-7018/> (дата обращения: 08.03.2020).

“A Mirror for the Hero”, or Rufino Cuervo’s Biography in Fernando Vallejo’s novel *El Cuervo Blanco*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 154–174. DOI: 10.17223/19986645/73/9

Olga S. Chesnokova, Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru

Keywords: Rufino Cuervo, Fernando Vallejo, Columbia, fictional biography, narrative, idiostyle, allusion, intertextuality.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00316.

This article explores the linguistic and semiotic features of the biographical description and reflections on the role of the famous Colombian philologist Rufino Jose Cuervo Urizarri (1844–1911) in the development of modern lexicography as presented in the novel *El Cuervo Blanco/The White Raven* (2012) by the prominent Colombian writer Fernando Vallejo. The research offers a multimodal philological analysis of the text; discusses the factual, aesthetic, and intertextual means of the biographical novel; establishes the features of the syncretic genre of Cuervo’s biography created by Vallejo. The specific Vallejo’s idiostyle is characterised by his personal attitude, his own life experience, and numerous commentaries on the Spanish language, its norm, usage, variation, functional diversity, with multiple examples from Spanish spoken in Colombia. The chronotope of the novel settles it not to the dates of Cuervo’s life but overpasses them and extends from the Spanish language mindset up to nowadays. The research has established that, for the aesthetics of the text on the whole, the constant switching of the narrative register from objective historiographic to the artistic or colloquial one, including ethnospecific Colombian vocabulary, is proper. The article also highlights the main semiotic codes of this biographical fiction: the linguistic and historical personality of Rufino Cuervo, his professional environment, Cuervo’s masterpiece, i.e. *Dictionary of Castilian Language Construction and Rection*, historical and cultural context of Colombia, Vallejo’s reflections on the Spanish language in time and space, intertextuality, the ambivalent code of contrasting religion and profanity, the code of death. Facets of dialogicity of the novel arise from Cuervo’s correspondence and other kinds of documents. Citing numerous letters from Cuervo’s correspondence, from whole texts to just some fragments, the author-narrator of the novel analyses their content, style, always adding his personal human and linguistic experience. The

author-narrator trends to unusual argumentative strategies due to a broad allusive and intertextual background, makes neologisms, which form an important compositional and aesthetic feature of the text. The dialogicity of the novel is being observed in the range from auto-communication to polylogue. Vallejo's idiosyncrasy, creative linguistic strategies and techniques allow the writer to form a unique ideological, artistic, and civic message of the fictional biography, and to highlight the outstanding personality of the Colombian philologist Rufino Cuervo, considered by the writer to be "saint". Vallejo admires Cuervo as a person and as the author of the *Dictionary of Castilian Language Construction and Rection*. In the novel, Vallejo acts as a real person and the author-narrator thus creating holistic intertextual and allusive parameters of both the biographical description and the artistic space of the text of *El Cuervo Blanco*, which can be considered as a philosophical biography novel.

References

1. Vallejo, F. (2013) *Hablar en nombre propio*. Bogotá: Universidad Javeriana y Universidad Nacional.
2. Chesnokova, O.S., Radovich, M. & Talavera, P.L. (2020) *Ibarra. Slovar' personaliy Tikhookeanskogo Al'yansa = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacifico* [Ibarra. Dictionary of Pacific Alliance Personalities]. Moscow: RUDN.
3. Vallejo, F. (2020) *Bogomater' ubiyts* [Our Lady of the Assassins]. Translated from Spanish. [Online] Available from: <https://www.livelib.ru/book/1000073014-bogomater-ubiys-fernando-valeho> (Accessed: 1.11.2020).
4. Diaconu, D. (2013) *Fernando Vallejo y la autoficción: Coordinadas de un nuevo género narrativo*. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.
5. Padilla Iván. (2014) Reseña. *Lit. Teor. Hist. Crít.* 16 (2). pp. 190–197.
6. Balderston, D. (2010) La primera persona en La puta de Babilonia de Fernando Vallejo. *Cuadernos de literatura.* 14 (17). pp. 256–263.
7. Cuadernos de Literatura. (2020) *Video del Conversatorio "FERNANDO VALLEJO, el último gramático"*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/28692916/Video_del_Conversatorio_FERNANDO_VALLEJO_el_%C3%BAltimo_gram%C3%A1tico (Accessed: 08.03.2020).
8. Vallejo, F. (2012) *El cuervo blanco*. Madrid: Alfaguara.
9. Zeballos, M. (2020) El Cuervo Blanco – Fernando Vallejo. *Indiehoj.* 30/05/2020. [Online] Available from: <https://indiehoj.com/libros/el-cuervo-blanco-fernando-vallejo1/> (Accessed: 01.11.2020).
10. Royo, A. & Vallejo, F. (2012) *El cuervo blanco*. Bs.As.: Alfaguara.
11. Sánchez, M.C. (2017) Biografía y conversaciones filológicas en la novela "El cuervo blanco". *HYBRIS. Revista de Filosofía.* 8. № Especial: El mestizaje imposible. Septiembre. pp. 295–311.
12. Kozhevnikov, V.M. (ed.) (1987) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
13. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: Towards the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg: Azbuka.
14. Ivanova, E.V. (2016) Biography Genre in Russian Literature: European and British Influences. *Studia Litterarum.* 1 (3–4). pp. 43–59. (In Russian). DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-43-59
15. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Nauka.
16. Chesnokova, O.S. (2014) *Kolumbiya v mire ispanского yazyka* [Colombia in the Spanish language world]. 2nd ed. Moscow: RUDN.
17. ASOCIACIÓN DE ACADEMIAS DE LA LENGUA ESPAÑOLA. (2010) *Diccionario de americanismos*. Lima: Santillana.

18. Ledeneva, V.V. (2001) Idiostil' (k utochneniyu ponyatiya) [Idiostyle (clarifying the concept)]. *Filologicheskie nauki*. 5. pp. 36–41.
19. Michelena, L. (1973) *Apellidos Vascos*. San-Sebastián: Txertoa.
20. Russkiy yazyk. (1986) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Wikipedia. (2020) *Pegiy voron* [Pied crow]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD (Accessed: 08.03.2020).
22. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: a course of lectures]. Moscow: Gnozis.
23. Padilla, N.F. (2020) *Yo en parte soy Cuervo: Fernando Vallejo*. [Online] Available from: <https://www.elespectador.com/actualidad/yo-en-parte-soy-cuervo-fernando-vallejo-article-340342/> (Accessed: 08.03.2020).
24. Weigand, E. (2018) Dialogue: The key to pragmatics. In: Weigand, E. & Kecskes, I. (eds) *From Pragmatics to Dialogue*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. <https://doi.org/10.1075/ds.31.02wei>
25. Ospina, A. (2016) *Bogotálogo II: usos, desusos y abusos del español hablado en Bogotá*. Bogotá: Instituto Distrital de Patrimonio Cultural.
26. Eco, U. (1998) *Otsustvuyushchaya struktura: Vvedenie v semiologiyu* [The Absent Structure: An Introduction to Semiology]. Translated from Spanish. Moscow: TOO TK "Petropolis".
27. Kristeva, J. (1970) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Moscow State University.
28. Sadikov, A.V. (2014) *Ispanskiy yazyk skvoz' prizmu leksiki: Problemy ispanskoy i ispansko-russkoy leksikografii* [The Spanish language through the prism of vocabulary: Problems of Spanish and Spanish-Russian lexicography]. Moscow: Librokom.
29. Fundes. es. (2012) *La RAE inaugura la Sala Rufino José Cuervo en honor al filólogo colombiano*. [Online] Available from: <https://www.fundeu.es/noticia/la-rae-inaugura-la-sala-rufino-jose-cuervo-en-honor-al-filologo-colombiano-7018/> (Accessed: 08.03.2020).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/73/10

К.Ю. Зубков

КАК МИНИСТР П.А. ВАЛУЕВ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОВАЛ А.Ф. ПИСЕМСКОМУ: ЦЕНЗУРА, ЖУРНАЛИСТИКА И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАН» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1860-х гг.¹

Рассматриваются попытки российской цензуры 1860-х гг. оказывать покровительство некоторым авторам и изданиям. В качестве материала анализируется история издания и переиздания романа «Взбаламученное море». Привлекаются как опубликованные источники, так и ранее неизвестные архивные материалы. Показано, что патронаж был реакцией на радикализацию русской периодики этого периода и что цензура вскоре убедилась в неэффективности таких отношений с писателями.

Ключевые слова: А.Ф. Писемский, П.А. Валуев, М.Н. Катков, цензура, «Русский вестник», толстый журнал, история романа, институты литературы, патронаж

В январе 1867 г. в Петербургском цензурном комитете рассматривалось несколько курьезное дело об известном писателе, заставлявшем цензоров рассмотреть свою не подлежащую цензуре книгу. Писателем этим был А.Ф. Писемский, а книгой – роман «Взбаламученное море», который переиздавался в составе 4-го тома Сочинений Писемского, издаваемых Ф.Т. Стелловским. Сам по себе этот эпизод не очень значителен и может быть объяснен исключительно мнительностью писателя, который едва ли чувствовал себя комфортно в месяцы, последовавшие после покушения Д.В. Каракозова на императора и закрытия «Современника» и «Русского слова». Однако если учесть своеобразную предысторию романа Писемского, то интересующий нас случай проливает свет не только на своеобразную цензурную историю этого произведения, но и на специфические взаимоотношения литераторов и цензоров в 1860-е гг., когда Писемский, недовольный господством «нигилизма» в журналистике, при поддержке министра внутренних дел пытался перестроить институциональную организацию литературы и ее отношения с государством.

Анализируя ранее не рассматривавшуюся исследователями цензурную историю романа Писемского, мы попытаемся на ее материале поставить более общую проблему, связанную с попытками цензуры Министерства внутренних дел оказывать покровительство тем литераторам, которых сотрудники этого ведомства воспринимали как своих потенциальных сто-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 19-012-00410).

ронников. В научной литературе такие явления рассматривались в связи с изменением в первое десятилетие царствования Александра II государственной политики, которая предполагала уже не только запреты «неблагонадежных» изданий и произведений, но и поддержку (в том числе финансовую) проправительственной прессы (см., например: [1]). Методологической основой для нашего исследования станут современные работы, посвященные социальным функциям цензуры (см., например: [2]). На материале истории издания и переиздания «Взбаламученного моря» попытаемся перенести акцент на другую сторону проблемы – нас будет интересовать, какие тенденции в развитии общественной жизни и литературы могли способствовать тому, чтобы писатели испытывали нужду в покровительстве цензоров, а министр П.А. Валуев стремился его оказывать. В частности, мы рассмотрим, почему Писемский-романист совпадал с Валуевым-публицистом в осмыслении некоторых значимых событий недавней истории.

Писемский и Валуев об эпохе реформ и нигилизме

Впервые «Взбаламученное море» было опубликовано в 1863 г. на страницах катковского «Русского вестника» и в том же году вышло отдельным изданием в университетской типографии, которую также контролировал Катков. Это произошло вскоре после двух важных событий: во-первых, после скандальной истории с участием самого Писемского и журналистов, а во-вторых, после передачи цензуры из ведомства Министерства народного просвещения в ведомство Министерства внутренних дел, которое возглавлял Валуев.

У автора «Взбаламученного моря» были веские причины плохо относиться к столичной журналистике. В 1861–1862 гг. на страницах редактируемого Писемским журнала «Библиотека для чтения» вышло несколько фельетонов, в которых в издевательском тоне изображалась российская общественная жизнь. Позиция Писемского – автора фельетонов и редактора журнала – не совпадала с позицией субъекта повествования в этих фельетонах (они написаны от лица явно условных персонажей – статского советника Салатушки и «старой фельетонной клячи» Никиты Безрылова). Тем не менее сама возможность публикации в серьезном журнале таких произведений привела к резким выступлениям против Писемского на страницах сатирического еженедельника «Искра». Грандиозный публичный скандал, разгоревшийся после этого, едва не привел к дуэли, а разочарованный в современной литературе Писемский, который был вряд ли в восторге, когда большинство литераторов, даже вовсе не любивших «Искру», не поддержали его, отказался от положения редактора и переехал из Петербурга – центра литературной и в особенности журнальной жизни – в Москву [3. С. 92–149; 4. С. 46–57; 5. С. 115–129]. Судя по всему, писатель действительно считал, что современные ему радикально настроенные петербургские журналисты не выражают общественные интересы, а цинично разрушают общественный консенсус, преследуя собственные цели. Так

Писемский резюмировал свой конфликт с «Искрой» в недатированном письме И.С. Тургеневу, видимо написанном в феврале 1862 г.: «Словом, у всех этих мерзавцев видимая стачка, подкуривать куда негодному, по моему, современному молодому и по преимуществу петербургскому поколению и ругать все остальное, а потом, опираясь на подписку, бесчинствовать как только возможно» [6. С. 171]. Таким образом, Писемский мог хорошо относиться к Каткову, но едва ли при этом считал, что сложившаяся система литературных журналов и газет работала хоть сколько-нибудь удовлетворительно.

В противовес радикально-демократической журналистике и испытывавшей ее влияние публике Писемский в своем романе решил обратиться к покровительству правительства и цензуры, тем более что ее новый руководитель Валуев имел к его произведению самое непосредственное отношение. Каким образом «Взбаламученное море» могло прочитываться с точки зрения цензора, до некоторой степени проясняет приведенный ниже отзыв Сватковского, написанный в 1867 г., – единственное дошедшее до нас суждение цензора об этом произведении. Среди достоинств романа цензор отметил разоблачение «нигилистов» и сочувственное изображение автором правительственных реформ. Что касается отношения Писемского к «нигилистам», оно действительно было в целом далеко не одобрительным. Исследователи неоднократно ставили вопрос, насколько «антинигилистическим» был роман Писемского [7], однако так или иначе действия «новых людей» у Писемского представлены как совершенно безуспешные: ни агитация среди купцов, ни радикальная критика института семьи, ни ввоз пропагандистских листовок из Лондона в романе не приводят ни к каким значимым результатам. С точки зрения Каткова, «Взбаламученное море», по всей видимости, выглядело своего рода продолжением опубликованных в «Русском вестнике» годом ранее «Отцов и детей», также направленных против «нигилизма» [8. С. 15]. Аналогичным образом к этому произведению могли относиться и цензоры, которых интересовали скорее не сложные чувства, вызываемые у читателя героем-нигилистом (некоторые из персонажей Писемского могут вызывать не только осуждение, но и сочувствие), а то, насколько роман мог поспособствовать дискредитации тех или иных политических идей. Именно так характеризовал «Отцов и детей» чиновник цензурного ведомства П.И. Капнист, на мнение которого во многом опирался Валуев:

Вопрос о нигилизме, может быть, помимо намерений самого автора, оказался в романе не в симпатичном колорите для способности всеотрицания, и это произвело, между прочим, то, что критики «Современника» и «Русского слова», всегда прежде сходившиеся в воззрениях, выказались в неловком положении и стали противуречить друг другу, что было замечено другими журналами. Спустя не более полугода после появления романа г. Тургенева можно уже заметить принесенную им для общества пользу. Анализ нигилизма привел общество и литературу к сознанию, что это качество есть явление ненормальное, болезненное, и, как против всякой болезни, стали искать средств и против нигилизма... Роман г. Тургенева принес пользу еще и тем, что лишил нигилизм того обаяния,

которое начинал он получать под пером людей с талантом, как, например, Добролюбов [9. Т. 1. С. 67–68].

Второе достоинство романа – поддержку автором реформ – с первого взгляда заметить в романе трудно. Действительно, во «Взбаламученном море» дореформенное общество изображается в очень мрачных тонах – однако и отмена крепостного права представлена как настоящая катастрофа:

На лугах несколько бедных дворян, с стриженными головами и выбритыми лицами, косили.

– Что это, господа, как у вас поля запущены? – сказал он им.

– Не слушаются нынче нас рабы наши, – отвечали ему некоторые из них какими-то дикими голосами.

Около дороги бедная дворянка, с загорелым, безобразным лицом, но в пла-тьишке, а не сарафане, кормила толстого, безобразного ребенка и, при проезде Бакланова, как дикарка какая, не сочла даже за нужное прикрыть грудь [10. Т. 4. С. 222].

По всей видимости, Валуева и его подчиненных больше привлекла не приведенная и ей подобные сцены, а прежде всего один «прореформенный» эпизод, который, как мы увидим, наверняка показался бы близким и самому министру. Речь идет о ключевой для романа главе с выразительным названием «Что-то веет другое!», где дается общая картина рубежа царствований Николая I и Александра II:

Зачем и из-за чего эта война началась — в народе и в обществе никто понять не мог. Впрочем, не особенно и беспокоились: турок мы так привыкли побеждать! Но Европа двинула на нас флоты английский, французский и турецкий!

Хомяков писал в стихах, что это на суд Божий собираются народы.

Несмотря на нечеловеческое самоотвержение войска, стало, однако, сказываться, что мы не совсем военное государство; но зато государство совсем уж без путей сообщения...

<...>

В сентябре 1855 года была напечатана лаконическая депеша из Севастополя: «наши верки страдают»!

Исход дела стал для всех понятен.

Все почувствовали общее, и нельзя сказать, чтобы несправедливое, к самим себе презрение.

«Русский вестник» уже выходил. Щедрин стал печатать свои очерки. По губерниям только пожевивались и пошевевивались и почти со слезами на глазах говорили: «Ей-богу, это ведь он нас учит, а мы и не умели никогда так плутовать!» [10. Т. 4. С. 169].

Этот фрагмент прямо указывает на то, что Писемский понимал события эпохи реформ определенным способом, который, вероятно, воспринимался как проправительственный даже в 1867 г. Дело в том, что Писемский, сочиняя этот отрывок, буквально вдохновлялся идеями Валуева, высказанными, впрочем, несколько раньше, чем тот стал министром. Вначале обратимся к цитируемой Писемским депеше. Эта депеша была послана генералом Д.М. Горчаковым 15 августа 1855 г. и относилась к разрушениям рус-

ских позиций от огня артиллерии противника. В действительности, однако, Горчаков выразился слегка по-другому: «верки наши страдают» [11]¹. Можно было бы подумать, что Писемский просто забыл текст Горчакова, если бы этот текст не приводился именно в такой же форме, как и в его романе, в одном очень известном источнике. Это «Дума русского (во второй половине 1855 года)» П.А. Валуева (тогда еще не министра, а губернатора), где выразились идеи либеральных бюрократов начала царствования Александра Второго, активно распространявшееся в списках неподцензурное произведение, в котором слова Горчакова приводятся именно в той же форме, что в романе [12. С. 349].

Сходство значимого фрагмента романа Писемского и «Думы русского», конечно, не исчерпывается порядком слов в цитате из одной депеши. Как и у Писемского, в ней, например, тоже было в ироническом тоне процитировано стихотворение А.С. Хомякова (у Писемского – «Суд Божий», 1854, у Валуева – «Остров», 1836):

Давно ли пророчествовали, что
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли во глас небес...

Что стало с нашими морями? Где громы земные и горняя благодать мысли и слова? Кого поражаем мы? Кто внимает нам? Наши корабли потоплены, сожжены или заперты в наших гаванях! Неприятельские флоты безнаказанно опустошают наши берега! Неприятельские армии безнаказанно попирают нашу землю, занимают наши города, укрепляют их против нас самих и отбивают нас, когда мы усиливаемся вновь овладеть отцовским достоянием! [12. С. 350].

Валуев, как и Писемский, иронично относился к официальным реляциям из Петербурга о состоянии и военной мощи России и, как и Писемский, прямо осуждал, например, состояние путей сообщения:

Оказалось, что в нашем флоте не было тех именно судов, в сухопутной армии того именно оружия, которое требовалось для уравнивания боя; что состояние и вооружение наших береговых крепостей были неудовлетворительны; что у нас недоставало железных и даже шоссейных дорог более, чем где-либо необходимых на тех неизмеримых пространствах, где нам надлежало передвигать наши силы. Европу колебали несколько лет сряду внутренние раздоры и мятежи; мы наслаждались ненарушимым спокойствием. Несмотря на то, где развивались в продолжение этого времени быстрее и последовательно внутренние и внешние силы? [12. С. 353].

Наконец, Валуев описывал печальный конец царствования Николая I как завершение исторической эпохи, плачевное, но необходимое для дальнейшего развития России событие:

Еще недавно Россия оплакивала непритворными слезами кончину того великого государя, который около трети столетия ее охранял, ею правил и ее лю-

---

¹ Благодарим А.А. Пономареву, указавшую нам на эту публикацию.

бил, как она его любила. Преклоняясь пред его могилу, Россия вспоминала великие свойства его и с умилением исповедовала величие кончины его. Эта кончина объяснила, пополнила, увенчала его жизнь. Сильный духом, сильный волею, сильный словом и делом, он умел сохранить эти силы на смертном одре и, обращая с него прощальный взгляд на свое царство, на своих подданных, на родной край и на великую русскую семью, явил себя им еще величественнее и возвышеннее, чем в полном блеске жизненных сил и самодержавной деятельности. Если в этот печальный час грозные тучи повисли над нами, если великие труды великого венценосца не даровали нам тех благ, которые были постоянно целью его деяний, то ему, конечно, предстояли на избранном им пути препятствия, которых далее и его сила, и его воля не могли одолеть [12. С. 353].

В схожем духе, по всей видимости, трактовал историю недавних лет и Писемский: в его глазах реформа далеко не во всем была благом, но была неизбежным последствием периода, за который «все» испытывали «к самим себе презрение». Важной частью событий эпохи реформ Писемский считал изменение общественных функций литературы. В свой нарратив о ключевых исторических событиях в Российской империи писатель включил и возникновение катковского «Русского вестника» – того издания, где был опубликован сам роман. Изменения в области журнальной жизни казались писателю важной составляющей реформ, как и смягчение цензуры, описанное в той же главе словами некоего цензора: «Я прежде в повестях, если один любовник являлся у героини, так заставлял автора непременно женить в конце повести, а теперь, помилуйте, перед героиней торчат трое обожателей, и к концу все разбегаются, как собачонки» [10. Т. 4. С. 169]. Новой литературе, таким образом, нужен был не мелочный контроль над отдельными деталями, а новая цензура, интересующаяся прежде всего авторской позицией в целом. Те же воззрения Писемский прямо высказывал в недатированном письме А.А. Краевскому, отправленном летом 1861 г., где писатель по поводу надвигающейся цензурной реформы предлагал разрешить излагать в печати «все философские системы», включая материализм, и «допустить Сатиру в самых широких размерах», поскольку «мысль может уничтожаться только мыслию, а не квартальными и цензорами» [13. С. 146]. Вероятно, именно такой цензуры Писемский и ожидал от Валуева.

В своем романе Писемский прямо опирался и ссылался на позицию министра внутренних дел и в то же время достаточно прозрачно намекал, что желал некоторых перемен в цензурном ведомстве. Вряд ли писателем двигала исключительно сервильность: дальнейшая история его многочисленных конфликтов с цензурой, особенно с драматической, свидетельствует о том, что он был в целом готов попытаться настоять на своей правоте. Скорее, автор «Взбаламученного моря» действительно разделял идеи Валуева и пытался на их основе репрезентировать недавнее прошлое, превратив неофициальную записку министра в нарративный текст, осмыслявший историю и устанавливавший ее связь с настоящим.

Патронаж в эпоху реформ: «Взбаламученное море» и цензура

Министр был готов помочь публикации романа. «Русский вестник» рассматривался Московским цензурным комитетом, однако никаких упоминаний о романе Писемского в делах комитета отыскать не удалось [14]. Содержание романа было достаточно рискованным: на его страницах встречаются многочисленные эротические сцены, по меньшей мере одно изнасилование, крестьянский бунт против власти помещиков и его жестокое подавление, катастрофические последствия крестьянской реформы и многие другие темы, едва ли приветствовавшиеся цензурой. Между тем роман не был даже вынесен на обсуждение цензурного комитета, не говоря уже о Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания. Мог ли цензор самостоятельно одобрить такое рискованное произведение?

Судя по всему, ответ на этот вопрос кроется в другом сохранившемся в архиве документе. 7 октября 1863 г. председатель Московского цензурного комитета М.П. Щербинин обратился к Валуеву с недоуменным письмом на французском языке. Согласно сообщению Щербинина роман Писемского был разрешен для публикации в «Русском вестнике» вовсе не Московским цензурным комитетом, а В.Н. Бекетовым, петербургским цензором. Щербинин вопрошал министра, верить ли заверениям редакции журнала, которая уверяла, что разрешение Бекетова действительно и для отдельного издания [15. Л. 42–42 об.]¹. По всей видимости, Валуев подтвердил мнение Каткова, и роман был разрешен.

Письмо Щербинина в первую очередь интересно тем, что свидетельствует о совершенно ненормальном порядке рассмотрения романа. Согласно цензурному уставу 1828 г., действовавшему до середины 1860-х гг., периодические издания пользовались исключительным правом: чтобы ускорить их выход в свет, цензор мог рассматривать их независимо от комитета; последний был обязан обсуждать только те материалы, которые цензор хотел запретить [16. С. 329, 331]. Соответственно, устав не предусматривал возможности, чтобы какое-либо произведение рассматривалось сотрудником другого цензурного комитета: такое вмешательство со стороны нарушило бы нормальное делопроизводство, а при публикации периодического издания создало бы невозможную задержку на пересылку рукописи из города в город.

Нарушение нормального хода дел, допущенное цензурой в случае публикации романа Писемского, могло быть связано только с волей министра внутренних дел: это ведомство было устроено так, что у разных цензурных комитетов не было общих руководителей, кроме Валуева. Назначение Бекетова на роль цензора свидетельствовало о стремлении министра пропустить «Взбаламученное море». Валуев мог оперативно и конфиденциально давать жившему и служившему в Петербурге, а не в Москве Бекетову распоряжения и разрешать спорные вопросы, но, главное, Бекетов имел репу-

---

¹ Благодарим М.А. Петровских, сверившую текст этого письма.

тацию цензора либерального. Умеренный либерализм занимавшего такую должность человека вызывал в писательских кругах иронию¹, однако Бекетов за свою карьеру действительно принял несколько смелых решений. Так, в 1856 г. он разрешил перепечатку стихотворений Некрасова в «Современнике» и едва не был за это уволен [18], а вскоре после разрешения «Взбаламученного моря» Бекетову все же пришлось уйти в отставку после публикации «Что делать?» Н.Г. Чернышевского [19. С. 783–787]. Интересно, что в 1860 г. он получил взыскание по службе за разрешение статьи «Городская полиция» для журнала «Библиотека для чтения», редактором которого был Писемский [3. С. 63–64]. Таким образом, назначение Бекетова свидетелемствовало о стремлении руководства цензуры проявить либерализм – и действительно не сохранилось свидетельств какого бы то ни было вмешательства в публикуемый текст романа.

В случае «Взбаламученного моря» министр совершил поступок с точки зрения цензурного устава сомнительный, к тому же совершенно конфиденциальный: официально вмешательство Бекетова не было обозначено ни в делах Московского цензурного комитета, ни в публикации романа. Очевидно, Валуев был очень заинтересован в публикации романа Писемского, если решил пойти на такие меры. По всей видимости, этот интерес подогревался двумя причинами. В 1863 г. министр внутренних дел был заинтересован в сотрудничестве с Катковым, которое выражалось, в частности, в смягчении цензурных условий для его изданий. Правда, это смягчение преимущественно относилось к политическим публикациям на страницах катковской газеты «Московские ведомости», а не к «Русскому вестнику». Обычно Валуев вел переговоры с Катковым и отдавал распоряжения Щербинину не по официальным каналам (переписку с Катковым он вел не пользуясь даже услугами почты) [20. С. 9–13; 21; 22].

Валуев и сотрудники его ведомства поддерживали автора «Взбаламученного моря» и другими средствами. 2 апреля 1863 г. Писемский читал отрывки из своего романа дома у министра (в своем дневнике тот охарактеризовал роман как «политический») в присутствии большой компании высокопоставленных чиновников, большинство из которых имело непосредственное отношение к цензурному ведомству: председателя Комитета цензуры иностранной Ф.И. Тютчева, председателя Петербургского цензурного комитета В.А. Цеэ, сенатора А.В. Веневитинова, одного из крупных деятелей цензурной реформы Д.А. Оболенского, товарища министра внутренних дел А.Г. Тройницкого и члена Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания И.А. Гончарова [23. Vol. 1. P. 215]. 4 августа 1863 г. Писемский просил Валуева повлиять на театральное начальство, которое отказывалось ставить его драму «Горькая судьбина», причем драматург упомянул «милостивое внимание» со стороны министра, имея в виду, вероятно, именно эти чтения [13. С. 159]. Наконец, 10 января 1864 г. Писемский обратился к Валуеву, послав ему отдельное издание «Взбала-

---

¹ См., напр., издательскую характеристику Бекетова в мемуарах Панаевой [17. С. 287].

мученного моря» (то самое, о котором Щербинин спрашивал министра) в двух экземплярах: один полагался адресату, а второй Писемский мечтал «поднести государю императору» [13. С. 164]. Интересна мотивировка такого подношения: Писемский утверждал, что император, узнав из его романа, насколько «ничтожно, не народно и даже смешно» революционное движение в России, немедленно проникнется «милосердием к несчастным, которые во всех своих действиях скорей говорили фразы, чем делали какое-нибудь дело» [13. С. 164–165]. Таким образом, писатель хотел, чтобы «нигилисты» (включая, возможно, недавно осужденного Н.Г. Чернышевского) были помилованы на основании его собственного сатирического их изображения.

Писемский претендовал на положение своеобразного придворного романиста, осведомляющего царя о событиях в империи и способного прямо повлиять на принятие важнейших политических решений. Впрочем, неизвестно, был ли роман поднесен императору: в библиотеке Государственного Эрмитажа издание отсутствует. Даже через два года, в 1865 г., Писемский обращался к Валуеву с просьбами о протекции по службе: министр, по мнению писателя, мог назначить его советником Московского губернского правления или цензором (см. письма от 12 и 14 октября 1865 г.: [13. С. 186–187]). Не надеясь на литературные успехи, разочарованный Писемский хотел поправить свое материальное положение. В его глазах, писательское и цензорское ремесло были достаточно тесно связаны, что высоко оценивший его роман министр мог как бы перевести его из литературы в цензуру. Разумеется, Валуев эту просьбу не выполнил.

Казалось бы, модель такого литературного покровительства была паразитично устаревшей для российского общества и литературы того периода уже в силу самого медиа. Длинные романы были прежде всего рассчитаны на публикацию в толстых литературных журналах, что предполагало взаимодействие с публикой, составляющей образованное общество, а не с вельможами и императорами, на покровительство которых могли рассчитывать журналисты начала века [24]. Писемский и выбрал для публикации журнал Каткова по вполне современным соображениям: он руководствовался политическими и эстетическими взглядами редактора, его влиянием на публику и способностью назначить внушительный гонорар. Поддерживая журнал, писатель участвовал в работе редакции и рекомендовал печататься своим друзьям-писателям, которых считал единомышленниками¹.

Писемский обращался к архаическим институтам патронажа в условиях, когда складывавшаяся система органов печати его не устраивала: литератор был готов по собственному выбору перейти под покровительство императора или главы цензурного ведомства, но не становиться в зависимость от политизированных журналистов и литературного рынка 1860-х гг. Показательно, что на гонорар от романа Писемский купил собственный дом в Москве, где безуспешно попытался жить не литературными заработками, а службой

---

¹ См., например, письма И.С. Тургеневу от 12 января и 4/16 июня 1863 г. [6. С. 176–177].

(см. выше). Автор «Взбаламученного моря», подвергнутый осуждению на страницах радикально настроенных журналов, стремился не просто иронически изобразить в своем романе, например, одного из лидеров враждебного ему направления Н.Г. Чернышевского [7]. Писемский надеялся скорректировать саму институциональную природу литературы таким образом, чтобы романист выступал прежде всего не перед «нигилистическим» литературным сообществом, а перед министром, императором и благонамеренной публикой «Русского вестника».

По всей видимости, Писемский, со своим скептическим отношением к литературному процессу, действительно нашел единомышленника в лице Валуева. Именно в начале 1860-х гг. министр внутренних дел стремился переломить ситуацию в русской прессе, опираясь на мнение некоторой части готовых его поддержать журналистов и литераторов, и активно им покровительствовал. Это осуществлялось и за счет организации официальной газеты «Северная почта», которую редактировали известные в литературных кругах А.В. Никитенко и все тот же Гончаров, и в покровительстве некоторым «правильным», на взгляд министра, изданиям – далеко не только катковским [1; 25. С. 165–171; 26]. Писатель и министр оказались согласны не только в понимании исторических событий недавнего прошлого, но и в представлениях о месте литературы в обществе и государстве: оба не были против свободы слова, однако желали при этом, чтобы государство поддерживало тех писателей, которые будут противостоять популярным «нигилистическим» тенденциям в журналистике. В этой связи поддержка со стороны Валуева была для Писемского не только средством избежать цензурных проблем, но и свидетельством того, что ему удалось заключить своеобразное негласное соглашение с властями и попытаться сформировать альтернативное поле литературы, устроенное, как думал писатель, на более справедливых основаниях. Отметим, что даже так не нравившиеся Писемскому «нигилисты», согласно его замыслу, выиграли бы от новой ситуации: напомним, что император, прочитав «Взбаламученное море», должен был отнестись к ним более милосердно.

В этом контексте становится понятнее кажущаяся абсурдной настойчивая просьба Писемского процenzуровать переиздание его романа. Очевидно, в бурной политической обстановке после покушения Каракозова писатель стремился подтвердить, что соглашение с министром все еще действует. Для этого Писемскому необходимо было получить подтверждение, что его рискованный роман все еще одобряется цензурой. К тому же писатель опасался запрета публикации и постановки своей новой трагедии «Поручик Гладков» (см. его письмо П.В. Анненкову от 30 ноября 1866 г. и А.А. Краевскому от 27 января 1867 г. [13. С. 212–213]). Пока Писемский хлопотал насчет своей пьесы, он, вероятно, обсуждал и издание своих Сочинений, включая «Взбаламученное море»: никаких его писем в цензурных архивах не обнаружено, а в конце января 1867 г. он вернулся в Москву из Петербурга (см. письмо Б.Н. Алмазову от 1 февраля 1867 г. [13. С. 213]). К 4 января 1867 г. цензор П.Г. Сватковский докладывал комитету:

Задача, решаемая этим романом, была, по словам автора, собрать всю ложь, которая высказывалась на различных степенях русской общественной и государственной жизни во время выхода крестьян из крепостной зависимости.

В начале романа автор представляет ложь в веселых благодетелях, в благочестии старой злой девы-помещицы, в прежнем офицерском блеске, в прежнем корпусном воспитании, в университетской молодежи, с ее эстетическим направлением, в страстности девушки с пансионским воспитанием, в помещичьем быте, в самой администрации, в бюрократии, суде, полиции, в положении богатых монополистов. Потом в новой эпохе с ее новыми учреждениями, в дворянах этого времени, гласности, обличителях, коммерческих предприятиях, воспитании с социалистическим направлением, материализме; вообще служении новой идеи (так!), нигилизме агитаторов и пр.

Так как роман этот был напечатан первой раз тотчас вслед за отменю крепостного права и в то время произвел на общество скорее хорошее влияние своим осмеиванием сумасбродства нигилистов и злоупотреблений отживших общественных порядков, то цензор полагал бы, с своей стороны, возможным дозволить напечатанием этого романа вторым изданием без всяких перемен, несмотря на неуместную резкость и цинизм рассказа во многих местах романа. Таковая резкость и вольность речи составляют как бы характеристическую черту этого замечательного литературного произведения и самого времени, в которое явилось первое издание [и которому этот роман служит литературным памятником].

Но имея в виду, что сам автор, несмотря на 30-тилистовый объем романа, не желает принять на себя ответственность второго издания своего сочинения и усиленно навязывает его предварительной цензуре, а также и то, что в романе отзывается развитие именно тех уродливых явлений общественной жизни, которые привели в своем движении к недавним весьма грустным событиям, то цензор считает долгом представить на благоусмотрение Комитета разрешение напечатать [без перемен] второе издание романа «Взбаламученное море» [27. Л. 1–2]¹.

Просьбу Писемского цензурный комитет не удовлетворил, а разбираться в тонкостях его позиции не стал, решив дело на формальных основаниях. Согласно новым правилам цензуры, введенным в 1865 г. (т.е. собственно той самой карательной цензуре, которой Писемский ожидал в начале 1860-х гг.), издание Писемского от рассмотрения освобождалось, так что комитет отказался принимать какие бы то ни было решения: «Книга включает в себе свыше десяти печатных листов и потому, по приказанию г. председателя комитета, выдана издателю для печатания оной без предварительной цензуры» [27. Л. 1].

Ясна и реакция цензоров на его предложение: ни сам роман, ни возможный «союз» с литераторами уже не казались актуальными Валуеву и его подчиненным. Хрупкая система соглашений и союзов, которые пытались установить между собою некоторые писатели, журналисты и цензоры, разрушалась. К середине 1860-х гг. Писемский разошелся с Катковым и в «Русском вестнике» больше не печатался. В качестве причины он приводил как раз некорректное понимание Катковым характера их сотрудничества: «...видимо было, что они привыкли к какому-то холопскому и по-

---

¹ Доклад цитировался также в статье [28].

добострастному отношению своих сотрудников и что им более нужен корректор, чем соредактор...» (см. письмо И.С. Тургеневу от 8 мая 1866 г.: [13. С. 203]). Очевидно, Писемский готов был считать своими покровителями не журналистов, а разве что министров и императора, и в этом смысле Катков оказался для него не лучше радикальных демократов из «Искры». Если в 1863 г. Валуев готов был поддерживать катковские издания и облегчать для них цензуру, то к 1867 г. министр мечтал об их закрытии (воплотить в жизнь эти мечты ему мешала прямо выраженная воля Александра II, высоко ценившего сохранявшего независимость от властей редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника») [29. С. 153–185; 30. Р. 150–166]. Разумеется, руководитель цензурного ведомства Российской империи просто по должности был обязан активно вмешиваться в работу прессы и искать среди журналистов сторонников, однако в целом Валуев, видимо, уже не верил в эффективность этих мер. Через год после отказа цензуры рассматривать Сочинения Писемского министр внутренних дел лишится своего поста: фигура бывшего «либерального бюрократа» в качестве главы цензуры и полиции в новую эпоху будет уже неуместна.

Именно представление о неактуальности романа Писемского и предлагаемой им репрезентации российского общества заметно в отзыве Сватковского. Цензор стремился продемонстрировать своим коллегам, что «Взбаламученное море» в целом безвредно, но прежде всего потому, что осталось в прошлом. «Цинизм» романа, действительно содержащего для того времени очень откровенные сцены и представлявшего большинство важных действующих лиц не в самом оптимистичном виде, был еще простителен прежде всего как знак эпохи, «памятником» которой казалось Сватковскому произведение Писемского. Напротив, нигилизм, который у Писемского представлен прежде всего как «сумасбродства», связанные со свободой сексуальной жизни, поездки в Лондон к Герцену и споры об общине и коммуне, теперь, после покушения на императора, превратился в опасное для государства «уродливое явление». Иными словами, в новую эпоху Писемский и его роман уже мало интересовали цензурное ведомство.

Таким образом, соглашение Писемского и Валуева было основано на общей неприязни к тому, каким образом развивалась публичная сфера в России 1860-х гг. Ни относительно либеральный министр, ни далекий от сервильности писатель в принципе не собирались ограничить стремительный рост количества и влияния газет и журналов. Скорее, Писемскому казалось, что растущее влияние «нигилистов» на прессу не выражает интересы общества, а, напротив, вредит ему. Валуев, соответственно, ожидал, что хотя бы часть прессы будет стоять «на стороне правительства» [24. Т. 2. С. 36], и был готов поддержать такую прессу. Естественным образом союз министра и литератора, выступавших против «нигилистов», был обречен на провал. Роман «Взбаламученное море» был подвергнут резкой критике, Писемский разорвал отношения с Катковым, а правительство быстро перешло от «положительного» влияния на журналы к жестким цензурным репрессиям. Тем не менее случай «Взбаламученного моря», как кажется,

очень характерен для эпохи, когда крупный писатель и руководитель цензурного ведомства могли еще пытаться установить взаимовыгодный контакт. В то же время очевидна архаичность позиции Писемского, в которой объединились претензии на создание реалистического романа, дающего «зеркало» истории и общества, и на место своего рода придворного поэта, дающего царям советы по управлению государством. Писемский хотел не просто создать «политический роман», а прямо повлиять на общественную и политическую жизнь в стране, поспособствовав даже прощению императором «нигилистов», к которым он имел личные счеты. Валуев пытался не просто запретить неудобные ему произведения, а способствовать публикации писателей, интересы которых, как ему казалось, совпадали с правительственными. Однако планы обоих оказались обречены на провал: конечно, в условиях Российской империи 1860-х гг., с ее стремительной поляризацией государства и образованного общества, подобная кооперация едва ли могла привести к успеху.

Литература

1. Патрушева Н.Г. Теория «нравственного влияния» на общественное мнение в правительственной политике в отношении печати в 1860-е гг. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века : сб. науч. тр. Вып. 7. СПб., 1994. С. 112–125.
2. Дарттон Р. Цензоры за работой: Как государство формирует литературу / пер. с англ. М. Солнцевой. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 384 с.
3. Валуев С.М. Писемский-журналист (1850–1860-е годы). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 169 с.
4. Рошаль А.А. Писемский и революционная демократия. Баку : Азербайджанское государственное издательство, 1971. 128 с.
5. Мысляков В.А. Писемский в истории литературных дуэлей // Русская литература. 2012. № 2. С. 115–142.
6. Письма А.Ф. Писемского (1855–1879) И.С. Тургеневу / предисл. и публ. И. Мийе; пер. с фр. предисл. И. Мийе – М.И. Беляевой; ст. К.И. Тюнькина; коммент. И. Мийе, Л.С. Журавлевой // Литературное наследство. Т. 73, кн. 2. М. : Наука, 1964. С. 125–194.
7. Рошаль А.А. К типологии антинигилистического романа (образы вождей революционной демократии в романе А.Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. М.Ф. Ахундова. Серия XII. Язык и литература. 1971. № 1. С. 105–115.
8. Трофимова Т.А. «Положительное начало» в русской литературе XIX века («Русский вестник» М. Н. Каткова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
9. Капнист П.И. Сочинения : в 2 т. М., 1901.
10. Писемский А.Ф. Сочинения : в 4 т. СПб., 1867.
11. Северная пчела. 1855. 13 авг. № 176.
12. Русская старина. 1891. № 5.
13. Писемский А.Ф. Письма. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 925 с.
14. ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 5. № 488–495.
15. РГИА. Ф. 908. Оп. 1. № 676.
16. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1730 по 1862 год. СПб., 1862. 482 с.
17. Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М. : Правда, 1986. 508 с.
18. Евгенийев-Максимов Е.В. В цензурных тисках: (Из истории цензурных гонений на поэзию Некрасова) // Книга и Революция. 1921. № 2 (14). С. 36–46.

19. Рейсер С.А. Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?» // Чернышевский Н.Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях. Л., 1975. С. 782–833.
20. Рейфман П.С. «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 9–13.
21. Перевалова Е.В. Переписка М.Н. Каткова и П.А. Валуева в 1863–1864 гг. (по материалам НИОР РГБ) // Румянцевские чтения-2015 = The Romyantsev readings-2015: материалы международной научной конференции, 14–15 апреля 2015. Ч. 2. М., 2015. С. 25–30.
22. Перевалова Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863–1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 163–179.
23. Todd W.M.III. Periodicals in literary life of the early nineteenth century // *Literary Journals in Imperial Russia* / ed. by D.A. Martinsen. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1997. P. 37–63.
24. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. М. : Наука, 1961.
25. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX века : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ, Факультет журналистики, 2000. 219 с.
26. Гуськов С.Н. И.А. Гончаров, П.А. Валуев и кампания всеподданнейших писем 1863 года // *Русская литература*. 2019. № 4. С. 72–80.
27. РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1867. № 7.
28. Листратова А.В. О литературно-общественной позиции А.Ф. Писемского 60-х годов // Ученые записки Ивановского государственного педагогического института им. Д.А. Фурманова. Т. 38: Русская литература. Методика литературы. Иваново, 1967. С. 35–56.
29. Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л. : Наука, 1989. 205 с.
30. Ruud Ch.A. *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906*. Toronto : University of Toronto Press, 2009. 327 p.

Minister Pyotr Valuev Patronizes Aleksey Pisemsky: Censorship, Journalism, and a “Political Novel” in the Russian Empire of the 1860s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 175–190. DOI: 10.17223/19986645/73/10

Kirill Yu. Zubkov, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation), Institute of Russian Literature (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: k_zubkov@inbox.ru

Keywords: Aleksey Pisemsky, Pyotr Valuev, Mikhail Katkov, censorship, *Russkiy Vestnik*, thick journal, history of novel, literary institutions, patronage.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00410.

The article discusses a case in the history of complicated relations between Russian literature and censorship. I argue that in the 1860s at least one prominent writer unsuccessfully attempted to establish the relations of mutually profitable cooperation with political power, namely with the Ministry of Internal Affairs. Aleksey Pisemsky and the censorship department unsuccessfully tried to organize their relations according to the archaic model of literary patronage. The research is based on both archival and published sources. From Pisemsky’s point of view, patronage could become a viable alternative to increasingly radical views of the majority of influential critics and editorial officers. In 1862 his own satirical feuilletons depicting widespread corruption in Russian society were met with harsh criticism that soon transformed into a public scandal and nearly resulted in a duel. Dissatisfied with the modern public sphere centered around mostly radical periodicals, Pisemsky tried to find an alternative

institution that would allow literature to free itself from the control of the “nihilistic” editorial officers and reduce the degree of confrontation with the government. In his novel *The Troubled Seas* (1863), Pisemsky developed the views of the high-ranked liberal bureaucrat Pyotr Valuev on the era of the “great reforms” expressed in his unpublished but widely known paper “The Thought of a Russian”. At the same time, Pisemsky attempted to both influence even the emperor himself and help the “nihilists” to avoid criminal punishment: his novel was supposed to let Alexander II understand that there was no real threat of revolution in Russia, so the people charged could be forgiven. When the novel was ready for publication, Valuev, then the minister of internal affairs, became the head of censorship and agreed to support Pisemsky. Valuev ordered the censors to violate the official rules regarding periodicals and allow the publication with no changes. The minister attempted to support and control loyal journalism, including the influential nationalistic journal *Russkiy Vestnik*, in which the novel was published. Probably, Valuev also praised the negative portrayal of both radical “nihilists” and blind conservatism in the novel. Pisemsky’s attempts eventually failed: by the end of the 1860s, Valuev, who already knew about real revolutionary activities, did not trust Russian writers anymore and hated his former ally Mikhail Katkov, while Pisemsky refused to submit to any editors, including Katkov. The institution of patronage was too archaic for Russian literature of the 1860s, which doomed the cooperation between Pisemsky and Valuev from its very beginning.

References

1. Patrusheva, N.G. (1994) Teoriya “nравstvennogo vliyaniya” na obshchestvennoe mnenie v pravitel’svennoy politike v otnoshenii pechati v 1860-e gg. [The Theory of “Moral Influence” on Public Opinion in Government Press Policy in the 1860s]. In: *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Book business in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vol. 7. St. Petersburg: State Library of Russia. pp. 112–125.
2. Darnton, R. (2017) *Tsenzory za rabotoy: Kak gosudarstvo formiruet literaturu* [Censors at Work: How States Shaped Literature]. Translated from English by M. Solntseva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Baluev, S.M. (2003) *Pisemskiy-zhurnalyst (1850–1860-e gody)* [Pisemsky as a journalist (1850s–1860s)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Roshal’, A.A. (1971) *Pisemskiy i revolyutsionnaya demokratiya* [Pisemsky and revolutionary democracy]. Baku: Azerbaydzhanskoe gosudarstvennoe izdatel’stvo.
5. Myslyakov, V.A. (2012) Pisemskiy v istorii literaturnykh dueley [Pisemsky in the history of literary duels]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 115–142.
6. Pisemskiy, A.F. (1964) Pis’mo A.F. Pisemskogo (1855–1879) I.S. Turgenevu [Letters from A.F. Pisemsky (1855–1879) to I.S. Turgenev]. Translated from French by I. Miye. In: Dubovikov, A.N. & Zil’bershteyn, I.S. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 73. Book 2. Moscow: Nauka. pp. 125–194.
7. Roshal’, A.A. (1971) K tipologii antinihilisticheskogo romana (obrazy vozhdney revolyutsionnoy demokratiy v romane A.F. Pisemskogo “Vzbalamuchennoe more”) [On the typology of the anti-nihilistic novel (the images of the leaders of revolutionary democracy in A.F. Pisemsky’s novel “The Turbulent Sea”)]. *Uchenye zapiski Azerbaydzhanskogo pedagogicheskogo instituta yazykov im. M.F. Akhundova. Seriya XII. Yazyk i literatura*. 1. pp. 105–115.
8. Trofimova, T.A. (2007) “Polozhitel’noe nachalo” v russkoy literature XIX veka (“*Russkiy vestnik*” M. N. Katkova) [A “positive principle” in Russian literature of the 19th century (*Russkiy Vestnik* of M.N. Katkov)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
9. Kapnist, P.I. (1901) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow: [s.n.].
10. Pisemskiy, A.F. (1867) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. St. Petersburg: F. Stellovskiy.
11. *Severnaya pchela*. (1855) 13 August. 176.
12. *Russkaya starina*. (1891) 5.

13. Pisemskiy, A.F. (1936) *Pis'ma* [Letters]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Central Historical Archive of Moscow (TsIAM). Fund 31. List 5. No. 488–495.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 908. List 1. No. 676.
16. Anon. (1862) *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po tsenzure s 1730 po 1862 god* [Collection of decisions and orders on censorship from 1730 till 1862]. St. Petersburg: v Tip. Morskogo ministerstva.
17. Panaeva (Golovacheva), A.Ya. (1986) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Pravda.
18. Evgen'ev-Maksimov, E.V. (1921) V tsenzurnykh tiskakh: (Iz istorii tsenzurnykh goneniy na poeziyu Nekrasova) [In the censorship grip: (From the history of censorship persecution of Nekrasov's poetry)]. *Kniga i Revolyutsiya*. 2 (14). pp. 36–46.
19. Reyser, S.A. (1975) Nekotorye problemy izucheniya romana "Chto delat'?" [Some problems of studying the novel What Is to Be Done?]. In: Chernyshevskiy, N.G. *Chto delat'?: Iz rasskazov o novykh lyudyakh* [What Is to Be Done?]. Leningrad: Nauka. pp. 782–833.
20. Reyfman, P.S. (1975) "Moskovskie vedomosti" 1860-kh godov i pravitel'stvennye krugi Rossii [Moskovskiy Vedomosti of the 1860s and Russian government circles]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii*. XXIV. pp. 9–13.
21. Perevalova, E.V. (2015) [Correspondence between M.N. Katkov and P.A. Valuev in 1863–1864. (based on R&D materials of the RSL)]. *Rumyantsevskie chteniya–2015 = The Rumyantsev Readings–2015*. Proceedings of the International Conference. Pt. 2. Moscow: Pashkov dom. pp. 25–30. (In Russian).
22. Perevalova, E.V. (2015) Moskovskiy Vedomosti of M.N. Katkov in 1863–1864: a political semiofficial organ or a body of independent public opinion? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (36). pp. 163–179. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/36/13
23. Todd, W.M. III. (1997) Periodicals in literary life of the early nineteenth century. In: Martinsen, D.A. (ed.) *Literary journals in Imperial Russia*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. pp. 37–63.
24. Valuev, P.A. (1961) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del: v 2 t.* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs: in 2 volumes]. Moscow: Nauka.
25. Zhirkov, G.V. (2000) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX veka: ucheb. posobie* [History of censorship in Russia in the 19th century: textbook]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Journalism.
26. Gus'kov, S.N. (2019) I.A. Goncharov, P.A. Valuev and the most loyal letters campaign of 1863. *Russkaya literatura – Russian Literature*. 4. pp. 72–80. (In Russian). DOI 10.31860/0131-6095-2019-4-72-80
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 777. List 2. 1867. No. 7.
28. Listratova, A.V. (1967) O literaturno-obshchestvennoy pozitsii A.F. Pisemskogo 60-kh godov [On the literary and social position of A.F. Pisemsky in the '60s]. *Uchenye zapiski Ivanovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. D.A. Furmanova*. 38, pp. 35–56.
29. Chernukha, V.G. (1989) *Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechati. 60–70-e gody XIX veka* [Government Printing Policy. 1860s–1870s]. Leningrad: Nauka.
30. Ruud, Ch.A. (2009) *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804–1906*. Toronto: University of Toronto Press.

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/73/11

Л.Г. Каяниди

**ТРАГЕДИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «ПРОМЕТЕЙ»
В СВЕТЕ АНТИЧНОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ
(ПАРМЕНИД, ЭМПЕДОКЛ, ПЛАТОН, ПЛУТАРХ)**

Осмысляется натурфилософский слой трагедии Вячеслава Иванова «Прометей». Её композиция, описанная поэтом с помощью четырех стихий, обнаруживает следы влияния Гераклита, Парменида и Эмпедокла. Её «пирамидальная» форма связана с космологической символикой «Тимея» Платона. Особое внимание уделяется совмещению у Иванова двух мотивов, которые восходят к Эмпедоклу и Павсанию, – создание Прометеем людей и их возникновение в результате смешения титанического и дионисийского начала.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Прометей, античная мифология, античная философия, символ, подтекст, композиция, художественный образ

Введение

Валерий Брюсов, первый рецензент трагедии «Прометей», заключал свой текст саркастическим замечанием о том, что понять трагедию Иванова сможет только читатель, «посвященный в недра классической мифологии и мифографии» [1. С. 398]. Ю.К. Герасимов, один из первых исследователей драматургии Вячеслава Иванова, писал о необходимости «огромного культурно-философского и историко-литературного комментария» к трагедии «Прометей» [2. С. 180]. Настоящее исследование вносит свой вклад в формирование такого комментария, раскрывая взаимосвязь нескольких ключевых композиционных и образно-семантических узлов ивановской трагедии и античной натурфилософии.

Наша работа затрагивает такую проблему, как подтекстуальная база трагедии Иванова «Прометей». Нельзя сказать, что эта проблема игнорируется в ивановедении, однако она рассматривается каждым автором вскользь. Причем, как правило, ограничиваются теми именами, которые обозначил сам Вячеслав Иванов в предисловии к трагедии: Гесиод, Эсхил, орфики и неоплатоники (из Античности), Шекспир, Гёте, Шелли, Байрон и Ницше (из Нового времени). Мы предлагаем пристальнее всмотреться в текст ивановской трагедии¹ и, сопоставляя ее с теми источниками, с которыми был знаком Иванов, эксплицировать в подтекстуальном поле ивановской трагедии досократические натурфилософские элементы, рассмат-

---

¹ Опыт такого пристального всматривания принес свои результаты. Так, нам удалось доказать связь ивановского текста с «Прометеидой» Жозефена Пеладана [3] и симфонической поэмой А.Н. Скрябина «Прометей» [4].

ривая их на фоне космологических построений Платона и мистико-религиозных концепций Плутарха.

Композиция трагедии «Прометей» и теория четырех элементов. В предисловии к «Прометею», датированном 1919 г. и впоследствии включенном Ольгой Дешарт (Шор) в брюссельское Собрание сочинений в виде отдельной статьи под названием «О действии и действе», Иванов рисует схему своей трагедии. Эта схема представляет собой равносторонний треугольник; одна его сторона отражает главные события первого действия, символизирует титаническое восхождение и поставлена в связь со стихиями огня и воды; противоположная ей сторона отражает события третьего действия, символизирует титаническое нисхождение и поставлена в связь со стихиями земли и воздуха. Вершина треугольника, общая обеим сторонам, обозначает второе действие, символизирует истощение Прометея и связана с подземным миром. Примечательно, что утверждение связи действий «Прометея» с материальными стихиями Брюсов считает «неожиданным» [1. С. 398]. Иванов специально оговаривает симметричность событий первого и третьего действия: «...последование третьего действия повторяет ход первого в обратном (нисходящем) порядке»¹. Так, первое событие в первом действии соответствует последнему в третьем («Ковач кует» – «Ковач закован»), второе – предпоследнему и т.д. Подобная симметричность имеет, как отмечает Иванов, обрядовые корни².

Категории восхождения и нисхождения в рамках прометеевского сюжета имеют гераклитовскую и неоплатоническую основу³. «Мировой процесс слагается, по Гераклиту, из двух противоположных движений, которые у него называются “путь вниз” и “путь вверх”» [11. С. 126]. «Aus dem Urfeuer wird zunächst Wasser, thalassa, fig. 21 (31), aus dem Wasser dann Erde – dieser Teil des Laufes heisst der Weg nach unten –; die Erde verwendet sich

¹ Здесь и далее цитаты из текста предисловия к трагедии «Прометей» и самого произведения даются по изданию: [5. С. V–XXV и 9–77].

² В предисловии к трагедии Иванов пишет: «Предлежащая трагедия обращена к древности (примерно к эллинским *dǵōmena*) – тем, что она воспроизводит стародавнее предание обрядового действия». В «Эллинской религии страдающего бога» Иванов определил *dǵōmena* как «подражательные изображения божественных деяний» [6. С. 157]. Ориентированность ивановского произведения на древнюю обрядность отмечает Томас Венцлова: «“Прометей” – это реконструкция литургийной дионисийской драмы, «жертвенного действия» на том уровне научной строгости, который был доступен Вячеславу Иванову в его эпоху» [7. С. 109]. Примечательно в данном контексте словоупотребление Иванова: последовательность действий он именуется последованием, актуализируя в читательском восприятии ассоциации с чинопоследованиями богослужений.

³ С.Г. Сычева, на наш взгляд, ошибочно возводит ивановские категории восхождения и нисхождения к платоновскому мифу о пещере [8. С. 100]. Виктор Террас утверждает, что ивановская эстетическая теория опирается главным образом на «Neoplatonic philosophy of art based on the eighth chapter of Plotinus's fifth Ennead» («неоплатоническую философию искусства, базирующуюся на восьмой главе пятой “Эннеады” Плотина»), а категории восхождения и нисхождения обязаны своим появлением у Иванова авторитету Фридриха Ницше [9. Р. 395]. Почти буквальными переключками с «Эннеадой» V 8 мы находим в программном ивановском стихотворении «Творчество» [10. С. 134].

daraus in Wasser, und endlich das Wasser in Feuer – das ist der Weg nach oben –, und damit ist der Kreislauf vollendet»¹ [12. С. 506]. Прокл называет Прометея «единым представителем обеих сторон, восхождения и нисхождения» (цит. по: [13. С. 240]). Категория восхождения у Иванова связана с мужским началом² – и героем первого действия становится Прометей (Анимус); категория нисхождения связана с женским – и героиней третьего действия становится Пандора, творение Прометея и его альтер эго (Анима). Совмещение восхождения и нисхождения в композиции трагедии отражает, стало быть, одну из сюжетообразующих оппозиций трагедии «мужское / женское»³.

Почему же Иванов счел необходимым атрибутировать первое действие стихиями огня и воды, а симметричное ему третье – стихиями земли и воздуха? Очевидно, что Иванов отсылает тут читателя к широко известной теории четырех элементов Эмпедокла⁴. «Заимствовав у древней традиции теорию четырех первовеществ, [он] связал ее с тем понятием элемента, которое он нашел во второй части поэмы Парменида» [16. С. 114]; «его теория четырех элементов господствовала в древности и в средние века» [16. С. 131]. В подтверждение этому Маковельский приводит фрагмент из «Метафизики» Аристотеля: «Эмпедокл же (признал) четыре (начала), присоединив к (трем) вышеупомянутым (воде, воздуху, огню) четвертое (начало) – землю» [16. С. 146]⁵.

¹ Здесь и далее перевод иноязычных текстов принадлежит нам: «Из первоогня возникла сначала вода, *thalassa*, фр. 21 (31), из воды же – земля (эта стадия мирового круговращения названа путем вниз); земля превращается затем в воду, которая, наконец, в огонь (таков путь вверх). Таким-то образом совершается мировое круговращение».

² «Мужественно восхождение, и нисхождение отвечает началу женскому...» [14. С. 829].

³ «Существенная для трагедии оппозиция *мужское / женское* поддержана введением специальных *мужского* и *женского* хоров, которые, согласно логике мифа и обряда, связываются с *правой* и *левой* сторонами и в своих действиях как бы дублируют диалектику взаимоотношений двух главных героев [7. С. 114].

⁴ Три тома фундаментального труда А.О. Маковельского «Досократики» выходили в свет в 1914, 1915 и 1919 гг. соответственно и находились в библиотеке Иванова [15. С. 306]. Они попадают в сферу читательского внимания Иванова как раз в период между журнальной публикацией трагедии, получившей название «Сыны Прометея» (1915), и подготовкой отдельного издания трагедии (1919), одним из отличий которого от журнальной публикации является «эзегетическое» предисловие, где и представлена авторская композиционная схема трагедии, включающая четыре античные стихии.

⁵ Виктор Террас отмечает сбалансированность четырех материальных элементов в художественном сознании Иванова: «The substance of Ivanov's imagination persistently assumes the elementary form of air, water, earth, and fire, rather than the form of well-defined and structured objects of pragmatic experience. <...> The earth and the depths of the nether world are as important for him as are the heavenly bodies. Ivanov's *imagination matérielle* is rather evenly balanced» («Ивановское художественное сознание настойчиво аккумулирует стихии воздуха, воды, земли и огня, отдавая им предпочтение перед четко определенными и структурированными формами чувственного опыта <...> Земля и глубины нижнего мира для него так же важны, как и небесные тела. Ивановское чувственное воображение является гармонично сбалансированным») [9. С. 402–403].

Почему же Иванов соединяет стихии попарно: огонь и вода, земля и воздух? Прежде всего это связано с динамикой трагического действия и логикой смены его сцен. Огонь – ведущее начало первого действия, содержанием которого становится описание творения Прометеем человека из земли и крови титанов, причастившихся Дионису, похищения небесного огня Прометеем, ночного бега с факелами сынов Прометея, а также первого жертвоприношения. Водное начало сопровождает огненное: Океаниды выступают как оппоненты прометеевской демиургии, Нерей – в качестве вестника Зевса и умиротворителя; в конце первого действия Прометей учреждает мореплавание, совершая обряд похорон первых умерших людей. В третьем действии ведущую роль играет земное начало, которое воплощается в образе Пандоры и проявляется в учреждении земледельческого обряда и анфестерий. Воздушное начало менее акцентировано в трагедии, его проявление можно усмотреть разве что в наложении оков на Прометея: «Кратос и Бия простирают в воздухе обнаженные мечи над головами мятежников: стрелы из рук их выпадают; в бессилии и ужасе они опираются, опшатнувшись, один на другого. Кратос и Бия уводят скованного Прометея».

Помимо этой имманентной логики смены драматических сцен, в попарном соединении огня и воды, земли и воздуха можно усмотреть репликацию оппозиции «мужское / женское», опирающуюся на конструкции Эмпедокла. Если учесть, что огонь и воздух Эмпедокл связывал с мужским началом, а землю и воду – с женским [16. С. 114], то становится ясна диалектичность композиционной схемы Иванова: не только вся схема трагедии диадична (линия восхождения, развиваемая Прометеем в первом действии, маркирована мужским началом, линия нисхождения, связанная с Пандорой в третьем действии, – женским), но и каждая из этих линий содержит внутри себя ту же оппозицию мужского и женского, выражаемую с помощью сочетания огня и воды, земли и воздуха¹. Таким образом выполняется диалектическое правило тождества целого и его частей: композиция трагедии (целое) строится с помощью оппозиции мужского и женского (части), а в мужском и женском в их отдельности также содержится мужское и женское.

Связь сюжетобразующей оппозиции «мужское / женское» с натурфилософскими стихиями огня и земли, с одной стороны, и с мифологическими образами Прометея и Пандоры – с другой, подкрепляются учением Парменида: «Neben Eupedokles ist es zunächst Parmenides, dessen Lehre hier von Einfluss sein musste: galt ihm das Feuer für Thätige oder Männliche, die Erde für das Leidende oder Weibliche, so haben wir genau das der Verbindung des Hephaistos mit Athene bezw. des Prometheus mit Pandora zu Grunde liegende Naturverhältnis»² [17. S. 3082]¹. Бапп утверждает, что Прометей и

---

¹ Достоинно внимания, что воплощающие мужское начало огонь и воздух имеют в русском языке грамматическую категорию мужского рода, а воплощающие женское начало земля и вода – женского рода.

² «Рядом с Эмпедоклом может быть поставлен прежде всего Парменид, чье учение должно было оказывать здесь свое влияние: огонь принимался им за действующее и

Пандора (и их мифологические двойники Гефест и Афина) связаны с натурфилософскими парменидовскими категориями огненного, мужского, действующего / земного, женского, страдательного. Ивановские Прометей и Пандора являются носителями соответственно огненного и земного начала. Если с Прометеем, с помощью похищенного огня творящего людей, все очевидно, то взаимосвязь Пандоры с земным и страдательным началом не так ясна, поскольку не укладывается в гесиодовскую версию мифа. О жертвенном статусе Пандоры говорится напрямую: *Я женщиной сотворена. Страдать / Привычно женщине. Ей в радость жертва*. Она дважды приносится в жертву: первый раз – Прометеем, когда он добывает с ее помощью небесный огонь; второй раз – сынами Прометея, когда человечество отказывается от Прометея в пользу Пандоры. Связь Пандоры с землей утверждается с помощью ее отношений с Фемидой-Геей, которая участвует в ее рождении и ее смерти: Пандора изводится Фемидой из Прометея в качестве его женской ипостаси; та же Фемида забирает под землю Пандору, принесенную в жертву сынами Прометея: *Приблизьтесь же, отважные питомцы / И пестуны небесного огня, / И ваши копыта в грудь земли вонзите!*

Подробно о пунктах тождества ивановской трагедии с учением Гераклита мы говорим в отдельной публикации [18], но уже здесь, при характеристике символики четырех стихий, участвующих в описании композиционной схемы трагедии, уместно высказать несколько наблюдений.

Именно у Гераклита огонь является первоначалом, который определяет судьбы всего космоса от его возникновения до разрушения и возрождения. Огонь у Гераклита связан с водой и воздухом. Воду огонь порождает из себя, с ней он связан отношением последовательности², которая отражается в расположении огня и воды у Иванова; с воздухом огонь тождествен³, что отражается в симметрическом соответствии этих элементов на композиционной схеме. Кроме того, примечательно, что ивановская схема повторяет космогоническую последовательность гераклитовских стихий: огонь – вода – земля.

Композиция трагедии «Прометей», «Тимей» Платона и «Об “Е” в Дельфах» Плутарха. Треугольная схема сюжета «Прометея» связана с платонической космологической мифологической символикой, развернутой в диалоге «Тимей» и резюмирующей досократическую натурфилософию. Начнем характеристику этой схемы с того, что ивановский компози-

---

мужское начало, земля – за страдательное и женское, так что мы имеем здесь натурфилософское соотношение, лежащее в основе связи Гефеста с Афиной или Прометея с Пандорой».

¹ У Маковельского понимание стихий огня и земли как женского, пассивного и мужского, активного представлено здесь: [16. С. 14, 21].

² «При мирообразовании первоогонь превращается сначала в воду, из которой затем образуется все в нашем мире» [11. С. 120].

³ «Первоогонь тождествен с “чистейшим воздухом”, так как, по учению, люди вдыхают огонь» [11. С. 120].

ционный треугольник является равносторонним. Для Платона такой вид треугольника совершенный¹, поэтому он становится как бы первоэлементом, из которого создаются все основные виды пространственных форм, символизируемые стихиями: куб (земля), пирамида (огонь), октаэдр (воздух), икосаэдр (вода) [20. С. 457–458; 21. С. 239–254].

Треугольная форма ивановской схемы соотносится также непосредственно со стихией огня, который играет ведущую роль в трагедии. По Платону, огонь имеет пирамидальную², или конусообразную, форму: «...объемный образ пирамиды и будет <...> первоначалом и семенем огня» [20. С. 460]. Эта форма связана с символами Диониса и Прометея – тирсом и факелом³ [23. Р. 43–45]. Конусообразная сосновая шишка⁴ венчает дионисийский тирс. Одним из его древнейших имен был нартекс [24. S. 1770–1772]⁵, в полом стебле которого Прометей принес на землю божественный огонь [27. С. 10; 17. S. 3038–3039]. Но даже без специальных историко-мифологических знаний тождество дионисийского тирса с прометеевским факелом-нартексом вполне очевидно в силу зрительного сходства. Оно зафиксировано также в древнегреческих трагедиях: «Euripide l'a plusieurs fois représenté courant et brandissant le narthex qu'il tient en main»⁶ [23. Р. 45]⁷. В «Дионисе и прадионисийстве» Иванов специально останавливается на тождестве для античного мифологического сознания тирса, факела

¹ Математик Генрих Тимердинг утверждает вавилонское происхождение представления о равностороннем треугольнике как первой совершенной фигуре, которая становится основой дальнейших геометрических построений, и указывает на миграцию этого представления через Малую Азию и Фригию [19. С. 10, 78, 80], которая, как показывает Иванов в «Эллинской религии страдающего бога» и в «Дионисе и прадионисийстве», была европейской колыбелью дионисийских культов.

² Не случайно в слове «пирамида» корень руг- имеет значение «огонь».

³ Конус и ромб называют Климентом Александрийским среди игрушек, которыми титаны приманивают Диониса-Загрея, будучи затем опалены его огненной сущностью [22. С. 166].

⁴ «И вот явление женского сонма (фиаса) Дионисова в описании Катулла: «Легкие, они бегали в безумстве исступления и кричали *эвоэ*, загигая головы. Одни потрясали тирсами, острия которых были скрыты (листвой или конусообразными шишками пинии)...» [6. С. 17].

«le cône a pour tous les Grecs une image végétale: celle qui lui a donné son nom, la pomme de pin au bout d'une branche <...> qui a précédé l'abstraction géométrique» («конус имеет для всех греков растительный образ, который ему дал его имя, – сосновая шишка на верхушке ветви <...> и который предшествует геометрическому абстрагированию») [23. Р. 44].

⁵ Орфическое изречение «много тирсоносцев, да мало вакхов» (*polloi men narthēkorhoi, pauloi de te bakhoi*), сохраненное в диалоге Платона «Федон» (69 cd) [25. С. 21] и воспроизведенное Ивановым в «Эллинской религии страдающего бога» [6. С. 102], а затем в «Дионисе и прадионисийстве» [26. С. 95], как раз и содержит это наименование тирса нартексом.

⁶ «Еврипид несколько раз представляет его (Диониса. – Л.К.) бежащим и размахивающим нартексом, который он держит в руках».

⁷ Триумф имеет в виду трагедия «Ион», ст. 716, и «Вакханки», ст. 144–153 и 306–307 [28. С. 291, 433, 440].

и нартекса, отмечая разнообразие значений слова «тирс»: «раскидистая ветвь, и копые с шишкою пинии на острие, и смоляной факел, и полая трость (parthêx)» [26. С. 95], а в «Эллинской религии страдающего бога» вместо факела Иванов делает атрибутом Прометея дионисийский тирс: «оргиазм, подобный тирсу Прометея – трости полой, где скрыт небесный огонь» [6. С. 193].

У Платона ведущими стихиями являются огонь и земля: «Итак, телесным, а потому видимым и осязаемым – вот каким надлежало быть тому, что рождалось. Однако видимым ничто не может быть без участия огня, а осязаемым без чего-то твердого, твердым же ничто не может быть без земли. По этой причине бог, приступая к составлению тела Вселенной, сотворил его из огня и земли» [20. С. 435]. У Иванова огонь и земля, попарменидовски отождествленные, однако с категориями активного, мужского и пассивного, женского, а не с платоновскими категориями видимого и осязаемого, соотносятся с Прометеем и Пандорой и выступают главными космогоническими символами первого и третьего действия.

Характерная особенность платоновского учения о стихиях – утверждение идеи их пропорциональной связи [20. С. 435; 21. С. 251–253; 29. С. 300–310]. Лосев показывает, что пропорция, описываемая Платоном в «Тимее» (31с–32а), является геометрической [29. С. 300]. На наш взгляд, в геометрической пропорции находятся стихии на ивановской композиционной схеме. Огонь и земля выступают в качестве средних членов пропорции, а вода и воздух – в качестве крайних: вода / огонь = земля / воздух. Все отличие от Платона сводится только к тому, что в «Тимее» огонь и земля являются не средними, а крайними членами пропорции, что не отменяет самой пропорциональности взаимосвязи. Отклонение от Платона может быть продиктовано имманентной логикой развития драматического действия, в котором огненное начало (Прометей) и земное (Пандора) манифестируют себя именно в начале каждого акта, диктуя таким образом данное расположение стихий. В любом случае налицо тесная корреляция между ивановской авторефлексией по поводу композиции своей трагедии и платоновской космологической мыслью. Она может быть вызвана как непосредственным влиянием «Тимея»¹, так и симметричностью композиции, которую Иванов специально оговаривает в предисловии, связывая ее с древними обрядовыми действиями.

Композиционная схема ивановской трагедии, абсорбирующая в себе гераклитовско-неоплатоническую символику восхождения и нисхождения с натурфилософско-платонической теорией четырех стихий, в своем целом фундирует связь прометеевского мифа с дионисийским; она становится ясна в свете религиозно-мистических умозрений Плутарха, изложенных в

---

¹ Связь ивановского художественного мира с космологией Платона раскрывает В.А. Устинова [30]. В нашей статье «Архетипы художественного мира Вячеслава Иванова» мы раскрываем связь художественного пространства Иванова с архетипом крестообразной сферы, восходящей к «Тимею» [31. С. 188].

трактате «Об “Е” в Дельфах» (388EF–389A)¹ и трижды процитированных Ивановым, сначала в «Эллинской религии страдающего бога» [6. С. 19–20], затем в статье «О Дионисе орфическом» [33. С. 75–76] и, наконец, в книге «Дионис и прадионисийство» [26. С. 158]. Плутарх, священник дельфийского храма, проводит идею космологического двуединства «дельфийских братьев» Аполлона и Диониса и связывает сущность Диониса, бога космического разделения и страдания, с переходом его во все материальные стихии, которые, в силу его жертвенного саморасточения, наполняются божественными энергиями: «Богословы, – говорит он, – в стихах и прозе учат, что Бог, будучи нетленным и вечным, но в силу некоего рока и логоса подверженный переменам и преобразованиям в себе самом, периодически то в один огонь воспламеняет природу, снимая все различия вещей, то становится многообразным в разности форм и страстей и сил, каковое состояние Он испытывает и ныне и в каком состоянии зовется Мир (Космос), наименованием наиболее известным. Тайно же от большинства людей мудрые именуют Его преобразование в огонь Аполлоном, выражая этим именем идею единства, или Фебом, означая идею чистоты и непорочности. **В разьединении же Божества** (мы употребили бы здесь воскрешенный Шопенгауэром схоластический термин: *principium individuationis*) **и в его разделении и переходах в воздух, и воду, и землю, и светила** (выделено нами. – Л.К.), и в смену рождений животных и растительных – они усматривают страдание и пресуществование, растерзание и расчленение Бога» [6. С. 19].

Объединение материальных стихий с дионисийской религиозной идеей не является нашим допущением, оно производится самим Плутархом, который усматривает сущность Аполлона в единстве, а Диониса – в дифференцированной множественности, выраженной в выделении четырех (у Плутарха – пяти) материальных стихий. Будучи платоником [34. С. 148], Плутарх устанавливает взаимосвязь космоса с пятью элементами, соотношенными с пятью правильными многогранниками (куб, пирамида, октаэдр, икосаэдр, додекаэдр) и возводимыми к пяти родам сущего (сущее, тождество и различие, покой и движение) [35]. Поскольку космос есть подобие Диониса, то его проявление подчиняется пяти стихиям (=правильным стереометрическим фигурам), на которые Дионис раздробляется в процессе своей демиургии. Таким образом, многократно цитируемый Ивановым плутарховский пассаж о Дионисе и Аполлоне поставлен в контекст не только символики стихий, но и платоновской космологии. Это подчеркивает единство натурфилософской традиции, на которую опирался Иванов, осмысляя композицию своей трагедии.

Итак, Иванов вживляет в прометеевский миф натурфилософскую теорию четырех элементов. Это кажется необъяснимым Брюсову, но вполне

---

¹ Роберт Бёрд называет Плутарха «одним из доселе недооцененных источников творчества Вяч. Иванова», среди идей, «которые Вяч. Иванов перенял у Плутарха», называя «противопоставление Аполлона и Диониса как двух начал религиозного опыта» и «центральную космологическую доктрину “Ты еси”» [32. С. 335]. Обе эти идеи содержатся в трактате Плутарха «Об “Е” в Дельфах».

укладывается в логику мысли Иванова, для которого Прометей, как и для Ницше, является «дионисической маской» [36. С. 77]. Отождествление Прометея с Дионисом позволяет подчеркнуть универсально-космологический статус Прометея, который изображается Ивановым не только как основатель человеческой культуры, но и как демиург. Прометей, страдающий творец¹, благодаря космогоническим стихиям отождествляется с мирообъемным образом страдающего Диониса: *Мир – обличье страждущего бога* [37. С. 785]. Отметим также, что восстановление «древнего космогонизма античного мифа» А.Ф. Лосев считает одной из главных заслуг трагедии Иванова [13. С. 285].

Символика «Прометея» в свете учения Эмпедокла. Сходства между Ивановым и античной натурфилософией не ограничиваются лишь композицией. Они обнаруживаются также в области семантики отдельных символов.

Общим для Эмпедокла и Иванова является прежде всего **антропогоническая роль огня.**

Важнейшей особенностью ивановской трактовки прометеевского мифа является совмещение в образе Прометея огненосца и демиурга. Прометей, подобно скульптору, лепит человека из глины, пропитанной кровью титанов, опаленных дионисийским огнем, но для завершения демиургического акта ему требуется небесный огонь, который он похищает с помощью хитрости.

Антропогоническое учение Эмпедокла связано с прометеевским мифом: «...die Lehre des Empedokles von der Entstehung der Menschen merkwürdlich an unseren Mythos erinnert»² [17. S. 3081]. «Dass auch insbesondere unterirdische (vulkanische) Feuer als an der Hervorbringung der Geschöpfe beteiligt gedacht werden konnte, zeigt die Darstellung des Empedokles <...> von der Entstehung der Menschen»³ [17. S. 3051]: «Теперь же послушай о том, как огонь, выделяясь, вывел на свет скрывавшиеся в ночи [т.е. во мраке под землей] отпрыски многогорестных мужей и жен <...> Сначала стали выходить из земли цельноприродные [т.е. не разделенные на полы] создания, заключавшие в себе по равной части двух стихий: воды и теплого воздуха, их выталкивал огонь, стремясь достигнуть себе подобного <...>»⁴

¹ «Остроумный и легкомысленный Марциал становится однажды неожиданно глубоким, говоря о страдальце Прометее как художнике-творце человеческого рода: *Кто так умел страдать, / Род человеческий достоин был создать*. Народ эллинов поистине достоин считаться образом человечества и как бы народом всечеловеков. Как их Прометей, они умели страдать» [6. С. 13].

² «Учение Эмпедокла о возникновении людей примечательным образом напоминает наш миф».

³ «На то, что подземный (вулканический) огонь также может быть мыслим связанным с появлением творения, указывает представление Эмпедокла <...> о возникновении людей».

⁴ Древнегреческий текст, приводимый Баппом, мы даем в переводе Маковельского.

[16. С. 201]. «Die Gabe des Feuers nun dazu als das lebende Princip in Beziehung gesetzt ward»¹ [17. S. 3082].

Еще одной точкой соприкосновения между Эмпедоклом и Ивановым является **тождество учения о Любви и Вражде первого с универсальными категориями дионисийского и титанического второго**. Любовь Эмпедокла можно отождествить с дионисийским началом Иванова, а Вражду – с титаническим.

Эмпедокл понимает Любовь и Вражду как весьма специфические категории, ради понимания которых привычную семантику данных слов лучше отбросить. Любовь и Вражда – это два модуса бытия, две действующие причины сущего. Материя же складывается из четырех элементов, которые выступают как материальные причины сущего.

«Деятельность Любви, по Эмпедоклу, есть разделение однородного и соединение разнородного (цель ее – из много сделать единое); деятельность Вражды – разделение разнородного и соединение однородного (цель ее – из единого сделать многое)» [16. С. 117]. Очевидно, что под однородным Эмпедокл понимает каждую из стихий в своей отдельности и обособленности, чистоте и цельности; элемент как целое, не смешанное с другим элементом, и есть однородное. Под разнородным же следует понимать каждую из стихий, раздробленную на мельчайшие части; элемент как множество, смешанное с другим множеством, и есть разнородное. Отсюда понятна двоякая деятельность Любви и Вражды. Любовь сначала разделяет каждый из элементов (однородное) на множество частей, а затем соединяет эти мельчайшие частицы в одно (разнородное), из много составляя единство. Вражда же, напротив, сначала выделяет из состояния единства мельчайшие частицы (разнородное), а затем, как бы заново собирая эти частицы в четыре группы, восстанавливает элементы в их целостности и обособленности (однородное), из единого вновь делая многое.

Очень четко об этом говорит Аристотель: «...всякий раз когда вселенная разъединена раздором на стихии, огонь соединяется в одно и так же каждая из прочих стихий; а когда опять все стихии, вследствие взаимного влечения, сходятся в одно, частицы каждой стихии по необходимости разделяются» [16. С. 150]

Если сопоставить это учение Эмпедокла о Любви и Вражде с ивановской космогонией, то станет очевидно, что Любовь и категорию разнородного следует отождествить с дионисийским началом (у Плутарха это, как ни парадоксально, Аполлон), потому что и то и другое характеризуется взаимопроникнутостью и слитостью, максимумом единства; а Вражду и однородное следует отождествить с титаническим началом (у Плутарха это Дионис), так как и то и другое пребывает в состоянии обособленности, замкнутости, индивидуации, максимума множественности.

Особенностью космогонического нарратива, развиваемого в «Прометее», является **мотив отражения на небосводе извечного, премирного**

¹ «Дар огня будет теперь непосредственно связан с оживляющим началом».

Зевса, который отождествляется с огнем. Результатом этого отражения становится появление солнца и созвездий как видимых воплощений трансцендентного божества.

А сердце сына, бьющееся сердце,
Отец исхитил и в себе сокрыл.
В незримом небе, что ни свет, ни тьма,
Воссел он на престоле отдаленном.
Помыслите: когда б в ночной пещере
Сидел пред вами демон, поглотивший
В утробу солнце, – что бы зрели вы?
Весь просквозил бы тусклым светом он;
Мерцали б члены, все насквозь; зияя,
Двумя пылали б солнцами глаза,
И заревом вертеп пространный рдел;
Завесою душа бы заградилась, –
И на завесе мрел бы тот же образ,
И пламенели горнами глаза.
Так на лазурной тверди, что престол
Невидимый от смертных застилает,
Извечный отразился смутно Зевс
Обличьями верховных миродержцев,
Из них же Зевс-Кронид, юнейший, днесь
Орлом надмирным в небе распростерт.

У этого образа тоже можно зафиксировать досократические основания. «По Эмпедоклу, есть два солнца: одно – первообраз, огонь, наполняющий постоянно другое полушарие вселенной и отражающийся на вершине этого полушария; другое, видимое солнце, есть отражение в другом полушарии <...> Короче говоря, солнце есть отражение огня, окружающего землю» [16. С. 154–155]. «Эмпедокл: звезды – из огня» [16. С. 154].

Литературно-философская основа соединения дионисийско-орфической антропологии и прометеевского мифа. Отличительной особенностью ивановской трагедии является **совмещение двух мотивов – создание Прометеем людей и возникновение людей в результате смешения титанического и дионисийского начала**¹. На наш взгляд, этому факту придается слишком мало внимания в исследовательской литературе. Он просто констатируется, но не подвергается критической рефлексии. Между тем он достоин того, чтобы стать предметом пристального внимания, ибо нигде в античных источниках мы не встретим такого совмещения орфической антропологии и прометеевского мифа: это новация, на которую решается сам Иванов. Его мифотворческий шаг состоит в установлении напрашивающейся логической связи между названными мотивами: Прометей творит человека из земли, пропитанной кровью титанов, причастившихся дионисийскому огню и испепеленных молнией Зевса либо сожженных огнем изнутри. Об этом говорится в двух местах трагедии: впер-

¹ На эту особенность ивановской трагедии указывает Доната Джелли Муредду [38. С. 143].

вые – в первом действии, устами Прометея, а затем коротко – в третьем, устами Пандоры. При этом Иванов отдает отчет в том, что он синтезирует в своем произведении общеэллинский миф с орфической мистической антропологией: «Эллины с некоторой поры¹ узнали в Прометее ваятеля человеков. Орфики, с своей стороны, учили, что род человеческий возник из пепла и дыма спаленных Титанов. В речи Пандоры к людям об их сотворении Прометеем оба предания приведены в связь <...> О том же повествует и сам Прометей:

Сама в перстах моих слагалась глина
 В обличья стройные моих детей,
 Когда сошел я в пахнувшие гарью
 Удолия, где прах Титанов тлел,
 Младенца Диониса растерзавших
 И в плоть свою приявших плоть его.
 Еще незримый теплился огонь
 Божественным причастьем Геи темной
 В пласту земном, покрывшем кости сильных
 Убитых мезью Зевсова орла.

В этом антропогоническом нарративе проступает шов, с помощью которого Иванов соединяет мотив творения с орфическим мифом: Прометей совершает свой демиургический акт в «пахнувших гарью удолиях». Запах гари мотивируется в тексте тем, что здесь произошло испепеление титанов. Орфическая сторона образа эксплицирована Ивановым. Но нет ли в античности свидетельств о том, что создание Прометеем человека сопровождалось горелым запахом? Есть. Оно принадлежит Павсанию: «В Панопее, на самой дороге, стоит небольшое здание из необожженного кирпича, а в нем статуя из пентеликонского мрамора, изображающая, как одни говорят, Асклепия, а другие – Прометея; последние в подтверждение своих слов приводят следующее доказательство. Здесь **в овраге лежат два камня**, каждый такой величины, что может служить достаточным грузом для одной повозки; цвет составляющей их глины не землистый, но какой бывает в

¹ Эта на первый взгляд нейтральная ивановская формулировка отражает сомнения относительно сроков возникновения мифологического представления о Прометее – создателе человека. Велькер, впервые систематизировавший античные свидетельства на этот счет, писал о «die dem Hesiodus und Aeschylus gleichfalls fremde Dichtung, nach welcher Prometheus die Menschen aus Wasser und Erde bildet» («Эсхилу и Гесиоду в любом случае чуждом воззрению, по которому Прометей создает людей из воды и земли») [39. S. 12]. Первым античным автором, утверждающим антропогонический статус Прометея, Велькер считает Сапфо: «...das Übrige, dass Prometheus den Menschen bildet, <...> früher als Sappho nicht vorkommt» («...замечание о том, что Прометей создает людей, <...> возникает не раньше Сапфо») [39. S. 71]. Бапп же отдает это право поэтессе Эринне. Ее эпиграмма, где «die Kunst des Porträtmalers <...> Geschicklichkeit des Prometheus gleichgestellt wird» («искусство портретиста <...> отождествляется с мастерством Прометея») [17. S. 3057], является «das früheste ausdrückliche Zeugnis für jenen Zug unseres Mythos» («самым ранним бесспорным свидетельством о подобной черте нашего мифа») [17. S. 3044].

оврагах или песчаных горных потоках, запах они издают очень похожий на запах человеческой кожи. Говорят, что эти камни еще остались от той глины, из которой Прометеем был вылеплен весь человеческий род» (выделено нами. – Л.К.) [40. С. 248].

Ивановское обозначение места совершения прометеевской демиургии примечательно коррелирует с павсаниевским: удолие, т.е. ущелье, низменность между горами, можно считать переводом древнегреческого «*xaradra*». Горелый же запах указывает на технологию прометеевской демиургии: сын Иапета, подобно горшечнику, обжигал свои творения в огне. У Иванова этот мотив вытеснен орфическим, но сохраняет связь с огнем.

Примечательно, что свидетельство Павсания Бапп связывает с антропологическим отрывком Эмпедокла, утверждая вулканическое происхождение панопейских камней: «*Jene grossen, fremdartig duftenden, thonfarbenen Blöcke, welche nach Pausan. X, 4, 3 bei Panopeus an einem Erdsplatt lagen und als Reste vom Schöpfungsthon des Prometheus galten, scheinen vulkanischen Ursprungs gewesen zu sein*»¹ [17. S. 3051].

Так образ *пахнущих гарью удолий*, где в ивановской трагедии совершается творение людей Прометеем, связывает орфический миф с мифом о Прометее-демиурге и эмпедокловским представлением об огне как антропологическом начале. Налицо смычка «Павсаний – Бапп – Эмпедокл».

Столь пристальное внимание к такой частности ивановской трагедии, как образ *пахнущих гарью удолий*, мотивировано исключительной, можно сказать, фундаментальной значимостью для Иванова связи орфической антропологии и прометеевской демиургии. Устанавливая эту связь, поэт вводит прометеевский миф в контекст своего «основоположного» мифа. Прометеевский сюжет становится вследствие этого вариацией магистрального мистериально-орфического дионисийского сюжета.

Тут следует оговориться, что свести единство прометеевского и дионисийского мифа только к влиянию Эмпедокла, Павсания и «Мифологического лексикона» Рошера ни в коем случае нельзя. Наше наблюдение скорее объясняет, каким образом соединилось у Иванова орфическое представление о возникновении человека с общеэллинским воззрением на Прометея как демиурга, чем связь Прометея и Диониса в целом. Корни дионисийства ивановского Прометея следует, по всей видимости, искать в «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше², где Прометей назван «дио-

---

¹ «Такие огромные, странно пахнущие, цвета глины блоки, которые, согласно Павсанию X, 4, 3, лежали в низменностях у Панопея и принимались за остатки глины, с помощью которой Прометей совершал свое творение, должны были иметь вулканическое происхождение».

² Уже Брюсов в своей рецензии на ивановскую трагедию отмечает влияние Ницше: «Прометей – философ в высокой степени – рассуждает так, словно читал Ницше» [1. С. 397]. Брюсову вторит Яков Голосовкер: «Его (Иванова. – Л.К.) Прометей читал не только Ницше, но и Шеллинга, Гегеля, Канта» [41. С. 112]. Автор единственного на данный момент диссертационного исследования, посвященного ивановскому «Прометею», Сергей Кибальниченко заявляет о зависимости ивановского Прометея от Ницше,

нисической маской»: «Титаническое стремление стать как бы Атлантом всех отдельных существ и на сильных плечах нести их все выше и выше, все дальше и дальше и есть то, что объединяет прометеевское начало с дионисическим» [36. С. 77].

Литература

1. Брюсов В. Вячеслав Иванов: Прометей: трагедия // Вяч. Иванов: Pro et contra: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. Т. 1. СПб., 2016. С. 396–398.
2. Герасимов Ю.К. Неоконченная трагедия Вячеслава Иванова «Ниобея» // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 178–203.
3. Каяниди Л.Г. «Прометеида» Жозефина Пеладана и «Прометей» Вячеслава Иванова: розенкрейцеровские подтексты символистской трагедии // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 5–10.
4. Каяниди Л.Г. «Прометей» А.Н. Скрябина и «Прометей» Вячеслава Иванова: конструктивно-семиотические аналогии музыкального и поэтического текста // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 4. Иерусалим, 2020.
5. Иванов Вячеслав. Прометей: трагедия. Петербург: Алконост, 1919. XXV+82 с.
6. Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. 2014. № 64. 224 с.
7. Венцлова Т. К вопросу о русской мифологической трагедии: Вячеслав Иванов и Марина Цветаева // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М., 2012. С. 106–126.
8. Сычева С.Г. Платон и Вячеслав Иванов: мифология и символизм // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319, № 6. С. 99–101.
9. Terras V. The Aesthetic Categories of *Ascent* and *Descent* in the Poetry of Vyacheslav Ivanov // Russian Poetics: Proceedings of the International Colloquium at UCLA. September, 22–26. 1975. Columbus, 1982. P. 393–408.
10. Каяниди Л.Г. Вяч. Иванов и А.К. Толстой: предсимволистский подтекст стихотворения «Творчество» // Предсимволизм – лики и отражения / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М., 2020. С. 126–140.
11. Маковельский А.О. Досократики. Ч. 1: Доэлеатовский период: первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Казань, 1914. XL. 211 с.
12. Wellmann E. Herakleitos // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. VIII, 1. Stuttgart, 1912. S. 504–508.
13. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1976. 367 с.
14. Иванов В.И. Символика эстетических начал // Собрание сочинений. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 823–830.
15. Обатнин Г.В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo. VIII Международная конференция «Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и Поэзией». XXI. 2002. 2. С. 261–343.

но не производит конкретные сопоставления текстов трагедии и «Рождения трагедии», а уклоняется в общую трактовку «Прометея» как «Ветхого Завета эллинства» [42. С. 14–26]. Между тем Иванов воспроизводит в своем произведении все основные идеи Ницше, высказанные по поводу Прометея. Доказательство этого утверждения требует, однако, отдельного рассмотрения.

16. *Маковельский А.О.* Досократики. Ч. 2. Элеатовский период: первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Казань, 1915. 242 с.
17. *Varr K.* Prometheus // Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. В. III, I. Leipzig : Teubner, 1897–1902. S. 3032–3110.
18. *Каяниди Л.Г.* Гераклит и трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 4.
19. *Тимердинг Г.Е.* Золотое сечение. М. : КомКнига, 2005. 88 с.
20. *Платон.* Тимей // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 421–500.
21. *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993. С. 61–612.
22. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. 620 с.
23. *Triomphe R.* Prométhée et Dionysos ou La Grèce à la lueur des torches. Strasbourg : Presses Universitaires de Strasbourg, 1992. 310 p.
24. *Hartke W.* Narthex // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. XVI, 2, Stuttgart, 1935. S. 1770–1772.
25. *Платон.* Федон // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 7–80.
26. *Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. VII+304 с.
27. *Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Л. : Наука, 1972. 216 с.
28. *Еврипид.* Трагедии : в 2 т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1969. 720 с.
29. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: Ранняя классика. Москва : АСТ; Харьков : Фолио, 2000. 624 с.
30. *Устинова В.А.* Традиции Платона и Данте в поэтическом сознании Вячеслава Иванова // Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo. VIII Международная конференция «Вячеслав Иванов: Между Св. Писанием и Поэзией». XXI. 2002. 1. С. 321–338.
31. *Каяниди Л.Г.* Архетипы художественного мира Вячеслава Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 187–190.
32. *Бёрд Р.* Вячеслав Иванов и Плутарх // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 335–344.
33. *Иванов В.И.* О Дионисе орфическом // Русская мысль. 1913. № 11. С. 70–96.
34. *Лосев А.Ф.* Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э. М. : МГУ, 1979. 416 с.
35. *Плутарх.* Моралии. Об «Е» в Дельфах / пер. и коммент. Н.Б. Клячко // Вестник древней истории. 1978. № 1 (143). С. 233–252.
36. *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм. М. : Академический проект, 2007. 166 с.
37. *Иванов В.И.* Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974. 852 с.
38. *Mureddu D.G.* The Tragedy Prometheus by Vjačeslav Ivanov // Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter – Europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums. Heidelberg, 4–10 September 1989. Heidelberg : Universitätsverlag C. Winter, 1993. S. 127–162.
39. *Welcker F.G.* Die Äschyleische Trilogie Prometheus und die Kabirenweihe zu Lemnos. Darmstadt : Druck und Verlag von Leske, 1824. 616 s.
40. *Павсаний.* Описание Эллады : в 2 т. Т. 2, кн. 8–10. М. : ООО «Издательство АСТ» : «Ладомир», 2002. 503 с.
41. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М. : Наука, 1987. 218 с.
42. *Кибальниченко С.А.* Реализация «основного мифа» Вяч. Иванова в трагедии «Прометей» : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 182 с.

Vyacheslav Ivanov's Tragedy *Prometheus* in the Light of Ancient Natural Philosophy (Parmenides, Empedocles, Plato, Plutarch)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 191–208. DOI: 10.17223/19986645/73/11

Leonid G. Kainidi, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation).

E-mail: leonideas@bk.ru

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Prometheus, ancient mythology, ancient philosophy, symbol, subtext, composition, artistic image.

The article aims to discover the ancient natural philosophical subtexts of the tragedy *Prometheus* by Vyacheslav Ivanov. The research material is the text of the tragedy and the author's preface to it compared with the philosophical teachings of Parmenides, Empedocles, Plato, and Plutarch. The research was based primarily on the sources contained in Ivanov's personal library. Comparative, hermeneutical, structural-semantic, contextual, and motivic-thematic analysis methods were used in the analysis. Traces of the natural philosophy of Heraclitus, Parmenides, and Empedocles are evident first of all in the compositional scheme that Ivanov presupposes for his tragedy. Here the playwright uses the mythological symbolism of the four elements, most fully developed by Empedocles. The sequence of elements in Ivanov (fire–water–earth–air), their pairwise symmetry correlate with the opposition “male/female”, the most important for the tragedy, and are associated with the two central characters – Prometheus and Pandora. At the same time, as in Parmenides and Plato, the main symbolic role belongs to fire and earth as symbols of the active masculine and passive feminine principles. Ivanov's compositional scheme is also connected with the cosmological geometric symbolism of Plato's *Timaeus*, where the isosceles triangle is declared the main structural element of the universe and where the element of fire is associated with the pyramidal form. Platonic geometric symbolism defines the triangular (and pyramidal) form of Ivanov's scheme. This scheme is iconically associated with the symbols of the Dionysian thyrus and the Prometheus torch. The connection of the Prometheus myth with the Dionysian one becomes even more tangible with the involvement of Plutarch's treatise *On the E at Delphi*, which Ivanov repeatedly quotes. Special attention is paid to the combination of two motifs in Ivanov – the creation of people by Prometheus and the emergence of people as a result of mixing the Titanic and Dionysian principles. The basis for this combination is given in Pausanias' *Description of Greece* and is also related to ancient natural philosophy. The research has led to two important results: (1) it explains why Ivanov correlates the theory of the four elements with the Prometheus myth and how this is related to the internal logic of the development of dramatic action; (2) it has also established a literary and philosophical bond that allows Ivanov to connect the motif of Prometheus' demiurgy with Dionysian-Orphic anthropology.

References

1. Bryusov, V. (2016) Vyacheslav Ivanov: Prometej: tragediya [Vyacheslav Ivanov: Prometheus: a tragedy]. In: Isupova, K.G. & Shishkina, A.B. *Vyach. Ivanov: Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Vyacheslava Ivanova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley: antologiya* [Vyacheslav Ivanov: Pro et contra: The personality and oeuvre of Vyacheslav Ivanov in the assessment of Russian and foreign thinkers and researchers: an anthology]. Vol. 1. St. Petersburg: RKhGA. pp. 396–398.
2. Gerasimov, Yu.K. (1984) Neokonchennaya tragediya Vyacheslava Ivanova “Niobeya” [The unfinished tragedy of Vyacheslav Ivanov “Niobe”]. In: Muratova, K.D. (ed.) *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1980 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1980]. Leningrad: Nauka. pp. 178–203.
3. Kainidi, L.G. (2019) “La Prométhéide” by Josephin Péladan and “Prometheus” by Vyacheslav Ivanov: Rosicrucian Subtexts of the Symbolic Tragedy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 439. pp. 5–10. DOI: 10.17223/15617793/439/1

4. Kayanidi, L.G. (2020) “Prometej” A.N. Skryabina i “Prometej” Vyacheslava Ivanova: konstruktivno-semioticheskie analogii muzykal'nogo i poeticheskogo teksta [“Prometheus” by A.N. Skryabin and “Prometheus” by Vyacheslav Ivanov: constructive-semiotic analogies of musical and poetic text]. In: *Vyacheslav Ivanov: issledovaniya i materialy* [Vyacheslav Ivanov: research and materials]. Vol. 4. Jerusalem.

5. Ivanov, V. (1919) *Prometej: tragediya* [Prometheus: a tragedy]. Peterburg: Alkonost.

6. Ivanov, V.I. (2014) Ellinskaya religiya stradayushchego boga [The Hellenic Religion of the Suffering God]. *Simvol. Zhurnal khristianskoy kul'tury*. 64.

7. Ventslova, T. (2012) *Sobesedniki na piru: Literaturovedcheskie raboty* [Interlocutors at the feast: works in literary studies]. Moscow: NLO. pp. 106–126.

8. Sycheva, S.G. (2011) Platon i Vyacheslav Ivanov: mifologiya i simvolizm [Plato and Vyacheslav Ivanov: mythology and symbolism]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 319 (6). pp. 99–101.

9. Terras, V. (1982) The Aesthetic Categories of Ascent and Descent in the Poetry of Vyacheslav Ivanov. *Russian Poetics: Proceedings of the International Colloquium at UCLA*. 22–26 September 1975. Columbus. pp. 393–408.

10. Kayanidi, L.G. (2020) Vyach. Ivanov i A.K. Tolstoy: predivolistskiy podtekst stikhovoreniya “Tvorchestvo” [Vyacheslav Ivanov and A.K. Tolstoy: the pre-symbolic subtext of the poem “Creativity”]. In: Takho-Godi, E.A. (ed.) *Predsimvolizm – liki i otrazheniya* [Pre-symbolism – faces and reflections]. Moscow: IWL RAS. pp. 126–140.

11. Makovel'skiy, A.O. (1914) *Dosokratiki* [Pre-Socratics]. Pt. 1. Kazan.

12. Wellmann, E. (1912) Herakleitos. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. VIII, 1. Stuttgart. pp. 504–508.

13. Losev, A.F. (1976) *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The symbol problem and realistic art]. Moscow: Iskusstvo.

14. Ivanov, V.I. (1971) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 1. Brussels: Foyer Oriental Chretien. pp. 823–830.

15. Obatnin, G.V. (2002) [Materials for the description of the library of Vyacheslav Ivanov]. *Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo. Vyacheslav Ivanov: Mezhdru Sv. Pisaniam i Poeziy* [Vyacheslav Ivanov: Between Holy Scripture and Poetry]. Proceedings of the International Conference. XXI. 2. pp. 261–343. (In Russian).

16. Makovel'skiy, A.O. (1915) *Dosokratiki* [Pre-Socratics]. Pt. 2. Kazan.

17. Bapp, K. (1897–1902) Prometheus. In: Roscher W.H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. B. III, I. Leipzig: Teubner. pp. 3032–3110.

18. Kayanidi, L.G. (2020) Geraklit i tragediya Vyacheslava Ivanova “Prometej” [Heraclitus and the tragedy “Prometheus” by Vyacheslav Ivanov]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4.

19. Timerding, H.E. (2005) *Zolotoe sechenie* [The golden ratio]. Translated from German. Moscow: KomKniga.

20. Plato. (1994) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 421–500.

21. Losev, A.F. (1993) *Bytie – imya – kosmos* [Being – name – cosmos]. Moscow: Mysl'. pp. 61–612.

22. Losev, A.F. (1957) *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razviti* [Ancient mythology in its historical development]. Moscow: Uchpedgiz.

23. Triomphe, R. (1992) *Prométhée et Dionysos ou La Grèce à la lueur des torches*. Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg.

24. Hartke, W. (1935) Narthex. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. XVI, 2, Stuttgart. pp. 1770–1772.

25. Plato. (1993) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 7–80.

26. Ivanov, V.I. (1923) *Dionis i pradiionisiystvo* [Dionysus and proto-Dionysism]. Baku: 2-ya gos. tip.
27. Apollodorus. (1972) *Mifologicheskaya biblioteka* [Library]. Translated from Old Greek. Leningrad: Nauka.
28. Euripides. (1969) *Tragedii: v 2 t.* [Tragedies: in 2 volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.
29. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki: Rannyya klassika* [A History of Ancient Aesthetics: Early Classics]. Moscow: AST; Kharkiv: Folio.
30. Ustinova, V.A. (2002) [The traditions of Plato and Dante in the poetic consciousness of Vyacheslav Ivanov]. *Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo. Vyacheslav Ivanov: Mezhu Sv. Pisanem i Poeziy* [Vyacheslav Ivanov: Between Holy Scripture and Poetry]. Proceedings of the International Conference. XXI. 1. pp. 321–338. (In Russian).
31. Kayanidi, L.G. (2014) Archetypes of Vyacheslav Ivanov's Art World. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2 (2). pp. 187–190. (In Russian).
32. Bird, R. (2010) Vyacheslav Ivanov i Plutarkh [Vyacheslav Ivanov and Plutarch]. Translated from English. In: Lappo-Danilevskiy, K.Yu. & Shishkin, A.B. (eds) *Vyacheslav Ivanov: Issledovaniya i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Research and materials]. Vol. 1. St. Petersburg: IWL RAS. pp. 335–344.
33. Ivanov, V.I. (1913) O Dionise orficheskom [On the Orphic Dionysus]. *Russkaya mysl'*. 11. pp. 70–96.
34. Losev, A.F. (1979) *Ellinisticheski-rimskaya estetika I–II vv. n.e.* [Hellenistic and Roman aesthetics of the 1st–2nd centuries CE]. Moscow: Moscow State University.
35. Plutarch. (1978) Moralii. Ob “E” v Del’fakh [Morals. On the E at Delphi]. Translated from Old Greek by N.B. Klyachko. *Vestnik drevney istorii*. 1 (143). pp. 233–252.
36. Nietzsche, F. (2007) *Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm* [The Birth of Tragedy or Hellenism and Pessimism]. Translated from German. Moscow: Akademicheskii proekt.
37. Ivanov, V.I. (1974) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 2. Brussels: Foyer Oriental Chretien.
38. Mureddu, D.G. (1993) The Tragedy Prometheus by Vjačeslav Ivanov. *Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter – Europäischer Kulturphilosoph*. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums. Heidelberg. 4–10 September 1989. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter. pp. 127–162.
39. Welcker, F.G. (1824) *Die Äschyleische Trilogie Prometheus und die Kabirenweihe zu Lemnos*. Darmstadt: Druck und Verlag von Leske.
40. Pausanias. (2002) *Opisanie Ellady: v 2 t.* [Description of Greece: in 2 volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 2, Books 8–10. Moscow: OOO “Izdatel’stvo AST”: “Ladomir”.
41. Golosovker, Ya.E. (1987) *Logika mifa* [The logic of the myth]. Moscow: Nauka.
42. Kibal’nichenko, S.A. (2017) *Realizatsiya “osnovnogo mifa” Vyach. Ivanova v tragedii “Prometey”* [Realization of the “main myth” of Vyacheslav Ivanov in the tragedy “Prometheus”]. Philology Cand. Diss. Voronezh.

УДК 821.111

DOI: 10.17223/19986645/73/12

Б.А. Максимов

ЭРОЗИЯ ПАТРИАРХАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЕ А. КОНАН ДОЙЛА

Исследуется внутренняя логика «истории преступления» в «брачных» эпизодах шерлокианского канона. Выявляются две преобладающие сюжетные вариации: (1) истории о воспрепятствовании браку деспотичным отцом и (2) истории о тайне происхождения, отчуждающей жену от мужа. Подробно рассматривается общая для этих сюжетных паттернов коллизия – «бунт» архаичных патриархальных идеалов эндогамной и патрилинеальной семьи против современности и его закономерная неудача.

Ключевые слова: *Конан Дойл, семья, патриархат, эмансипация, преступление, сюжет, эндогамия, патрилинеальность*

Последние десятилетия Викторианской эпохи и эдвардианский период, на которые приходится расцвет детективного творчества Конан Дойла, запечатлелись в памяти британцев как своего рода золотой век. При всех своих противоречиях, это время могло бы послужить эталонным примером быстрой, мирной и успешной эволюции общества и государства. Примером, доказывающим, что головокружительный прогресс в экономике, законодательстве, науке не обязательно угрожает социально-политической стабильности. Разумеется, перемены не обошли стороной семью и брак – институты, священные для англичан Викторианской эпохи. С формальной точки зрения значимыми вехами стали новации 1870–1890-х гг. в области матримониального права, которые позволили женщине завещать и наследовать имущество, добиваться развода, рассчитывать на судебную защиту от домашнего насилия¹. В законодательной практике отразилась заметная

---

¹ Самые существенные из законодательных нововведений конца XIX в. в этой области – это Закон об имуществе замужних женщин (Married Women's Property Act, принят в 1870 г., дополнен поправками в 1882 и 1884 гг.), делегировавший женщинам право распоряжаться своим заработком и наследством (впоследствии – всей принадлежавшей им до брака и приобретенной после замужества собственностью) и от своего имени заключать контракты; Закон о бракоразводных процессах (Matrimonial Causes Act, принят в 1878 г.), который признавал право женщин разводиться по причине жестокого обращения и (благодаря поправке 1886 г.) требовать от мужей выплаты алиментов; Закон об опеке над несовершеннолетними (1886), позволявший ребенку остаться с матерью при разводе, а также судебное решение 1891 г., гласившее, что муж принципиально не имеет права бить или держать взаперти свою жену (новым был безоговорочный запрет – санкции против домашнего насилия последовательно ужесточались еще с конца XVIII в.). Подробный обзор юридических преобразований в сфере матримониального права приводится в монографии Джини Мун [1. Р. 1–12].

эволюция представлений англичан о семье и браке. Отзвуки этих процессов прослеживаются в популярнейшем литературном жанре рубежа веков – детективной повести, у многих современников Конан Дойла (таких, как Г.К. Честертон, А.Д. Моррисон, Р.О. Фримен, Д.Э. Престон Маддок). Непосредственно у Конан Дойла вопросы семьи и брака играют центральную роль в доброй трети «шерлокианских» эпизодов. Как отображена в них трансформация представлений о месте и функции отца, мужа, младшей родственницы, супруги, совершавшаяся в течение *fin de siècle*? Какие конфликты порождает, по мысли писателя, столкновение архаических идеологем и новых социокультурных реалий? Частично ответить на эти вопросы позволяют нарративные паттерны, преобладающие в «семейных» эпизодах шерлокианы. В настоящей статье внимание будет сосредоточено на типических коллизиях, которые порождают (или едва не порождают) «семейное» преступление, т.е. насильственный трансгрессивный акт. Именно они составляют ядро «фабулы преступления», унификация и типологизация которой требует пристальной работы с текстом.

Оправдывая в журнальном интервью 1900 г. свою усталость от Холмса и необходимость устроить ему «пышные» (*gaudy*) похороны, Конан Дойл сослался на трудности сюжетосложения: «...после того как я сочинил двадцать шесть историй, для каждой из которых приходилось изобретать новую интригу (*making a fresh plot*), поиск сюжетов сделался для меня обременительным». По убеждению писателя, оригинальность истории о сыщике прежде всего определяется своеобразием интриги («*the only possible originality which one can get into a story about a detective is in giving him original plots and problems to solve*») [2. P. 349], более того, творческую фантазию автора детективов всецело занимает изобретение сюжетов («*they only call for the use of a certain portion of one's imaginative faculty, the invention of a plot*») [2. P. 350]. Из контекста очевидно, что речь идет главным образом о криминальной, а не герменевтической (расследовательской) интриге, т.е. о «фабуле (или, в категориях Тодорова, «истории») преступления» – совершенного, воображаемого или планируемого. Как и в новелле, от которой он ведет свое происхождение, тему в классическом детективе задает «*eine unerhoerte Begebenheit*» – «неслыханное», иррегулярное происшествие, скандал, нарушающий социальные конвенции (преступление). Тем удивительнее, что нарративная структура этого «жанрообразующего» события остается относительно малоизученной – хотя рассказы и повести о Шерлоке Холмсе предоставляют для этого благодатнейший материал: ведь перед нами шедевр формульной литературы, чьи сюжетные шаблоны использовал в дальнейшем и классический, «христианский», детектив, и нуар, и полицейский, и шпионский роман XX в.

Как ни парадоксально, о фабуле преступления практически не упоминается в современных академических сборниках, посвященных жанровым особенностям детектива и непосредственно шерлокианскому канону [3–5]. Среди многочисленных работ о творчестве Конан Дойла преобладают исследования культурологического характера, где основное внимание уделе-

но социокультурному контексту и его непосредственному отражению в детективной прозе. В этом свете истории о Шерлоке Холмсе подчас предстают энциклопедией жизни в Викторианскую эпоху, позволяющей судить о современном писателю состоянии криминалистики, о развитии науки (например, медицины, психиатрии, биологии) и техники, о социальной стратификации, юридических нормах и экономическом фундаменте Британской империи рубежа веков. Чуть большую, но все же вспомогательную, роль сюжетное измерение играет в имперских и гендерных / феминистских штудиях о Конан Дойле. Здесь на первый план, как правило, выходят идеологические концепты и нормы, укорененные в сознании викторианского джентльмена, которые реализуются в том числе и в сюжетных коллизиях. В свою очередь, *нарратологи* проявляют интерес почти исключительно к фабуле (и методике) расследования, в то время как ее старшая сестра в «двойном нарративе» – история преступления – традиционно остается в тени. Показательно, что Джон Кавелти, рассуждая о «ситуации» и сюжетных ходах (*patterns of action*) у По и Конан Дойла, не задается вопросом о типологии преступлений и о мотивации преступника: в его глазах фундамент классического детектива составляет расследование, а преступный акт лишь задает загадку, поставляет «улики», «ключи» Холмсу, дает ему повод продемонстрировать свои «невероятные способности» [6. Р. 81–84]. Для Анны Канторович, продолжающей традицию Кавелти, “plot” у Конан Дойла также сводится к процедуре расследования [7. Р. 179–182] (хотя сам писатель, как мы видели, понимал «интригу» иначе). Ю.К. Щеглов в известной статье о «Структуре детективной новеллы» ограничивает предмет изучения «основной новеллой» – тем «что происходит с Холмсом и его другом», оставляя без внимания «внутреннюю новеллу» (приблизительно соответствующую фабуле преступления) [8. С. 97]. Лишь в отдельных, весьма малочисленных, трудах ([9–11], ранее – [12]) предпринимались попытки типизировать криминальные коллизии у Конан Дойла – в первую очередь это касается историй о возмездии за преступное (как правило, колониальное) прошлое и о домашнем тиране, терроризирующем зависимую от него женщину. В сравнении с ними, наше исследование позволило выявить и описать две устойчивые, взаимодополняющие коллизии, которые более или менее отчетливо прослеживаются во всех «брачных» эпизодах шерлокианского канона, а также прояснить (неочевидные) каузальные связи в фабуле преступления. Тематически работа, безусловно, пересекается с гендерными / феминистскими штудиями. При этом связь детективной прозы Конан Дойла с социально-историческим контекстом намечена в ней лишь эскизно; нашей задачей является не экстраполяция социальных практик на художественную ткань, а типизация сюжетных формул, которые позволяют сделать выводы об идеологических (аксиологических) переменах в сознании соотечественников Конан Дойла на закате Викторианской эпохи.

1. Первую группу «семейных» новелл с общим сюжетным ядром образуют истории о тираническом *pater familias*, который из корыстных сооб-

ражений препятствует замужеству дочери, родной или приемной. Самые знаменитые из них сосредоточены в первом сборнике («Приключения Шерлока Холмса»): «Установление личности» можно при желании рассматривать как своеобразный эскиз, а «Медные буки» – как парную вариацию, пандан к «Пестрой ленте», которую сам автор ценил выше других «холмсовских» новелл. В мотивном отношении разительное сходство с ними обнаруживает поздний рассказ Конан Дойла «Человек на четвереньках» (прямо отсылающий читателя в прологе к «Медным букам»). Несмотря на кажущуюся фабульную простоту, истории о воспрепятствовании браку ставят перед читателем ряд загадок, первая из которых касается состава преступления, а вторая – мотивации преступника. В самом деле, что здесь расследуется и что изобличается?

Как известно, в ранних образцах классического детектива, приблизительно до 1930-х гг., чрезвычайное событие (преступление нормы) не сводилось исключительно к убийству. Из упомянутых выше четырех эпизодов до убийства дело доходит только в «Пестрой ленте». Обратим внимание, что мистер Рукасл, близкий к Ройлотту и типологически и функционально, не собирался убивать непокорную дочь, однако его агрессия поставила мисс Алису на грань жизни и смерти. В этом случае гибель жертвы представляется побочным эффектом злодейства, само же преступное деяние лежит в иной плоскости. Строго говоря, домашнему тирану достаточно было, запугав девушку, подавить ее сопротивление и сломить волю. В «Пестрой ленте», насыщенной готическими мотивами, крайне выразительно обрисованы ужас и дезориентация жертв – Элен Стоунер и ее старшей сестры, сходные формулы, отражающие смятение и беспомощность Эдит и ее жениха («чуть не умерла от изумления и страха», едва «не сошла с ума», «оцепенел») Конан-Дойл использовал спустя тридцать лет в «Человеке на четвереньках».

Что могло до смерти напугать девушку перед свадьбой? Безусловно, мизансцена, описанная в «Человеке на четвереньках», дает простор фрейдистским интерпретациям: проснувшись ночью в своей комнате, Эдит «прямо перед собой» увидела лицо отца, «прижавшееся к оконному стеклу», причем старик глядит на нее, «подняв руку, словно пытаясь открыть окно». Все мы помним, что в «Пестрой ленте» отчим заставлял падчерицу ночевать накануне свадьбы в комнате, смежной, более того, сообщающейся с его кабинетом: «ужас» и в этом случае внушает пространственная близость с главой семьи и угроза проникновения [отчима] в девичью спальню. Характерные для викторианской прозы намеки, *understatements*, вроде сигарного дыма в спальне или багровых пятен на запястьях мисс Стоунер, также наводят читателя и, вероятно, Холмса с Уотсоном на мысль о домогательствах (джентльмены единодушно признали дело «*весьма темным и весьма зловещим*»¹ – «dark enough and sinister enough»). Не менее двусмыс-

¹ Здесь и далее курсивом выделяю свой перевод, в остальных случаях повести Конан Дойла цитируются по изданию [13].

ленными представляются действия мистера Рукасла, который тайком навещал дочь в заброшенном крыле усадьбы, где, по его словам, оборудована была фотолаборатория; наконец, в «Установлении личности» отчим, искусно загримировавшись, обхаживает собственную падчерицу и связывает ее клятвой верности¹. Последний пример самый разительный, ибо за меркантильными мотивами мистера Уиндибенка, к которым мы еще вернемся, угадывается более амбициозная, заветная цель: подменив собой жениха, крепко привязать Мэри Сазерлэнд (вместе с ее капиталом) к родительскому очагу, не допустить, чтобы она выпала из семейного гнезда. По большому счету, деспотичный патриарх навязывает [родной или приемной] дочери, достигшей брачного возраста, эндогамный союз взамен экзогамного (отсюда намеки на инцестуальную связь).

Легко заметить, что мотив принуждения младшей родственницы (или соплеменницы) к эндогамному браку разрабатывается во многих шерлок-холмсовских рассказах и повестях, начиная с «Этюда в багровых тонах». Здесь неофициальная помолвка Люси Ферриер, выросшей в общине мормонов, с чужаком вызвала гнев у мормонского старосты, Бригема Янга, который потребовал от девушки порвать с иноверцем и взять в мужья одного из «братьев». Формально девушке предоставляют выбор, но с условием, что брак будет «внутрисемейным» делом. Патриарх же печется лишь о воспроизводстве мормонского «племени» (по мужской линии) и сводит роль женщины к деторождению: «У нас, старейшин, много телок, но нам следует позаботиться и о наших детях» («We Elders have many heifers, but our children must also be provided»). С дебютным «вестернизированным» детективом Конан Дойла во многом сближается новелла «Одинокий велосипедист», героиня которой едва не повторила судьбу несчастной Люси Ферриер. Здесь матримониальные планы юной мисс Смит вступают в противоречие с интересами криминального сообщества, эмиссарам которого необходимо вернуть девицу, вместе с отчужденным добром, в лоно «семьи». Как можно предугадать, корыстные мотивы в действиях преступника, мистера Вудли – точной копии Инока Дреббера, похитившего Люси, – тесно переплетаются с сексуальными. Отзвуки сюжета о пленении невесты отцом мы встречаем в рассказе «Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс». В данном случае роль похитителя-разлучника отведена поддельному миссионеру (т.е. духовному отцу) по кличке «святой Петр», который обхаживает и обворовывает незамужних дам (в оригинале его специализация звучит двусмысленно: «the beguiling of lonely ladies»).

---

¹ Современная критика единодушно усматривает сексуальный (инцестуальный) подтекст в «Пестрой ленте» и «Установлении личности» – об этом пишут, в частности, Маргин Рот [10. Р. 141], Эндрю Глаззарт [14. Р. 21] и Кэтрин Уинн (Catherine Wynne) [3. Р. 75], полагающая, что Ройлотт «стремится контролировать своих падчериц сексуально, эмоционально и физически» и что Мэри Сазерлэнд могла стать жертвой изнасилования [14. Р. 76]. По-видимому, границу между родными и приемными детьми у Конан Дойла не следует переоценивать: в первоначальном варианте «Пестрой ленты» Ройлотту отводилась роль родного отца Джулии и Элен.

Чрезвычайным, скандальным (собственно, преступным) деянием в истории о противодействии браку, как правило, оказывается не убийство, а принудительное ограничение мобильности: жертву изолируют от «большого» мира, ее сдавливают и обездвиживают в семейных объятьях. Рано или поздно героиня оказывается взаперти – заточенной в нежилом чулане отцовской усадьбы, как Алиса Рукасл, в доме ненавистного супруга, как Люси Ферриер, в гробу, как злополучная леди Карфэкс, или же ее, как мисс Вайолет Смит, в буквальном смысле слова связывают по рукам и ногам. В мире Холмса (и Конан Дойла) представительницам слабого пола, готовым отделиться от патриархальной семьи, грозит заточение, парализация и, в предельном случае – удушье. Такая участь постигла Джулию Стоунер (образ «ленты», обвинившей вокруг головы и парализующей своим ядом – весьма красноречив), Брендю, сестру коварного Мортимера Тригенниса (рассказ «Дьяволова нога»), забравшую свою долю фамильных акций, а также юную миссис Эмберли («Москательщик на покое») и Анну Корэм («Пенсне в золотой оправе»), которые взбунтовались против своих престарелых и властных мужей – все они погибают от яда или удушья в герметичной «камере». Стоит также вспомнить испытания, которым подверглась мисс Бернет – гувернантка, злоумышлявшая вместе со знакомым эмигрантом против своего хозяина, латиноамериканского диктатора Мурильо: женщину опоили опиумом, заперли в комнате и заткнули ей рот кляпом, чтобы она не сбежала (сходными методами Стэплтон запугивал свою мнимую сестру, которая слишком благосклонно приняла сватовство сэра Генри).

Дополнительную остроту конфликту придает цивилизационный «разрыв» между жертвой и агрессором. Представим себе типичную героиню повестей Конан Дойла – это эмансипированная викторианская леди, которая вступает в брак по склонности, располагает собственным капиталом, наследует и завещает личное имущество, нередко обладает профессиональными навыками и способна самостоятельно зарабатывать на жизнь – например, в качестве машинистки (Мэри Сазерлэнд), секретарши (Лора Лайонс), учительницы музыки (Вайолет Смит), гувернантки (Вайолет Хантер), при необходимости выходит в город одна, без сопровождения. Закрытые в тесных границах патриархального клана, низведенные до положения репродуктивной машины, свободолобивые женщины неминуемо будут задыхаться, угасать. О «бедняжке Люси» сказано, что в доме Дреббера она поникла (*never held up her head again*) и зачахла (*pined away*) за один лишь месяц, Алиса Рукасл в заточении «превратилась в тень», у Элен Стоунер, не достигшей тридцати лет, «в волосах уже блестела седина, и выглядела она усталой и измученной». Невольно вспоминаются готические повести о вампирах, которые парализуют и отравляют девушек брачного возраста, добываясь от них покорности. Как и в объятьях вампира, в патриархальном плену девушка угасает, и насильнику-«вампиру» не удается продолжить свой род. Бездетность – частый удел деспотических опекунов: доктора Ройлотта, профессора Корэма, Мортимера Тригенниса, Милвертона, Джозии Эмберли («Москательщик на покое»), Джонаса Ол-

дейкра («Подрядчик из Норвуда»), сэра Юстеса Брэкенстолла («Убийство в Эбби-Грейндж»). По крайней мере, род brutальных патриархов не продолжается по мужской линии (как показывает судьба Мурильо и «Черного Питера»), либо наследник отмечен печатью вырождения, как слабоумный сын мистера Рукасла в «Медных Буках».

Чтобы лучше понять мотивацию преступников, вернемся к имущественным вопросам. Конан Дойл лишь в редких случаях (например, в «Пестрой ленте» или «Установлении личности») конкретизирует материальную подоплеку злодеяний. Кроме того, писатель предпочитает не заострять внимание на алчности злодеев. Если буйство, пьянство и разврат Инока Дреббера показаны во всей красе, то о корыстолюбии молодого мормона упоминается лишь мельком («...ее пьянчуга-муж, женившийся на ней в первую очередь ради богатств Джона Ферриера»). Едва ли имущественные мотивы агрессоров у Конан Дойла сводятся к личному обогащению. Скорее, домашних тиранов беспокоит ослабление «рода», который не в последнюю очередь конституировала фамильная собственность. Вступая в [эзогамный] брак, англичанка Викторианской эпохи переходит в род мужа и уносит с собой долю семейного имущества – в виде приданого, ожидаемого наследства или, с недавних пор, личной собственности. Именно с этим не желают мириться тиранические отцы: Ройлотт, Уиндобенк, Рукасл (последний вымогал у дочери доверенность на распоряжение ее капиталом, «независимо от того, выйдет она замуж или нет»). Им важно, чтобы имущественная доля наследницы (и, часто, ее репродуктивный потенциал) остались в семье, послужив укреплению и продолжению отцовской династии¹.

С точки зрения домашнего тирана, возмутительна сама мысль о том, что женщина стала субъектом наследования, поскольку тем самым она подрывает основы патриархата. Если размер приданого или завещаемую долю в наследстве отец еще мог регулировать по своему усмотрению, то личная собственность дочери ему неподвластна – ее имущественная автономия охраняется новыми законами, отразившими бурный социально-экономический прогресс рубежа веков². На исходе Викторианской эпохи

---

¹ На корреляцию «извращенных патриархальных принципов» и корыстных мотивов (*resuniary greed*) в действиях «отцов» обращают внимание Эндрю Глаззард [14. P. 92] и Барри Маккри, по мнению которого экономические мотивы в историях о воспрепятствовании браку лишь прикрывают инцестуозное стремление отцов сохранить семью неприкосновенной и не допустить ухода дочерей из «ядерного» родительского дома [11. P. 74].

² Как замечает Лиза Сарридж, интрига нескольких шерлокианских новелл – «Установления личности», «Пестрой ленты», «Медных букв» и «Одинокого велосипедиста» – непосредственно отсылает читателя к Закону об имуществе замужних женщин, который признал за ними право владеть и распоряжаться собственностью независимо от их отцов и мужей. В этой группе повестей, пишет Сарридж, «зрелые мужчины посягают на наследство молодой девушки. Под удар попадают незамужние женщины, чьи новообретенные права <...> побуждают мужчин либо препятствовать их браку (чтобы деньги остались в родовом гнезде), либо принудительно выдать их замуж за «своего» человека, которому выгоден такой брак» [15. P. 226].

женщины дорожат и пользуются новообретенными правами: миссис Стоунер завещает свое «порядочное состояние» мужу и дочерям, у мисс Алисы, дочери Рукасла, «по завещанию были собственные деньги», и даже эта «робкая и терпеливая» девушка лишь на время доверила отцу свой капитал. Ровно так же поступает и Мэри Сазерлэнд, получившая наследство от дядюшки: не желая обременять своих близких, она, пока живет в родительском доме, «отда[ет] деньги в семью» с красноречивой оговоркой: «Разумеется, это только временно».

Спротивляться естественной эволюции социальных связей стал бы только закоренелый ретроград, лелеющий идеал семейной автаркии. Вспомним, как ревностно оберегают архаические «отцы» – Ройлотт, Рукасл, профессор Пресбери, мировой судья Каннингем («Рейгетские сквайры»), криминальный босс Мак-Джинти («Долина страха»), экс-диктатор Мурильо («В Сиреновой сторожке»), полковник Эмсворт («Бледный солдат») – свои семейные дела от любопытных глаз. Очевидно, мир за пределами родовой общины представляется им чуждым и враждебным, а всякого, кто посмел сблизиться с «чужаками», они подозревают в предательстве клановых интересов. К слову, Холмс, в противоположность старoverам, вовсе не настроен был идеализировать замкнутые, изолированные от большого мира, родовые гнезда. В то время как Уотсон, выбравшись за город, восхищался «милыми сердцу старыми домиками», «рассеянными вдоль дороги», великий детектив дивится тому, «как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление». Его в равной мере тревожат непрочная связь загородных домохозяйств с мегаполисом («Расстояние в пять миль от города – вот где опасность!») и дремучее, дозаконное мышление их обитателей («...они населены в большинстве своем невежественными бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие замыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год»). Столь же неодобрительно Холмс и его создатель относились к архаическим братствам всех мастей – тайным обществам, этническим группировкам, образующим некий первобытный анклав в современном мире; подобные корпорации угрожают британскому порядку¹ в «Этюде в багровых тонах», «Долине страха», «Последнем деле Холмса», «Алом кольце» и в «Пяти зернышках апельсина».

Самое устарелое и одновременно иррациональное в мышлении патриархов – его антиномичность, вера в непримиримый антагонизм «соплеменников» и «чужаков», а также маниакальная страсть к концентрации ресурсов. Более всего домашнего тирана страшит, что фамильные секреты, репродуктивные силы, материальные ценности могут расплыться, утечь,

---

¹ Страх перед низовыми протестными или нелегальными объединениями – будь то Фенианское братство, социалистические движения и профсоюзы, анархисты, итальянские мафиози – был весьма распространен среди консервативных англичан рубежа веков, их тревоги нашли отражение в прозе современников Конан Дойла – Г. Джеймса, Честертона, Конрада, Стивенсона (см.: [10. Р. 227]). Джозеф Кестнер считает их совокупной причиной боязнь анархии [9. Р. 114].

просочиться за пределы семейного круга. Поводы для беспокойства дает не только выделение женщины из патриархальной семьи. Вспомним, с чего началось социальное падение Ройлотта: молодой врач «в припадке бешенства избил до смерти туземца-дворецкого» после того, как его дом несколько раз обчистили; такие дремучие рутинеры, как подрядчик из Норвуда с говорящей фамилией Олдэйкр (Oldacre) или Джозия Эмберли, «жалкий скупец», напоминающий скорее «средневекового итальянца, чем англичанина наших дней», и даже добропорядочный, но весьма консервативный банкир Холдер («Берилловая диадема») огульно обвиняют поколение «сыновей»¹ в посягательстве на отцовское добро. Сами же они, подобно Мориарти – пауку, который «сидит неподвижно в центре своей паутины», улавливая «вибрацию каждой нити» благодеństwуют только в укрепленном концентрическом «гнезде». Его ядром обыкновенно служит алтарная зона, своего рода «святая святых», труднодоступная для чужаков, – сарай в самом центре Гримпенской трясины, подвал (в «Исчезновении леди Карфэкс»), древняя крипта (в «Поместье Шоскомб»), герметичная кладовая с железной дверью (в «Москательщике на покое»), камера с гидравлическим прессом (в «Пальце инженера»), запертая комната в усадьбе «Медные буки», потайная «клетушка», где, как «крыса», прятался Олдейкр. В интерьерном масштабе этот энергетический центр дублируют всевозможные герметичные контейнеры, подобные ларцу с Кошечевой иглой, – гробы (в истории о леди Карфэкс и о поместье Шоскомб), сейфы (в доме Ройлотта, Милвертона, Холдера), шкатулки и ящики (в деле Пресбери и Корэма), сундуки (в «Знаке четырех» и «Обряде дома Месгрейвов») и т.д.

Безотчетная жажда патриархов конденсировать, стягивать семейные ресурсы в единый центр, проявила себя, разумеется, и в социальном поведении. Выше уже говорилось о том, как отцы подменяют собой женихов, не отказываясь при этом от своей опекунской власти. Эту синкретическую тенденцию ярко иллюстрирует один из самых опасных шерлокианских преступников – Стэплтон, соединяющий в одном лице мужа и брата (Бэрил), жениха (Лоры Лайонс), пращура Чарльза и Генри Баскервилей (поскольку он – «любопытный образчик атавизма», «an interesting instance of a throwback», «физическая и духовная» реинкарнация беспутного Хьюго) и даже примерявший амплу неуловимого сыщика (Шерлока Холмса). В его сознании доминирует центростремительный – майоратный – вектор, поэтому Стэплтону претила сама мысль о разделе имущества, вполне приемлемая для благоразумного джентльмена Викторианской эпохи. Между тем сын Роджера Баскервиля мог бы с большой вероятностью унаследовать

---

¹ Помимо того, что Джонас Олдейкр ссылается на свою дружбу с родителями Макфарлейна и завещает ему свое наследство, он обращается к молодому человеку фамильярно, как к сыну («my boy»); между старым Джозией Эмберли и любовником его жены, доктором Эрнестом, также намечена явная типологическая (оба – страстные любители шахмат) и гипотетическая кровная связь («And that young man—he might have been my own son. He had the run of my house»).

поместье и часть капитала, действуя открыто и легально. Едва ли сэр Чарльз – пожилой филантроп, озабоченный поиском преемника, – отказал бы новообретенному племяннику, к которому он быстро «проникся дружескими чувствами». Быть может, Стэплтон сам загнал себя в ловушку оттого, что цели и методы его были архаичны и, по сути своей, иррациональны?¹

В исторической перспективе претензии консервативных отцов и мужей на безусловную гегемонию в семье действительно не имеют под собой прочной опоры. Прежде всего – по экономическим соображениям: на фоне эмансипированных викторианских женщин, привыкших относиться к имуществу рачительно, разумно и готовых своим трудом зарабатывать на жизнь, бросается в глаза экономическая несостоятельность «патриархов». Многим из них, особенно отпрыскам аристократических династий, Конан Дойл инкриминирует паразитизм и наклонность к мотовству. Читателю не без причины сообщается о том, что предки Ройлота «четыре поколения подряд проматывали семейное состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью»², что отчим Мэри, авантюрист с говорящей фамилией Уиндибенк (Windibank), заставил жену невыгодно продать паяльную мастерскую, «прибыльное дельце», ради своих амбиций, что Джозеф Гаррисон («Морской договор»), «будучи законченным эгоистом», готов был расстроить брак своей сестры, поскольку «понес большие убытки на биржевых спекуляциях», что Стэплтон «растратил казенные деньги» и что открытая им школа прогорела, что от брутального, деспотичного директора цирка Рондера «сбежали лучшие артисты и цирк постепенно приходил в упадок». Людям старой закалки трудно свыкнуться с экономическими реалиями рубежа веков, найти свое место в цепочке взаимобмен, к которым относятся и приданое, и долевое распределение наследства, и коммерческое партнерство. Даже такого опытного, преуспевающего дельца, как Милвертон, сгубило в конечном счете неумение договориться с клиентами о взаимоприемлемой цене. На встрече с Холмсом он упорно отказывался «умерить требования», назначить пускай и высокую, но посильную для леди Евы плату за письма («the highest that you can get»). Волей судьбы ему уготована смерть от рук клиентки, не сумевшей оплатить его услуги. В тактическом отношении Милвертон мало отличается от звероподобного мафиозо Мак-Джинти, «крестного отца» рэкетиров, который отказался снизить поборы с владельцев мелких шахт в «Долине страха», хотя его предупреждали о неминуемых последствиях:

---

¹ Не случайно Нильс Клауссон в своей новой монографии обратил внимание на избыточную - с прагматической точки зрения – жестокость Стэплтона. Все его поведение в совокупности, его вспышки ярости, криминальное прошлое не могут быть объяснены только корыстолюбием, скорее, он напоминает буйного готического виллана [16. Р. 256].

² По выражению Эндрю Глазарда, Ройлотт отказался от честного заработка специалиста и предпочел ему праздное существование в качестве рантье [14. Р. 23]. Точно так же поступает, замечу, и Стэплтон, который, потерпев неудачу на учительском поприще, сделал своей целью получение наследства.

«...мы обдираем их как липку, умерь мы свои аппетиты, они сидели бы тихо и платили дань. А так они бегут отсюда, уступая место могущественным компаниям». Как и Милвертон, Мак-Джинти переоценивает свои услуги; не желая договариваться, он делает ставку на принуждение, допускает эскалацию конфликта – и проигрывает.

Другая причина, по которой архаические патриархи лишаются гегемонии в семье, состоит в неумении регулировать (контролировать, дисциплинировать) присущую им силу – а ведь это альфа и омега викторианского джентльмена¹. Галерею богатырей – могучих деспотов – открывают Дреббер и Ройлотт, а завершают ее профессор Пресбери, который карабкался по отвесной стене и перелетал с ветки на ветку, «радуясь переполнявшей его силе», цирковой директор Рондер, «огромный, свиноподобный детина», и престарелый Джозия Эмберли («не столь немощный, как кажется на первый взгляд: плечи и грудь у него богатырские»). Писатель не раз уподоблял криминальных авторитетов, а также их подельников фольклорным великанам – такими представлены советник Мак-Джинти, «могучего вида» «гигант с черной гривой волос», а также один из грабителей в «Постоянном пациенте» или Джордано, убийца из «Алого кольца» – «человек геркулесова сложения», в котором «мысли, переживания и страсти – все было преувеличенное, чудовищное». На исходе Викторианской эпохи единственными (но и недостаточными) оправданиями мужского господства над «слабым полом» признавались дисциплинированная сила и [нейтральный, беспристрастный] интеллект, которые образцово сочетал в себе Шерлок Холмс. Напротив, грубая физическая мощь, на которую уповают «патриархи», в отсутствие «джентльменской» культуры рано или поздно грозит выйти из-под контроля и обратиться против своих хозяев: «Violence does, in truth, recoil upon the violent», как констатировал Холмс в «Пестрой ленте». Как могут претендовать на статус главы семейства – «патрона» – те, кто по временам не владеет собой? В «семейных» эпизодах энергия, которую конденсировали в доме хищные, воинственные патриархи, рано или поздно обрушивается на них самих – в облике разъяренной змейки, бешеного пса (случай Рукасла, Пресбери и Хьюго Баскервиля), голодного льва (растерзавшего директора цирка Рондера), ядовитого облака (от которого погиб Мортимер Тригеннис). По мысли Конан Дойла, стихийная, необузданная сила может обеспечить агрессору тактическое преимущество, однако в конечном счете она подрывает его власть и авторитет.

2. В чуть менее обширной группе шерлокианских новелл отражены конфликты, которые подтачивают изнутри благополучный (или мнимо благополучный) брак. Наибольшей известностью пользуются «Пляшущие человечки». Их фабула, в свою очередь, заставляет вспомнить такие рас-

---

¹ Джозеф Кестнер справедливо замечает, что миссия Холмса, помимо прочего, состоит в том, чтобы «дисциплинировать мужское начало, в особенности – анархическую брутальность мужчин из высшего общества» («the anarchic masculinity of upper-class males») [9. P. 85].

сказы, как «Желтое лицо», «Убийство в Эбби-Грейдждж», «Горбун» и «Знатный холостяк». Во всех названных эпизодах эксплуатируется фольклорный мотив похищения невесты [мертвым] женихом, переживший второе рождение в сентименталистской и романтической балладе. Разумеется, у Конан Дойла он был подвергнут рационализации: теперь привычное течение супружеской жизни нарушает незванный гость – прежний поклонник жены, старинный друг, которого ей пришлось вычеркнуть из жизни (но не из памяти). Спустя годы явление «мертвого» жениха серьезно омрачает отношения между супругами – даже если пришлец не помышлял о мести (как несчастный «Горбун»), даже если он воскресает лишь в отражениях (в облике дочери и в миниатюрном портрете, который носила на груди героиня новеллы «Желтое лицо»). Достаточно одного только напоминания о прошлой, добрачной жизни – знакомых иероглифов, нацарапанных мелом на двери сарая, или фрагментов любовной переписки, выкупленных шантажистами вроде Милвертона или Лукаса, чтобы между любящими супругами выросла стена. Соблюдая чистоту жанра, Конан Дойл не детализировал мелодраматическую интригу, не разрабатывал пресловутый «любовный треугольник» – его занимает исключительно тайна, вносящая разлад в нуклеарную семью.

Истории, в которых варьируется мотив «жениха-призрака», в сюжетном отношении сходны: у героини «Пляшущих человечков», «Желтого лица», а также у супруги Трелони Хоупа (во «Втором пятне») и у жертв Милвертона – добропорядочных женщин, состоящих в счастливом браке, обнаруживается «пятно» в биографии, которое необходимо скрыть от мужа. С формальной точки зрения большинство подобных «секретов» не заключают в себе ничего аморального и тем более криминального. Девические любовные письма и даже неофициальная помолвка с другом юности, ребенок, рожденный от первого мужа, – разве могут столь невинные «тайны» расстроить благополучный брак? Вероятно, могут, если сокровенной и «постыдной» тайной конан-дойловских героинь мы признаем не девичьи романы, а сомнительное родство – прочную, типологическую связь женщины с чуждой ее супругу средой. Американка Элси Патрик, которую взял в жены честный норфолкский сквайр, умалчивает о своем отце – главаре бандитской шайки, о женихе – одном из самых дерзких чикагских головорезов, о «пляшущих человечках» – криминальном «арго», которым они меж собою изъясняются. Удалось ли ей, сбежав в Англию и связав судьбу с добропорядочным и родовитым британцем, освободиться от влияния американской семьи? И чью жизнь – хозяина или гостя – она хотела спасти, когда помешала мужу выстрелить? Сам мистер Кьюбитт не дает однозначного ответа на этот вопрос. Стоит иметь в виду, что в «Знатном холостяке», опубликованном десятью годами ранее, новобрачная из Калифорнии порвала с мужем, уважаемым английским лордом, ради энергичного американца, с которым она была помолвлена в юности. И лорд Сент-Саймон, и Кьюбитт поддаются распространенному заблуждению: оба недооценивают «инаковость» супруги, ее генетическую связь с *другой* ро-

диной и соплеменниками, им непонятен американский «жаргон» или «шифр», к которому она прибегает в критическую минуту, от них ускользает логика ее поступков.

Как видим, даже в современном браке, где отношения поддерживаются взаимной симпатией и где нет места патриархальному деспотизму, сохраняется конфликтный потенциал. Эти «подводные камни» неоднократно привлекали внимание Конан Дойла; последний раз он обратился к мотиву тайны, разобщающей супругов, в новелле «Вампир в Суссексе». Уже в экспозиции описаны затруднения, с которыми со временем столкнулся Роберт Фергюсон – добросердечный и честный британец, похожий на Кьюбигта или Гранта Монро («Желтое лицо»), женившись на дочери перуанского коммерсанта: «Молодая перуанка очень хороша собой, но ее иноземное происхождение и чуждая религия привели к расхождению интересов и чувств между мужем и женой, и любовь [его] к жене стала несколько остывать. <...> Он видел, что некоторые черты ее характера навсегда останутся для него непостижимыми». Как и в более ранних «брачных» эпизодах, верной жене инкриминируются странное, алогичное поведение, резкие перепады настроения, скрытность перед лицом мужа, которую оттеняет чересчур доверительное общение со служанкой-соплеменницей, посвященной в ее «тайну» (помимо «Вампира в Суссексе» так обстоит дело в «Знатном холостяке», в «Эбби-Грейндж» и в «Желтом лице»; в «Горбуне» роль наперсницы отведена близкой подруге миссис Барклай). Однако на сей раз женщину не тревожит «жених-призрак» и не гнетут ошибки юности, она скрывает от мужа подоплеку этически безупречных поступков – зачем? По-видимому, южанка презрела не моральные, а гендерные каноны. В том, что недоумевающему супругу представляется женскими капризами, слабостями (извинительными для викторианской леди), на деле манифестируют себя энергия, твердая воля и расчет. Это классические мужские добродетели, и знаменательно, что в большинстве историй о «скрытных женах» описывается брачный союз англичанина с уроженкой Америки – Северной или Латинской, т.е. Нового Света, населенного храбрцами и авантюристами, людьми незаурядной силы, решимости и энергии¹. Когда лорд Сент-Саймон предлагал руку и сердце Хетти Доран, ему было известно, что его будущая супруга – «настоящая сорвиголова» («what we call in England a *tomboy*» – курсив мой *Б.М.*), «натура сильная и свободолюбивая», что она «быстро принимает решения и бесстрашно доводит до конца то, что задумала». Тем не менее, став ее мужем, он истолковал поступки новобрачной на консервативно-патриархальный лад: «некоторые неровности характера», «ребячество», «нелепое волнение» из-за «ерунды», «легкое

---

¹ Как полагает Барри Маккри, «Америка и колонии представлялись Конан Дойлу родиной всевозможных тайных союзов, криминальных группировок, религиозных сект, объединений революционеров и шаек авантюристов – сообществ (*networks*), <...> которые в рамках сюжета выполняют роль антисемьи, угрожающей разрушить династии и брачные союзы Старого света» [11. P. 78].

нервное расстройство» оттого, что Хетти породнилась с блестящей аристократической фамилией. И Сент-Саймону, и Фергюсону, и Кьюбитту, и Манро, и высокопоставленному дипломату Трелони Хоупу трудно было бы вообразить, что их супруги в критический момент окажутся способны к самостоятельным, решительным и планомерным действиям. Кажется, что вслед за Ирен Адлер, привыкшей «носить мужской костюм» и распоряжаться «свободой, которую он дает», образцовые жены примеряют гендерные амплуа «сильного пола». В критических обстоятельствах они защищают своих супругов от ударов судьбы, грозящих, по выражению леди Хильды и миссис Фергюсон, «разбить благородное сердце». Викторианская леди оберегает от внешних угроз нервного, впечатлительного джентльмена – разве это не нонсенс?

Едва ли Конан Дойл ожидал, что англичанки со временем уподобятся мужчинам и отнесут супругов от семейного штурвала. В его детективных рассказах мы не встречаем мужей-подкаблучников, а редкие *femme fatale* вроде Ирен Адлер, Сары Кушинг («Картонная коробка») или Изадоры Кляйн («Вилла Три Конька») в конечном счете покоряются нормам, установленным мужчинами. Вирильное поведение женщин он объясняет (и оправдывает) не индивидуальными особенностями, а родовой, сословной или этнической «закваской» (к примеру, Изадора Кляйн – «истая испанка – в ее жилах кровь отважных конкистадоров. Ее предки поколение за поколением властвовали в Пернамбуку»; «мужество» (*cougare*) леди Брэнкестолл также напрямую связано с ее австралийской отчизной и фамильными корнями: «От увиденного любая женщина упала бы в обморок, но мисс Мэри Фрейзер из Аделаиды не откажешь в мужестве, и она ничуть не изменилась, став леди Брэнкестолл»). Поэтому в основе конфликтов у Конан Дойла лежит не гендерная идентичность, а неразрешенный вопрос о месте и роли женой стороны (родни, семьи) в супружеском тандеме. К примеру, лорд Сент-Саймон надеялся возродить былую мощь обедневшей аристократической фамилии, привлекая американский капитал своей невесты, дочери калифорнийского миллионера. Однако его финансовая зависимость от тестя, его физическая немощь, контрастирующая с жизненной силой и волевым характером его жены, заставляют предположить, что английское имя и титул, скорее, послужат преуспеянию династии Доранов – более влиятельной и состоятельной, чем Сент-Саймоны.

Предельно остро этот вопрос встает перед героем новеллы «Желтое лицо»: в его семью вместе с горячо любимой и преданной ему женой проникла чужая, более того, чуждая ему в этническом отношении наследственность. Беда не в том, что Эффи однажды нарушила консервативные социальные конвенции, выйдя замуж за чернокожего американца. Подлинным камнем преткновения оказывается двойственная, амбивалентная идентичность жены Грэнта Манро, а не ее мнимый аморализм. Выйдя замуж за мистера Хеброна, Эффи, по собственному признанию, «оторвалась от своего народа» (в оригинале фраза звучит резче и яснее: «I cut myself off from my race in order to wed him»). Доказательством ее слов служит внешность маленькой Люси, «угольно-черной

негритяночки», в которой незаметно и следа белой «расы»: ее вытеснил более активный генетический код. Принять в семью иноплеменного ребенка – смелый выбор для викторианского мужчины: тем самым Грэнт Манро не только проявляет добрую волю, но и отказывается от консервативного, сугубо патрилинеального представления о браке, соглашается делегировать свое имя, родительское попечение (и, вероятно, капитал) потомству, кровно связанному только с женой «стороной». Подобный компромисс может дорого обойтись мужчине, как показывает пример Джона Бэрримора, дворецкого в имении Баскервилей. Его супруга кровно и эмоционально привязана к своему брату-уголовнику. В глазах Элизы «убийца Селден» «остается все тем же маленьким, кудрявым мальчуганом, с которым [она] играла, которого нянчила, как старшая сестра». Как и в случае с Эффи Хеброн, решающую роль здесь играет генетическое (в более широком смысле – типологическое) родство: Бэрримо-ру известно, что Элиза, «...эта степенная благовоспитанная женщина была той же крови, что и один из самых отъявленных преступников в нашей стране». По большому счету, дворецкий не только разделяет с женой ответственность за ее монструозного родственника, но также признает «своей» темную кровь Селденов.

По-видимому, Конан Дойл осознавал риски, сопутствующие смешанному браку, точнее говоря, брачному союзу джентльмена с девушкой из «мужественного» и чрезвычайно витального племени (рода, клана). И все же писатель не видел ему альтернативы, поскольку патриархальный патрилинеальный брак представлялся ему в современных условиях нежизнеспособным. По крайней мере, дети, рожденные от доминантного отца и безропотной, эфирной матери – классического «ангела в семье», в его повестях часто бывают отмечены печатью деградации. Стоит вспомнить семью Рукаслов – энергичного главу семейства, заискивающую перед ним бесцветную и безвольную супругу («she was a nonentity <...> colourless in mind as well as in feature») и плод их любви – умственно отсталого уродца. Выразительный контраст образуют сыновья герцога Холдернесса: первенец, рожденный от женщины, которая принесла себя в жертву карьере герцога, одержим «слепой, фанатичной» ненавистью и с младых лет тянется «к дурному обществу»; младший сын, чья мать проявила характер и разъехалась с супругом, аттестован как бодрый и «очаровательный мальчик», легко освоившийся с интернатскими порядками. В рассказе «Вампир из Суссекса» сын, унаследовавший черты «ангелической» матери («бледнолицый, белокурый, со светло-голубыми беспокойными глазами»), с трудом ходит из-за повреждения позвоночника; ему противопоставлен рожденный от энергичной перуанки «очаровательный, черноглазый, золотоволосый» младенец, являющий собою «чудесный [результат] скрещения саксонской и латинской расы». Как видим, здоровое потомство рождается в двуедином, партнерском¹ союзе, где сильна позиция женской / материнской стороны.

¹ «Партнерским» или «товарищеским» («a companionate model of marriage») называет новый идеал брака Энтони Джеймс Хаммертон: на рубеже веков он начинает вытеснять привычную патриархальную модель семьи [17. P. 100, 137–138].

Обыкновенно в историях о тайне, угрожающей браку, отсутствует состав преступления: они повествуют о мнимых убийствах («Человек с рассеченной губой», «Знатный холостяк»), несчастных случаях или спонтанных актах самообороны («Горбун», «Пенсне в золотой оправе», «Алое кольцо», «Происшествие в Эбби-Грейндж», «Пляшущие человечки»). Напряжение (в предельном случае – вспышку насилия) порождает не столько конфликт интересов, сколько коммуникационный сбой. Соответственно, меняются приоритеты расследования: главное теперь – не изобличить преступника, а понять и реабилитировать невиновных – ложно обвиненных. По мысли Конан Дойла, вина за отчуждение, за немоту любимой женщины (будь то Эффи, Элси, Хетти, Хильда Трелони-Хоуп, жена Фергюсона) лежит на мужчине, супруге, главе нуклеарной семьи¹. Надо признать, что по своему поведению он разительно отличается от деспотичных и brutальных патриархов из рассказов о расстроенном браке: это просвещенный, чувствительный джентльмен, не приемлющий насилия. Однако, и он не может преодолеть инерцию мышления, цепляется за устаревший идеал патрилинеального брака, безразличный к женскому нематериальному наследию – к предыстории супруги, ее социальному, культурному, этническому багажу. Так, образцовый викторианский джентльмен, министр Трелони Хоуп, имеет весьма неполное представление о прошлом своей жены и не признает за ней дипломатических способностей, притом что леди Хильда обладает исключительной твердостью духа (courage) и принадлежит, как и он сам, к «касте, умеющей скрывать свои чувства». Другому чуткому и любящему супругу – Грэнту Манро, герою новеллы «Желтое лицо», не приходится в голову взглянуть на портрет первого мужа Эффи, который она носит в медальоне на груди – он в буквальном смысле слова не ищет и не замечает ключ к прошлому Эффи и к ее самоопределению. Самые радикальные (и без преувеличения фатальные) формы супружеский пуризм принимает в «Происшествии в Эбби-Грейндж» и, особенно, в «Греческом переводчике». Брак Брэкенстоллов обречен не только по причине пьянства и жестокости сэра Юстаса; не меньшую роль сыграла насильственная ассимиляция Мэри Фрейзер, выросшей, как и Хетти Доран, «в более свободной от условностей атмосфере Южной Австралии». В «Греческом переводчике» за имущественными спорами просматривается конфликт жениха с чуждой ему культурой: англичанин Гарольд Латимер намерен взять в жены Софию Кратидес, но отказывается учитывать интересы ее греческой родни (например, вняв просьбе ее брата, обвенчаться с Софией по греческому обряду). До тех пор, пока мужчина игнорирует женину «кровь», его брак будет уязвим: рано или поздно он доведет жену до отчаяния, заподозрив ее в предательстве.

Если обратиться к зеркальной, «мужской» проекции сюжета о постыдной тайне одного из супругов, мы увидим, что ей не присущ драматический накал. К примеру, Сент-Клера («Человек с рассеченной губой»),

---

¹ Показательно, что суды к концу XIX в. все чаще признают причиной семейных раздоров «эгоистическое и безответственное поведение мужчин» – прежде было принято возлагать вину на женщин, даже пострадавших от домашнего насилия (см.: [17. P. 136]).

втайне от жены зарабатывавшего на жизнь попрошайничеством, едва ли ждет суровое осуждение (сам он жены почти не стыдится: «Дело не в жене, а в детях!»); добрачная связь лорда Сент-Саймона с танцовщицей оставляет равнодушной Хетти Доран («...я почти не слушала ее, но все же уловила, что и у него тоже была какая-то тайна до нашей женитьбы. Вскоре мне удалось отделаться от этой женщины»). Также и собранные Холмом сведения о темном прошлом барона Грюнера, развратника и женоубийцы, «не произвели ни малейшего впечатления» на его благочестивую невесту. Примеры эти лишний раз свидетельствуют об асимметрии сторон в викторианском браке: положение мужчины – вполне определенное, однозначное, поскольку он представляет и продолжает исключительно свой собственный род, свою династию. Ни добрачные связи, ни предшествующие браки не влияют на его родовую принадлежность, они могли бы украсить мелодраматическую (но не детективную и не готическую) интригу. Для мужчины ситуация экскалирует лишь в том случае, если он изменил своему «цеху» (клану, роду, племени), как полковник Барклай («Горбун») или герои многочисленных историй о предательстве «цеховых» интересов, в которых брак не рассматривается или играет второстепенную роль («Серебряный», «Постоянный пациент», «Пять зернышек апельсина», «Морской договор», «Чертежи Брюса-Партингтона»).

Итак, «семейные» эпизоды шерлокианы концентрируются, как показало исследование, вокруг двух сюжетных узлов: в первом случае отец (или опекун) препятствует экзогамному браку младшей родственницы, во втором – тщательно скрываема «тайна» (связанная, как правило, с происхождением или добрачными отношениями) отчуждает жену от мужа. Так или иначе, в основе конфликта лежит столкновение архаических, патриархальных стереотипов с новыми социально-экономическими и юридическими реалиями. Из этой коллизии, собственно, и вырастает преступление – отчаянная, насильственная попытка влить «новое вино в ветхие мехи». Типичный преступник у Конан Дойла – это деспотичный отец, который мыслит семью как самодостаточную патриархальную общину и уравнивает кровные и свойские связи. Домашние тираны противятся экзогамным бракам своих дочерей и сестер, боясь, что это ослабит родительскую семью, подточит ее имущественный и репродуктивный фундамент. Поэтому в историях о воспрепятствовании браку глава семейства изолирует зависимых от него родственников и, в тенденции, стремится подменить собою экзогамного жениха. Именно насильственное удержание женщин в орбите родительской семьи и образует в подобных эпизодах состав преступления. Несколько иначе организована коллизия в рассказах о тайне, угрожающей благополучному браку. Здесь источником разлада становятся устаревшие патрилинеальные воззрения викторианского мужчины, согласно которым жена обязана примкнуть к его семье и воспроизвести в потомстве его родовой код. Оставляя за бортом «чужое» наследие – культурный, социальный, этнический «багаж» своей супруги, глава семейства отдаляет себя от жены и невольно создает помехи в коммуникации, которые могут оказать-

ся фатальными. По-видимому, мы имеем дело с двумя дополняющими друг друга, почти зеркальными сюжетными паттернами: либо деспотичный патриарх не желает отпускать женщину (вместе с ее имуществом) из своего клана в чужую семью, либо чересчур щепетильный жених не желает принимать в свою семью вместе с женщиной (нематериальное) наследие чужого клана. Их общую, подчас – трагическую, ошибку писатель усматривает в том, что мужчины игнорируют амбивалентную природу современной – мобильной, экономически активной женщины, ее органическую связь с двумя родовыми формациями (отцовской и мужниной), из-за которой женщинам уготована роль медиатора между патриархальными кланами.

Отталкиваясь от сюжетных паттернов, можно выдвинуть гипотезу о том, какие аксиологические сдвиги акцентировал Конан Дойл в «семейных» эпизодах шерлокианы и какие стереотипы патриархального сознания считал анахроническими. Сугубо негативную коннотацию получают у писателя изоляционизм и пуризм – архаические представления о самодостаточности родного, ближнего «круга» (семьи, рода, племени, клана, «братства»), обыкновенно сопровождаемые ксенофобией. Современному обществу, внутри которого формируются замкнутые анклавы, по мысли Конан Дойла, грозит фрагментация, а сами анклавы со временем деградируют с генетической точки зрения. И наоборот: вполне осознавая их рискованность, он приветствует гетерогенные союзы – к последним относятся и смешанные (в этническом, сословном, культурном отношении) браки, и дружеский тандем добропорядочного бюргера Уотсона и аристократично-эксцентрика Холмса. Серьезную опасность в рассказах и повестях Конан Дойла представляет характерная для автаркического патриархального мышления тяга к концентрации ресурсов, к конденсации энергии в едином центре, которая проявляется, например, в майоратных устремлениях преступников, в попытках старших заместить младшее поколение. Между тем в современном мире семья и отдельные ее члены лишь выигрывают от умеренной децентрализации, от грамотной дистрибуции ресурсов (к примеру, от дробления имущества на доли, по преимуществу одобряемого писателем). Наконец, в «семейных» эпизодах убедительно показано, как изживает себя патриархальная привычка к насилию, примитивная брутальность. Всякий, кто отказывается от диалога, от равноправной коммуникации, кто презирает сложные взаимодействия, делает ставку на силовое преимущество, в эпоху Холмса и Уотсона неизбежно терпит крах. Насилие разжигает внешние конфликты, агрессия рано или поздно выходит из-под контроля и обращается против самого насильника.

Стоит учитывать, что в большинстве случаев Конан Дойл описывал не метафизические, а ситуативные конфликты, побочные эффекты стремительного роста. К их эскалации (выразившейся в акте преступления) приводит главным образом не объективное расхождение интересов, а ложное – инерционное, анахроническое – истолкование своих и чужих интересов и неумение их согласовывать. По своим убеждениям Конан Дойл был типичным викторианцем – т.е. сторонником компромиссов, умеренно кон-

сервативным прогрессистом, как бы причудливо это не звучало. Будучи нетерпим к семейному насилию, он активно боролся за либерализацию законодательства о разводах, приветствовал экономическую самостоятельность и профессиональную специализацию женщин, при этом он не одобрял радикализма современных ему феминисток, *New Women*, не мыслил женщин вне брака, считал преждевременным делегировать им избирательные права, скептически относился к диффузии гендерных ролей и сохранял убежденность в интеллектуальном превосходстве мужчин над «слабым полом»¹. Быть может, иному читателю такие взгляды покажутся чересчур осторожными и непоследовательными, но в них отразились характерные особенности британского мышления – его компромиссность и «прецедентность» (т.е. ориентированность на актуальную практику и прагматический результат). В целом приключения («*adventures*») Шерлока Холмса служат яркой иллюстрацией (и рекламой) британского, эволюционного мышления. С одной стороны, Конан Дойл показывает иррелевантность, анахроничность некоторых патриархальных рудиментов, от которых пришло время избавиться, и демонстрирует в «истории преступления» их конфликтный потенциал. С другой стороны, он не спешит осуждать патриархат *per se*, ищет способы модернизировать патриархальное наследие, приспособить его к новым обстоятельствам. Идеалы современного, просвещенного патриархата воплощены в фигуре Холмса и, в еще большей степени, Уотсона. Как и многие англичане рубежа веков, Конан Дойл твердо верил, что между «традицией» и «прогрессом» возможны компромиссы, выгодные нации и государству. Его антропологический оптимизм уже более сотни лет дарует утешение почитателям Шерлока Холмса.

Литература

1. *Moon J.* Domestic Violence in Victorian and Edwardian Fiction. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2016.
2. *Doyle A.C.* The Uncollected Sherlock Holmes. London : Penguin Books, 1983.
3. *Allan J., Pittard C. (ed.)* The Cambridge Companion to Sherlock Holmes. Cambridge : Cambridge University Press, 2019.
4. *Allan J., Gulddal J., King S., Pepper A. (ed.)* The Routledge Companion to Crime Fiction. London : Routledge, 2020.
5. *Priestman M. (ed.)* The Cambridge Companion to Crime Fiction. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
6. *Cawelti J.G.* Adventure, Mystery, and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture. Chicago : The University of Chicago Press, 1976.
7. *Faktorovich A.* The Formulas of Popular Fiction: Elements of Fantasy, Science Fiction, Romance, Religious and Mystery Novels. Jefferson, NC : McFarland & Company, 2014.

---

¹ В современных исследованиях, как правило, подчеркивается консерватизм Конан Дойла, его приверженность патриархальным ценностям [18. Р. 61]. Лиллиан Найдер (Lillian Nayder) даже приписывает Холмсу (и его создателю) намерение «возродить пошатнувшийся патриархат и держать женщину в узде» [19. Р. 186]. Мне ближе мнение Джини Мун, которая считает позицию Дойла по женскому вопросу взвешенной и неоднозначной [1. Р. 139, 147].

8. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы –Текст. М. : Прогресс, 1996.
9. Kestner J.A. *The Edwardian Detective: 1901-15*. Aldershot : Ashgate, 2000.
10. Roth M. *Foul & Fair Play: Reading Genre in Classic Detective Fiction*. Athens, Ga. : University of Georgia Press, 1995.
11. McCrea B. *In the Company of Strangers: Family and Narrative in Dickens, Conan Doyle, Yoyce, and Proust*. New York : Columbia University Press, 2011.
12. Knight S. *Form and Ideology in Crime Fiction*. London : Palgrave Macmillan, 1980.
13. Дойл А.К. Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе в одном томе / пер. с англ. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2018.
14. Glazzard A. *Case of Sherlock Holmes: Secrets and Lies in Conan Doyle's Detective Fiction*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018.
15. SurrIDGE L.A. *Bleak Houses: Marital Violence in Victorian Fiction*. Athens : Ohio University Press, 2005.
16. Clausson N. *Arthur Conan Doyle's Art of Fiction: A Reevaluation*. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2018.
17. Hammerton A.J. *Cruelty and Companionship: Conflict in Nineteenth-Century Married Life*. London : Routledge, 1992.
18. Knight S. *Crime Fiction since 1800: Detection, Death, Diversity*. Second Edition. New York : Palgrave Macmillan, 2010.
19. Baker W. Womack K. (ed.) *A Companion to the Victorian Novel*. Westport, CT : Greenwood Press, 2002.

The Erosion of Patriarchal Values in Conan Doyle's Detective Fiction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 209–229. DOI: 10.17223/19986645/73/12

Boris A. Maksimov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: esprit25@rambler.ru

Keywords: Conan Doyle, family, patriarchy, crime, plot, endogamy, patrilineage, violence.

The article examines narrative patterns and causations of “crime” in matrimonial/family-centered adventures of Sherlock Holmes, which remain, compared with the “investigative” storyline, surprisingly understudied. From the established plot patterns, certain conclusions can be drawn about axiological changes that occurred towards the end of the Victorian era. In terms of the plot, two typical collisions can be traced in matrimonial/family-centered tales that seem to be interdependent and almost symmetrical: (1) either the despotic patriarch forcibly confines his younger female relative (along with her property) within the paternal “clan” in order to prevent her convergence with “strangers” (hence the plenitude of incestual allusions), (2) or the overscrupulous husband refuses to accept the cultural, social, ethnic background of his wife (i.e. her ancestry, her “tribe”) that scares and alienates him by its excessive vitality and masculinity. For Conan Doyle, in both cases crimes occur when “guardians” (fathers and husbands) endeavour to maintain an endogamous and patrilineal family by force. In both cases offenders neglect the ambivalent status of the modern late-Victorian woman, who is able to stay in touch with and to mediate between the two patriarchal clans. Hostilities and crimes in matrimonial/family-centered tales arise, as the plot analysis has shown, not so much from a substantial conflict of interests, but rather from delusions, from irrelevant obsolete ideas of family wealth shared by the “patriarchs”. First of all, Conan Doyle condemns isolationist and purist tendencies – outworn ideas of a self-sufficient narrow “circle” (family, clan, tribe, “brotherhood”), mostly accompanied by xenophobia. In the writer’s perception, isolated enclaves aggravate the fragmentation of society, while they themselves degrade over time. And vice versa: being fully aware of their vagaries, Doyle welcomes heterogeneous alliances (including mixed, e.g. interracial, marriages). Equally dangerous and, ideologically, anachronistic is the proclivity to concentrate the family wealth and to condense energy in one single

center, which is common for an autarkical patriarchal mindset. Quite often evil-doers in Doyle's tales are primogenital descendants or elders who forcefully display or substitute their younger counterparts. In late Victorian Britain, as depicted by Conan Doyle, family and its single members may benefit from a moderate decentralization, from a reasonable distribution of resources (e.g. from shared ownership of family property). Finally, family-centered tales show convincingly that the patriarchal propensity to violence and the reliance upon brutality are becoming obsolete. Unlike a progressive gentleman, the "hardliner" neglects dialogical conversation; he despises any subtle trade-off. Viewed in a historical perspective, he is doomed to failure, since violence incites external conflicts, gets out of control and recoils upon the offender himself.

References

1. Moon, J. (2016) *Domestic Violence in Victorian and Edwardian Fiction*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
2. Doyle, A.C. (1983) *The Uncollected Sherlock Holmes*. London: Penguin Books.
3. Allan, J. & Pittard, C. (eds) (2019) *The Cambridge Companion to Sherlock Holmes*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Allan, J. et al. (eds) (2020) *The Routledge Companion to Crime Fiction*. London: Routledge.
5. Priestman, M. (ed.) (2003) *The Cambridge Companion to Crime Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Cawelti, J.G. (1976) *Adventure, Mystery, and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture*. Chicago: The University of Chicago Press.
7. Faktorovich, A. (2014) *The Formulas of Popular Fiction: Elements of Fantasy, Science Fiction, Romance, Religious and Mystery Novels*. Jefferson, NC: McFarland & Company.
8. Zholkovskiy, A.K. & Shcheglov, Yu.K. (1996) *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst* [Works on the poetics of expressiveness: Invariants – Theme – Techniques – Text]. Moscow: Progress.
9. Kestner, J.A. (2000) *The Edwardian Detective: 1901–15*. Aldershot: Ashgate.
10. Roth, M. (1995) *Foul & Fair Play: Reading Genre in Classic Detective Fiction*. Athens, Ga.: University of Georgia Press.
11. McCrea, B. (2011) *In the Company of Strangers: Family and Narrative in Dickens, Conan Doyle, Joyce, and Proust*. New York: Columbia University Press.
12. Knight, S. (1980) *Form and Ideology in Crime Fiction*. London: Palgrave Macmillan.
13. Doyl, A.K. (2018) *Polnoe sobranie proizvedeniy o Sherloke Kholmse v odnom tome* [Complete collection of works about Sherlock Holmes in one volume]. Translated from English. Moscow: AL'FA-KNIGA.
14. Glazzard, A. (2018) *Case of Sherlock Holmes: Secrets and Lies in Conan Doyle's Detective Fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
15. SurrIDGE, L.A. (2005) *Bleak Houses: Marital Violence in Victorian Fiction*. Athens: Ohio University Press.
16. Clausson, N. (2018) *Arthur Conan Doyle's Art of Fiction: A Reevaluation*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
17. Hammerton, A.J. (1992) *Cruelty and Companionship: Conflict in Nineteenth-Century Married Life*. London: Routledge.
18. Knight, S. (2010) *Crime Fiction since 1800: Detection, Death, Diversity*. Second Edition. New York: Palgrave Macmillan.
19. Baker, W. & Womack, K. (eds) (2002) *A Companion to the Victorian Novel*. Westport, CT: Greenwood Press.

УДК 82-92

DOI: 10.17223/19986645/73/13

Н.Е. Никонова, М. Абудуваили

ОБРАЗЫ ЯПОНИИ В ПЕРИОДИКЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX–XX вв.: ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Представлен анализ связанных с Японией мотивов, выразившихся в переводных публикациях на страницах периодических изданий Сибири и Юго-Западного края рубежа XIX–XX вв. («Киевлянин», «Одесские новости», «Южное обозрение», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь» и «Сибирский наблюдатель»). В результате сделан вывод, что в переводных художественных зарисовках на страницах региональной литературной периодики создаётся противоречивый, но в целом положительный образ Японии.

Ключевые слова: Япония, переводная литература, периодика, Российская империя

В конце XIX – начале XXI в. взаимоотношения России и Японии, по понятным причинам, значительно активизировались. Этот период в истории российско-японских контактов имеет, пожалуй, самую обширную историю изучения в отечественной и зарубежной гуманитарной науке, и большинство ученых при подходе к этому вопросу делают акцент на имагологической составляющей, о чем свидетельствуют, в частности, заглавия их работ, содержащие, как правило, термины «образ», «миф» или «представление». Автор одного из решающих для данной темы монографических исследований, основанного на обширном и ранее неизвестном источниковом материале, Д. Схиммельпенник, полагает, что именно «имперское мифотворчество» послужило причиной Русско-японской войны и поражения в ней, имея при этом в виду как формы капиталистического империализма, представленного экономическими интересами Европы и США, так и его «военно-феодальную» разновидность в лице царской России [1. С. 328]. В первую очередь исследователь говорит о создании и восприятии идеологизированного образа Японии российским центром, правящими кругами, дипломатами, т.е. представителями государственных имперских интересов, а также о трансляции такого выгодного для большой политики образа в науке и литературе (японский и китайский следы в русской литературе известны, подробно исследованы и связаны с целым рядом имен Серебряного века [2–5]). Однако не менее сильная тяга к конструированию собственной идентичности за счет создания и продвижения особого образа существовала и поддерживалась с обратной стороны, т.е. на уровне японской государственности. На данный момент учёными доказано, что в определенной степени залогом победы в военных действиях стала многолетняя деятельность японцев по созданию положительного прозападного образа страны; задачи этой стратегической информационной политики за-

ключались в изменении стереотипных, ориенталистских (в терминологии Э. Саида) представлений о японско-китайском мире, который в глазах многих культурных и общественных деятелей рубежа веков олицетворял «желтую опасность» [6. С. 235]. Будучи инициированной с концом политики изоляции в XIX в., эта японская практика в настоящее время институционализировалась, т.е. «перешла к организованным структурам и официальной регламентации политики конструирования идентичности» [7. С. 114].

Таким образом, история противостояния России и Запада, выразившегося в борьбе за доминирование на восточных территориях на рубеже XIX–XX вв., изучается преимущественно в перспективе имагологической риторики по причине ее максимальной адекватности происходившим в действительности культурным процессам, и представленный в статье материал входит в ту же научную парадигму, отражая сложность этого тройственного интеркультурного трансфера.

Цель данной статьи – представить анализ японских мотивов, выразившихся в переводных публикациях на страницах региональных русскоязычных периодических изданий Сибири и Юго-Западного края рубежа XIX–XX вв.

В условиях активного имиджевого производства в художественной западной литературе, на театральной сцене, в произведениях художников и музыкантов и даже в коммерческой рекламе всё явственнее зазвучала японская тема [8]. И в российской периодике регионов в рубрике «Фельетон» выразительнее выглядели японские мотивы, главным образом, за счёт переводов с английского, немецкого, французского языков, которые до недавнего времени оставались малоизученными. Настоящее исследование позволяет отчасти восполнить этот пробел и опирается на подготовленную в 2020 г. научную библиографию таких переводов [9].

В отечественной науке изучение образа Японии на материале периодики имеет свою, довольно богатую историю, и дореволюционные губернские издания в ней представляют особую нишу в силу того, что именно они на рубеже веков взяли на себя роль трансляторов программы культурного развития регионов Российской империи, учитывая тот факт, что по данным на 1897 г., не более 10% населения России жили в столицах, а количество провинциальных газет в 1904–1906 гг. увеличилось в 2,5 раза [10]. Важно и ещё одно характерное отличие региональной периодики: как и столичная, она начиналась как журнальная, но вскоре «ведущей в регионах стала газетная пресса, в то время как в столицах продолжали главенствовать журналы» [11. С. 18].

Стратегии репрезентации образа Японии на страницах центральных и региональных периодических изданий, таких как «Русские ведомости» [12], «Дальневосточное обозрение» и «Сибирская жизнь» [13], получили свое освещение, однако материалом для анализа выступало при этом ансамблевое целое того или иного издания. В настоящей работе мы рассматриваем два корпуса периодических изданий, выбранных по итогам фронтального просмотра провинциальной печати рубежа веков на предмет

наличия переводного литературного и публицистического контента [9], т.е. апелляции местных журналистов к зарубежным авторам с целью формирования собственного представления в отношении японской темы. Результаты этого анализа показали, что наиболее репрезентативными в данном ракурсе являлись газеты Сибири и Юго-Западного края (будущей Украины), регионов, в которых ошутимое влияние имели областнические настроения, хотя и разного толка [14].

В трёх центральных газетах Одессы и Киева вышли 9 таких произведений, в трёх томских газетах появились не менее 16 материалов о Японии. Тенденции конструирования образа Японии посредством публикации переводов, выполненных, как правило, специально для того или иного издания, очевидны и сходны в обоих указанных регионах, при этом наиболее ярко проявляются определённые характерные черты.

«Сказочная» Япония: мифы и легенды

Характерной особенностью репрезентации японской культуры в переводах является исключительная популярность в русской литературной периодике легенды о каменотёсе, рассказанной голландцем Мультиатули (псевдоним Э.Д. Деккера, прослужившего более 15 лет в юго-восточных колониях и прославившегося своими рассказами о культуре и быте местных народов). Избранные сочинения автора вышли в переводе супруги Ф. Сологуба А.Н. Чеботаревской (1876–1921) в Санкт-Петербурге в 1907 г. [15. С. 205], однако в региональных газетах именно история о каменотёсе появляется несколькими годами ранее: в «Южном обозрении» и «Сибирской жизни» японская сказка выходит в переводе некоего «Д.Р.» в 1902 г., в «Одесских новостях» публикуется новый вариант перевода в 1906 г. [16]. Интерес к произведениям середины XIX в., очевидно, был связан с активизацией русско-японских отношений в начале XX столетия.

С одной стороны, исходя из аутентичного толкования сказки о каменотёсе, следует указать на то, что она содержит некую квинтэссенцию даосизма, утверждающего иллюзорность власти, относительность ценностей, циклический характер изменения всех вещей и неизбежный возврат к их исходной точке; при таких факторах человек может чувствовать себя удовлетворенным лишь тогда, когда принимает себя таким, какой он есть в настоящий момент. Рефреном в сказке звучит повторяющаяся пятикратно фраза «он был недоволен» и финальное «он был доволен».

С другой стороны, популярность именно этой сказки во многом определяется близостью её сюжета к притче о выборе креста. Японский каменотёс, подобно герою христианской истории, возроптал на свою трудную судьбу и попросил у высших сил иной доли, пожелав стать сначала богачом, затем правителем, а после солнцем, облаком и той самой скалой, которую он покорял, будучи простым работником, а в финале он добровольно вернулся к первоначальной ипостаси, оставшись довольным ею.

В трёх разных вариантах перевода значительных расхождений не наблюдается, все они так или иначе обнаруживают стратегию доместика-

ции, приближая японского героя к русскоязычному или европейскому читателю за счёт введения характерных нарративных формул или лексических трансформаций, при этом следует помнить, что оригинал «Каменотёса» написан на немецком языке-посреднике, т.е. разночтения в переводах вряд ли могли быть связаны с недостаточными языковыми компетенциями их авторов.

Вышедший первым из обнаруженных нами перевод выполнен автором, подписавшимся криптонимом «Д.Р.» и сделавшим всего три перевода для «Южного обозрения»: кроме «Каменотёса» (1902) в этот список входят рассказ австрийца В. Кьяваччи (1847–1916) под заглавием «Его высокородие» [17] (1901), а также перевод со шведского «Звездочка падает» [18] (1903). Художественный язык этих текстов отличают лаконичность, отсутствие европеизмов или сентиментально-романтических штампов, тяготение к реалистическому стилю повествования. Второй вариант перевода подписан псевдонимом «Civis romanus», что означает «я римский гражданин» и представляет краткий вариант ставшего крылатым латинского высказывания, подразумевавшего возглас-утверждение своих гражданских прав и свобод, гарантированных принадлежностью к гражданскому обществу римского государства, независимо от личного благосостояния и социального положения. Такое самопозиционирование переводчика в определенной мере коррелирует с образом главного героя японской сказки, бедного каменотёса, прошедшего достойно путь от недовольства своей долей к её новому обретению.

В результате сравнения этих двух русскоязычных версий сказки Мультатули с третьей, принадлежащей Чеботаревской и ставшей канонической, следует отметить различные стратегии передачи реалий, репрезентирующих экзотический колорит: титула верховного правителя, названия золотого зонтика над ним, а также атрибутов его богатого ложа.

Д.Р. (1902)
Ах, если бы мне быть богачом и лежать **на покойном ложе с красивым балдахином!**

Проезжал мимо **король**; со всех сторон окружало его **войско**, и над головой его держали **золотой зонтик**.

Civis romanus (1906)
Ах, если бы я был богат, если бы я мог отдыхать **под балдахином из красного шелка!**

В это время проезжал в своей **кажете король**. Вокруг него ехали **рыцари и пажы**, а над ним несли **золотой Payong – солнечный зонт, знак величайшей почести**.

А.Н. Чеботаревская (1907)
О, если бы я был богат, – сказал он, – и мог бы отдыхать **на подушках из красного шёлка!**

И **царь той земли** проезжал мимо со **всадниками, окружавшими его карету**. И над головой царя держали **золотой пайонг**.

Как видим, в первом переводе автор предпочитает редуцировать информационную нагрузку на читателя и не использовать новых для него реалий, включив только известный и не имеющий прямого отношения к японскому быту «балдахин», хорошо знакомый по ориенталистскому курсу западной, а также и русской литературы. Такое решение не противостоит

речит притчевой модальности сюжета, не отвлекает на детали, хотя и несколько одомашнивает историю, лишая её инородности и экзотизма. Второй переводчик выбирает обратную стратегию, инкорпорируя в текст все обозначения реалий и комментируя некоторые из них, однако соприсутствие в тексте японского пайонга, европейских титулов («короля», «рыцарей», «пажей») с азиатским «балдахином» не совсем логично с точки зрения соответствия действительным реалиям. Автор третьего перевода попыталась придерживаться «золотой середины» и в то же время избежать избыточности экзотизмов при воссоздании лаконичной по своему замыслу японской притчи Мультагули. Однако все три перевода следует оценить как не содержащие значительных искажений.

Переводческое восприятие малой прозы Деккера (Мультатули) в дореволюционной периодике регионов и в столицах Российской империи имеет неслучайный характер и заслуживает специального внимания. В составленной нами библиографии обнаруживается не менее 20 таких источников начала 1900-х гг. в газетах «Одесские новости» (5), «Приазовский край» (1), «Южное обозрение» (9), «Южный телеграф» (2), т.е. социально-политический пафос антиколониального дискурса голландского автора был знаком целевой аудитории изданий, однако большей популярностью пользовались его «легенды», представляющие мифологизированный образ Страны восходящего солнца.

Итак, по понятным причинам, связанным с историко-политической ситуацией, с началом русско-японского конфликта, и до поражения в войне авторы переводов выбирают сказочные сюжеты, легенды и волшебные истории из японского фольклора, которые представляют инациональную культуру как чуждую, экзотическую и в то же время приближают её традиции и объясняют читателю её странные обычаи и нравы (именно в период с 1901 по 1905 г. наблюдается увеличение количества таких обращений во всех регионах). В первые годы XX в. сами за себя говорят заглавия публикаций: «Японский рождественский рассказ», «Чашка (из японской хрестоматии)», «Котомка. Японская сказка», «Дракон Ятама. Японская легенда», «Золотой лотос. Японская легенда», «Зеркальце. Японская сказка», «Освобождение. Японская сказка» и др. Сказочный дискурс в конструировании представлений о Японии дополнялся еще одним, не менее важным: альтернативу составляли травелоги, представляющие якобы современный и правдивый облик страны, её нравов и характеров. Примечательно, что авторами таких путевых заметок, растянувшихся на циклы, выступали исключительно носители западного имперского сознания, воспринимавшие незнакомую реальность с явно предвзятым настроением, доходившим порой до враждебности, хотя век тому назад такие воззрения на инородцев вполне согласовались с общепринятой в те годы нормой.

Схожие тенденции наблюдаются и в двух других жанровых группах публикаций, имеющих имагологические интенции. Библиография публицистических и художественных зарисовок, а также аналитических очерков о Японии в изученных изданиях также составлена из текстов, среди кото-

рых большую часть образуют переводы объёмных сочинений с французского, однако встречаются переводы с английского, немецкого и польского языков. 10 из 12 таких публикаций находятся в сибирских изданиях и лишь 2 художественно-публицистических сочинения – в газетах Юго-Западного края («Одесских новостях» и «Киевлянин»), что свидетельствует о локализации внимания к восточному соседу за Уралом, а именно в университетском Томске, и это объясняется не только географическим положением регионов по отношению друг к другу.

Историко-политические и страноведческие обзоры о Японии: женские образы, воспитание детей и «жёлтая опасность»

Одновременно с первыми японскими сказками и легендами, в 1903–1905 гг., в выделенном корпусе периодических изданий выходит ряд обзоров, конструирующих образ Японии посредством изображения «характерных черт» населяющих её людей, при этом явно доминирует гендерный фактор. Внешность, нравы, мораль японцев отражаются исключительно как «другие» в отдельных циклах текстов, специально посвящённых «японской женщине» и «японским детям». Образ «японского мужчины» ассоциируется с угрозой для западного мира.

Первым из таких очерков стал созданный известным публицистом Петром Исаевичем Ротенштерном, печатавшимся под псевдонимом П. Звездич в одесских и петербургских газетах и журналах. Фельетон «Одесских новостей» выпустил его статью «На Востоке» в марте 1895 г. Однако этот первый заголовок опровергается в первых же строках автора, отмечающего: «На Востоке. Впрочем, так ли это, когда речь заходит о Японии? В географическом смысле мы, конечно, не совершаем ошибки, помещая Японию в восточной части Старого Света, но дело в том, что слова: Запад и западник давно уже перестали быть только географическим термином» [19]. По мысли Ротенштерна, российские читатели должны «усвоить себе и довольно сносно переварить все плоды европейской культуры, предстоит немаловажная роль в истории дальнейшего развития Востока, где Россия имеет столь много насущных интересов, и это обязывает нас возможно ближе познакомиться с нравами, обычаями этой страны» [19]. Статья представляет собой реферативный перевод-пересказ основных тезисов некоего сочинения под названием «Japanese Women» (с англ. «Японские женщины») и преследует определённую, не только просветительскую цель по формированию суждения, имагологически заряженного. Англоязычная книга представляла собой сборник эссе, запрошенных американским женским комитетом у японцев и составленный созданным по этому поводу коллективом из знатных представительниц прекрасного пола, написавших свои разделы по отдельным темам из жизни японок. Обозреватель указывает на наличие в нём разделов о японских женщинах в политике, в домашней жизни, в промышленности и религии, но предпочитает сделать организующим для своей статьи повествование о роли японок в литературу-

ре, что ещё раз подчёркивает литературоцентризм журналистской мысли авторов литературных рубрик периодических изданий Российской империи того времени.

Обозреватель выражает протест против стереотипов, укоренившихся благодаря сочинениям европейских публицистов, в частности Пьера Лоти, сконцентрированных на эротическом экзотизме японок и их общественной роли. И всё же он не преминул перечислить и сделать пояснения относительно этого: «...всем известно, что существуют гейши, полуартистки и вместе с тем, чаще всего, дамы легкого поведения, что там существует временный брак, институт, благодаря которому иностранец может себе завести в Японии нечто вроде «временно обязанной» жены, которую покупает на известный срок» [19]. Своё недовольство он оформляет в сравнение европейских журналистов, которые специально пишут лишь об этом, с теми, кто, побывав в Париже, узнает только о Мулен-Руже, и видит значение реферируемой книги в рассказе о «других» японках. Прежде всего он выбирает главу «Японские женщины в литературе», и хотя из авторов-женщин в изложении упоминаются только три поэтессы периода Хэйан Мурасаки Сикибу (973–1014), Исэ и Оно-но, Комати, автор считает неоправданным вклад женщин в развитие японского литературного языка и даёт по этому поводу подробное описание того, каков был язык японцев до прихода письменности и экспансии китайского языка. Переводчик посчитал целесообразным привести примеры жанровых форм японской поэзии и завершает свой обзор предположением о том, что «перевод некоторых японских произведений на английский, например, язык очень быстро убедил бы иностранцев в высокой талантливости этих произведений» [19], но сожалеет, что «более или менее точный перевод поэтических произведений с японского на иностранные языки почти невозможен» [19].

Остальные пять подробных очерков о японских женщинах, мужчинах и детях опубликованы в сибирских газетах главным образом в 1904 г. Текст «Женщина-японка» обнаруживает сходство с вышедшим ранее в Одессе, представляет собой перевод с французского, автор оригинала и имя переводчика не указаны. Текст разделён на три части, которые называются «Наружность японки», «Характер японки» и «Профессия японки», т.е. уже на уровне заглавий позиционируют японскую женщину как некое экзотическое создание, отличное по своей сути от женщин европейских или западных. В самом рассказе француз, а за ним и сибирский журналист-переводчик раскрывают эту имагологически заряженную риторику во всем разнообразии. Японки предстают перед читателями в некоем собирательном образе «Чужого», и он вновь имеет скорее позитивный, чем негативный посыл. Внешне она оказываются «всю жизнь похожей на ребёнка», «растёт до 18–19 лет», «усиленно прибегает к косметике», имеет «поразительно тонкие пальцы», «прекрасные зубы», но «уродливую осанку», «медленную и ленивую походку» [20]. О характере уроженок Японии автор высказывается лаконично: «...про японскую женщину можно сказать в трёх словах, что в детстве она резва, в юности сдержанна и очень коротка и

верна в замужестве» [20]. Что касается профессии, то, по мнению обозревателя, «японка способна ко всем ремеслам, но профессия, к которой она наиболее склонна, – это воспитание и обучение детей» [20]. С позиции современности, такое описание может показаться не совсем корректным в этическом и моральном отношении, но более века тому назад оно, напротив, служило конструированию положительного образа японского общества в женском обличии, развенчанию представлений об ограниченности местных нравов.

Решению этой же задачи посвящена и публикация очерка о японских детях, изображенных также в идеализированном ключе на основании сравнения с европейскими сверстниками, в отличие от которых они «ведут себя крайне скромно: не кричат, не топают ногами, не дерутся, не ссорятся между собой», будто «явились на свете Божий уже обученные всем правилам вежливости». Журналист обращается к читателям «Сибирского вестника» с призывами: «Поезжайте в Японию, объездите всю страну и едва ли вы услышите где, чтобы ребенка били!»; «Не думайте, чтобы девочки обращались с куклами так же бесцеремонно, как наши, нет, они почитают их за святыни!» [21]. Автор оригинального текста – писатель Шарль Лоран (1840–1897), чьи исторические повести «Шпион императора» (на фр. «L'espion de l'empereur») и «Сын Наполеона» (на фр. «Son fils») обрели популярность в переводах на русский язык в 1900 г., т.е. его имя было хорошо известно читающей аудитории.

Наконец, цикл из трёх аналитических очерков томских газет посвящён как скрытой, так и открытой полемике с европейскими, главным образом французскими, коллегами относительно панмонголизма и наступающей на европейский мир «желтой опасности». Корреспонденты «Сибирского вестника» в 1904 г. публикуют свои комментированные пересказы, опираясь на сочинения Франсуа Коппе и Шарля Лорана, при этом категорическая позиция первого автора последовательно, но корректно отвергается, а миролюбиво окрашенная точка зрения второго публициста подаётся с одобрением.

Публицист Ф. Коппе дискредитируется как дипломат под пером сибирского автора и выставляется лишь как художник, апеллирующий к эмоциям читателя: «Коппэ картинно рисует нам мрачные ужасы нового будущего нашествия монголов на Европу и весь цивилизованный мир» [22]; «...приходится отказаться от попытки отыскать в этих поэтических образах обоснования сущности понятия „жёлтая опасность“» [22]. На вопросы «Где же правда?» и «Что такое само по себе это понятие „жёлтая опасность“?» неподписавшийся переводчик даёт свой ответ: «...не что иное, как порыв поэтического духа: – величественная картина будущего пожара вдохновила художника на мрачные предсказания» [22]; «...если дипломат пытается аргументировать с фактами в руках, то поэт взывает лишь к чувству страха» [22]. В последних строках своей статьи автор, подписавшийся как «Друг», приходит к пацифистскому выводу: «Да, наконец (это самое важное), конкуренция не есть всеобщий закон, и придёт время, когда она уступит своё место великому началу солидарности» [22].

В том же духе исполнена и публикация, вышедшая спустя несколько месяцев и содержащая освещение трудов Ш. Лорана, которые были уже известны сибирскому читателю по просветительским материалам о японских женщинах и детях. Томский автор выбирает, казалось бы, острую политическую тему, впечатления француза, оказавшегося в Японии накануне войны с Россией, однако он создает светлую эмпатическую картину, вызывающую сочувствие и сопереживание читателя, купируя таким образом пафос враждебности и противостояния, что было немаловажным имагологическим посылом в 1904 г.

Автор целого цикла переводных материалов для сибирской дореволюционной прессы «М.Ш.» пишет о впечатлениях француза, ставшего свидетелем отправки японских солдат на войну с русскими без какой-либо негативной коннотации, стараясь раскрыть понимание их национальных традиций и чувств: «Их провожали родные и друзья с фонарями в руках. Меня поразила простота и обыденность этих проводов: каждый говорит лишь несколько слов тому, кто уезжает без надежды на возвращение, потому что, насколько они уверены в конечном успехе их родины, настолько же каждый из них лично считает смерть вероятной, и все они уезжают с мыслью, что будут убиты. В этом их сила, и нельзя не восхищаться тем спокойствием, с которым они идут на смерть, что по их понятиям значит идти к славе» [23]. Иллюстрацией к этому пассажиру становится легенда о том, как простой носильщик-вдовец убил своих сыновей, чтобы пойти воевать.

И только одна и последняя в хронологическом плане статья, обнаруженная в просмотренных газетах регионов и вышедшая вновь на страницах сибирской прессы, транслирует враждебно-демоническую имагологическую стратегию Ф. Коппе без критического комментария. Публикация 1905 г. «Японский панмонголизм», обозначенная подзаголовком «Перевод с французского для «Сиб<ирской> жизни»», была опубликована в начале 1905 г. в двух номерах газеты. Образ Японии здесь демонизируется и репрезентирован в самых смелых и прямых выражениях, политическим властям страны вменяется желание политической экспансии всего монголо-китайского мира («Китай, но и Кореи, Монголии, Тибета, Индии и пр. и пр.»), осуществление которого определяется, прежде всего, поддержкой Европы и США. По словам автора, «Япония мечтает о национальной панмонгольской армии, как продукте всеобщего обучения» [24]; «Японские шпионы и коммерческие агенты были в то же время подготовителями, распространителями знания» [24]; «Япония снабжает китайские арсеналы новым оружием, создаёт Китаю новый флот, строит ему в своих доках канонерки для больших рек, основывает японо-китайский банк» [24]; «...такова японская система “втирания”, “просачивания”» [24].

Третий род имагологически окрашенной стратегии представления образа Японии в дореволюционной периодике реализован в публикациях в жанре травелога, или художественных рассказов о путешествиях.

Образы Японии в переводных травелогах на страницах томской и киевской дореволюционной периодики

Самое крупное произведение в указанном жанре было опубликовано в 1905 г. на страницах «Киевлянина», где в пяти номерах газеты в начале года появился объемный перевод «Стоянка в Японии» [25], сюжет которого основывается на впечатлениях некоего француза, морского офицера, вновь посетившего страну спустя пятнадцать лет после первого визита. Автор оригинала – французский офицер флота и писатель Пьер Лоти (1850–1923), снискавший славу благодаря своим колониальным романам-травелогам об экзотических странах. Именно о нём и о его произведениях шла речь и в приведённых выше обзорах региональных авторов, статьях о японских женщинах, детях, о желтой опасности, с ним соглашались и от его суждений отталкивались при конструировании образа Японии, т.е. Лоти определенно выступил наряду с Ф. Коппэ и Л. Херном одним из центральных медиаторов в имагологическом дискурсе, предназначенном читателям русской региональной прессы начала XX в. Исследуемый перевод представлял сокращенную версию знаменитого романа Лоти «Мадам Хризантема» (1887), послужившего основой сюжета оперы «Мадам Баттерфляй» Джакомо Пуччини (1904) и рассказывавшего в первую очередь о временном браке европейца с японкой, заключённом в период его пребывания за границей, во вторую – о нравах, обычаях, традициях и культуре современной автору Японии (об этом свидетельствуют заглавие произведения и место центральной сюжетной линии в нём).

Особый интерес для нас представляет стратегия перевода, выбранная корреспондентом «Киевлянина», который исключил из своего текста историю женитьбы французского офицера, оставив лишь его впечатления о жизни в Нагасаки, нейтрализовав имперскую ноту французского романа до литературного дневника о путешествии. При этом Собрание сочинений Лоти на русском языке вышло только в 1907–1909 гг., т.е. местный обозреватель русской газеты Юго-Западного края вполне мог претендовать на первенство своей версии у широкого круга читателей, поскольку «Киевлянин» был одним из самых популярных изданий в Российской империи. В результате предпринятой трансформации текст «Мадам Хризантемы» сократился в несколько раз, но приобрёл подходящее литературной периодике просветительское, новеллистическое звучание и в то же время уплотнённый тип нарратива.

Основные сюжетные коллизии рассказа, опубликованного в пяти частях, образуют несколько определённых составляющих: описания природы и города, ритуалов (трапеза, увеселения, праздники, кладбища), интерьеров. Центральное место при этом занимают женские образы, герой сконцентрирован на характеристике мусме (от французского разговорного «moussmé» – молодая японка), описывая внешний вид, поведение и предназначение гейши-танцовщицы, гейши-«музыкантши», некоего коллективно-облика мусме, а также новый тип девушек, получающих образование

для дальнейшей службы на войне. Этому ряду образов противопоставлены женские персонажи проживающих в Японии европейек, знакомых и родственников повествователя, не вызывающих у него столь же оживленного интереса.

Структура со- и противопоставления, контраста характерна и при описании ландшафта, урбанистических пейзажей, ритуалов и обычаев страны и является базисной для архитектоники травелога Лоти в переводе киевского автора, в то время как в оригинале она выстраивается на романной линии с ведущей ролью мадам Хризантемы. В результате маятникового движения оценочного дискурса от крайности к крайности повествователь Лоти приходит поочередно к двум противоположным выводам в своих заключениях о Японии, которые звучат лейтмотивом в русском переводе, опубликованном в Юго-западном крае: «...древняя Япония продолжает существовать, несмотря на безумное вранье, толкающее ее на путь перемен и разрушения» [25]; «...в Японии все постепенно исчезает» [25]; «Нет, положительно, моя прежняя Япония, Япония моей юности, еще существует» [25]; «И все-таки старая Япония существует» [25]. Такая стратегия киевского переводчика не противоречит замыслу французского автора, который объясняет в предисловии к роману: «Хотя на первый взгляд самая большая роль принадлежит госпоже Хризантеме, главные персонажи, вне всякого сомнения, это Я, Япония и Впечатление, произведенное на меня этой страной» [25].

Тот же стержневой имагологический посыл имеют и два других травелога о Японии, которые по объему вдвое меньше сокращенного перевода романа Лоти, но не менее репрезентативны. Первый из них, вышедший в «Сибирском вестнике» в 1905 г. под заглавием «Ночь в японской гостинице» [26] с пометой о том, что оригинал был переведен с немецкого специально для газеты и взят из сочинений М. Пфистера, очевидно, малоизвестного автора. При этом совпадают и направляющие имагологического дискурса: устройство быта, трапезы, внешних особенностей обыденной жизни японцев и обхождения японок с мужчинами. Путешественник-немец, направляясь из Иокогамы вглубь страны, прибыл в Авиной, небольшой летний курорт и поселился в одной из аутентичных японских гостиниц, не предназначенных для иностранцев. «Обстановка, в которой я очутился, произвела на меня благоприятное впечатление» – такова его изначальная установка, которая сохраняется на протяжении всего рассказа, где фигурирует множество реалий национального колорита, как-то: «курительный прибор», «японский кисет», «настоящий японский чай», «соломенные сандалии» и мн. др. [26]. Большую часть повествования составляет описание трапезы, которую организует для постояльца местная служанка Юшавана. Сравнивая ее обхождение со знакомым ему, он пишет: «Немецкий оберкельнер поднёс бы мне, вероятно, те кушанья, от которых его хозяин хотел бы избавиться в тот вечер, но Юшавана поступила совсем иначе» [26].

Наконец, третий переводной рассказ о Японии вышел в том же году также в «Сибирском вестнике» под названием «Смерть двух японских

шпионов» [27] и с пометой «с польского». В данном случае сюжет имел непосредственное отношение к событиям Русско-японской войны: автор пересказывает историю, услышанную из уст раненого русского офицера, наблюдавшего поимку, суд и казнь двух японских шпионов, при этом акцент сделан на сочувствии свидетеля по отношению к казнённым шпионам: «...когда я увидел, как под пулями наших людей пали эти два японских солдата, отдавши свою жизнь родине, то это показалось мне ужасным» [27]. Его чувства разделил и комендант, попросивший солдат: «Если у вас есть сострадание к этим несчастным, то цельтесь прямо в сердце» [27].

Таким образом, в художественных зарисовках на страницах региональной литературной периодики создаётся противоречивый, но в целом положительный образ Японии. Характерная черта, связанная с имагологическим представлением Японии в переводах на страницах региональных газет, опосредована его спецификой: все без исключения переводы выполнены не с японского, но с европейских языков (французского, немецкого, польского, английского). Это объясняется, скорее всего, объективной причиной – незнанием японского языка, однако по факту оказывается, что российская рецепция имеет опосредованный характер и транслирует преимущественно западное представление о некоей далекой культуре. При этом вполне узнаваемы и основные фигуры, послужившие ориентирами для переводчиков и выступившие авторами «зарисовок» и «картинок» о Японии, а также путевых заметок.

Литература

1. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
2. Дьяконова Е.М. «Я видел сон, что каждый там поэт...»: Образы Японии в поэзии Серебряного века // Ежегодник Японии. 2017. № 46. С. 283–306.
3. Пороль П.В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 25 с.
4. Юннин Ц. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 29 с.
5. Тяньцзяо В. Образ Китая в стихотворениях В.Я. Брюсова // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2020. № 5 (148). С. 144–148.
6. Павлов Д.Б. Япония на рубеже XIX–XX вв.: на технологии создания позитивного образа на Западе // Ежегодник Японии. 2009. № 38. С. 235–259.
7. Задворная Е.С. Институционализация образа Японии в государственном внешнеполитическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 3. С. 114–121.
8. Barlett K. Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // The Russian Review. 2008. № 1 (67). P. 8–33.
9. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Масяйкина Е.В., Морозова И.В. Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской Империи : научная библиография. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621571.
10. Блохин В.Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России: вторая треть XIX – начало XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 33 с.

11. *Летилкина О.И.* Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2010. 43 с.
12. *Кудрявцева Т.М.* Образ Японии в газете «Русские ведомости» (1895–1902 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 6 (68). С. 37–48.
13. *Воробьева Э.А.* Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы русско-японской войны: сравнительный анализ // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, № 1. С. 159–163.
14. *Малинов А.В.* Философия и идеология областничества. СПб. : Интер-социс, 2012. 128 с.
15. *Мультатули.* Повести. Сказки. Легенды / пер. и вступ. ст. А. Чеботаревской. СПб. : Дело, 1907. 224 с.
16. *Каменотес.* Японская сказка. Мультатули / пер. с нем. // Южное обозрение. 1902. Лист 2. № 1836. С. 6. Подпись: («Д.Р.»).
17. *Его высокородие.* Из «Венских картин» Vincenz'a Ehiavacci / пер. с нем. // Южное обозрение. 1901. № 1567. С. 1. Подпись: «Д.Р.».
18. *Звездочка падает* / пер. со швед. // Южное обозрение. 1903. Лист 2. № 2249. С. 5–6. Подпись: (Д.Р.).
19. *На Востоке:* Японская женщина в литературе // Одесские новости. 1895. № 3355. С. 2. Подпись: П. Звездич.
20. *Женщина-японка* / пер. с фр. // Сибирская жизнь. 1903. № 99. С. 2. Подпись: I. Nitomi.
21. *Японские дети* / пер. с фр. // Сибирский вестник. 1904. № 101. С. 2–3. Подпись: М.А. Левт.
22. «Франсуа Коппе» о «желтых»: Из очерков о «желтой опасности» (после японо-китайской войны 1894) // Сибирский вестник. 1904. № 141. С. 2. Подпись: Друг.
23. *Француз о Японии:* (Из Figaro) // Сибирский вестник. 1904. № 166. С. 3. Подпись: Пер. М.Ш. Шарлю Лоран.
24. *Японский панмонголизм* / пер. с фр. // Сибирская жизнь. 1905. № 14, 15. С. 2. Подпись: Н.А. Цорн.
25. *Лоти П.* Стоянка в Японии // Киевлянин. 1905. № 16, 18–21. С. 2.
26. *Ночь* в японской гостинице. Д-ра Максимилиана Пфистера / пер. с нем. для СВ // Сибирский вестник. 1905. № 70. Подпись: Перевел М–н.
27. «Смерть двух японских шпионов» / пер. с польск. // Сибирский вестник. 1905. № 91. С. 2. Подпись: Перевел М. Д.–о.

Приложение 1

Библиография переводных публикаций о Японии в дореволюционной периодике Российской империи

Газеты Юго-Западного края

Киевлянин (1898–1919)

1. *Laurent Ch.* В Токио // Киевлянин. 1904. № 217, 220, 221. С. 1. Подпись: –.
2. *Лоти П.* Стоянка в Японии // Киевлянин. 1905. № 16, 18–21. С. 2. Подпись: –.

Одесские новости (1884–1917)

1. *На востоке.* Японская женщина в литературе // Одесские новости. 1895. № 3355. С. 2. Подпись: П. Звездич.
2. *Сказка* о японском каменотесе (из Мультатули) // Одесские новости. 1906. № 6822. С. 4. Подпись: c'ivis romanus.
3. *Японская служанка* // Одесские новости. 1904. № 6294. С. 5. Подпись: К. Воинов.

4. *Японский* рождественский рассказ // Одесские новости. 1904. № 6516. С. Подпись: Теофраст Ренодо (английский).
5. *Японская* месь: (Истинное происшествие) // Одесские новости. 1893. № 2514. С. 2. Подпись: А. Доливо-добровольский.
6. *Харакири* (из японского предания) // Одесские новости. 1904. № 6289. С. 5 Подпись: —.

Южное обозрение (Одесса, 1896–1906)

1. *Зеркальце*: Японская сказка // Южное обозрение. 1901. № 1575. С. 1. Подпись: Перевод с польского для «Южн. Обозр.» М. Пеховоний.
2. *Каменотес*: Японская сказка. Мультатули. С немецкого // Южное обозрение. 1902. Лист 2. № 1836. С. 6. Подпись: («Д.Р.»).

Сибирские издания

Сибирский вестник (Томск, 1910–1913)

1. *Франсуа* Коппэ о «жёлтых» // Сибирский вестник. 1904. № 141. С. 2–3. Подпись: Друг.
2. *Француз* о Японии // Сибирский вестник. 1904. № 166. С. 3. Подпись: Пер. М.Ш. (Из Figaro).
3. *Ночь* в японской гостинице. Д-ра Максимилиана Пфистера / пер. с нем. // Сибирский вестник. 1905. № 70. С. 2. Подпись: Перевел М-н.
4. *Японские* дети / пер. с фр. // Сибирский вестник. 1904. № 101. С. 2–3. Подпись: М.А. Левт.
5. *«Смерть* двух японских шпионов» / пер. с польск. // Сибирский вестник. 1905. № 91. С. 2. Подпись: Перевел М. Д.–о.

Сибирская жизнь (Томск, 1894–1919)

1. *Каменотес*. Японская сказка Мультатули / пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1902. № 126. С. 3. Подпись: «Д.Р.».
2. *Певница* роква: Корейская повесть / пер. с япон. // Сибирская жизнь. 1902. № 279. С. 2–3. Подпись: Фусата-Сузуки.
3. *Женщина-японка* / пер. с фр. // Сибирская жизнь. 1903. № 99. С. 2. Подпись: I. Nitomi.
4. *Золотой* лотос. Японская легенда / пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1903. № 139. С. 3. Подпись: В.Ю.
5. *Дух* японской культуры. Лафкадье Гьярм в Токио / пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1904. № 90. С. 2. Подпись: —.
6. *Японский* панмонголизм / пер. с фр. // Сибирская жизнь. 1905. № 14, 15. С. 2. Подпись: Н.А. Цорн.
7. *Сверху*: Эгюд Кото Губано / пер. с япон. // Сибирская жизнь. 1905. № 23. С. 2. Подпись: —.
8. *Популярный* японский писатель Кенджиги Токуоми выпускает отдельным изданием свои воспоминания о Л.Н. Толстом // Сибирская жизнь. 1913. № 277. С. 2. Подпись: —.
9. *Дух* японской культуры. Лафкадье Гьярм в Токио / пер. с нем. // Сибирская жизнь. 1904. № 90. С. 2. Подпись: —.

Сибирский наблюдатель (Томск, 1900–1906)

1. *Последствия* тщеславия / пер. с япон. // Сибирский наблюдатель. 1905. № 6. С. 2. Подпись: Ф. Сузуки.

Images of Japan in the Periodicals of the Russian Empire Regions at the Turn of the 20th Century: Translated Literature as an Imagological Tool

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 230–246. DOI: 10.17223/19986645/73/13

Natalia Ye. Nikonova, Muaitair Abuduvaili, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru / hopeu123@bk.ru

Keywords: Japan, translated literature, periodicals, Russian Empire.

The article examines the functioning and role of images of Japan expressed in translated publications on the pages of regional Russian-language periodicals of the early 20th century. The aim of this article is to present an analysis of Japanese motifs shown via translated publications on the pages of regional Russian-language periodicals of the early 20th century. The research material is 45 texts presented in eight periodicals of the Southwestern Krai, Siberia, and the South of Russia. The methodological apparatus of the article is made up of research by leading imagologists, in particular, by the works of D. Schimmelpenninck, D.B. Pavlov, E.S. Zadornaya, and others. It has been revealed that the images of Japan in periodicals are studied mainly in the perspective of imagological rhetoric due to its maximum adequacy to the cultural processes taking place in the reality. Thus, the material presented in the article is part of the same research paradigm, reflecting the complexity of this complex intercultural transfer. The imagological analysis of the presented texts showed the following results. The image of Japan is realized through three representational strategies: 1) The image of the fairytale Japan, publication of Japanese folklore translations. The image of the region is mythologized due to the appeal to its special traditions, originating from ancientry, famous in legend and alien to Europeans. 2) Historical, political and cross-cultural surveys about Japan, constructing the image of Japan by depicting the “characteristic features” of the people living there. The appearance, manners, and morals of the Japanese are reflected exclusively as “others” in separate cycles of texts specially dedicated to the “Japanese woman” and “Japanese children”. The image of the “Japanese man” is associated with a threat to the Western world. 3) Images of Japan in translated travelogues. In particular, in an abridged version of the famous novel *Madame Chrysantheme* by Pierre Loti. This author was one of the central mediators in the imagological discourse intended for readers of the Russian regional press at the beginning of the 20th century; most of the contemporary authors agreed with him or rejected his judgments when constructing the image of Japan. In the imaginative writings published on the pages of regional literary periodicals, a contradictory, but generally positive image of Japan is created. A characteristic feature associated with the imagological representation of Japan in translations is associated with its indirect specificity: without exception, all translations were made not from Japanese, but from European languages (French, German, Polish, English). It can be explained by the objective reason for not knowing the Japanese, but in fact it turns out that Russian reception is of an indirect nature and broadcasts mainly the Western idea of some distant culture. At the same time, the main figures are also quite recognizable, which served as guidelines for translators and acted as the authors of “belles-lettres” and “pictures” about Japan, as well as travel notes.

References

1. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2009) *Navstrechu voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifortvorchestvo privelo Rossiyu k voyne s Yaponiei* [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. D'yakonova, E.M. (2017) “Ya videl son, chto kazhdyy tam poet...”: Obrazy Yaponii v poezii Serebryanogo veka [“I had a dream that everyone there is a poet ...”]: Images of Japan in the poetry of the Silver Age]. *Ezhгодnik Yaponiya*. 46. pp. 283–306.

3. Porol', P.V. (2020) *Kitay v retseptsii poetov Serebryanogo veka (poetika i estetika)* [China in the reception of poets of the Silver Age (poetics and aesthetics)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Yunnin, Ts. (2019) *Obraz Kitaya v poezii Arseniya Nesmelova i Valeriya Pereleshina* [The image of China in the poetry of Arseny Nesmelov and Valery Pereleshin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Tianjiao, V. (2020) Image of China in the poems of V.Ya. Bryusov. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. 5 (148). pp. 144–148. (In Russian).
6. Pavlov, D.B. (2009) Yaponiya na rubezhe XIX–XX vv.: na tekhnologii sozdaniya pozitivnogo obraza na Zapade [Japan at the turn of the 20th century: on the technology of creating a positive image in the West]. *Ezhegodnik Yaponiya*. 38. pp. 235–259.
7. Zadornaya, E.S. (2016) Institutionalisation of Japan identity construction policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 21 (3). pp. 114–121. (In Russian).
8. Barlett, K. (2008) Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness. *The Russian Review*. 1 (67). pp. 8–33.
9. Nikonova, N.E. et al. (n.d.) *Perevodnaya literatura v dorevolyutsionnoy periodike regionov Rossiyskoy Imperii: nauchnaya bibliografiya. Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh № 2020621571* [Translated literature in the pre-revolutionary periodicals of the regions of the Russian Empire: scientific bibliography. Certificate of state registration of the database No. 2020621571].
10. Blokhin, V.F. (2011) *Stanovlenie i razvitie gubernskoy periodicheskoy pechati v Rossii: vtoraya tret' XIX – nachalo XX v.* [Formation and development of the provincial periodical press in Russia: the second third of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. St. Petersburg.
11. Lepilkina, O.I. (2010) *Strukturno-tipologicheskaya transformatsiya sistemy russkoy provintsial'noy pressy v KhVIII – nachale XX vv.* [Structural and typological transformation of the system of the Russian provincial press in the 18th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Stavropol.
12. Kudryavtseva, T.M. (2011) *Obraz Yaponii v gazete "Russkie vedomosti" (1895–1902 gg.)* [The image of Japan in the newspaper "Russkie Vedomosti" (1895–1902)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 6 (68). pp. 37–48.
13. Vorob'eva, E.A. (2007) *Obraz Yaponii i yaponsev v presse Dal'nego Vostoka i Zapadnoy Sibiri v gody russko-yaponskoy voyny: sravnitel'nyy analiz* [The image of Japan and the Japanese in the press of the Far East and Western Siberia during the Russian-Japanese war: a comparative analysis]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History, Philology*. 6 (1). pp. 159–163.
14. Malinov, A.V. (2012) *Filosofiya i ideologiya oblastnichestva* [Philosophy and ideology of oblastnichestvo]. St. Petersburg: Inter-sotsis.
15. Multatuli. (1907) *Povesti. Skazki. Legendy* [Stories. Fairy tales. Legends]. Translated from German by A. Chebotarevskaya. St. Petersburg: Delo.
16. D.R. (1902) *Kamenotes. Yaponskaya skazka. Mul'tatuli*. [Stonecutter. A Japanese fairy tale. Multatuli]. *Yuzhnoe obozrenie*. Sheet 2. 1836. p. 6.
17. D.R. (1901) *Ego vysokorodie. Iz "Venskikh kartin" Vincenz'a Ehiavacci* [His Highness. From "Vienna Paintings" of Vincenzo Ehiavacci]. Translated from German. *Yuzhnoe obozrenie*. 1567. p. 1.
18. D.R. (1903) *Zvezdochka padaet* [A star is falling]. Translated from Swedish. *Yuzhnoe obozrenie*. Sheet 2. 2249. pp. 5–6.
19. Zvezdich, P. (1895) *Na Vostoke: Yaponskaya zhenshchina v literature* [In the East: The Japanese woman in literature]. *Odesskie novosti*. 3355. p. 2.
20. Hitomi, I. (1903) *Zhenshchina-yaponka* [The Japanese woman]. Translated from French. *Sibirskaya zhizn'*. 99. p. 2.

21. Levt, M.A. (1904) Yaponskie deti [Japanese children]. Translated from French. *Sibirskiy vestnik*. 101. pp. 2–3.
22. Drug [Friend]. (1904) “Fransua Koppe” o “zheltykh”: Iz ocherkov o “zheltoy opasnosti” (posle yapono-kitayskoy voyny 1894) [“Francois Coppé” on the “yellow”: From the essays on the “yellow danger” (after the Japanese-Chinese war of 1894)]. *Sibirskiy vestnik*. 141. p. 2.
23. *Sibirskiy vestnik*. (1904) Frantsuz o Yaponii: (Iz Figaro) [A Frenchman about Japan: (From Figaro)]. 166. p. 3. Signature: Transl. of M.Ch. Charles Laurent.
24. Tsorn, N.A. (1905) Yaponskiy panmongolizm [Japanese pan-Mongolism]. Translated from French. *Sibirskaya zhizn'*. 14, 15. p. 2.
25. Loti, P. (1905) Stoyanka v Yaponii [Staying in Japan]. *Kievlyanin*. 16, 18–21. pp. 2.
26. *Sibirskiy vestnik*. (1905) Noch' v yaponskoy gostinitse. D-ra Maksimiliana Pfistera [Dr. Maximilian Pfister's night at a Japanese hotel]. Translated from German for SV by M–n. 70.
27. *Sibirskiy vestnik*. (1905) Smer' dvukh yaponskikh shpionov [The death of two Japanese spies]. Translated from Polish by M. D.–o. 91. p. 2.

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/73/14

В.В. Орехов

ФРАНЦУЗСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИИ И РУССКИХ КАК «ГОВОРЯЩИЙ ПРОПУСК» В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ «ВОЙНА И МИР»

Исследуются особенности авторского моделирования в «Войне и мире» стереотипов французского восприятия России. Сравнительный анализ романа-эпопеи и ранее созданных произведений об Отечественной войне 1812 г. позволяет заключить, что Л.Н. Толстой, в противоположность традиции, минимизировал воплощение французской рецепции России. Доказывается, что это обусловлено стремлением писателя сместить читательское внимание со стереотипов межнационального восприятия на ключевые закономерности исторического процесса.

Ключевые слова: 1812 год, Л.Н. Толстой, образ «чужого», имагология, национальный стереотип, скифский план

Давно замечено, что постижение историсофской концепции, выстроенной в романе «Война и мир», требует анализа не только текстовых фактов, но и «говорящих пропусков», т.е. таких элементов, которые – в силу традиций или иных обстоятельств – могут быть ожидаемы читателем, но сознательно выпущены автором. Впервые об этом заговорил В.Б. Шкловский, который анализировал исторический материал, доступный Толстому, однако «вытесненный» [1. С. 50] из «Войны и мира» как затуманивающий авторскую интерпретацию исторических закономерностей. Проблему сигнализирующих «пробелов» в «Войне и мире» активно разрабатывает современный историк А.А. Орлов и задается вопросом, почему в толстовском тексте отсутствует позитивный образ Англии, которая была союзницей России в борьбе против Наполеона I. А.А. Орлову, по существу, приходится анализировать то, что Л.Н. Толстой «писать не стал» [2. С. 162], и этот анализ позволяет сделать важный вывод: Л.Н. Толстой воспринимал Англию как цивилизационный антипод России [3. С. 223], а союзничество Англии с Россией – как ситуативно-вынужденное, временное «перемирие» в извечном противостоянии двух государств, обустроенных на радикально разных ментальных основаниях, а потому обреченных на взаимоотторжение. Возможно, поэтому в самом начале романа-эпопеи «...читателю дается принципиальная установка: Англия всегда ведет себя предательски, даже когда дело касается блага всей Европы» [4. С. 19].

Наша статья посвящена еще одному «пропуску», предусмотренному Л.Н. Толстым, а именно: французским представлениям о России, которые детально воспроизводились предшественниками романиста, но, вопреки традиции, почти не нашли места в «Войне и мире». Проблема находится в сфере интересов литературоведческой имагологии, сосредоточившей ис-

следовательские усилия во второй половине XX в. (классические примеры – монографии М. Кадо и К. Корбе [5, 6]) на детальном изучении бытующего в национально-литературном сознании обобщенного представления о *чужой* стране и *чужом* народе [7. С. 18–20]. Современное литературоведение все настойчивее смещает научный объектив со структуры имагологических образов на их функции, роль, которую они играют во внутри- и межлитературном имагологическом диалоге. И в этом отношении важно, что имагологический образ может быть и объектом такого диалога, и его «инструментом». Речь о том, что люди (народы, национальные литературы) «видят себя в зеркале *других*, в *чужом* сознании (курсив мой. – В.О.)» [8. С. 85] и вырабатывают реакцию на отражение в *чужом* «зеркале» (голландский ученый Ж. Леерссен называет подобное опосредованное отражение имагологическим метаобразом [9. Р. 21]).

Эта реакция (или «ответная рецепция» [10. С. 156]) представляет собой обширную сферу литературных взаимодействий: условно выражаясь, отдельные литераторы и национальные литературы «обсуждают» собственный национальный «портрет», запечатленный *чужой* культурой. Такое «обсуждение» имеет задачей скорректировать «имагологическую картину», созданную *чужими* авторами, сопоставив изображенные черты с исторической данностью. Яркий образец подобной попытки – брошюра Д.В. Давыдова «Разбор трех статей, помещенных в “Записках” Наполеона» [11], где поэт-партизан на основе фактов оспаривает суждения об эффективности «летучих отрядов» и, по словам П.А. Вяземского, «ловит его (Наполеона. – В.О.) в некоторых отступлениях от истины <...>» [12. С. 397]. Поскольку имагологическая реальность зачастую «аффилируется» политическим дискурсом, то словесность нередко попадала в зависимость от административно-политических методов и, попросту говоря, выполняла политический заказ. Такого рода эпизоды литературного быта XIX в. не раз оказывались в зоне интересов литературоведения [13, 14], а в современной науке подробно разобраны в монографии В.А. Мильчиной «Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы» [15].

Зачастую «спор» с чужими мнениями переступал через обсуждение частных и выходил на уровень противопоставления *чужому* (более или менее целостному) образу России – *своего* образа России. И тогда *свой* образ России, создаваемый в противовес *чужому*, превращался в «инструмент» имагологического диалога, призванный вытеснить из общественного сознания *чужие* представления. Отечественная война 1812 г. стала в этом отношении чрезвычайно важным событием; ее осмысление на национальном уровне позволило создать устойчивое и целостное представление не только об историческом моменте, но и о политической, исторической роли России. События наполеоновского нашествия породили «свод» национальных представлений, которые поначалу служили, прежде всего, «идеалу национальной консолидации» [16. С. 473]. И одной из идеологем этого «свода» явилось восприятие западной культуры как «некой отторгаемой формы солидарности» [17. С. 154], что, безусловно, опиралось на реально

существовавший антагонизм в оценке множества элементов картины мира. Частный, но показательный пример: в 1812 г. и в Европе и в России казаки воспринимались «как знак всех воинов империи» [17. С. 297], однако в Европе (даже в союзных России странах) казак виделся «диким, жестоким и грозным» [18. С. 98], т.е. в абсолютном смысле слова *чужим*, а в России – сильным, справедливо карающим врага и уверенным в победе Отечества [17. С. 180].

Свое «прочтение» истории 1812 г. позволяло потеснить западные интерпретации событий истории и современности. Всякий раз, когда политическая конъюнктура заставляла Запад воспринимать жителей России «в виде орды, которой нужно противостоять всем европейцам» [19. С. 184], российское представление о войне 1812 г. превращалось в имагологический «противовес» западным «мнениям» – и внутри России, и в международном диалоге. Этот феномен детально изучен О.Е. Майоровой на материале литературной и журнальной жизни России эпохи Польского восстания 1863–1864 гг. [20]. Однако проявился он значительно раньше – в период Польского восстания 1830–1831 г. (достаточно вспомнить «Бородинскую годовщину» А.С. Пушкина). По тому же пути русская литература шла в пору Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. (вспомним брошюру П.А. Вяземского «Письма русского ветерана 1812 года»). Так что к очередному противостоянию с Европой в связи с Польским восстанием 1863 г. (а именно в этот период Л.Н. Толстой начал активную работу над «Войной и миром») русская литература пришла уже со сложившейся традицией «отвечать» Западу с позиций победителей Наполеона. Причем важной составляющей этого ответа была мысль о том, что поражение французов обусловлено их незнанием и непониманием России и русских, т.е. исторический итог осознавался с позиций критики французского восприятия России. В этом контексте проблему нашей статьи можно переформулировать в следующий вопрос: почему Л.Н. Толстой, вопреки литературной тенденции, почти не использовал в «Войне и мире» имагологический метаобраз России для осмысления исторических событий?

Итак, тема Отечественной войны 1812 г. актуализировалась в русской литературе в начале 1830-х гг., что было обусловлено Польским восстанием, его подавлением и резко обострившимися на этом фоне русско-французскими отношениями. Агрессивная антироссийская риторика французской прессы и призывы французских политиков к войне против России пробуждали в российском обществе исторические воспоминания о нашествии Наполеона [21. С. 75–73] и стремление литераторов осмыслить события Отечественной войны.

Пожалуй, наиболее известной попыткой отразить события героической эпохи в произведении большого жанра был роман М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831). Важно, что роман Загоскина явился для Толстого одним из источников, откуда автор «Войны и мира», по наблюдению В.Б. Шкловского, почерпнул некоторые детали [1. С. 40]. Как участник Отечественной войны, имевший ранение и награды, Загос-

кин, безусловно, был способен отразить ценные с исторической точки зрения впечатления. Однако раскрытие причин французского нашествия не учитывало множество объективных факторов, а потому выглядело несколько наивным. Автор подсказывал читателю вывод, что мотивы французского нашествия кроются и в ненависти Наполеона к России, «которая одна еще <...> не трепетала его имени» [22. С. 28], и в общем для всех французов презрении к России и русским. Изображая российское общество накануне неприятельского вторжения, автор выводит несколько французских персонажей и имитирует французскую рецепцию России. Французский барон из дипломатического корпуса утверждает, что Петербург не может называться европейским городом, а русские стараются во всем походить на французов [22. С. 53, 55]; французский путешественник представить не может, что в России бывает тепло [22. С. 49]; французский шпион уверяет, что Россия не способна противостоять Наполеону [22. С. 43].

Убеждая читателя, что презрительное верхоглядство в отношении России – типичная черта французского характера, Загоскин использует прием остранения, доверяя русским персонажам формулировать наблюдения о французской предвзятости. Русский офицер, вызвавший француза на поединок, объясняет свое негодование: «Неблагодарные! Чем платили они до сих пор за нашу ласку и хлебосольство? <...> Прочтите, что пишут и печатают у них о России; как насмеются они над нашим простодушием: доброту называют невежеством, гостеприимство – чванством» [22. С. 70]. «Французы и до сих пор не признают нас за европейцев и за нашу хлебосоль величают варварами, – делится с Рославлевым даже французоман Зарецкий, – а отечество наше, в котором соединены климаты всей Европы, называют землю белых медведей и, что всего досаднее, говорят и печатают, что наши дамы пьют водку и любят, чтобы мужья их били» [22. С. 46].

Когда романист доходит до подробностей «московского сидения» французской армии, он не говорит о случаях вопиющей жестокости, об утраченных российских богатствах, почти не останавливается на страданиях бесчисленных раненых. Наиболее трагичным обстоятельством выглядит все то же презрение французов к русским. Наполеон у Загоскина называет русских, поджегших Москву, «варварами» и «скифами» [22. С. 239]. А вслед за императором в подобном духе о русских отзываются все французские персонажи; офицер наполеоновской гвардии особенно находчив в эпитетах: «Они не варвары, а дикие звери!.. Мы думали здесь отдохнуть, повеселиться... и что ж? Эти проклятые калмыки... О! их должно непременно загнать в Азию, надобно очистить Европу от этих татар!» [22. С. 238]. Варварами называют москвичей даже рядовые французские солдаты [22. С. 252]. Выражение «русские варвары» кажется Загоскину особенно унижительным, и он не только постоянно возвращает внимание соотечественников к этому обстоятельству, он заставляет читателя думать, что одна из важнейших задач русских военных – вести себя на войне так, чтобы французы поняли, «что они ошибаются» [22. С. 127]. Даже завершение

войны с Наполеоном омрачено для романиста печальным последствием: «Мы отдохнули, и русские полуфранцузы появились снова в обществах, снова начали бредить Парижем и добиваться почетного названия – обезьян вертлявого народа, который продолжал кричать по-прежнему, что мы варвары, а французы первая нация в свете» [22. С. 392]. То, что представление о России как о варварской стране являлось одним из подстегнутых пропагандой стереотипов французского сознания, общеизвестно. Но то объяснение, что война началась по причине французского презрения, а завершилась победой России вследствие стремления русских отучить французов от обидных мнений, вряд ли могло убедить современников романиста.

«Рославлев» был принят холодно. Участник войны 1812 г. П.А. Вяземский писал А. С. Пушкину: «В Загоскине точно есть дарование, но зато как он и глуп <...>. В “Рославлеве” нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении» [23. С. 214]. Пушкин, слабо защищая роман, смягчал эту оценку, но тут же (1831) начал писать свой вариант романа с тем же названием и с теми же героями. Причем по наброску видно, что французским героям Пушкина (г-же де Сталь и пленному офицеру Синекуру) не свойственно презрение к России. Д.В. Давыдов даже помогал Загоскину в сборе материалов и передал ему подробную характеристику партизана Фигнера. При этом Давыдов писал: «Удовольствие, которым я наслаждался при чтении “Юрия Милославского”, дает мне надежду на подобное же удовольствие при чтении и того романа, который на станке у вас <...>» [24. С. 176]. Надежды Давыдова, видимо, не оправдались. Во всяком случае, в 1833 г. он делился с Н.М. Языковым: «Судите, что на днях я прочел в объявлении о появлении нового романа Загоскина (“Аскольдова могила”. – В. О.). “Романы Загоскина сделались уже народной гордостью”. Каково? Да за кого же г. объявитель русский народ принимает?» [24. С. 186].

Одновременно с Загоскиным, в 1831 г., свою художественную версию истории Отечественной войны предложил читателю Ф.В. Булгарин, опубликовав роман «Петр Иванович Выжигин». Изобразительные приемы и трактовка событий у Булгарина были еще менее совершенны, нежели у Загоскина, а потому роман его имел еще меньший успех, нежели «Рославлев». В предисловии Булгарин заверял: «Все, что говорят в романе Наполеон и его приближенные, не вымышлено мною, но почерпнуто из сочинений, на которые я ссылаюсь» [25. С. I]. А Наполеон, вступая в российские пределы, говорил в романе Булгарина следующее: «Верьте мне, господа, что в русском дворянстве нет той силы душевной, которая требуется для начатия и продолжения народной войны; что простой народ беден и не примет никакого участия в этом деле... Я знаю Петербург и Москву, как будто жил в них! Кабинет мой был завален рапортами, замечаниями о России!» [25. С. 75–76]. Однако военные действия заставляют Наполеона в романе Булгарина радикально изменить свое мнение. После беседы с пленным Выжигиным он и вовсе заявлял: «Эти русские совсем другие люди, нежели я полагал прежде. Меня обманули на их счет! Нельзя не ува-

жать их. <...> Я не предполагал такого духа в русских: я не знал их!» [25. С. 146] В итоге, как и у Загоскина, получалось, что русские воевали, прежде всего, за то, чтобы показать французам, как несправедливы были их пренебрежительные суждения о России. Такое прочтение истории вызвало негативный отзыв А.А. Бестужева-Марлинского: «В “Петре Выжигине” историческая часть вовсе чахотна. Уверять, что Наполеон пошел в Россию, обманутый Коленкурром, будто его примут с отверстыми объятиями, можно было в 1812 году, не позже; да и тогда этим слухам верили только на гостинном дворе» [26. Т. 2. С. 449].

Характерно, что все в том же 1831 г. (т.е. одновременно с Загоскиным и Булгариным) Бестужев-Марлинский в повести «Лейтенант Белозор» попытался сконструировать французский текст о России эпохи 1812 г. Он представил в сатирическом свете рассказ французского офицера о российских победах французов. «Представьте себе, – говорит Монтань Люссак, – соболи водятся там в домах, как у нас мыши <...> для верховой езды в горах употребляют лошадок, называемых коньяк. <...> Надо у этих варваров образовывать даже климат. <...> Перед Москвою мы разбили пятисоттысячную армию, которою командовал Суворов или Кантакузен; тут дрались даже старики с бородами по колено, которые служат им вместо лат <...>. В полдень все было кончено. По русскому обычаю, герою принесли в пироге запеченного китенка <...>. Два эскадрона пленных казаков отличились в народном танце, который у них известен под именем пляска» [26. Т. 1. С. 386]. Явная сатирическая гиперболизация делала речь француза о России даже более убедительной, нежели подделки под иностранный взгляд у Загоскина и Булгарина. А потому и отзыв Белинского о «Лейтенанте Белозоре» был значительно мягче, чем его же отзывы о «Рославлеве» и «Петре Выжигине». «<...> Несмотря на то, что <...> представитель французской нации, Монтань Люссак, уж чересчур и подл, и глуп, и пошл <...>, – замечал Белинский, – веселенький рассказец читается до конца не без удовольствия» [27. С. 547].

Итак, в русской литературе о войне 1812 г. сложилась тенденция изображать негативные французские стереотипы о России, что позволяло авторам объяснять французскую враждебность, а это, в свою очередь, помогало целиком или хотя бы отчасти объяснить и причины французского вторжения. Поскольку русско-французские отношения неоднократно переживали кризис, а французская пропаганда разжигала антироссийскую истерию, которая действительно способствовала развязыванию военной агрессии (как это было накануне Крымской войны), читатель был вправе ожидать, что разоблачения превратных представлений французов о России прозвучат и в новом, по определению Н.В. Шелгунова [28. С. 359], «славянофильском романе» Л.Н. Толстого о войне 1812 г.

В «Войне и мире» Л.Н. Толстой акцентирует внимание на обыкновении русских солдат называть противника местоимением «он» [29. Т. 11. С. 194]. Деталь эта основана на личных наблюдениях Толстого периода осады Севастополя, поскольку она отразилась в «Севастопольских расска-

зах» [29. Т. 4. С. 14]. Верность наблюдения подтверждается и словами Н.И. Пирогова. «Стреляют <...> вообще мало, – сообщил хирург в письме к жене от 13 января 1855 г. из Севастополя, – пускают от времени до времени несколько бомб от нас и от *него*; – ты знаешь, что он – это значит – неприятель» (курсив мой. – *В.О.*) [30. С. 39]. Называемый местоимением «он», неприятель в сознании русских солдат обезличен. Это должно настраивать художника на попытку проникнуть в психологию противника, не доступную участникам событий. И автора и читателя неизбежно должно заинтересовать не только то, почему неприятель пришел в Россию, но и что он чувствует, придя в Россию, как воспринимает оккупированную страну и ее народ. Казалось бы, для Толстого, изучившего целый ряд французских мемуаров, знавшего множество отзывов французов о России, открылось широкое поле для имитации французской рецепции России.

Однако Л.Н. Толстой пользуется этим приемом весьма сдержанно. Говоря о французах, живших в России до наполеоновского нашествия (врачи, гувернеры, эмигранты), он вообще не останавливается на их «русских впечатлениях». Французская рецепция России «подмечена» лишь при наступлении французской армии, и, что характерно, выразителем французских представлений о России в большинстве эпизодов оказывается Наполеон, а потому читатель почти вовсе не видит Россию глазами наполеоновских солдат и офицеров. В качестве исключения можно вспомнить лишь момент подготовки к переправе через Неман. Здесь Толстой воспроизводит реплики французских солдат, готовых к переходу границы. Беспредметные восклицания, похвалы императору, приветствия и прощания, и среди этого только две фразы о стране, в которую вступают войска: «Так вот они, азиатские степи... Однако скверная страна» [29. Т. 11. С. 9]. Толстой воспроизвел лишь самые типичные ассоциативные клише, связанные в сознании французов с Россией: ее азиатское географическое расположение, необычность ландшафта и суровость климата. И все это не может служить объяснением для причин французского вторжения.

В некоторых сценах романа, кажется, сама логика ситуации подводит автора к необходимости «прочитировать» предвзятые французские мнения о русских. Это, в частности, относится к эпизоду общения Пьера Безухова и спасенного им капитана Рамбаля. Французский офицер принимает Безухова за француза, что дает автору повод иронично отозваться о французском тщеславии: «Для француза вывод этот был несомненен. Совершить великое дело мог только француз, а спасение жизни его, мосье Рамбалья, капитана 13-го легкого полка, – было, без сомнения, великим делом» [29. Т. 11. С. 365]. Автор с насмешкой передает рассказ Рамбалья о наполеоновских победах, и читатель вправе ожидать, что у офицера сорвется избитая фраза о русском варварстве, противящемся европейской цивилизации. Но нет, француз лишь однажды вспоминает о русских, чтобы отметить их стойкость при Бородине [29. Т. 11. С. 369]. Оказывается, что чувство французского национального превосходства у Рамбалья связано даже в меньшей степени с русскими, нежели с немцами, которых он именует «дурнями» [29. Т. 11. С. 373].

Несколько полнее Толстым представлен образ России, рисуемый воображением Наполеона. Описывая готовую к вторжению французскую армию, расположившуюся на берегу Немана, автор дает возможность читателю проникнуть в сознание полководца: «Увидев на той стороне казаков (les Cosaques) и расстилавшиеся степи (les Steppes), в середине которых была Moscou la ville sainte, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, – Наполеон, неожиданно для всех <...> приказал наступление» [29. Т. 11. С. 8]. Подчеркивая «французскость» наполеоновского восприятия, Толстой ограничивается лишь тем, что записывает латинскими буквами русские слова les Cosaques и les Steppes, вошедшие в таком виде во французский лексикон, и «цитирует» по-французски фразу «Москва, священный город». При этом важно, что из множества характеристик России, действительно присутствовавших во французских источниках [7. С. 144–148], Толстой отбирает те, которые подчеркивают экзотичность «французского» образа России, а не его враждебность.

Отдельного рассмотрения в цитированном фрагменте заслуживает уподобление России «Скифскому государству». Известно, что ассоциативная связь между Россией и Скифией, (русскими – и скифами) в европейском сознании существовала до Московского похода [31. С. 68]. Однако ход Отечественной войны усилил эту связь, породив представление о так называемом «скифском плане», который якобы начал разрабатываться российским командованием еще до наполеоновского вторжения и предполагал заманивание противника на предварительно разоренные территории. Современные исследователи (вслед за Е.В. Тарле) склоняются к тому, что даже само понятие «скифский план» вошло в общественный и литературный обиход уже после окончания войны и было призвано создать иллюзию заранее спланированной стратегии глубокого отступления русской армии [32; 33. С. 15; 34. С. 3–5]. Считается, что метафоричность этого понятия была подсказана Наполеоном [35. С. 496; 36. С. 333]. В качестве подтверждения Е.В. Тарле цитирует французского императора, произнесшего в Кремле при виде московского пожара: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди! Это – скифы!» [35. С. 270]. Эти слова изначально были зафиксированы в записках Ф.П. де Сегюра [37. Р. 54], входившего в близкое окружение Наполеона. Записки Ф.П. де Сегюра стали одним из самых популярных источников о походе на Москву. Неудивительно, что порою фрагменты этих записок «просвечиваются» сквозь ткань позднейших художественных интерпретаций. Напомним, что у Загоскина Наполеон называл русских скифами [22. С. 239]. Толстому был известен сегюровский текст, однако, описывая пребывание Наполеона в Кремле, он будто «забывает» патетические фразы полководца и о решимости русских, и о скифах. Вместо этого читаем: «Наполеон <...> в самом мрачном расположении духа сидел в царском кабинете Кремлевского дворца и отдавал подробные обстоятельные приказания о мерах, которые должны были быть приняты немедленно для туше-

ния пожара, предупреждения мародерства и успокоения жителей» [29. Т. 11. С. 391]. Вопрос: почему Толстой упомянул «скифские ассоциации» Наполеона при описании переправы через Неман, но обошел их стороной в «кремлевском эпизоде», хотя именно к этому эпизоду они «привязаны» исторически?

Думается, ответ подсказывают рассуждения романиста об уже упомянутом «скифском плане». «<...> Авторы-русские, – пишет Толстой, – любят говорить о том, как с начала кампании существовал план Скифской войны заманивания Наполеона вглубь России и приписывают этот план кто Пфулю, кто какому-то французу, кто Толю, кто самому императору Александру» [29. Т. 11. С. 321]. Далее писатель доказывает, что «скифский план» представляет собой не реальный стратегический проект, а некий позднейший конструктор, созданный интерпретаторами событий и «подогнанный» под исторические факты. Понятно, что Толстой был противником того, чтобы действительные события 1812 г. объяснялись посредством мифического «скифского плана». Воспроизведение «скифской» тирады Наполеона в Кремле, записанной Сегюром, именно подталкивало бы читателя (даже на чисто эмоциональном уровне) к осознанию реальности и важности «скифского плана», что противоречило авторскому замыслу и заставило романиста обойти вниманием действительно произнесенные Наполеоном слова.

Толстовское отношение к «скифскому плану» выражает иной персонаж – Василий Денисов. Это происходит при знакомстве гусарского подполковника с Болконским. Узнав, что имение Болконского осталось на захваченной французами территории, Денисов замечает: «Вот и скифская война. Это все хорошо, только не для тех, кто своими боками отдувается» [29. Т. 11. С. 167]. То, что слова о «скифской войне» произносятся в романе еще до Бородинского сражения, можно считать анахронизмом, поскольку, как было сказано, это выражение вошло в оборот уже после победы над Наполеоном. Но принадлежность этих слов именно Денисову вполне оправдана. Д.В. Давыдов, послуживший прототипом для Денисова, в «Дневнике партизанских действий 1812 года» называл своих партизан «скифами» [38. С. 355]. «Дневники...» Д.В. Давыдова создавались уже после изгнания французов из России, и «скифская метафора», возможно, явилась неким отголоском послевоенных рассуждений в обществе о «скифском плане». Однако у Давыдова речь идет не о стратегии глубокого отступления, а о тактике летучих партизанских отрядов в тылу неприятеля. Так что Толстой не противоречил логике построения персонажа, когда «доверял» Денисову скептическое замечание о «скифской войне»: Денисов указывает на негативные обстоятельства глубокого отступления, но не партизанской тактики.

Для Толстого важным было подчеркнуть, что временная утрата территорий может быть оправдана только в качестве крайнего, вынужденного, а не заранее спланированного шага, поскольку влечет за собой множество трагических последствий. Стремясь убедить читателя, что «скифский план» явился послевоенным порождением ложной патетики, писатель до-

верил персонажу-герою Василию Денисову скептическое высказывание о «скифской войне» и вместе с тем «пропустил» пафосное высказывание о «русских-скифах», произнесенное Наполеоном в стенах Кремля. Что же касается «скифских» ассоциаций Наполеона, включенных романистом в эпизод переправы через Неман, то они воспринимаются вне контекста военных действий и отсылают читателя не к «скифскому плану», а к эпохе Александра Македонского и призваны продемонстрировать оценку Наполеоном собственного величия, а не «скифские корни» русского характера и русской военной стратегии.

Еще несколько штрихов к «наполеоновскому» образу России Толстой добавляет, воссоздавая сцену общения французского императора с посланником Александра I А.Д. Балашовым (Балашевым) в Вильне. Первая часть дипломатической встречи носила официальный характер, и высказывания Наполеона о России звучали исключительно в актуальном политическом ключе. Далее Балашов получает приглашение на императорский обед, где беседа приобретает более непринужденный характер и император проявляет интерес к некоторым подробностям российских реалий: «Сколько жителей в Москве, сколько домов? Правда ли, что Moscou называют Moscou la sainte? Сколько церквей в Moscou?» [29. Т. 11. С. 30]. Узнав, что в столице более двухсот церквей и это является следствием набожности русских, Наполеон замечает: «<...> Большое количество монастырей и церквей есть всегда признак отсталости народа. <...> Уже нигде в Европе нет ничего подобного» [29. Т. 11. С. 30].

Эти реплики не были чистым вымыслом романиста. Историкам содержание реальной беседы между Наполеоном и русским посланником известно из записки самого А.Д. Балашова, которая была создана в 1836 г. и содержание которой было использовано в «Истории консульства и империи» Л.А. Тьера и в «Истории Отечественной войны 1812 года» М.И. Богдановича. Именно эти два сочинения послужили источниками для Толстого [39. С. 286], поскольку сам текст записки Балашова хранился в архиве и был опубликован лишь в 1883 г. [40]. Е.В. Тарле убедительно доказывает, что Балашов сильно «стилизировал», т.е. дополнил воображением ту часть беседы, о которой сейчас идет речь [35. С. 478]. Заметно, что Балашов стремился проиллюстрировать плохое знание Наполеоном России. Если верить Балашову, из вопросов Наполеона следовало, что Москву полководец представлял в виде «большой деревни» [40. С. 435] и полагал, что в составе русской армии служат «киргизские полки» [40. С. 435].

Пересказывая текст Балашова, М.И. Богданович обошел вниманием «киргизские полки» и «большую деревню». В его интерпретации, Наполеон интересовался лишь числом жителей и домов в Москве, причем выразил удивление количеством церквей: «К чему такое множество?» На слова Балашова о набожности русских Наполеон ответил: «Полноте, какая теперь набожность?» [41. С. 144] Столь же лаконично «русски» вопросы Наполеона переданы и у Тьера – без «киргизских полков» и «маленькой деревни». По словам французского историка, император расспрашивал

посланника, «подобно путешественнику, направляющемуся в страну» [42. Р. 57]. Однако по поводу большого количества монастырей в России Наполеон в «Истории...» Тьера замечает, что это является признаком «слабого развития цивилизации» [42. Р. 58].

Если вернуться к эпизоду из «Войны и мира», то очевидно, что в вопросе о «набожности русских» романист опирался на текст не Богдановича, а Тьера и акцентировал внимание на представлении Наполеона об отсталости, слабой цивилизованности русских. Почему это произошло? Думается, во-первых, потому, что французский историк уже в какой-то степени сам был носителем того французского видения России, которым обладал Наполеон, а потому (возможно, неосознанно) должен был усиливать внимание на тех суждениях полководца, которые обусловлены стереотипами национального сознания. Во-вторых, как это показано в известной монографии Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу» [43], со времен эпохи Просвещения в Европе господствовала идея, что Россия стремится к европейскому уровню цивилизации, однако сильно отстает на этом пути. То есть исторический Наполеон должен был осознавать Россию в контексте этой идеи. И этот беглый штрих позволял Толстому объяснить надменный и ультимативный тон французского императора в беседе с Балашовым и шире – недооценку Наполеоном военных и моральных возможностей России.

Характерно, что на протяжении романа – даже в переломные моменты – наполеоновское восприятие России остается неизменным. Так, во время Бородинского сражения Наполеон, казалось бы, пораженный стойкостью противника, должен изречь сентенцию о стойком характере русских. Но вместо этого он лишь приказывает усилить огонь. Толстой подчеркивает, что французский император не воспринимает национальные особенности России аналитически, они оказываются для полководца только колоритным фоном для развертывания собственной биографии. В сознании Наполеона Москва представляет собой образ, наполненный не столько этно-географической конкретикой, сколько воображаемой экзотикой. Толстой неоднократно подчеркивает эту особенность восприятия, «следуя» за французским императором от Вязьмы до Москвы. И читатель узнает, что «эта Moscou не давала покоя воображению Наполеона» [29. Т. 11. С. 132], «Moscou <...> занимала его воображение» [29. Т. 11. С. 132], и при виде Москвы завоевателю «странно было самому, что наконец свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможным, желание» [29. Т. 11. С. 320].

Черты воображаемой Наполеоном Москвы обрисованы Толстым лаконично. Экзотизм образа обусловлен двумя основными мотивами – восточным и историческим. Для Наполеона Москва – «древняя столица des Czars» [29. Т. 11. С. 320], ключи от которой в руках у «бояр» [29. Т. 11. С. 321]. И одновременно в воображении французского императора Москва видится «азиатской столицей <...> великой империи» с «бесчисленными церквями в форме китайских пагод» [29. Т. 11. С. 132]. Взирая на Москву с Поклонной горы, Наполеон воспринимает город как «невиданную еще им, восточную красавицу» [29. Т. 11. С. 320].

Если проанализировать реальные впечатления французов, занявших Москву, то легко убедиться, что архитектура столицы действительно напоминала им восточный стиль. Скажем, офицер Э. Лабом отмечал, что захваченный город представляет собой «картину одного из знаменитых городов Азии, в существование которых как-то не верится и которые, казалось бы, живут только в богатом воображении арабских поэтов» [44. С. 262]. Его соратник по оружию Ц. Ложье также признавался: «Островерхие башни, бесчисленные колокольни заставляют нас думать, что мы на границе Азии» [44. С. 269]. Так что не случайно Толстой акцентирует внимание на том, что Наполеон назвал собор Василия Блаженного мечетью [29. Т. 12. С. 88]. В одном из приказов Наполеона этот собор действительно отмечен как «мечеть с несколькими куполами» [45. Р. 395]. Романист следует исторической данности: Россия и Москва в сознании наполеоновских французов обладали чертами «азиатчины».

Речь о том, однако, что Толстой эту реальную историческую деталь использует таким образом, что она не может восприниматься как причина исторических событий. Толстой не мог не знать, что накануне войны французская пропаганда, создавая образ врага, рисовала Россию как оплот «азиатского варварства», а русских как «потомков монголо-татар» [46. С. 275], как «варваров-кочевников <...> разбивающих свои шатры на окраинах Европы» [47. С. 130]. Но по всему видно, что Толстой не готов был признать, что подобная «имагологическая образность» может служить решающей движущей силой «войны народов». Поэтому «наполеоновский» образ «восточной» Москвы выпадает из военного дискурса. Во-первых, в романе «восточная» Москва – продукт индивидуального сознания Наполеона, а не массового сознания французской армии. А во-вторых, эта «восточность» Москвы в романе никак не связана с «прагматикой» войны, она призвана лишь усилить у завоевателя ощущение собственного величия. В-третьих, в «наполеоновском» образе Москвы в значительно большей степени «активирована» позитивная составляющая представлений о Востоке (экзотичность, исконная сакральность, древность), нежели негативная (угроза нашествия, варварство, деспотизм). Таким образом, представления Наполеона о Москве не укладываются в идеологию предвоенной пропаганды.

Остановимся еще на одном эпизоде. Толстой передает произошедшую неподалеку от Вязьмы беседу Наполеона с пленным казаком. Этот случай прежде был описан в «Истории консульства и империи» А. Тьера [42. Р. 288–289]. Толстой цитирует французского историка и с откровенной иронией относится к тому обстоятельству, что у Тьера казак переполнился «наивным и молчаливым чувством восторга», узнав, что говорит с императором французов. В интерпретации Толстого сцена выглядит так: денщик Николая Ростова Лаврушка, «грубый, наглый лакей», который «хитро угадывает барские дурные мысли, в особенности тщеславие и мелочность» [29. Т. 11. С. 132], ловко сыграл восторг и удивление перед Наполеоном.

Зачем понадобилось Толстому менять смысл этого микросюжета? В тьеровском варианте образ русских, испытывающих восторг перед гени-

ем завоевателя, заставляет читателя верить в истинность представлений императора и о собственном величии, и о завоеванной стране, и о моральном состоянии русской армии. Между тем для Толстого важным было, с одной стороны, продемонстрировать иллюзорность этих представлений, а с другой – совершенно в ином свете изобразить характер и настроение русских солдат. На протяжении романа Толстой постоянно вступает в полемику с Тьером [48. С. 992], а указанный эпизод во всех отношениях противоречил историческому видению Толстого. И, что характерно, интуиция не подвела Толстого: как позднее выяснилось, эпизод с казаком в «Истории...» Тьера оказался вымыслом [49. С. 214].

Обобщая рассуждения о манере Толстого апеллировать к французским представлениям о России, следует заключить, что писатель стремился постичь психологию французов, но целенаправленно избегал использовать негативные клише национального восприятия и штампы антирусской наполеоновской пропаганды. Думается, тому было две причины.

Первая связана с историсофской концепцией Толстого. Объективно пропаганда имела значительную силу накануне кампании, но после начала боевых действий реальность интересует солдата значительно больше, нежели образы, продуцированные пропагандой. Эту особенность Толстой зафиксировал при описании русских войск: «<...> в армии, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москве, и, глядя на ее пожарище, никто не клялся отмстить французам, а думали о следующей трети жалования, о следующей стоянке, о Матрешке-маркитантше» [29. Т. 12. С. 14–15]. Толстой знал этот психологический эффект по собственному опыту времен обороны Севастополя. Литературная деятельность писателя в тот период (как и его единомышленников-офицеров [50]) была нацелена, прежде всего, на военные будни, бивачную правду. В «Войне и мире» все это сконцентрировалось в убеждение, что в боевых буднях и во взаимодействии множества индивидуальных характеров следует искать объяснение военных событий. Точно так же, как Толстой разрушал концепцию о ведущей исторической роли отдельной личности, он развеивал убеждение в том, что стереотипы межнациональной рецепции способны служить двигателем исторических процессов. Он не оспаривает существование этих стереотипов, не обсуждает степень их воздействия на чувства солдат, он просто умалчивает о них, игнорирует их существование как факт, не имеющий значения для понимания истории и войны.

Вторая причина должна была скрываться в самом художественном подходе Толстого. В «Войне и мире» «любимый писателем прием остранения» [39. С. 282] позволял читателю по-новому увидеть уже неоднократно описанные события и исторические лица, отрешиться от канонизированных трактовок и литературных клише. Французская рецепция России в российском сознании второй половины XIX в. уже виделась набором общеизвестных штампов.

Российский интерес к французским представлениям о России был запущен именно войной 1812 г. и победой над Наполеоном. Эти события

актуализировали «процесс нациостроительства» [51. С. 455] и заставляли формировать «систему координат для самоопределения россиян как некой целостности, четкого осознания ими специфики “своего”, по сравнению с “чужим”» [52. С. 18]. И в этом контексте «чужие» мнения о России приобретали особое значение, поскольку позволяли, с одной стороны, оценить «свое» место в мировом пространстве, а с другой – корректировать зарубежные представления в соответствии со «своими» знаниями о России. После победы над Наполеоном начали формироваться первые коллекции иностранных сочинений о России (что явилось фундаментом для основания знаменитого отделения «Россика» Императорской публичной библиотеки), критические переводы иностранных текстов о России стали неотъемлемой частью российской научной и журнальной жизни. Накопленные знания о типичных представлениях иностранцев находили воплощение в художественной литературе (достаточно вспомнить хрестоматийный образ «французика из Бордо»), побуждали литераторов формулировать «ответ» на иностранные отзывы о «своей» стране [21. С. 79]. Со временем русская литература накопила такой опыт художественной имитации французских представлений о России, что, скажем, П.П. Вяземскому удалось мистифицировать маститых историков литературы поддельными письмами о России француженки Омер (Оммер) де Гелль [53].

Однако обилие знаний о французской рецепции России превращало эту тему в общее место. Публицистическое муссирование этой темы в периоды международных разладов довольно прочно увязывало ее со сферой политической пропаганды. Использование Толстым штампов французского восприятия России отсылало бы читателя к уже знакомым текстам о войне 1812 г. (и вообще к литературным сценам о французах в России) и притупляло остроту читательского восприятия. Можно не сомневаться, что писатель нашел бы художественные способы остранения этой темы, как нашел приемы остранения общеизвестных исторических событий. Но воспроизведение предвзятых французских представлений о России в любом случае напоминало бы читателю точку зрения о руководящей роли национальных взаимопредставлений в историческом процессе, а это не соответствовало авторским представлениям о природе вещей. Поэтому Л.Н. Толстой минимизировал воплощение французской рецепции России буквально до считанных строк, до лаконизма, позволяющего воспринимать эту рецепцию как реальную черту эпохи, важный, но не ключевой фактор исторических потрясений.

Литература

1. Шкловский В.Б. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М. : Федерация, 1928. 250 с.

2. Филиппов В.Р. «Фигура умолчания» как исторический источник: (А.А. Орлов «“Англии конец”!»: Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого “Война и мир”») // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 161–164.

3. Орлов А.А. Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Люди и тексты: ист. альм. 2017. Т. 10. С. 218–243.

4. Орлов А.А. «Англии конец!»: Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». СПб. : Алетей, 2019. 152 с.
5. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris : Fayard, 1967. 641 p.
6. Corbet C. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris : Didier, 1967. 488 p.
7. Орехов В.В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь : СГТ, 2008. 200 с.
8. Строганов М.В. Какой видела себя русская литература в зеркале французской культуры // Образ России в литературе XIX–XXI вв. : материалы междунар. научной конференции, Курск, 20–22 сентября 2007 г. Курск, 2008. С. 82–86.
9. Leerssen J. Imagologia: O zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu // Porównania. 2017. Vol. 21. P. 9–29.
10. Орехов В.В. Предыстория отечественной имагологии: традиция как целеуказание // Имагология и компаративистика. 2020. № 14. С. 143–167.
11. Давыдов Д.В. Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона. М., 1825. 65 с.
12. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М. : Искусство, 1984. 458 с.
13. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1908. 614 с.
14. Тарле Е.В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение: Июльская монархия, Вторая республика, начало Второй империи // Литературное наследство. Т. 31–32 : Русская культура и Франция, кн. 2. М., 1937. С. 563–663.
15. Мильчина В.А. Россия и Франция: Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб. : Гиперион, 2006. 528 с.
16. Киселев В.С. Книжные и журнальные источники «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. М., 2015. С. 470–493.
17. Вишленкова Е.В. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М. : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
18. Успенский В.М. Типология изображения «русских медведей» в европейской карикатуре XVIII – первой трети XIX века // «Русский медведь»: История, семиотика, политика. М., 2012. С. 87–104.
19. Земцов В.Н. Россия глазами Наполеона // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 181–186.
20. Майорова О.Е. Война и миф: память о победе над Наполеоном в годы польского восстания (1863–1864) // Новое литературное обозрение. 2012. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/vojna-i-mif-pamyat-o-pobede-nad-napoleonom-v-gody-polskogo-vostaniya-1863-8212-1864.html>
21. Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 69–88.
22. Загоскин М.Н. Рославлев, или Русские в 1812 году. М. : Правда, 1986. 416 с.
23. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 19 т. М. : Воскресение, 1994–1997. Т. 14. 578 с.
24. Давыдов Д.В. Сочинения : в 3 т. СПб., 1893. Т. 3: Проза. Письма. 253 с.
25. Булгарин Ф.В. Полное собрание сочинений : в 5 т. СПб., 1839–1843. Т. 4. 240 с.
26. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1981. Т. 1–2.
27. Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Гослитиздат, 1948. Т. 1. 802 с.
28. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике: сб. ст. / сост. И.Н. Сухих. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 408 с.
29. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худож. лит., 1928–1958. Т. 4, 11, 12, 14.
30. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М. : АН СССР, 1950. 652 с.

31. Орехов В.В. Русские «скифы»: эволюция образа // Вестник славянских культур. № 1 (11). М., 2009. С. 68–74.
32. Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в современной российской историографии // Бородино в истории и культуре: материалы Междунар. науч. конф., Бородино, 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 217–236.
33. Понасенков Е.Н. Первая научная история войны 1812 года. М. : АСТ, 2017. 800 с.
34. Ивченко Л.Л. «Полководец» А.С. Пушкина: поэтический образ и исторические реалии // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2000. С. 85–102.
35. Тарле Е.В. Сочинения : в 12 т. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7. 864 с.
36. Бражников И.Л. «Скифский сюжет» в русской культуре // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4–1. С. 332–337.
37. Ségur Ph. de. Histoire de Napoléon et de la grande armée, pendant l'année 1812. Paris, 1824. Vol. 2. 453 p.
38. Давыдов Д.В. Сочинения. М. : Худож. лит., 1962. 612 с.
39. Готовцева А.Г. Встреча в Вильне: Еще раз о миссии А. Балашева в осмыслении Л. Толстого // Вопросы литературы. 2016. № 2. С. 280–307.
40. [Балашев А.Д.] Свидание генерала Балашева с Наполеоном // Исторический вестник. 1883. Т. 12, № 5. С. 424–438.
41. Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 1. 555 с.
42. Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite à l'Histoire de la Révolution française. Paris, 1856. Vol. 14. 686 p.
43. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : НЛЮ, 2003. 560 с.
44. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев : [сб.] : в 3 ч. / сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов М. : ГПИБР, 2012. Ч. 1–2. 736 с.
45. Gourgaud G. Napoléon et la grande-armée en Russie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur. Bruxelles, 1825. 427 p.
46. Гнесь А.А. Имагология: отдавая должное подсознательным образам человека и мира // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 2, ч. 2. С. 272–283.
47. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое издательство, 2004. 336 с.
48. Чистякова М.М. Лев Толстой и Франция // Литературное наследство. Т. 31/32 : Русская культура и Франция, кн. 2. М., 1937. С. 981–1025.
49. Кандиев Б.И. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир»: комментарий. М. : Просвещение, 1967. 390 с.
50. Орехова Л.А. Севастопольское окружение Л.Н. Толстого и предыстория «Севастопольских рассказов» // Русская классика: проблемы понимания и языкового своеобразия : сб. науч. ст. по итогам XV Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции, 15–16 ноября 2016 г., Липецк. Липецк, 2016. С. 60–68.
51. Киселев В.С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. М., 2015. С. 449–469.
52. Айзикова И.А. Дунайская армия и Отечественная война 1812 г. в интерпретации авторов «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814): исторические факты и социальная мифология // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 3 (3). С. 8–25.
53. Вяземский П.П. Письма и записки Оммер де Гелль. М. : Худож. лит., 1990. 288 с.

The French Image of Russia and Russians as Aposiopesis in the Epic Novel *War and Peace*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 247–266. DOI: 10.17223/19986645/73/14

Vladimir V. Orekhov, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: v-orehov@mail.ru

Keywords: 1812, Leo Tolstoy, image of “alien”, imagology, national stereotype, Scythian plan.

The article aims to explain Leo Tolstoy’s approach to representing the French ideas about Russia in the epic novel *War and Peace*. Previously created works of Russian literature about the Patriotic War of 1812 are analyzed: M.N. Zagoskin’s *Roslavlev, or the Russians in 1812* (1831) and F.V. Bulgarin’s *Peter Ivanovich Vyzhigin* (1831). A comparative analysis allows making a conclusion that both works are characterized by the belles-lettres modeling of negative and derogatory French stereotypes about Russia. Zagoskin, trying to convince the reader that the disregard of Russia is a typical feature of the French worldview, puts clichéd negative comments about Russia and Russians into almost all French characters’ mouths. As a result, the reader perceives the presence of negative stereotypes as a circumstance no less significant than the real tragedy of hostilities, and which became the basis of Napoleon’s invasion. In a similar vein, the theme of the French’s biased attitude towards Russia is also developed in the novel by Bulgarin. Imitating French judgments about Russia, the author suggests that the basis of the war was the neglect of the French towards Russia, and the victory over Napoleon was the result of the Russians’ desire to debunk the foreigners’ unjust opinions about Russia. Since the regular aggravation of Russian-French relations constantly kept up to date the topic of negative French stereotypes, the reader had reason to believe that in the novel by Leo Tolstoy significant attention would be paid to the French reception of Russia. However, Tolstoy touched on this problem only with a glimpse, avoiding modeling negative French stereotypes about Russia. The French image of Russia has traditional exotic features, but this image cannot be perceived as a cause of military aggression. This can be explained by a combination of two reasons. Firstly, the experience of the writer’s participation in the Crimean War suggested that the explanation of the logic of military history should be sought in the bivouac truth, in the movement of combat everyday routine, and in a combination of many individual characters involved into the events, but not in the exceptional abilities of historical persons or stencils of national mutual perception. The absolute priority given to the role of national stereotypes contradicted Tolstoy’s historiographical concept. In addition, by the time of the creation of *War and Peace*, the French reception of Russia had widely been comprehended in Russian scholarly, journalistic, and belles-lettres literature, which turned this topic into a “locus communis” not explaining the deep historical processes. Tolstoy’s use of stereotypes of the French perception of Russia would have referred the reader to already familiar texts about the French in Russia and bated the sharpness of the reader’s perception. Based on all this, the writer preferred to minimize the embodiment of the French reception of Russia to laconicism, allowing us to evaluate this reception as a real feature of national mutual representations, but not a key factor of historical upheavals.

References

1. Shklovskiy, V.B. (1928) *Mater’yal i stil’ v romane L’va Tolstogo “Voyna i mir”* [Material and style in Leo Tolstoy’s novel *War and Peace*]. Moscow: Federatsiya.
2. Filippov, V.R. (2019) “The figure of silence” as a historical source. Review of the book “The End of England”! Britain and the British as figures of silence in the novel by L.N. Tolstoy “War and Peace” by A.A. Orlov. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul’tury, smysly – Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 3. pp. 161–164. (In Russian).

3. Orlov, A.A. (2017) Britaniya i britantsy kak figury umolchaniya v romane L.N. Tolstogo "Voyna i mir" [Britain and the British as Silent Figures in L.N. Tolstoy's War and Peace]. *Lyudi i teksty: ist. al'm.* 10. pp. 218–243.
4. Orlov, A.A. (2019) "Anglii konets"! Britaniya i britantsy kak figury umolchaniya v romane L.N. Tolstogo "Voyna i mir" ["The End of England"! Britain and the British as figures of silence in the novel by L.N. Tolstoy "War and Peace"]. St. Petersburg: Aleteyya.
5. Cadot, M. (1967) *La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856)*. Paris: Fayard.
6. Corbet, C. (1967) *L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894)*. Paris: Didier.
7. Orekhov, V.V. (2008) *Mif o Rossii vo frantsuzskoy literature pervoy poloviny XIX veka* [The myth of Russia in French literature of the first half of the 19th century]. Simferopol: SGT.
8. Stroganov, M.V. (2008) [How Russian literature saw itself in the mirror of French culture]. *Obraz Rossii v literature XIX–XXI vv.* [Image of Russia in the literature of the 19th–21st centuries]. Proceedings of the International Conference. Kursk. 20–22 September 2007. Kursk: Kursk State University. pp. 82–86. (In Russian).
9. Leerssen, J. (2017) Imagologia: O zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu. *Porównania.* 21. pp. 9–29.
10. Orekhov, V.V. (2020) Background of Russian Imagology: Tradition as an Indication of Target. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies.* 14. pp. 143–167. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/14/7
11. Davydov, D.V. (1825) *Razbor trekh statey, pomeshchennykh v zapiskakh Napoleona* [Analysis of three articles in Napoleon's notes]. Moscow: V Tip. S. Selivanovskogo.
12. Vyazemskiy, P.A. (1984) *Eстетика i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo.
13. Lemke, M.K. (1908) *Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg.* [Nicholas's gendarmes and literature of 1826–1855]. St. Petersburg: Izdanie S.V. Bunina.
14. Tarle, E.V. (1937) Doneseniya Yakova Tolstogo iz Parizha v III otdelenie: Iyul'skaya monarkhiya, Vtoraya respublika, nachalo Vtoroy imperii [Reports of Yakov Tolstoy from Paris to Department III: The July Monarchy, the Second Republic, the Beginning of the Second Empire]. In: Makashin, S.A. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 31–32, Book 2. Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie. pp. 563–663.
15. Mil'china, V.A. (2006) *Rossiya i Frantsiya: Diplomaty. Literaturny. Shpiony* [Russia and France: Diplomats. Literators. Spies]. St. Petersburg: Giperion.
16. Kiselev, V.S. (2015) Knizhnye i zhurnal'nye istochniki "Sobraniya stikhotvorenii, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu" [Book and magazine sources of the Collection of Verses Related to the Unforgettable 1812]. In: Ayzikova, I.A. et al. (eds) *Sobranie stikhotvorenii, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie* [Collection of Verses Related to the Unforgettable 1812]. Moscow: YaSK. pp. 470–493.
17. Vishlenkova, E.V. (2011) *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"* [Visual ethnology of the empire, or "Not everyone can see a Russian"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Uspenskiy, V.M. (2012) Tipologiya izobrazheniya "russkikh medvedey" v evropeyskoy karikature XVIII – pervoy treti XIX veka [Typology of the depiction of "Russian bears" in European political cartoons of the 18th – first third of the 19th centuries]. In: Ryabov, O.V. & de Lazari, A. (eds) *"Russkiy medved'": Istoriya, semiotika, politika* ["Russian Bear": History, semiotics, politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 87–104.
19. Zemsov, V.N. (2016) Russia through the eyes of Napoleon. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics.* 4 (58). pp. 181–186. (In Russian).
20. Mayorova, O.E. (2012) Voyna i mif: pamyat' o pobede nad Napoleonom v gody pol'skogo vosstaniya (1863–1864) [War and myth: memory of the victory over Napoleon during the Polish uprising (1863–1864)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Ob-*

server. 6. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/vojna-i-mif-pamyat-o-pobede-nad-napoleonom-v-gody-polskogo-vostaniya-1863-8212-1864.html>

21. Orekhov, V.V. (2019) To the Slanderers of Russia: Author Position and Literary Reputation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki – Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 5 (71):3. pp. 69–88. (In Russian).

22. Zagoskin, M.N. (1986) *Roslavlev, ili Russkie v 1812 godu* [Roslavlev, or Russians in 1812]. Moscow: Pravda.

23. Pushkin, A.S. (1994–1997) *Polnoe sobranie sochineniy: v 19 t.* [Complete works: in 19 volumes]. Vol. 14. Moscow: Voskresenie.

24. Davydov, D.V. (1893) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 volumes]. Vol. 3. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Ya. Sokolova.

25. Bulgarin, F.V. (1839–1843) *Polnoe sobranie sochineniy: v 5 t.* [Complete Works: in 5 volumes]. Vol. 4. St. Petersburg: v tip. K. Zhernakova.

26. Bestuzhev-Marlinskiy, A.A. (1981) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow: Khudozh. lit.

27. Belinskiy, V.G. (1948) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat.

28. Sukhikh, L.N. (1989) *Roman L.N. Tolstogo “Voyna i mir” v russkoy kritike: sb. st.* [L.N. Tolstoy’s “War and Peace” in Russian Criticism: Collection of articles]. Leningrad: Leningrad State University.

29. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 volumes]. Vols 4, 11, 12, 14. Moscow: Khudozh. lit.

30. Pirogov, N.I. (1950) *Sevastopol'skie pis'ma i vospominaniya* [Sevastopol letters and memoirs]. Moscow: USSR AS.

31. Orekhov, V.V. (2009) Russkie “skify”: evolyutsiya obraza [Russian “Scythians”: the evolution of the image]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 1 (11). pp. 68–74.

32. Totfalushin, V.P. (2010) [M.B. Barclay de Tolly in modern Russian historiography]. *Borodino v istorii i kul'ture* [Borodino in history and culture]. Proceedings of the International Conference. Borodino. 7–10 September 2009. Mozhaysk. pp. 217–236. (In Russian).

33. Ponasenkov, E.N. (2017) *Pervaya nauchnaya istoriya voyny 1812 goda* [The first scientific history of the war of 1812]. Moscow: AST.

34. Ivchenko, L.L. (2000) [“The Commander” by A.S. Pushkin: Poetic Image and Historical Realities]. *Otechestvennaya voyna 1812 g.: Istochniki. Pamyatniki. Problemy* [Patriotic War of 1812: Sources. Monuments. Problems]. Proceedings of the International Conference. Borodino. pp. 85–102. (In Russian).

35. Tarle, E.V. (1959) *Sochineniya: v 12 t.* [Works: in 12 volumes]. Vol. 7. Moscow: USSR AS.

36. Brazhnikov, I.L. (2011) “Skifskiy syuzhet” v russkoy kul'ture [The “Scythian plot” in Russian culture]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4–1. pp. 332–337.

37. de Ségur, Ph. (1824) *Histoire de Napoléon et de la grande armée, pendant l'année 1812*. Vol. 2. Paris.

38. Davydov, D.V. (1962) *Sochineniya* [Writings]. Moscow: Khudozh. lit.

39. Gotovtseva, A.G. (2016) Vstrecha v Vil'ne: Eshche raz o missii A. Balasheva v osmyslenii L. Tolstogo [Meeting in Vilna: Once again about the mission of A. Balashev in the understanding of L. Tolstoy]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 280–307.

40. Balashev, A.D. (1883) Svidanie generala Balasheva s Napoleonom [Meeting of General Balashev with Napoleon]. *Istoricheskiy vestnik*. 12 (5). pp. 424–438.

41. Bogdanovich, M.I. (1859) *Istoriya Otechestvennoy voyny 1812 goda po dostovernym istochnikam* [The history of the Patriotic War of 1812 according to reliable sources]. St. Petersburg: Torgovyy dom S. Strugovshchikova, G. Pokhitonova, N. Vodova i K°.

42. Thiers, A. (1856) *Histoire du Consulat et de l'Empire faisant suite à l'Histoire de la Révolution française*. Vol. 14. Paris.

43. Wolff, L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Translated from English. Moscow: NLO.

44. Vasyutinskiy, A.M., Dzhivelegov, A.K. & Mel'gunov, S.P. (2012) *Frantsuzy v Rossii: 1812 god po vospominaniyam sovremennikov-inostrantsev: [sb.] : v 3 ch.* [The French in Russia: 1812 according to the memoirs of foreign contemporaries: in 3 parts]. Parts 1–2. Moscow: GPIBR.

45. Gourgaud, G. (1825) *Napoléon et la grande-armée en Russie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur*. Bruxelles.

46. Gnes', A.A. (2019) Imagology: Paying Respect to Subconscious Images of Man and of the World. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 11 (2):2. pp. 272–283. (In Russian).

47. Neumann, I. (2004) *Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

48. Chistyakova, M.M. (1937) *Lev Tolstoy i Frantsiya* [Leo Tolstoy and France]. In: Makashin, S.A. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 31–32, Book 2. Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie. pp. 981–1025.

49. Kandiev, B.I. (1967) *Roman-epopeya L.N. Tolstogo "Voyna i mir": kommentariy* [The epic novel War and Peace by L.N. Tolstoy: commentary]. Moscow: Prosveshchenie.

50. Orekhova, L.A. (2016) [The Sevastopol environment of L.N. Tolstoy and the prehistory of Sevastopol Stories]. *Russkaya klassika: problemy ponimaniya i yazykovogo svoeobraziya* [Russian classics: problems of understanding and linguistic originality]. XV Baryshnikovskie chteniya [XV Baryshnikov Readings]. Conference Proceedings. Lipetsk. 15–16 November 2016. Lipetsk: Lipetsk State University. pp. 60–68. (In Russian).

51. Kiselev, V.S. (2015) Ideologicheskiy kontekst "Sobraniya stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu" [The ideological context of the Collection of Verses Related to the Unforgettable 1812]. In: Ayzikova, I.A. et al. (eds) *Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu. Yubileynoe izdanie* [Collection of Verses Related to the Unforgettable 1812]. Moscow: YaSK. pp. 449–469.

52. Ayzikova, I.A. (2015) The Danube Army and the War of 1812 as Interpreted by the Authors of the Collection of Verses Related to Unforgettable 1812 (M., 1814): Historical Facts and Social Mythology. *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. 3 (3). pp. 8–25. (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/3/2

53. Vyazemskiy, P.P. (1990) *Pis'ma i zapiski Ommer de Gell'* [Ommer de Gell's letters and notes]. Moscow: Khudozh. lit.

УДК 808.1:82-95

DOI: 10.17223/19986645/73/15

Н.Г. Юрина

**В.С. СОЛОВЬЁВ – ПЕРВЫЙ СИМВОЛИСТ
ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК? (ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
И ТВОРЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ)**

Исследуются особенности творческого сознания и художественного метода В.С. Соловьёва. Анализируя эстетические взгляды Соловьёва, характер взаимоотношений с читателем, способы творческого самовыражения, автор работы приходит к выводу, что художественный мир этого писателя выстраивался с ориентацией на романтические принципы восприятия и отражения действительности. Выявляются некоторые принципиальные различия между оформлением творческого акта у Соловьёва и творческой моделью, характерной для символистов.

Ключевые слова: В.С. Соловьёв, романтизм, символизм, художественное сознание, творческая стратегия, художественный метод, поэтика, стиль

Введение

Определяя место В.С. Соловьёва-писателя в истории русской литературы последней четверти XIX в., исследователи обычно отмечают переходность характера его творчества, развивающегося на границе века классической отечественной словесности и эпохи модернизма. Отсюда разнообразие точек зрения на характер художественного мира этого автора, спорность определений его творческого метода.

О близости художественного мира Соловьёва символистскому заговорили ещё его современники и представители литературного поколения начала XX столетия. К.В. Мочульский прямо писал о нём как о «первом русском символисте» [1. С. 382] и называл А. Белого, В.И. Иванова, В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского «его учениками» [2. С. 201]. В.В. Зеньковский считал Соловьёва «защитником философского, а тем более поэтического символизма» [3. С. 283]. Такой взгляд на писателя был унаследован советским литературоведением. Широко известно во многом справедливое замечание З.Г. Минц, что Соловьёв «оказался ближе к будущей поэзии „младших“ символистов, чем к реалистической эстетике XIX века» [4. С. 285]. А.Ф. Лосев, обращавшийся к проблеме «Соловьёв и русский символизм», отмечал близость тематики, стиля, символики художественных образов, тревожности духа в творчестве В.С. Соловьёва и В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, В.И. Иванова, Г.И. Чулкова, Д.С. Мережковского, однако высказывался на этот счет осторожнее: Соловьёв «волей или неволей оказался предначинателем и учителем всего русского символизма» [5. С. 187]. Против отнесения Соловьёва к основоположникам отече-

ственного символизма высказывался К.Г. Исупов: «Принято думать, что мировоззренческим наставником символистов был В. Соловьёв; этот миф о прямой преемственности был создан самими символистами. Достаточно поставить рядом околосимволистские апокрифы посмертного соловьёвского жития (см. хотя бы сб. «О Вл. Соловьёве», М., 1911) и язвительные рецензии философа в „Вестнике Европы“ за 1895 г. на брюсовские самоделки... или его же реплики на заметки „Против исполнительного листа“, чтобы увидеть, сколь раздражали Соловьёва адепты новых идеалов...» [6. С. 77].

Тем не менее приходится констатировать, что в российском и зарубежном соловьёвоведении последних лет наблюдается явный перевес в пользу характеристик художественного мира Соловьёва как символистского или предсимволистского¹. Такую позицию учёные (Е.А. Иконникова, В.А. Мескин, М.Н. Попов [8–10] и др.) обычно обосновывают тем, что этот автор был среди писателей, активно участвовавших в процессе оформления символизма в русской литературе, выступая при этом и как теоретик (рецензии на первые поэтические сборники «Русские символисты», 1895), и как практик (поэтические произведения). В этой связи часто не учитывается важное обстоятельство: Соловьёв отрицательно оценивал безыдейность и бессмысленность «новой» поэзии, её аморализм, словесное экспериментаторство, не обоснованное содержательно, язвительно обыгрывал приёмы и языковые клише символистов в пародиях, а в юбилейный пушкинский год резко высказался по поводу их эстетических и литературно-критических трудов («Особое чествование Пушкина», «Против исполнительного листа», «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина»). В 1990 – начале 2000-х гг. происходит важное изменение в трактовках символистской природы творчества Соловьёва. К.В. Мочульский, характеризуя его место в историко-литературном процессе, подчёркивал новизну художественного восприятия мира, близкую «новой» литературе, и устарелость способа отражения действительности, используемых художественных приёмов: «Провозвестник новых времён, Соловьёв продолжал оставаться человеком своей эпохи и не мог вполне освободиться от жалкой поэтики 80-х годов» [2. С. 202]. Современные российские и зарубежные исследователи, напротив, отмечают актуальность поэтики Соловьёва для его литературной эпохи: «Сложная, многозначная символика, пронизывающая поэзию Вл. Соловьёва, её ёмкий подтекст, многоплановость образов – всё это было началом русского символизма» [11. С. 66]; «...в поэтической практике Соловьёв намного ближе к поэзии символистов 900-х годов, чем в теории» [12. С. 23–24].

В связи с полемичностью вопроса, отсутствием однозначности в решении проблемы актуальность заявленной темы очевидна: нужны дальнейшие исследования в данном направлении. Их важность обоснована необходимостью осмысления специфики художественного творчества Соловьёва

---

¹ В западноевропейском соловьёвоведении есть попытки рассматривать писателя как наследника традиций «религиозного реализма» Ф.М. Достоевского [7].

ёва, осознания глубинных процессов, происходивших в русской литературе конца XIX столетия. Рассмотрим особенности художественного сознания и метода Соловьёва-писателя, а также степень отражения в них романтической и символистской творческих парадигм. Следуя закрепившейся в современном российском литературоведении традиции выделения романтического и реалистического типов художественного мышления как двух граней единого в своей сущности художественного процесса познания (Н.А. Гуляев [13. С. 188–190] и др.), мы учитываем то, что романтический тип включает в себя как разные исторические версии романтическую и символистскую творческие модели. Отсюда – особая сложность разграничения разных вариантов единой универсальной общности.

Исследовательские результаты и их интерпретация. Характеристика манеры творческого самовыражения Соловьёва, данная К.В. Мочульским, на наш взгляд, важное свидетельство понимания реального места Соловьёва-писателя в историко-литературном процессе. Это место было во многом обосновано личной позицией Соловьёва, которая неоднократно выражалась публично. Автор принадлежал к уходящей эпохе русской классической литературы. Он был романтиком по мировоззрению, по типу художественного сознания и по художественному методу. Важно учитывать и то обстоятельство, что между классическим русским романтизмом первой четверти XIX в. и романтизмом (неоромантизмом) конца века, заметно трансформированным, вступавшим в активный диалог и с реализмом и с символизмом, существовали определённые различия. Вот почему в художественном мире Соловьёва проявляются как особенности поэтики романтизма, так и черты реалистической и модернистской творческих парадигм.

Мировоззрение, мироощущение. Для мистически настроенной натуры Соловьёва романтизм оказался очень органичным. Это отмечал в своё время Д.Н. Овсяннико-Куликовский. «В мистическом мире, – писал он, – всё идёт к лучшему, добро всегда торжествует над злом, закон любви, всечеловеческой, божественной, космической, нераздельно царит в нём; человек в непосредственном общении с Богом, несокрушимо-блажен, он преисполнен неизреченною радостью бытия... там слышен порой беззаботный смех... Мистики, как Франциск и Соловьёв, – вовсе не фанатики... Это – люди внутренне свободные, широкие, гуманные; строгие к себе, они снисходительны к другим...» [14. С. 173–174]. Жизненный путь Соловьёва, его творчество свидетельствуют о нём как о романтике с характерным романтическим томлением по непостижимому, несказанному, с интересом к тайнам бытия и загадкам мироздания, с противопоставлением земного небесному. Как профессиональный философ, он демонстрировал в своей поэзии, прозе, драматургии художественно-аналитический тип мышления (типология Б.С. Мейлаха) [15. С. 88], тесное единство идеи и образа, конкретно-чувственного и аналитического, что неоднократно отмечали исследователи его творчества [16].

Эстетика, художественное сознание, творческие стратегии. Эстетика Соловьёва была сориентирована на романтическое понимание категории

красоты, поэзии, её задач и идеальных источников, на романтическую трактовку творческого акта и назначения истинного поэта. Как и для романтиков, для него был характерен культ вдохновения. Романтической по своей сути была соловьёвская концепция действительности: она утверждала абсолютный характер идеалов при невозможности их осуществления в данной реальности. Осознание глубин бытия, разочарование в действительности, отрицание современного общества, чувство трагедийности человеческого мира, тоска по идеалу, стремление к нему, понимание личного избранничества – общее у Соловьёва с романтиками. Близость Соловьёва к символистской эстетике возникла вследствие родственности некоторых её черт романтической: принцип двоимирия, культ искусства, понимание творческой личности как связующего звена между миром земным, чувственным, и духовным миром мечты, а вдохновения – как божественного откровения, онтологическая трактовка красоты, философичность, почитание музыки как наиболее магического, нерассудочного вида искусства (некоторое время Соловьёв ставил музыку выше поэзии). Вот почему некоторые соловьёвские идеи (теургизм, соборность, софиология), восходящие к романтической традиции «жизнестроения» с помощью духовных уроков искусства, оказались интересными русским символистам. Вместе с тем понимание категории красоты у Соловьёва и символистов принципиально различно: автор статьи «Общий смысл искусства» (1890) соотносил её с добром и истиной («...красота есть только воплощение в чувственных формах того самого идеального содержания, которое до такого воплощения называется добром и истиною...» [17. С. 70]), символисты считали красоту амбивалентной, этические основания для неё необязательными, переходы между прекрасным и ужасным – зыбкими. Культ искусства, идея его самоценности у символистов брюсовской линии доходили до полного отрицания не только высокой идейности, но и какой-либо связности, содержательности текста. Это, безусловно, было чуждо Соловьёву, так как перечёркивало его концепцию переустройства действительности при помощи искусства («Совершенное воплощение... духовной полноты в нашей действительности, осуществление в ней абсолютной красоты или создание вселенского духовного организма есть высшая задача искусства» [17. С. 78]). Художественное сознание модернистов выстраивалось на контрастах, на противостоянии общего и частного, целого и части в мироустройстве и сознании писателя-творца. У Соловьёва оно стремилось к гармоничности (принцип гармонии части и целого – в основе его понимания красоты: «Всё то безобразно, в чём одна часть безмерно разрастается и преобладает над другими, в чём нет единства и цельности и, наконец, в чём нет свободного разнообразия» [17. С. 75]), организовалось идеями долга поэта, продвижения искусства к наивысшей стадии его развития, пересоздания человечества и мироустройства.

Художественное сознание Соловьёва-писателя было организовано как романтическое: в центре – творческий субъект, который представляет собственное видение действительности, трактует мировой порядок как уни-

версальное. Через обрисовку духовной жизни своего героя, объемлющую всю Вселенную, он пытался ответить на роковые вопросы бытия, осмыслить проблемы истории, общества и человека. Через лирический роман о встрече с Вечной Женственностью («Близко, далёко, не здесь и не там...», «У царицы моей есть высокий дворец...», «Три свидания»), об отклонениях от заданного ею идеала в современной действительности и предвосхищениях будущего свидания с ней он открывал должное, ставил насущные задачи человечеству. Отношения с читателем Соловьёв выстраивал как писатель-романтик: он видел в нём собеседника, которого старался убедить в собственном взгляде на мир логическими и экспрессивными средствами, неординарностью стиля. Отсюда ведущие творческие стратегии Соловьёва – просветительско-пророческая¹ (как основная) и смеховая (как дополнительная). Они свидетельствовали «о стремлении сочетать риторическое (авторитетное) и диалогическое (равноправное) отношение к адресату» [19. С. 78] и о двойственной природе авторского сознания – созерцательно-рефлексивной и созидательно-игровой. Антиномичный характер этих стратегий предопределил неоднородность творческого наследия Соловьёва, его деление на «серьёзное» (философские труды, софийная лирика, большая часть литературно-критических и публицистических работ, литературные диалоги, автобиографическая и биографическая проза) и «шуточное» («шуточная» лирика, драматургия, полемическая часть публицистики и литературной критики). При сохранении общей схемы общения с читателем (центральное положение творческого субъекта, вещающего истины остальным) в творчестве символистов происходят важные трансформации. Одна из них связана с абсолютизацией авторской субъективности, не регулируемой какими-либо устойчивыми идеалами. Каждое слово-высказывание писателя-модерниста заявлялось как истинное, несмотря на то, что порой оно вступало в противоречие с ранее сказанным. Пестрота и несогласованность идеалов, многозначность смыслов, мозаичность контекстов и содержательной наполненности текста приводили к неясности, расплывчатости высказывания. Идеи, открывшиеся сознанию писателя, а через его посредство и читателю, вступали в конфликт друг с другом. В результате создавалась импрессионистическая картина мира, возможность многообразного прочтения текста вследствие постоянно изменяющихся акцентов. В художественном мире Соловьёва, при всём тяготении автора к отрывочности, фрагментарности, а на смысловом уровне – к недоговоренности, отказе от строгой логичности, отсутствуют подобные контрастные и легко деформируемые смыслы.

Символисты ориентировались на избранного, «своего» читателя, способного понимать особый язык искусства (кодированное письмо), интел-

---

¹ П. Дэвидсон связывает пророческую стратегию в творчестве Соловьёва с усвоением русской литературной пророческой традиции (Пушкин, романтики, Достоевский) и библейской традиции еврейского пророчества: «Соловьёв подражал языку, стилю, целям и ценностям еврейских пророков» [18. Р. 662].

лектуально подготовленного к трактовке символистского текста, обладающего развитым вкусом, культурой восприятия и оценки, способного вступать в диалог с автором-творцом. Если романтики пытались «поднять» уровень воспринимающего субъекта до степени возможности осознания высоких истин (отсюда использование средства адаптации художественного языка посредством, например, фольклорного материала), то символисты, напротив, ещё более усложняли текст, адресуя его «понимающим» (эпатирующая, элитаристская и игровая программы творческого поведения). При общности тяготения к диалогизации сюжетно-образной структуры произведений, имитирующей столкновение разных идейных позиций, у Соловьёва она воплощалась преимущественно в шуточных текстах («Любить Вас tout de même? Вот странная затея! / Когда же кто любил негодный матерьял? [20. С. 156]»; «Какую мне избрать дорогу? / Кого любить, чего искать? / Идти ли в храм молиться богу, / Иль в лес – прохожих убивать?!» [21. С. 216]), у символистов – во всех, при этом количество участников диалога ограничивалось «своими». Если Соловьёв придавал гениальному художественному тексту не только познавательное, но и сакральное значение, то символисты, в силу их теорий житнетворчества и мифотворчества, художественной теургии, ввели текст в сферу эстетической игры, акта самоутверждения и действия, стали воспринимать весь мир как Текст, в котором писатель живёт как персонаж, режиссёр и теург.

Поэтика. Для романтической поэтики было характерно предпочтение художественной правды правде фактологической. Для Соловьёва поэтическая истина всегда была выше исторической. Он осуждал тех писателей и поэтов, которые «рассудочную рефлексию» и «прозаический реализм» ставили выше поэтической правды: «...если поэтическая истина есть только создание мечты, то вся жизнь есть лишь „пустая и глупая шутка“, с которою всего лучше покончить в самом начале» [22. С. 157]. Действие в художественных произведениях Соловьёва происходило, как правило, вне времени и пространства. Эпоха и место события как таковые не важны в его пьесах «Альсим», «Белая Лилия», в прозе они очерчены в самых общих чертах («Мы подъехали к какой-то маленькой станции», «Четыре года после того я встретился с Julie в Италии, на Ривьере...» [23. С. 462, 473]); обстановка, интерьер прописываются весьма приблизительно. Даже в биографических произведениях писателя, где факты имели особо важное значение, встречаются попытки свободной их интерпретации (например, в «Жизненной драме Платона»: «...он поселился на *несколько лет* в Мэгаре», «своё первое заморское путешествие – в Кирэну, Египет, а *может быть и далее, в Азию...*» (курсив наш. – Н.Ю.) [24. С. 262]). Сила и свобода художественной фантазии часто преобладали у Соловьёва над исторической истиной, хотя человеческие характеры показывались как конкретно-исторические, т.е. порождённые определённой эпохой. У символистов также можно наблюдать преобладание художественной истины над исторической. Вместе с тем принципиальна разница. Символисты смешивали истины фактологические и поэтические: изображали реальное через приз-

му символического. Для Соловьёва характерно чёткое противопоставление объективно существующего и должного, отражённого в лучших образцах искусства. Пронзительно-проникновенный взгляд на действительность свойствен в его художественных текстах только настоящим поэтам, которые каждое событие оценивают с точки зрения будущего человечества: «Не страшна ночная тьма нам: / Сердце день грядущий знает. // Новой славою господней / Озарится свод небесный, / И дойдёт до преисподней / Светлый благовест воскресный» [20. С. 84]. Для всех остальных вполне нормально восприятие мира и человека с логическо-чувственных позиций. Вот почему в публицистике и литературной критике Соловьёва так много собственно теоретических рассуждений, логически выстроенных и аргументированных.

Символисты противопоставляли реализм и символизм как две противоположные художественные манеры созерцания. В докладе «Элементарные слова о символической поэзии» (1900) К.Д. Бальмонт писал: «В то время как поэты-реалисты рассматривают мир наивно, как простые наблюдатели, подчиняясь вещественной его основе, поэты-символисты, пересоздавая вещественность сложной своей впечатлительностью, властвуют над миром и проникают в его мистерию. Создание поэтов-реалистов не идёт дальше рамок земной жизни, определённых с точностью и с томящей скукой верстовых столбов. Поэты-символисты... всегда овеяны дуновениями, идущими из области запредельного...» [25. С. 94]. Соловьёв не столь категорично отрицал возможности реализма, в определённой степени даже использовал их. Силу «вещественной» основы земной жизни он вполне признавал, наблюдал за ней, отчасти подчинялся ей, правда, никогда не считал её властью абсолютной, определяющей.

Использование символов. Важный аргумент для большой группы учёных, которые соотносят художественное творчество Соловьёва с началом русского символизма, использование в его поэтической практике недосказанности и символики. Так, Л.Н. Дядькина выражает убеждение, что «художественный символизм является характерной особенностью мироощущения философа» [26. С. 23]. В.Ф. Соколова пишет: «Создавая свою уникальную модель бытия, сложный, таинственно-прекрасный виртуальный мир, он обращался к поэтике сновидений, смутных прозрений и грёз. Поэтому его стихи часто отличаются неопределённостью хронотопа... Всё это, вместе с мистически значимыми образами-символами, предвещало поэтику символизма» [27. С. 45–46]. Однако важно разграничивать символику Соловьёва и, например, старших символистов. Современник и биограф поэта, С.М. Лукьянов, отмечал в этой связи: «...его символику и мистику нет ни малейшего основания отождествлять с символиккой и мистикой... современных „декадентов“... У декадентов и новохристиан символика и мистика обуславливаются, с одной стороны, невыясненностью, произвольностью и риторичностью идеала... а с другой – явственным и незаконным преобладанием эмоциональной сферы над сферой интеллектуальной; у христиан же символика и мистика оказываются тесно связанными».

ми с высотой положительного религиозного идеала, отчасти даже богооткровенного...» [28. С. 142–143].

Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что трактовка художественного образа у Соловьёва была близка символистской (на это указывал, в частности, В.В. Бычков [29. С. 78]). Художественному образу он отводил роль связующего звена и соотнесения между истинным и «человеческим» искусством, между тем, что должно быть и что есть. «...Для истинно художественного образа или типа, – писал Соловьёв, – безусловно необходимо внутреннее соединение совершенной индивидуальности с совершенной общностью, или универсальностью, а такое соединение составляет существенный признак или определение настоящей умозерцаемой идеи в отличие от отвлеченного понятия, которому принадлежит только индивидуальность» [30. С. 205]. При помощи интуиции писатель познаёт идеи истинно сущего, которые представляются его взору в различных художественных образах. Задача настоящего творца – в их развитии и воплощении в материальных подробностях. В том же направлении выстраивал определение образа-символа, например, А. Белый, для которого символ выступал опосредованной целостностью единства физической и художественной картины мира¹. Таким образом, художественный символ для Соловьёва имел сложную природу, содержал в себе не только единство означаемого (переживаемое) и означающего (средства изобразительности), но и образ переживания, который не может быть выражен средствами изобразительности. Вместе с тем есть и принципиальная разница между образностью Соловьёва и символистов. У Соловьёва она выстраивалась на основе соответствий явлениям действительности, была привязана к реальности, в то время как у символистов преобладали ассоциативные соответствия, подчеркнутая несоотнесённость с земным, «здешним». «Основным методом поэтов символизма, – писал Л.К. Долгополов, – становилось поэтическое иносказание, когда слова теряют своё обычное прямое значение и употребляются в значении переносном и расширительном. Превращение художественного образа в „модель переживаемого содержания сознания“, в символ требовало переноса центра тяжести с того, что выражалось, на то, что подразумевалось. Художественный образ оказывался в то же время и образом иносказания» [32. С. 257]. Показательно, что Ж.И. Лахтина [33], изучавшая ключевые для Соловьёва образы-символы, пришла к выводу, что лексические единицы в его поэзии несли в себе не только дополнительное, но прежде всего прямое значение. Наряду с образами-символами им широко использовались образы, не содержащие многозначности.

---

¹ А. Белый писал: «Характерной чертой символизма в искусстве является стремление воспользоваться образом действительности как средством передачи переживаемого содержания сознания. Зависимость образов видимости от условий воспринимающего сознания переносит центр тяжести в искусстве от образа к способу его восприятия... Образ, как модель переживаемого содержания сознания, есть символ. Метод символизации переживаний образами и есть символизм» [31. С. 258].

К.Г. Исупов разграничил природу символа у Соловьёва и символистов следующим образом: «В эстетическом векторе символ у Соловьёва принадлежит бытию и лишь косвенно – как запись внимательного к зовам Эмпирея медиума – сфере запечатления, т.е. искусству. Символ символистов – эстетическая конструкция, наведённая в бытие и навязанная ему или даже замещающая его» [6. С. 78]. Действительно, если у Соловьёва образ-символ был порождён художественно-логической стихией и существующей реальностью (например, образ Вечной Женственности, увиденный лирическим героем стихотворения «Гроза утром» сквозь потоки дождя: «Шумно льются потоки назревшие, / Гром гремит, словно чем-то утешен... / Вижу очи твои потемневшие, / Хоть дождём от тебя занавешен» [20. С. 113]), то у символистов он обычно полемически отталкивался от действительности и противостоял ей. Наконец, высокая философская символика, насыщение слова дополнительными смысловыми значениями, а образов – зыбкими ассоциациями, повтор ключевых образов-символов – всё это роднило Соловьёва с художественной выразительностью не только символистов, но и русских романтиков (например, Е.А. Баратынского [34. С. 366]).

Мифотворчество. Для художественного творчества Соловьёва мифологичность характерна и вполне органична. Она реализовалась через свойственный всем романтикам внебытовой сюжет с элементами экзотики, мистики и тайны. Поэзию, художественную прозу и драматургию Соловьёва в целом можно рассматривать как единый роман о поиске человеком себя, о возвышенной любви к Подруге небесной и движении жизни к всеобщему концу и торжеству Истины, Добра и Красоты. Герои Соловьёва (Мортемир из «Белой Лилии», повествователь из рассказа «На заре туманной юности», главный персонаж пьесы «Альсим») – это люди возвышенные, исключительные, противопоставившие себя обществу, прозе жизни, ведомые идеалами, переживающие дисгармоничность существования, разлад мечты и действительности (традиционное для романтизма двоемирие). Они то пассивно воспринимают волю небес, то активно проявляют собственные жизненные принципы, но всегда выступают как воплощения избранничества, духовного возвышения над окружающими своей нацеленностью на поиск высшей истины и красоты. Они страдают от хаоса окружающей жизни, предчувствия нереализованности своей миссии, непонятости и одиночества. В «Трёх свиданиях» Соловьёва романтическое отчуждение героя-избранника проявляется в эпизоде со здравомыслящим генералом, который советует ему не рассказывать никому о свидании с Вечной Женственностью, называя это «происшествием постыдным» [20. С. 131]. Соловьёвские герои более чем персонажи романтиков начала XIX в. (герои-изгои, странники, пришельцы, беглецы, искатели, чудаки) погружены в реальный мир, быт, но действительность и несовершенства жизни вызывают у них отторжение, печаль или насмешку.

На мифотворчество в поэзии Соловьёва указал ещё С.Н. Булгаков, который соотнёс и его интимную лирику, и его поэтические пейзажи с описаниями ожидания встречи с божественной Софией. В качестве аргумен-

тации для своей концепции критик назвал такие черты соловьёвских текстов, как «астральность», мистичность, загадочность и двусмысленность звучания [35. С. 63]. Современные исследователи творчества Соловьёва также отмечают, что «мир его лирики организуется всё тем же мистериальным сюжетом об отпавшей мировой душе в плену „злой“ земной жизни...» [36. С. 765]. Присутствие аналогичных сюжетов и мотивов в драматургии писателя также констатировано и проанализировано [37]. Вместе с тем нельзя забывать, что мифотворчество – это важная черта и романтической эстетики. Известно, что романтики неоднократно обращались к мифам и легендам, наполняли их личностным смыслом, занимались субъективно окрашенным мифотворчеством. Новалис говорил о задаче создания «новой мифологии», Ф. Шлегель – о трансцендентальной поэзии, Вагнер – о всеохватывающем синтезе искусств. Увлечение античной мифологией для русских романтиков было не только источником аллегорической образности, но и своеобразным способом мировидения (идиллии А.А. Дельвига, антологические стихи А.С. Пушкина). Отсюда проистекала их склонность к мифотворчеству в жизни, сознательному соединению сюжетов литературных и биографических. Не случайно А.Ф. Лосев, определяя романтизм через главенство ряда идей, наряду с идеями творческой личности, символизма, иррациональной образности и историзма называл «идею становящейся мифологии» [38. С. 142]. Современные филологи [39. С. 16] признают миф одной из универсалий, определяющих творческое сознание как романтиков, так и символистов. Однако важно, что символисты стали использовать его как способ моделирования реальности, единицу художественного метаязыка, позволяющего интерпретировать действительность. Соловьёв в своей поэзии был, безусловно, близок к этому. Однако софийная часть его лирики, наиболее родственная символизму, занимает важное место в его поэтическом наследии (и в мифотворческих проектах), но не исчерпывает его целиком. Подведение всей соловьёвской пейзажной и любовной лирики («Эти грозные силы, что в полдень гремели...», «По случаю падения из саней вдвоём» и др.), а также большого пласта его «шуточной» поэзии под сюжет о нисхождении Софии в мир, как делают некоторые исследователи [40. С. 370], было бы искусственным. Интересно, что В.Я. Брюсов вообще относил ряд соловьёвских стихотворений условно софийного цикла («Тесно сердце, я вижу, твоё для меня...», «Милый друг, не верю я нисколько...», «Вижу очи твои изумрудные...») к текстам о «мирской Афродите» [41. С. 273].

Нельзя отрицать, что в своей эстетике («Красота в природе», 1889) Соловьёв сотворил геокосмогонический миф о становлении мира и человечества как воцарения Красоты, в поэзии – воспел Софию (Душу мира) и Богочеловечество. Ещё одно направление мифотворчества Соловьёва – апокалиптические трактовки будущего: предчувствие грядущих общечеловеческих потрясений и мировых испытаний. Его поэзия («Сон наяву», «Знамение», «Дракон», «Белые колокольчики» и др.) и поздняя проза («Три разговора...») наполнены диссонансами, трагическим мироощущением,

апокалиптической образностью и мотивами, близкими символистам. Но в то же время для Соловьёва всё это не только символ хаоса мироздания, где конкретной личности не находится места, но и надежды на неминуемую встречу человечества с Вечной избранницей, окончательное воцарение Истины и Добра в мире, «путь к неизменному соединению человечества с Богом» [42. С. 264]. Для символистов «поэтическая апокалиптика... по-настоящему глубоко безысходная»; апокалиптическое зло в их произведениях «стирало малейшую значимость человека вообще» [43. С. 148–149]. Родственное символистам настроение мировой скорби, отчаяния, одиночества всегда дополнялось у Соловьёва романтической верой в окончательную победу вечных идеалов.

Стиль, поэтические приёмы. Как и романтики, Соловьёв тяготел к ненормативности поэтики, лиризму, экспрессивности и метафоричности стиля, субъективности оценок (отсюда и преобладание «субъективных» жанров в его поэзии (элегии, стихотворного послания, эпиграммы), присутствие автобиографического рассказа, предисловия – в прозе, лирических вставок – в публицистике и литературной критике). Описание возвышенных чувств, поисков истины, Бога, красоты, гармонии человека с природой и с самим собой у романтиков требовало пафосной речи, «поэтической» лексики, напевной интонации. Романтический стиль был основан на внимании к единичному, опоре на богатую интертекстуальность. Все эти черты можно обнаружить и в поэзии Соловьёва. Его манеру письма в целом определяют характерные для романтического стиля элегическая тональность, условность языка, символика, обилие риторических вопросов. Использовал он также смысловую и эмоциональную антитезу, свойственную поэтике предромантизма: «О, как в тебе лазури чистой много / И чёрных, чёрных туч!..» [20. С. 68].

Поэтику лирических текстов Соловьёва и русских символистов сближает сочетание древней и новой образности (одушевлённая природа, живущая независимой от человека жизнью, космизм и иносказательность пейзажей), реального плана изображения и вневременного: «Где ни взглянешь, – всюду камни, / Только камни да сосна... / Отчего же так близка мне / Эта бедная страна?.. // И среди смутных очертаний / Этих каменных высот / В блеске северных сияний / К царству духов виден вход» [20. С. 96]. Большая эрудированность позволяла поэту насыщать свои произведения историко-культурными параллелями и перекличками («Прометею», «Песнь офитов», «Кумир Небукаднецара», «Нильская дельта» и др.), к чему также были склонны символисты. И для Соловьёва, и для символистов были актуальны приёмы цветописи («свето-цветовые образы»). С. Корычанкова называет «одним из самых важных средств эстетической картины мира писателя» [44. С. 124]), ассоциативности, интерес к музыкальным возможностям слова. Но в целом поэтика ранних символистов, их принципы сотворения поэтического мира на основе неполной определённости, алогичности изображаемого, оксюморонные образы, нагнетание однородных звуковых комплексов, нарушающих привычные представления о свойствах

предметов и явлений, абсурдность описываемых ситуаций не были близки Соловьёву, воспитанному на традициях русской классической литературы. «В воззрениях „декадентов“ разрывалась основа „всеединства“, – справедливо отмечает Т.П. Буслаква, – и потому между возвышением искусства путём „эстетического сепаратизма“ и его теургическим смыслом могло наблюдаться лишь внешнее сходство, не затрагивавшее важнейших мировоззренческих вопросов...» [45. С. 22]. Поэтические пейзажи Соловьёва (Египет, вымышленный Трапезунд, Финляндия, Россия) не менее чем у символистов наполнены запахами и звуками, часто имеют иносказательный смысл, но они не отличаются особой яркостью и экзотикой: их задача – не поразить воображение, а задать общую элегико-меланхолическую тональность, побудить к чистым помыслам о вечном.

Стремясь передать смятение человеческой души, неустойчивость мира, романтики обращались к иронии, эмоциональной нестабильности. В шуточных произведениях Соловьёва смешивалось обыденное и возвышенное, земное и небесное, простонародное и литературное, конкретное и символическое, серьёзное и смешное. В рамках одного произведения («Три свидания», «Альсим», «Белая Лилия») он мог соединить противоположные стили повествования: торжественно-риторический и небрежно-шутливый, приправленный каламбурами и просторечиями. Эта особенность творческой манеры Соловьёва объяснялась, как мы отмечали ранее [43. С. 508, 514], двойственностью романтического мировосприятия и особой авторской установкой, творческими стратегиями. Для художественной структуры символистских текстов также характерна пестрота стилей, но она зачастую доходит до мозаичности, свобода композиции – до коллажности, рассыпанности повествования на ряд картин. При общей ослабленности сюжета в повествовательных и драматургических текстах Соловьёва («Альсим», «Белая Лилия», «На заре туманной юности», «Жизненная драма Платона», «Три разговора...») смысловые центры в его художественном творчестве, в отличие от символистского, обозначены очень явно, в лирике – чувственное восприятие жизненного явления уравновешено его рефлексивным осознанием.

Отмечая связь соловьёвской иронии со смеховой стихией в текстах символистов, учёные обыкновенно обозначают и существенные различия. Так, Д. Максимов писал: «Нет сомнения, что ранние пьесы Блока и его лирическая ирония по своему литературному происхождению фактурно связаны с... произведениями Вл. Соловьёва очень относительно, но само предсуществование соловьёвской иронии, почти доходящей до игры в абсурд, могло стать для Блока как бы „санкцией“-разрешением, открывшим ему путь к лирико-ироническому творчеству...» [46. С. 175]. Ирония шуточных произведений Соловьёва была призвана выполнять ту же важную задачу, что и мистицизм его серьёзной лирики, – открывать человечеству идеалы Добра, Истины и Красоты, вести по пути самосовершенствования. Символисты довели иронию до крайности, превратили соловьёвскую весёлость в «опьянения смехом», «болезнь смехом», которая стирала границы между добром и злом, прекрасным и безобразным [47. С. 101].

«Учительство». Идеиные заимствования из Соловьёва очевидны в мыслях о воцарении Вечной Женственности, преображении жизни, синтезе земного и небесного, основополагающих и для старших символистов¹, и для А. Белого, А.А. Блока, Вяч. Иванова, С.М. Соловьёва. Со многими представителями раннего русского символизма Соловьёва роднили тревожное настроение, ощущение кризиса и катастрофичности бытия, эсхатологическое восприятие человеческой истории. Не будем отрицать, что пародировал Соловьёв только творчество «старших» символистов-эстетов, а не мистиков, для которых символ был не средством словесного искусства поэтики намёков, а знаком потустороннего мира, символизм был не литературной школой, а религиозно-философским мировоззрением [49. С. 445]. Не перечёркивая очевидное – факт духовного наставничества Соловьёва для молодого поколения поэтов и писателей 1890–1900-х гг. – не будем забывать, что оно не было намеренным, планомерным и «адресным». Символисты, объявившие Соловьёва учителем, находились в стадии активных поисков своих предшественников и называли таковыми многих представителей русской классики, в том числе А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, Я.П. Полонского, А.А. Фета, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др. Родственность некоторых эстетических взглядов и художественных приёмов Соловьёва и поэтов-символистов означает только предвосхищение в его творчестве отдельных тенденций в отечественной лирике последующих десятилетий, но не сознательное «учительство» и тем более формирование символистской традиции.

Выводы. Итак, рассматривать Соловьёва-писателя в рамках символистской парадигмы творчества, как делают это некоторые учёные, следует весьма осторожно, с существенными оговорками. Соловьёв оказался близок символистам вследствие общности типа художественного мышления. Его художественную позицию следует считать переходной между романтическим и символистским вариантами творческих моделей единого (романтического) типа художественного мышления, имеющими родственную эстетическую основу и вместе с тем принципиальные отличия.

Оценивая результат творчества писателя, необходимо учитывать прежде всего его намерения (главное правило, сформулированное когда-то самим Соловьёвым для своей литературной критики [50. С. 147]). Соловьёв до конца своих дней так и не принял символистской эстетики, пародировал не только первые поэтические опыты отечественных символистов, но и вполне зрелые произведения их западных единомышленников. Он не соотносил себя с «новой» поэзией. Признавая цельность, синтез высшим принципом природной и духовной жизни, этот автор не принимал крайних форм декадентского индивидуализма, иначе смотрел на сущность творче-

---

¹ О влиянии идеи Вечной Женственности на прозу В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского, Ф. Сологуба писала Л.А. Пермякова (*Пермякова Л.А. Сакрализация женственности в прозе русского символизма* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1996. С. 11–18 [48]).

ской личности, значение искусства, пути развития цивилизации. Относя его творчество к символистскому, мы неизбежно повторяем ошибку, неоднократно встречавшуюся в истории русской литературы. Так, Л. Андреев в письме к Е.Н. Чирикову от 8(21) февраля 1907 г. с возмущением писал: «Какой идиот этот Чуковский! Породнил меня с декадентами, которых я не выношу!...» [51. С. 48]. Целостное романтическое мышление Соловьёва, сориентированное на эстетический идеал и на субъективность, освещенную этим идеалом, имело иную природу, нежели расколотое символистское, определяемое абсолютизированной субъективностью.

Трудность определения творческого сознания и художественного метода Соловьёва во многом объясняется тем обстоятельством, что Соловьёв как писатель имел совершенно особое отношение к литературному процессу. Его не интересовала смена литературных эпох и господствующих поэтик. Развитие литературы он связывал с её приближением к истинному, теургическому, искусству, с яркими отражениями совершенной красоты в лучших образцах мировой словесности. Для него было совершенно неважным, в рамках какого литературного направления творил художественный гений, сумевший отразить в своём произведении общечеловеческие идеалы. Тем не менее заметнее всего и в творческом сознании Соловьёва, и в его литературной программе, и в художественной практике, и даже во внешней организации жизни романтические идеи и принципы. Романтический метод Соловьёва сформировался в особую историко-литературную эпоху, когда многие эстетические и художественные установки романтиков были переосмыслены и трансформированы. Если романтики начала XIX в. были принципиально оторваны от действительности, противопоставляли ей область своей души, мечты («лишь жить в себе самом умей»), то Соловьёв в рамках своей сатирической лирики, драматургии, публицистики постоянно выходил на актуальную для современного общества проблематику, считал главной задачей поэзии одухотворение и пересоздание мира. В его художественных произведениях мы не найдём характерных для романтиков культа индивидуальности, абсолютизации свободы личности, отступлений от антитезы добра и зла, психологической усложнённости характера.

Глубоко почитая пушкинскую традицию, осознавая себя наследником русской «чистой» лирики, Соловьёв представлял уходящую эпоху в отечественной словесности, но в своих эстетических взглядах и поэтике он опередил время. Будучи фигурой переходной, он был воспринят как один из первых в отечественном символизме, как его «духовный отец», наставник. Но когда творчество Соловьёва начинают рассматривать с точки зрения символистского эстетического кода, для которого характерны ориентация на избранные художественные пласты, аморализм и показательная свобода от религиозных и духовных принципов, неадекватность автора и его маски – лирического героя, то получается явное искажение. Соловьёв, сформировавшийся на эстетических принципах своего века, всегда исходил из идеи особой духовной миссии поэта, неразрывности творца и его творче-

ства. Оставаясь романтиком на протяжении всего творчества, используя романтическую образность, разрабатывая романтические темы, применяя характерные для романтизма жанровые формы, следуя романтическому проекту диалога с читателем, он соединял всё это с реалистическим отношением к изображаемой действительности (стремлением воздействовать на неё) и с символистскими приёмами (символикой, недосказанностью и т.д.). Природа таких «пограничных» литературных явлений представляет особый интерес и будет, очевидно, неоднократно привлекать внимание литературоведов, изучающих отражение в творчестве писателей процесса смены творческих моделей и типов художественного мышления.

Литература

1. Мочульский К.В. Валерий Брюсов // Мочульский К.В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М., 1997. С. 373–439.
2. Мочульский К.В. Владимир Соловьёв. Жизнь и учение // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М., 1995. С. 61–216.
3. Зеньковский В.В. Эстетические воззрения Вл. Соловьёва // Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 278–287.
4. Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 478 с.
5. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв: От социально-исторического утопизма к апокалиптике // Контекст-1992. М., 1993. С. 150–189.
6. Исупов К.Г. Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрёстки) // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2000. Кн. 1. С. 69–130.
7. Bercken van den W. Dostoevsky's 'Grand Inquisitor' and Vladimir Solovyov's 'Anti-christ' // Christian Fiction and Religious Realism in the Novels of Dostoevsky. London : Anthem Press, 2011. P. 97–106.
8. Иконникова Е.А. Метафизическое в символистской поэзии Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2002. Вып. 5. С. 216–230.
9. Мескин В.А. «Бывают странные сближенья»: В. Соловьёв и Ф. Сологуб в русском символизме // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4. С. 81–87.
10. Попов М.Н. Владимир Соловьёв и русский символизм // Владимир Сергеевич Соловьёв и современность. М., 2001. С. 99–106.
11. Зуев Н.Н. «Что есть, что было, что грядет веки...»: (Вл. Соловьёв и русская поэтическая традиция) // Рос. литературоведч. журн. 1994. № 5–6. С. 56–69.
12. Чжонг-Со П. Поэзия Владимира Соловьёва: (Проблема нравственного и эстетического идеала) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 29 с.
13. Гуляев Н.А., Богданов А.Н., Юдкевич Л.Г. Теория литературы в связи с проблемами эстетики. М.: Высш. шк., 1970. Гл. 5. С. 186–288.
14. Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы: материалы к биографии : в 3 кн. Кн. 3, вып 1. М. : Книга, 1990. 382 с.
15. Мейлах Б.С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 249 с.
16. Авдейчик Л.Л. Философская поэзия Владимира Соловьёва. Минск : РИВШ, 2006. 170 с.
17. Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991. С. 69–84.
18. Davidson P. Vladimir Solov'ev and the Ideal of Prophecy // The Slavonic and East European Review. Oct., 2000. Vol. 78, № 4. P. 643–670.

19. Юрина Н.Г. Авторские стратегии в художественном творчестве В.С. Соловьёва // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 74–79.
20. Соловьёв В.С. Стихотворения // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 57–198.
21. Соловьёв В.С. Белая Лилия // Соловьёв В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 214–254.
22. Соловьёв В.С. Поэзия Я.П. Полонского // Соловьёв В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 155–177.
23. Соловьёв В.С. На заре туманной юности // Соловьёв В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991. С. 459–473.
24. Соловьёв В.С. Жизненная драма Платона // Соловьёв В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991. С. 236–282.
25. Бальмонт К.Д. Элементарные слова о символической поэзии // Бальмонт К.Д. Горные вершины. М., 1904. С. 75–95.
26. Дядькина Л.Н. Проблема символа в эстетике Владимира Соловьёва // Культура и творчество. Киров, 1993. С. 23–40.
27. Соколова В.Ф. Мифопоэтика В. С. Соловьёва // Синтез культурных традиций в художественном произведении. Н. Новгород, 2009. С. 38–46.
28. Лукьянов С.М. Поэзия Вл.С. Соловьёва // Вестник Европы. 1901. Т. 2, март. С. 128–161.
29. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М. : Ладомир, 2007. 743 с.
30. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 139–288.
31. Белый А. Об итогах развития нового русского искусства // Арабески. М., 1911. С. 256–262.
32. Долгополов Л.К. Поэзия русского символизма // История русской поэзии : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Б.П. Городецкий. Л., 1969. С. 253–329.
33. Лахтина Ж.И. Философская лирика Владимира Соловьёва // Вопросы художественного метода, жанра и характера в русской литературе XVIII–XIX веков : сб. тр. М., 1975. С. 269–271.
34. Тойбин И.М. Е.А. Баратынский // История русской поэзии : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Б.П. Городецкий. Л., 1968. С. 342–367.
35. Булгаков С.Н. Владимир Соловьёв и Анна Шмидт // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1999. С. 51–82.
36. Магомедова Д.М. Владимир Соловьёв // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2000. Кн. 1. С. 732–778.
37. Юрина Н.Г. Трансформация традиций средневековой мистерии в «Белой Лилии» В.С. Соловьёва // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 243–259.
38. Лосев А.Ф. Конспект лекций по эстетике Нового времени: романтизм // Лит. учёба. 1990. № 6. С. 139–145.
39. Созина Е.К. Динамика художественного сознания в русской прозе 1830 – 1850-х годов и стратегия письма мастера классического реализма : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 40 с.
40. Квачан Л.Л. Границы и их преодоление в жизни и творчестве В.С. Соловьёва // Уваровские чтения-VI. Граница и пограничье в истории и культуре : материалы науч. конф., Муром, 16–18 мая 2005 г. Муром, 2006. С. 366–371.
41. Брюсов В.Я. Владимир Соловьёв: Смысл его поэзии // Брюсов В.Я. Ремесло поэта: статьи о русской поэзии. М., 1981. С. 264–277.
42. Юрина Н.Г. Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва (Соловьёв и Яворский) // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 256–266.

43. Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьёва в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль). Саранск : Изд. Мордов. ун-та, 2019. 548 с.

44. Koryčánková S. Лексико-семантическое оформление философски значимых образов в поэзии В.С. Соловьёва. Brno : Masarykova univ., 2013. 202 с.

45. Бушлакова Т.П. Владимир Соловьёв и «Эстетическое декадентство» // Серебряный век русской литературы: проблемы, документы. М., 1996. С. 12–23.

46. Максимов Д. Ал. Блок и Вл. Соловьёв (по материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1981. С. 115–189.

47. Блок А. Ирония // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. Л., 1980. С. 100–104.

48. Пермякова Л.А. Сакрализация женственности в прозе русского символизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1996. 24 с.

49. Гаспаров М.Л. Антиномичность поэтики русского модернизма // Избранные труды. М., 1997. Т. 2. С. 434–455.

50. Соловьёв В.С. Русские символисты // Соловьёв В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 144–154.

51. Переписка Леонида Андреева и Е. Чирикова // Леонид Андреев: материалы и исследования. М., 2000. С. 32–86.

Vladimir Solovyov – the First Symbolist or the Last Romantic? (Aesthetic Views and Creative Model)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 267–286. DOI: 10.17223/19986645/73/15

Natalya G. Yurina, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

E-mail: makarova-ng@yandex.ru

Keywords: Vladimir Solovyov, romanticism, symbolism, artistic consciousness, creative strategy, artistic method, poetics, style.

The article analyzes the problem polemic for Solovyov studies and related to the nature of the artistic world of Solovyov the writer. The aim of the research is to study the nature of Solovyov's artistic consciousness and method, to identify the degree of reflection of romantic and symbolist creative paradigms in them. Based on the material of philosophical and aesthetic, poetic, prose, dramatic, literary and critical works of Solovyov, the author of the article proves that Solovyov was a romantic in worldview, type of artistic consciousness, artistic method, although his works show separate features of realistic and symbolist creative paradigms. The research is carried out in the traditions of comparative literature studies (A.N. Veselovsky, V.M. Zhirmunsky, A.N. Nikolyukin, and others), which explore continuity in literature of various historical and literary epochs, the perception, assimilation, and transformation of separate ideas and features of poetics. Historical-genetic and comparative-typological approaches in Solovyov studies allow identifying the genetic and typological essence of the writer's artistic world, more accurately determining its place in the historical-literary process. In the course of the research, the author analyzes the characteristics of Solovyov's worldview; his aesthetic views, nature of relationship with the reader, and means of artistic expression; the plots, artistic types, techniques, language repeated in his writings. The author of the article comes to the conclusion that the artistic world of Solovyov was built with a focus on romantic principles of perception and reflection of reality. At the same time, the romanticism of the late 19th century in Russian literature was significantly different from its classical version, actively absorbing the features of literary phenomena of a different artistic nature (primarily symbolism). Hence is the misleading external similarity between the artistic texts of Solovyov and the symbolists, which in reality is combined with significant, fundamental differences. Solovyov was close to the symbolists ideologically as much as the aesthetic programs of romanticists and symbolists were close. At the same time, he could never

accept orientation to the chosen artistic layers, the “own” reader, the demonstrative freedom from religious and spiritual principles, the inadequacy of the author and his or her mask, the cult of art going so far as to deny not only high ideological content, but also any semantic coherence. Solovyov, who shaped as a writer on the aesthetic principles of his century, always proceeded from the idea of a special spiritual mission of a poet, the inseparability of the author and the work. Remaining a romanticist throughout his work, using romantic figurativeness, developing romantic themes, following the romantic project of dialogue with a reader, he combined all this with a realistic attitude to the depicted reality (desire to influence it) and with symbolist techniques (symbolism, understatement).

References

1. Mochul'skiy, K.V. (1997) *Aleksandr Blok. Andrey Belyy. Valeriy Bryusov* [Alexander Blok. Andrey Bely. Valery Bryusov]. Moscow: Respublika. pp. 373–439.
2. Mochul'skiy, K.V. (1995) *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow: Respublika. pp. 61–216.
3. Zen'kovskiy, V.V. (1997) *Russkie mysliteli i Evropa* [Russian thinkers and Europe]. Moscow: Respublika. pp. 278–287.
4. Mints, Z.G. (2004) *Poetika russkogo simvolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
5. Losev, A.F. (1993) Vladimir Solov'ev: Ot sotsial'no-istoricheskogo utopizma k apokaliptike [Vladimir Solovyov: From socio-historical utopianism to apocalypticism]. In: *Kontekst-1992* [Context-1992]. Moscow: Nasledie; Nauka. pp. 150–189.
6. Isupov, K.G. (2000) Filosofiya i literatura “serebryanogo veka” (sblizheniya i perekrestki) [Philosophy and literature of the “Silver Age” (convergence and crossroads)]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian literature of the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Book 1. Moscow: IWL RAS; Nasledie. pp. 69–130.
7. van den Bercken, W. (2011) *Christian Fiction and Religious Realism in the Novels of Dostoevsky*. London: Anthem Press. pp. 97–106.
8. Ikonnikova, E.A. (2002) Metafizicheskoe v simbolistskoy poezii VI. Solov'eva [The metaphysical in the symbolist poetry of VI. Solovyov]. *Solov'evskie issledovaniya*. 5. pp. 216–230.
9. Meskin, V.A. (2009) “Byvayut strannye sblizhen'ya”: V. Solov'ev i F. Sologub v russkom simvolizme [“There are strange rapprochements”: V. Solovyov and F. Sologub in Russian Symbolism]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*. 4. pp. 81–87.
10. Popov, M.N. (2001) Vladimir Solov'ev i russkiy simvolizm [Vladimir Solovyov and Russian Symbolism]. In: *Vladimir Sergeevich Solov'ev i sovremennost'* [Vladimir Sergeevich Solovyov and the Present]. Moscow: VZFEI. pp. 99–106.
11. Zuev, N.N. (1994) “Chto est', chto bylo, chto gryadet voveki...”: (VI. Solov'ev i russkaya poeticheskaya traditsiya) [“What is, what was, what is to come forever ...”: (Vladimir Solovyov and the Russian poetic tradition)]. *Ros. literaturovedch. zhurn.* 5–6. pp. 56–69.
12. Chzhong-So, P. (1995) *Poeziya Vladimira Solov'eva: (Problema npravstvennogo i esteticheskogo ideala)* [Poetry of Vladimir Solovyov: (The problem of the moral and aesthetic ideal)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Gulyaev, N.A., Bogdanov, A.N. & Yudkevich, L.G. (1970) *Teoriya literatury v svyazi s problemami estetiki* [Literary theory in connection with the problems of aesthetics]. Moscow: Vyssh. shk. pp. 186–288.
14. Luk'yanov, S.M. (1990) *O VI. S. Solov'eva v ego molodye gody: materialy k biografii: v 3 kn.* [About VI. S. Solovyov in his young years: materials for biography: in 3 books]. Book 3 (1). Moscow: Kniga.
15. Meylakh, B.S. (1962) *Khudozhestvennoe myshlenie Pushkina kak tvorcheskii protsess* [Pushkin's artistic thinking as a creative process]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

16. Avdeychik, L.L. (2006) *Filosofskaya poeziya Vladimira Solov'eva* [Philosophical poetry of Vladimir Solovyov]. Minsk: RIVSh.
17. Solov'ev, V.S. (1991) *Smysl lyubvi: Izbrannye proizvedeniya* [The meaning of love: Selected works]. Moscow: Sovremennik. pp. 69–84.
18. Davidson, P. (2000) Vladimir Solov'ev and the Ideal of Prophecy. *The Slavonic and East European Review*. 78 (4). pp. 643–670.
19. Yurina, N.G. (2020) Author's Strategies in V. S. Solovyov's Creative Writing. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 6. pp. 74–79. (In Russian).
20. Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 57–198.
21. Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 214–254.
22. Solov'ev, V.S. (1990) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovremennik. pp. 155–177.
23. Solov'ev, V.S. (1991) *Smysl lyubvi: Izbrannye proizvedeniya* [The meaning of love: Selected works]. Moscow: Sovremennik. pp. 459–473.
24. Solov'ev, V.S. (1991) *Smysl lyubvi: Izbrannye proizvedeniya* [The meaning of love: Selected works]. Moscow: Sovremennik. pp. 236–282.
25. Bal'mont, K.D. (1904) *Gornye vershiny* [Mountain peaks]. Moscow: Knigoizdatel'stvo "Grif". pp. 75–95.
26. Dyad'kina, L.N. (1993) Problema simvola v estetike Vladimira Solov'eva [The problem of the symbol in the aesthetics of Vladimir Solovyov]. In: Lipin, S.A. (ed.) *Kul'tura i tvorchestvo* [Culture and creativity]. Kirov: Kirov Pedagogical Institute. pp. 23–40.
27. Sokolova, V.F. (2009) Mifopoetika V. S. Solov'eva [Mythopoetics of V.S. Solovyov]. In: *Sintez kul'turnykh traditsiy v khudozhestvennom proizvedenii* [Synthesis of cultural traditions in a work of art]. N. Novgorod: N. Novgorod State Pedagogical University. pp. 38–46.
28. Luk'yanov, S.M. (1901) Poeziya V.I. Solov'eva [Poetry of V.I. Solovyov]. *Vestnik Evropy*. 2 (March). pp. 128–161.
29. Bychkov, V.V. (2007) *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian theurgic aesthetics]. Moscow: Ladomir.
30. Solov'ev, V.S. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 139–288.
31. Belyy, A. (1911) *Arabeski* [Arabesques]. Moscow: Musaget. pp. 256–262.
32. Dolgopолов, L.K. (1969) Poeziya russkogo simbolizma [Poetry of Russian Symbolism]. In: Gorodetskiy, B.P. (ed.) *Istoriya russkoy poezii: v 2 t.* [History of Russian Poetry: in 2 volumes]. Vol. 2. Leningrad: Nauka. pp. 253–329.
33. Lakhtina, Zh.I. (1975) Filosofskaya lirika Vladimira Solov'eva [Philosophical lyrics of Vladimir Solovyov]. In: *Voprosy khudozhestvennogo metoda, zhanra i kharaktera v russkoy literature XVIII–XIX vekov* [Issues of artistic method, genre and character in Russian literature of the 18th–19th centuries]. Moscow. pp. 269–271.
34. Toybin, I.M. (1968) E.A. Baratynskiy. In: Gorodetskiy, B.P. (ed.) *Istoriya russkoy poezii: v 2 t.* [History of Russian Poetry: in 2 volumes]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 342–367.
35. Bulgakov, S.N. (1996) *Tikhie dumy* [Quiet thoughts]. Moscow: Respublika. pp. 51–82.
36. Magomedova, D.M. (2000) Vladimir Solov'ev [Vladimir Solovyov]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian literature of the turn of the century (1890s – early 1920s)]. Book 1. Moscow: IWL RAS; Nasledie. pp. 732–778.
37. Yurina, N.G. (2019) Transformation of the Traditions of the Medieval Mystery Play in Vladimir Solovyov's The White Lily. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 243–259. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/15

38. Losev, A.F. (1990) Konspekt lektsiy po estetike Novogo vremeni: romantizm [Lecture notes on modern aesthetics: romanticism]. *Lit. ucheba*. 6. pp. 139–145.
39. Sozina, E.K. (2002) *Dinamika khudozhestvennogo soznaniya v russkoy proze 1830 – 1850-kh godov i strategiya pis'ma klassicheskogo realizma* [The dynamics of artistic consciousness in Russian prose of the 1830s–1850s and the writing strategy of classical realism]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
40. Kvachan, L.L. (2006) [Borders and their overcoming in life and works of V.S. Solovyov]. *Uvarovskie chteniya–VI. Granitsa i pogranich'ye v istorii i kul'ture* [Uvarov readings–VI. Border and borderlands in history and culture]. Conference Proceedings. Murom. 16–18 May 2005. Murom. pp. 366–371. (In Russian).
41. Bryusov, V.Ya. (1981) *Remeslo poeta: stat'i o russkoy poezii* [The poet's craft: articles on Russian poetry]. Moscow: Sovremennik. pp. 264–277.
42. Yurina, N.G. (2010) Traditsii russkoy apokalipticheskoy literatury XVIII veka v "Kratkoy povesti ob antikhriste" VI. Solov'eva (Solov'ev i Yavorskiy) [Traditions of Russian apocalyptic literature of the 18th century in the "Short story about the Antichrist" by VI. Solovyov (Solovyov and Yavorskiy)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. pp. 256–266.
43. Yurina, N.G. (2019) *Literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo V.S. Solov'eva v kontekste russkoy slovesnosti vtoroy poloviny XIX veka (estetika, poetika, stil')* [Literary and artistic works of V.S. Solovyov in the context of Russian literature of the second half of the 19th century (aesthetics, poetics, style)]. Saransk: Mordovia State University.
44. Koryčánková, S. (2012) *Leksiko-semanticheskoe oformlenie filosofski znachimykh obrazov v poezii V.S. Solov'eva* [The lexico-semantic design of philosophically significant images in the poetry of V.S. Solovyov]. Brno: Masarykova univ.
45. Buslakova, T.P. (1996) Vladimir Solov'ev i "Esteticheskoe dekadentstvo" [Vladimir Solovyov and "Aesthetic decadence"]. In: *Serebryanyy vek russkoy literatury: problemy, dokumenty* [The Silver Age of Russian Literature: Problems, Documents]. Moscow: Moscow State University. pp. 12–23.
46. Maksimov, D. (1981) Al. Blok i VI. Solov'ev (po materialam iz biblioteki Al. Bloka) [Al. Blok and VI. Solovyov (based on materials from the library of Al. Blok)]. In: *Tvorchestvo pisatelya i literaturnyy protsess* [The writer's oeuvre and the literary process]. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 115–189.
47. Blok, A. (1980) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 volumes]. Vol. 4. Leningrad: Khud. lit. pp. 100–104.
48. Permyakova, L.A. (1996) *Sakralizatsiya zhenstvennosti v proze russkogo simvolizma* [Sacralization of femininity in the prose of Russian symbolism]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
49. Gasparov, M.L. (1997) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: YaSK. pp. 434–455.
50. Solov'ev, V.S. (1990) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovremennik. pp. 144–154.
51. Keldysh, V.A. & Koz'menko, M.V. (eds) (2000) *Leonid Andreev: materialy i issledovaniya* [Leonid Andreev: materials and research]. Moscow: Nasledie. pp. 32–86.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:304.9(470.345)
DOI: 10.17223/19986645/73/16

К.В. Дементьева

ГОРОДСКИЕ ПАБЛИКИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: СПЕЦИФИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ АУДИТОРИИ, ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ ИНФОРМАЦИИ

Исследуются городские паблики социальной сети «ВКонтакте», размещающие информацию, основанную на пользовательском контенте, дается определение городского паблика, его типформирующие признаки. На базе пабликов города Саранска проанализированы специфика подачи в них контента, влияние на общественное мнение, показатели отклика аудитории. Сделаны выводы о причинах популярности или непопулярности каждого ресурса, построена универсальная модель востребованного у аудитории города конкурентного паблика.

Ключевые слова: паблик, сообщество, социальная сеть, аудитория, контент, информация, СМИ

Введение

В условиях стремительного развития социальных сетей часть контента традиционных СМИ перешла в специально созданные сообщества, как правило имеющие то же название, что и газета или телеканал, зарегистрированные в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Некоторые такие сообщества являются чисто номинальными, созданными с целью охватить самые разные площадки, но при этом не разделяют подачу контента и специфику аудитории – новости без изменения с сайта издания автоматически дублируются во все представительства сразу – «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter, Telegram и др. Такой подход расширяет аудиторию, но не учитывает ее интересы и возрастные особенности. Другие СМИ стараются перерабатывать новостной контент и учитывать специфику каждой социальной сети, анализируют социальные характеристики подписчиков. Так, например, в Telegram новости выкладываются реже, но имеют резонансный характер, а в Instagram появляются только те публикации, которые сопровождаются интересными фото или видеоконтентом. Но так или иначе, практически все традиционные СМИ, даже региональные и муниципальные, имеют сейчас свои площадки в социальных сетях. По сути, уже подтверждается прогноз, данный в статье 2014 г.: «Стандартные медиа – такие, как радио и ТВ, – вынуждены будут подчиняться тем направлениям деятельности, которые зададут социальные медиа» [1. С. 11].

Однако не всегда значимая новостная информация в социальных сетях появляется только в сообществах традиционных СМИ. Есть также и собственно электронные СМИ, как зарегистрированные официально в Роскомнадзоре, так и существующие в виде самостоятельных сайтов, имеющих свою постоянную аудиторию, но не состоящие в реестре СМИ. Если обращаться к данным Роскомнадзора, то налицо рост сетевых изданий: на 1 января 2019 г. в Республике Мордовия было зарегистрировано 26 таких изданий, а на 1 января 2020 г. – уже 43.

Существуют также информационные агентства и городские паблики, которые создают свои материалы исключительно для пользователей Интернета. Согласно типологии Маршалла Маклюэна [2, С. 14–20] медиа в Интернете можно отнести к холодным, вовлекающим пользователя в диалог, приглашающим к участию (в отличие от традиционных – горячих, нацеленных на информирование).

Городские паблики и сообщества в социальных сетях рассматривались в работах Е.Г. Ефимова [3], А.В. Пустовалова, А.Р. Бугровой [4], И.В. Мельничук [5], А.А. Морозовой [6] и др.

Городские паблики: определение и типология

«Паблик – сокращенное название от термина „публичная страница”» [7. С. 40]. «В декабре 2010 г. „ВКонтакте” запустил новый тип учетной записи – публичная страница. <...> Такие сообщества стали вещательным инструментом для многих организаций. Первая публичная страница „ВКонтакте” появилась у Сбербанка. Если в группу можно было попасть только по приглашению, то публичная страница стала одинаково доступна всем пользователям» [8. С. 47–48].

И.В. Мельничук дает следующее определение новостному паблику: «информационный интернет-ресурс, выполняющий сразу две функции журналистики: познавательную и развлекательную, но специализирующийся в большей степени на распространении полезной информации и отличающийся разнообразием структурных элементов внутри материалов, а также способом подачи данных» [5. С. 197]. Л.А. Битков пишет о преимуществах сообществ в социальных сетях: «Пользователь ничего не ищет, он подписывается на паблик и просто периодически обновляет новостную ленту социальных сетей» [9. С. 22]. А информация, в свою очередь, «...самовоспроизводится без участия медийной организации: на определенном этапе продвижения контента его дистрибуцией успешно занимаются вовлеченные потребители» [10. С. 132].

При довольно широком распространении городских пабликов в системе современных коммуникаций обнаруживается отсутствие его четкого определения. Приведем собственную трактовку изучаемого явления. **Городской паблик** – это сообщество, объединяющее географически разных индивидов в соответствии с их типом личности – по интересам, целям, принадлежности к какой-либо социальной группе, что дает им возможность

выступать в качестве потребителя и/или создателя контента, в том числе новостного, и осуществлять коммуникацию.

А.А. Морозова подразделяет сообщества по основанию передаваемой информации на четыре типа: 1) официальные СМИ; 2) неофициальные СМИ; 3) информационные ресурсы, но не СМИ; 4) полностью не СМИ [6. С. 161].

В рамках данного исследования наибольший интерес представляет третья группа – информационные ресурсы, не являющиеся СМИ. Это «сообщества, которые имеют первостепенной функцию распространения сведений, но форма подачи информации нетрадиционна, а источники зачастую сомнительны» [6. С. 162]. К ним стоит отнести сообщества типа «Подслушано Курск», «Привет, сейчас в Петербурге!», «Саранск | Доска Позора», «Астрахань online» и др.

Согласно другой типологии городских сообществ они делятся на следующие типы: 1) СМИ; 2) развлекательные сообщества; 3) паблики, посвященные городу [11].

К развлекательным сообществам, в свою очередь, относят паблики типа «Знакомства Екатеринбург», «Бесплатная Москва» и т.д. На первом этапе исследования был проанализирован контент развлекательных сообществ и сделан вывод, что они узконаправленны, выполняют функцию доски объявлений, в них отсутствует новостной контент, практически нет коммуникации, вследствие чего приравнивать их к пабликам с новостным контентом нельзя.

Были также рассмотрены некоторые варианты типологии традиционных и сетевых СМИ [12–15] и разработаны собственные типифицирующие признаки городских пабликов, представленные в таблице.

Типоформирующие признаки городских пабликов

Признаки	Типы	Примеры
Связь со СМИ	Оригинальные паблики	«Я из Томска»
	Паблики сетевых ресурсов	Penzainform.ru
	Паблики традиционных СМИ	«Правда Севера»
Регистрация в Роскомнадзоре	Паблики, имеющие регистрацию	«Пермь ВКонтакте»
	Паблики, не имеющие регистрации	«Интересная Москва»
Подача информации и авторство	Паблики с авторским контентом	«Новости Саранска и Мордовии»
	Паблики с пользовательским контентом	ЧП 53 Великий Новгород. Новости
Характер контента	Новостные паблики	«Курская правда»
	Комментарийные паблики	Знакомства в Новосибирске
	Смешанные паблики	«Казань Онлайн Главный Казанский Паблик»
Охват аудитории	Паблики крупных городов	«Москва online»
	Паблики провинциальных городов – центров регионов	«Саранск Доска Позора»
	Паблики небольших населенных пунктов	«Подслушано Краснослободск»

Признаки	Типы	Примеры
Характер аудитории	Паблики этнических общностей	«Известные, выдающиеся татары. Татарский мир»
	Паблики возрастных групп	«Пенсионеры Санкт-Петербурга»
	Паблики профессиональных групп	«Хореограф – это не профессия, а призвание жизни»
	Паблики гендеров	«Женская Рязань»
	Паблики конфессий	«Ульяновская епархия РПЦ МП»
	Паблики политических партий и течений	Российская экологическая партия «Зелёные»
	Паблики иных групп населения	«Родители города Кирова»
Тематика	Монотемные паблики	ФК «Сочи»
	Политематические паблики	«Типичный Кемерово»
Целевое назначение	Новостные паблики	«Проспект Мира — Красноярск»
	Развлекательные паблики	«Мемный Городской МГПУ»
	Паблики интернет-магазинов	«Магазин „Тибет“ (г.Хабаровск)»
	Иные паблики (литературные, учебные, научные, культурно-просветительские и т.д.)	«Ораторские курсы Москва. Онлайн тренинги»
Принадлежность	Паблики государственных структур	«Администрация Улуг-Хемского района»
	Паблики частных и коммерческих структур	«Терраса Valcon Чебоксары»
	Паблики индивидуальных лиц	«Фотограф Семён Саяногорск – Абакан»

Информирование и коммуникация в разных типах пабликов происходят по-разному. Так, паблики с новостным и/или рекламным контентом, который создают определенные авторы или администраторы сообщества, в меньшей степени предполагают вовлечение пользователей и относятся к «горячим» [2]. Однако и в них возможно комментировать посты, создавать свои обсуждения, писать в личные сообщения, делать репосты записей с комментариями на своей странице. Например, в паблике «Сеть магазинов „Победа“ Самара» есть отдельная ветка с темой «Купи-продай», где люди выставляют объявления о продаже или обмене вещей. А запись паблика «АНИМЕ МАГАЗИН KimiTo Саратов» с демонстрацией предновогоднего заказа собрала 931 комментарий, где есть как вопросы по товару, так и знакомство и обмен мнениями среди пользователей. В паблике «Два лимона | первый Zero-waste магазин в Томске» в комментариях к записям пользователи выкладывают собственные фотографии, например домашних животных, для которых покупали древесный наполнитель, параллельно описывая привычки и особенности своих любимцев. То есть даже в рекламных пабликах магазинов пользователи могут становиться не просто потребителями, а «добывателями» и «создателями» информации [16. С. 47–48].

Тем не менее в большей степени предполагают социальную коммуникацию, являющуюся основной функцией социальных медиа, политематические паблики с пользовательским контентом.

Таким образом, городские паблики мы разделили на паблики крупных городов, например Москвы, паблики провинциальных городов-центров регионов и паблики небольших населенных пунктов. В каждом из них прослеживается своя специфика, зависящая от размера города и аудитории потребителей. Например, в Москве и Санкт-Петербурге можно отметить неприживаемость пабликов типа «Доска позора ...», зависящую, видимо, от невозможности донести небольшое, замеченное одним горожанином нарушение до целевой аудитории и, как следствие, привлечь к сообщению внимание общественности, чтобы решить в итоге проблему.

В пабликах небольших населенных пунктов наблюдается смещение контента, вызванное тем, что зачастую данный ресурс является единственной площадкой для коммуникации его жителей, вследствие этого происходит закономерное превращение этого ресурса в обычную доску объявлений «куплю-продам» (например, «Подслушано Краснослободск»).

Паблики провинциальных городов-центров регионов – наиболее многочисленная группа, отличающаяся как разнообразием, так и видами представленного контента, они имеют значительное для своих городов число подписчиков, следовательно, способны оказывать влияние на общественное мнение и становиться площадками, дополняющими или заменяющими традиционные СМИ. Поэтому цель данной работы – проанализировать паблики провинциальных городов-центров регионов, являющиеся информационными ресурсами, основанными на пользовательском контенте, выявить их роль и воздействие на общественное мнение в условиях современного общества.

В немногочисленных исследовательских работах, в том числе указанных выше, посвященных изучению пабликов в социальных сетях, рассматриваются их классификация, элементы оформления и дизайна в целом, но при этом нет исследований, в которых бы взаимосвязанно изучались специфика подачи контента и отклик аудитории.

При этом городские паблики в различных провинциальных городах имеют схожие особенности, типологию, методику привлечения аудитории и подачи информации, поэтому для исследования был избран один из городов – Саранск, который до сих пор не представлял интереса для исследователей этого формата, притом что его паблики являются типичными, схожими по контенту и его воздействию на аудиторию с пабликами иных провинциальных городов – центров регионов.

Методология исследования основана на принципах системного, структурно-функционального и сопоставительного анализа. Были рассмотрены четыре региональных новостных паблика в социальной сети «ВКонтакте», лидирующие по количеству подписчиков и вовлеченности аудитории, основанные на пользовательском контенте. Это – «Привет, сейчас, Саранск», «Саранск | Доска Позора», «САРАНСК Online», «Подслушано САРАНСК».

Методом сплошной выборки были рассмотрены опубликованные в них сообщения за апрель 2020 г., проведен качественный анализ их содержания. Количественный анализ (подсчет показателей отклика аудитории) проводился на основе почти 300 текстов за 6 дней апреля с.г., которые были определены методом случайной выборки. Дни были выбраны с учетом отсутствия важных событий в жизни республики, которые могли бы повлиять на информационную повестку сообществ.

Специфика городских пабликов и анализ показателей отклика аудитории

«Подслушано» зародилось в 2012 г. как развлекательный паблик «ВКонтакте», перейдя потом и на другие платформы. Первоначально он назывался «Канал сновидений», став первым проектом, где люди могли написать о своем сне или прокомментировать чужой. Затем сообщество стало сборником анонимных историй-секретов, которые мог прислать любой пользователь. По мере развития паблика возникали его подражатели, такие как «Палата № 6» и «Дома не поймут». После привлечения аудитории в сообщество происходила его монетизация.

Отличительной чертой данных сообществ является то, что контент предлагают сами пользователи (UGC – User-generated content – пользовательский контент), а администраторы лишь решают, что выложить, а что нет. Следовательно, основная функция – информативная.

Кроме того, реализуется коммуникативная функция, так как в комментариях к постам пользователи часто общаются друг с другом, обсуждая написанное или переходя на свободные темы. С.Г. Носовец отмечает, что «в материале на сайте СМИ имеет место „обезличенность“ новостного материала, отстраненность, объективированность сообщения от автора. В паблике все средства направлены на персонификацию и вовлечение читателя в личное взаимодействие со СМИ» [17. С. 250–251].

Журнал «Журналист» провел исследование, посвященное сравнению реализации данных функций в пабликах и в сообществах официальных СМИ на примере нескольких регионов. «Разрыв (показателя индекса вовлеченности. – К. Д.) в 100 раз стал неприятной неожиданностью», – заключают они [18]. Одним из выводов исследования стал также тот факт, что «комьюнити-медиа заполняют нишу, недостаточно востребованную городскими СМИ: нишу оперативного решения социальных проблем, обратной связи» [18]. Следует отметить, что они объединяют горожан для решения проблем и провоцируют дискуссию.

В.В. Титова, М.П. Вакорин, кроме информативных, выделяют сообщества социально-изменяющие, «при помощи этих страниц люди как получают информацию, так и предпринимают попытку влиять на сложившуюся ситуацию в своем муниципальном образовании» [19. С. 117]. Следовательно, можно выделить еще одну функцию, присущую сообществам, – социально-изменяющую.

Переходя к анализу пабликов в Саранске, следует отметить, что одним из самых ранних сообществ в социальной сети «ВКонтакте» стало «Саранск | Доска Позора» [20] – первая запись датирована 30 мая 2012 г. Следом стали создаваться паблики с пользовательским контентом, впоследствии также ставшие крупнейшими, – «САРАНСК Online» (24 октября 2013 г.) [21], «Привет, сейчас, Саранск» (4 июня 2014 г.) [22], «Подслушано САРАНСК» (11 июня 2015 г.) [23]. Сейчас паблик «Саранск | Доска Позора» имеет (здесь и далее – данные по состоянию на 15.04.2020 г.) 83 936 подписчиков и 8 863 записи; «САРАНСК Online» – 55 669 подписчиков и 32 714 записей; «Привет, сейчас, Саранск» – 186 619 подписчиков и 17 751 запись; «Подслушано САРАНСК» – 68 815 подписчиков и 67 284 записи. Наглядно эти данные представлены на рис. 1. Проанализируем более подробно специфику представленных сообществ.

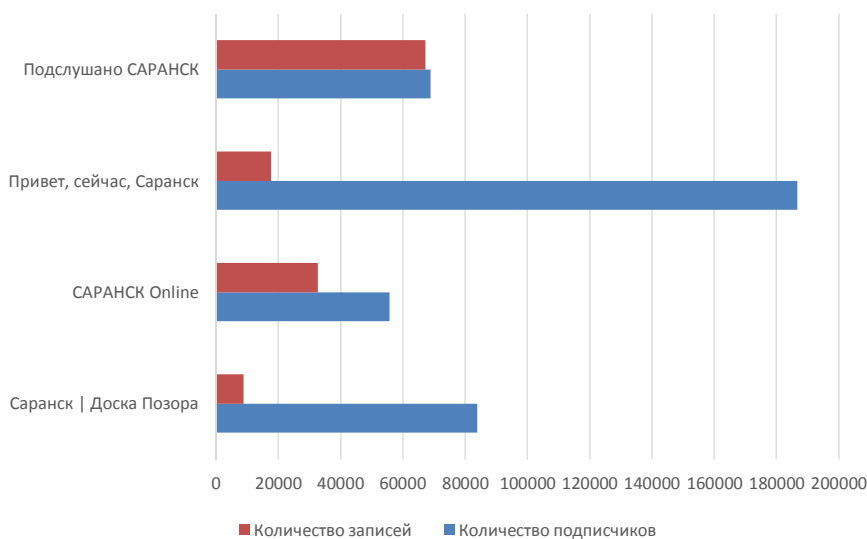

Рис. 1. Количество подписчиков и записей пабликов

Сообщество «Саранск | Доска Позора» имеет представительства во всех социальных сетях: «Одноклассники» (2 133 подписчиков), Facebook (46 подписчиков), Twitter (99 подписчиков), Instagram (8 693 подписчика), Telegram (1,3 тыс. подписчиков). Есть также дополнительное сообщество «ВКонтакте» – «Доска Позора Саранск Убежище», которое создавалось на момент блокировки основного и имеет 5 777 подписчиков.

Все записи паблика «Саранск | Доска Позора» можно разделить на следующие категории:

1. *Сообщения о проблемах.* Чаще всего встречаются сообщения о бытовых неурядицах, о некорректном поведении людей или организаций, некачественно оказанных услугах – ржавая вода, неубранный мусор, плохие дороги, неправильная парковка и нарушение ПДД, плохая еда. Пишут с

целью обратить внимание на проблему, повлиять на общественное мнение, спровоцировать дискуссию и, как следствие, добиться решения проблемы.

2. *Сообщения с просьбами о помощи.* Например, ищут очевидца ДТП или просят найти потерянные ключи, документы (равно как и найти хозяина найденных вещей).

3. *Обращения к власти.* Это могут быть и сообщения из пункта 1, но с конкретной пометкой – в Саранске это хештеги с фамилией мэра города #тултаевпомоги, #тултаевзащити. Или официальные обращения к конкретной организации или индивидуальному предпринимателю. Массовость паблика и регулярные реакции на обращения людей городской администрации и представителей затронутых в обращении структур позволяют вести опосредованную коммуникацию через сообщество с чиновником любого уровня власти. Например, в записи от 16 апреля 2020 г. содержится обращение к Минздраву РМ: *Просим рассказать о мерах, принятых в психиатрической больнице. Как больница готова к борьбе с вирусом, хорошо ли защищена, может ли вирус в нее проникнуть или нет?* А 27 апреля появилось следующее сообщение: *Требуем Владимира Волкова прокомментировать данный похоронный процесс. Что Вы скрываете от жителей Республики Мордовия?* Уже на следующий день в СМИ было опубликовано разъяснение ситуации.

4. *Собственно новости.* Например, в последнее время паблик выкладывает статистику и иную информацию о распространении коронавируса в Мордовии.

5. *Поздравления с праздниками.* Иногда начинаются словами «Не позор» – поздравления с Днем космонавтики, с Пасхой и т.д.

Эффективность обращений, публикуемых сообществом, можно оценить как высокую. Нередко появляются записи с просьбами удалить пост, так как «проблема уже решена». Кроме того, часть обращений происходит не в самом посте, а в комментариях к нему. Например, в записи от 17 апреля 2020 г. *Расковой 35. Ждём, когда совсем развалится* с приложенной фотографией провалившегося дорожного люка в обращении один из пользователей пишет: *Администрация ГО Саранск, разберитесь.* И уже через 19 минут получает ответный комментарий от официального аккаунта «Администрация городского округа Саранск»: *Александр, здравствуйте. Информация передана в ЕДДС вчера вечером после публикации аналогичного поста в другом паблике. Заведена заявка, она передана на исполнение профильному предприятию. В подобных случаях необходимо звонить по телефону 24-07-07, служба работает круглосуточно.*

«Индикатором эффективности информационного наполнения “паблика” является динамика количественных показателей по подписчикам, “лайкам” и “репостам”» [24. С. 60]. Исходя из этого, мы провели исследование, подсчитав показатели отклика аудитории пабликов – ERday и ERpost. ERday – это коэффициент вовлеченности пользователей суммарно у всех опубликованных на ресурсе записей за день или выбранный период. ERpost – коэффициент вовлеченности людей по выбранной публикации.

Количество записей в день в паблике «Саранск | Доска Позора» достаточно небольшое по сравнению с сообществами официально зарегистрированных СМИ, где их насчитывается до 40 в будний день. Например, 14 апреля было сделано 8 записей, ERday которых составляет 337%, 15 апреля – 13 записей, ERday – 411%, 16 апреля – 6 записей, ERday – 173%, 23 апреля – 14 записей, ERday – 542%, 24 апреля – 24 записи, ERday – 598%, 25 апреля – 17 записей, ERday – 526% (рис. 2). При этом ERpost колеблется от 17–27% (машины для медиков от «Единой России», отсутствие средств защиты от коронавируса у работников ЖКХ, протекает дом в Чамзинке) до 41–113% (полицейские забрали детей, играющих в футбол во время самоизоляции, обращение медсестры к гражданам России, постановление о запрете продажи разливного пива, штрафы за нарушение режима самоизоляции).

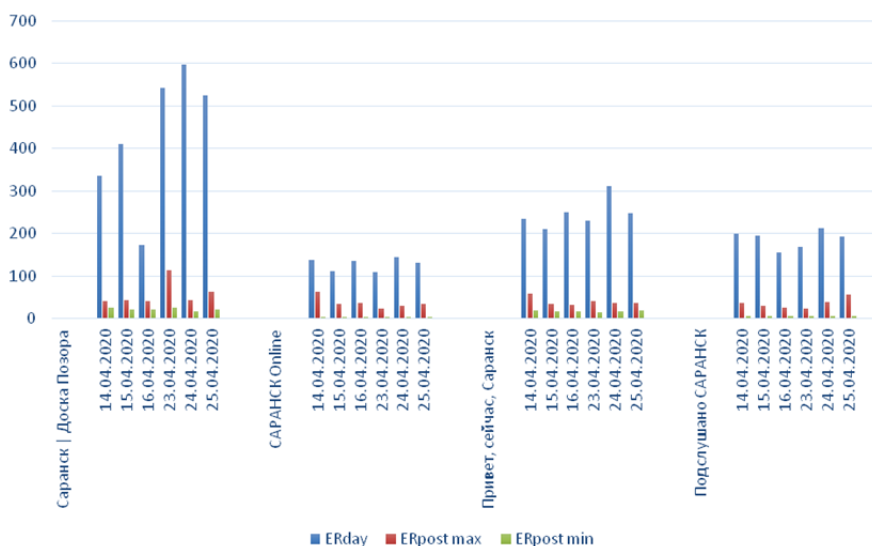

Рис. 2. Параметры отклика аудитории пабликов

В то же время если посмотреть на «закрепленную» на стене запись, то за счет того, что она в течение нескольких дней держится наверху, количество откликов значительно больше. Например, запись от 14 апреля о дедушке, живущем в антисанитарных условиях, о котором рассказали в издании Mash. ERpost этой записи на 19 апреля – 84%, а в дальнейшем будет только увеличиваться, пока данный пост сразу же видят все, кто заходит в паблик.

Важная особенность паблика, выгодно отличающая его от других, – сообщения не принимаются анонимно или от фейковых аккаунтов. Идет тщательный контроль за комментариями в сообществе – при выявлении записей от аккаунтов, носящих рекламный характер, а также фейков происходит их блокировка (бан). Также жалобы не принимаются без прикрепленных доказательств – как правило, это фото или видео, которые под-

тверждают запись автора. Эти правила можно назвать своеобразной редакционной политикой паблика, что роднит его с традиционным СМИ, а также показывает, что записи проходят проверку со стороны «редакции», контент строго отбирается в соответствии с заявленными правилами и тематикой. Пользователи, таким образом, получают только важную и нужную информацию и не тратят время на просмотр лишней информации.

Паблик «САРАНСК Online» имеет свой аккаунт в Instagram (220 подписчиков) и также выкладывает записи, присланные пользователями – участниками сообщества. Кроме того, делаются репосты из других пабликов, таких как «Подслушано Саранск», «Подслушано Рузаевка (Саранск)», «Ищу тебя Саранск» и др. Это служит одним из способов привлечения внимания аудитории к данным сообществам. Кроме того, от лица данных пабликов нередко появляются комментарии к записям, что также способствует увеличению переходов пользователей на их страницы.

Записи паблика «САРАНСК Online» можно разделить на такие категории.

1. Сообщения о проблемах, жалобы, в том числе обращения к власти. Записи нередко лишены корректности, язык – разговорный, с употреблением оценочной лексики, жаргонизмов и просторечий. В комментариях к записям может встречаться и завуалированная обценная лексика. Темы примерно те же, что и на «Доске позора», – ржавая вода, неправильная парковка, а в последнее время – различные жалобы, связанные с коронавирусом.

2. Фотографии, сделанные пользователями, на которых изображена природа или что-то, чем они хотели бы поделиться со всеми, как правило, положительное: снежный лес, сделанный своими руками скворечник, собранные грибы и т.д.

3. Вопросы и просьбы. Так, за проанализированные дни встретились посты на такие темы, как просьба найти родственника в Саранске, вопрос о том, зачем люди на улицах носят медицинские маски, информация о том, что найдена собака.

4. Сообщения о значимых новостях, проблемах. Например: *Ленинский суд начал как на конвейере штамповать штрафы по новой статье о самоизоляции* (фото прилагается); *В тех регионах, где значительный рост заболеваемости коронавирусом, это результат разгильдяйства (с) Путин* (видео прилагается).

5. Поздравления с праздниками, мемы. Чаще всего сопровождается картинкой и словами поздравления или комментарием.

При сравнении с предыдущей группой обнаружилось, что вызванный отклик почти во всех случаях значительно ниже, что можно, очевидно, объяснить полезностью контента для аудитории. Так, 14 апреля в паблике «САРАНСК Online» было сделано 9 записей, ERday которых составляет 138%, 15 апреля – 8 записей, ERday – 112%, 16 апреля – 11 записей, ERday – 137%, 23 апреля – 9 записей, ERday – 110%, 24 апреля – 9 записей, ERday – 145%, 25 апреля – 9 записей, ERday – 131% (рис. 2). При этом ERpost колеблется от 4–5% (репост записи о дедушке, живущем в антиса-

нитарных условиях, реклама мобильного приложения Мой SPAR, репост фотографии девушки из сообщества «Знакомства Саранск (Рузаевка)» до 34–64% (стихотворение, приклеенное на дерево, о коронавирусе; мем про нарушение самоизоляции; мужчина выбросил окуроч со своего балкона). Таким образом, налицо использование контента сторонних ресурсов (мем, репосты), а также довольно низкие показатели отклика аудитории. Во многом отсутствие четкой редакционной политики, желание чем-то наполнить группу при отсутствии релевантного контента говорит о низкой востребованности информации и невысокой заинтересованности пользователей как потреблением контента, так и его размещением.

«Привет, сейчас, Саранск» – безусловный лидер по количеству подписчиков. Подобные паблики также есть практически в каждом населенном пункте и являются информационно-коммуникационной площадкой для жителей города. Сообщество имеет представительства в других социальных сетях: Facebook (25 подписчиков), «Одноклассники» (1 142 подписчика), Instagram (13,3 тыс. подписчиков), Telegram (50 подписчиков).

Записи сообщества можно отнести к тем же категориям, что и записи паблика «САРАНСК Online». Однако здесь, в отличие от предыдущего сообщества, каждый пост сопровождается фотографией. Пользователи чаще выкладывают собственные фотографии – изображения живой и неживой природы, своего досуга, наблюдений за жизнью в городе (например, дорожные аварии). Гораздо чаще, чем в других сообществах, выкладываются новостные сюжеты региональных и федеральных каналов. Встречаются актуальные картинки и мемы. Список поднимаемых проблем стандартен, хоть частота их появления и меньше, чем в паблике «Саранск | Доска Позора», – ржавая вода, поломки, мусор и т.д.

В паблике «Привет, сейчас, Саранск» 14 апреля было сделано 8 записей, ERday которых составляет 235%, 15 апреля – 8 записей, ERday – 210%, 16 апреля – 9 записей, ERday – 251%, 23 апреля – 11 записей, ERday – 230%, 24 апреля – 12 записей, ERday – 311%, 25 апреля – 9 записей, ERday – 249% (рис. 2). При этом ERpost колеблется от 14–42% (видео с В. Путиным о мерах поддержки в эпидемию, видео с В. Путиным о создании резерва защиты медиков и аппаратов ИВЛ, фото снеговика в апреле) до 33–60% (фото воробьев, сидящих на проводах, фото памятника Е. Пугачеву, фото иностранных студентов, играющих в волейбол во время режима самоизоляции).

Показатели выявляют интересную картину – самый меньший отклик имеют записи, относящиеся к категории «новости», по своему значению и качеству, претендующие на сравнение с контентом официальных СМИ. А самый большой отклик имеют фотографии пользователей: и если игра в волейбол во время режима самоизоляции еще может иметь общественное значение, особенно учитывая факты заражения вирусом COVID-19 целого студенческого общежития в Саранске, то фото воробьев и снеговика не отличаются какой-либо значимостью и удовлетворяют такие потребности аудитории, как эстетические (А. Маршалл [25]), самоактуализацию (А. Маслоу [26]), развлечение (Дж. Гилфорд [27]).

И последний проанализированный нами паблик – «Подслушано САРАНСК». Имеет параллельные аккаунты в Instagram (1 094 подписчика) и Telegram (1 подписчик). Администратор тот же, что и в «САРАНСК Online». Феномен городских сообществ «Подслушано...» в их анонимности – многие истории не имеют автора, имена героев также неизвестны. Именно в этом и состояла их первоначальная популярность – читатели как будто подслушивали чьи-то секреты, подсматривали в замочную скважину, а авторы могли скрыться, оставаясь неузнанными. Появлялись паблики «Подслушано» в школе, в ФСБ, в салоне красоты и т.д. Однако рассмотренный нами паблик «Подслушано САРАНСК» содержит много постов, авторы которых себя не скрывают, таким образом, теряется уникальность сообщества – оно не сильно отличается от других городских пабликов.

Здесь можно отметить меньшее количество визуализированных сообщений – фотографии и видео представлены не в каждом посте, иногда сообщения лишены конкретики и имеют ярко выраженную оценочно-экспрессивную направленность. Например, запись от 21 апреля: *Рядом с Фурманова гиблый район!!!! Когда всё починят????*. Таких сообщений за день бывает до 50% и выше, чем также можно объяснить низкий отклик аудитории. Категории тем – аналогичные предыдущим сообществам, однако акцент сделан на следующих категориях: 1) сообщения о проблемах, жалобы; 2) вопросы и просьбы.

В паблике «Подслушано САРАНСК» 14 апреля было сделано 12 записей, ERday которых составляет 199%, 15 апреля – 13 записей, ERday – 195%, 16 апреля – 12 записей, ERday – 156%, 23 апреля – 13 записей, ERday – 170%, 24 апреля – 13 записей, ERday – 213%, 25 апреля – 12 записей, ERday – 192% (рис. 2). При этом ERpost колеблется от 6–7% (репост из сообщества «Подслушано Рузаевка (Саранск)» о заболевших коронавирусом студентах, реклама мобильного приложения Мой SPAR, фото выпавшего снега) до 25–56% (ВТБ делает отсрочки клиентам, новость о работе круглосуточных пунктов пропуска в Мордовии, о дедушке, живущем в антисанитарных условиях). Показатели отклика аудитории так же, как и в паблике «САРАНСК Online», довольно низкие. Также встречаются репосты, что говорит о налаженном сотрудничестве между городскими пабликами, при котором сообщество «Саранск | Доска Позора», не имеющее репостов, стоит особняком.

Также если анализировать окраску сообщений всех пабликов, то можно заметить, что в сообществе «Саранск | Доска Позора» практически все записи носят отрицательную коннотацию, за исключением нечастых поздравлений с праздниками и записями с пометкой «Не позор» о найденных вещах и животных. В паблике «Привет, сейчас, Саранск» преобладают записи с положительной коннотацией, так как основу составляет визуальный контент пользователей, в котором не затрагивается никакая проблема и не содержатся жалобы. В остальных сообществах наблюдается примерный баланс положительных, отрицательных и нейтральных тем.

Примечательно, что именно в данных пабликах появляется большое количество жалоб, а в условиях пандемии коронавируса – жалоб на людей,

нарушающих режим самоизоляции, на отсутствие социальной дистанции и все то, что может стать причиной распространения инфекции. Среди отдельных тем, имеющих отрицательную оценку, можно выделить критику действий власти, посещение церквей, отсутствие в аптеках защитных масок, опасность заражения от приезжих и др.

В литературе по психологии многократно поднимался вопрос о том, приятное или неприятное будет запоминаться лучше. Одни исследователи утверждают, что лучше запоминается приятное (З. Фрейд), другие – неприятное (П.П. Блонский) [28. С. 74], но при этом сходятся во мнении, что эмоционально окрашенное сообщение запоминается лучше. Возможно, этим объясняется большая популярность среди аудитории пабликов «Саранск | Доска Позора» и «Привет, сейчас, Саранск», однако с явным перекосом в сторону отклика на отрицательно окрашенные новости.

Роберто Панчвидзе, генеральный директор MDK, рассуждая о популярности своего ресурса, пишет следующее: «Любой негатив идет только в плюс, потому что рекламодателю, по сути, не слишком важно, что творится, – важна аудитория» [29]. Паблик MDK не раз был замечен в полном нарушении этики (реакция на смерть Жанны Фриске, крушение самолета в Казани и т.д.), что только увеличило количество подписчиков и просмотров издания. Паблик «Саранск | Доска Позора» также нередко упоминается в сообщениях СМИ. Так, между ним и региональной газетой «Столица С», имеющей рекордно высокие показатели отклика среди аудитории по сравнению с другими официально зарегистрированными СМИ, постоянно ведется соперничество. Причем сами названия ресурсов уже перестали фигурировать – их заменили взаимно навешанные ярлыки – «лживая газета» и «лживый паблик». Например, новость в газете «Столица С» от 25 марта 2020 г. с заголовком «*Очередной фейк “Лживого паблика”: главврач Сергей Ладяев не уезжал в отпуск на Кавказ!*» [30]. Немного корректнее на эту же тему пишет 26 марта анонимный Telegram-канал «Злой мордвин»: *Главврач республиканской больницы Сергей Ладяев, «сосланный» на Северный Кавказ сказочниками из одного местного телеграмм-канала, никуда из республики не уезжал.* Однако все эти сообщения только привлекают дополнительное внимание к паблику и создают ему репутацию оппозиционного, раскрывающего правду и не зависящего от власти, что в условиях региона, долгое время не имевшего ни одного массового оппозиционного СМИ, несомненно привлекает аудиторию.

Коммуникацию пабликов можно охарактеризовать как примитивную – часто используется разговорная и даже обценная лексика, пользователи пишут с ошибками, неверно расставляя знаки препинания, а администраторы не делают правки перед публикацией. Но это только повышает уровень интеракции и доверия к написанному, создавая ощущение общности, принадлежности к одной социальной группе – «индивидов, олицетворяющих усредненный тип „массового человека“, рассматривающегося как выразитель массового сознания» [31. С. 27]. Однако если уровень грамотности пишущего ниже, чем большинства пользователей, то и коммуникация нарушается. Во-первых, затрудняется понимание прочитанного, т.е. возни-

кают коммуникационные шумы; во-вторых, пишущий автоматически исключается из социальной группы и вместо предложений о решении проблемы получает советы научиться грамотно писать («купи словарь»).

Если говорить о такой форме графического материала, как инфографика, то в анализируемых пабликах она практически не используется. Инфографика – это «область коммуникативного дизайна, в основе которой лежит графическое представление информации, связей, числовых данных и знаний» [32. С. 181]. В сообществах иногда появляются картинки с короткими надписями, например, поясняющие порядок начисления денег материнского капитала во время эпидемии коронавируса в стране. Однако они не содержат никакой визуальной информации, в них нет числовых данных, диаграмм, таблиц и связей – только короткие текстовые тезисы на ярком фоне, которые нельзя назвать инфографикой. Кроме того, во всех пабликах, кроме «Саранск | Доска Позора», размещалась информация с пометкой «инфографика» о статистике коронавируса, распространяемая на официальных страницах Республики Мордовия и имеющая собственное узнаваемое цветовое и графическое оформление. После критики того же паблика «Саранск | Доска Позора» по поводу того, что эти изображения мало похожи на инфографику, данную пометку убрали.

Реклама размещается в каждом из представленных пабликов. Запись не закрепляется на стене и, как показало исследование отклика аудитории выше, набирает мало просмотров. В сообществе «Саранск | Доска Позора» дополнительно есть возможность поддержать проект и оказать ему финансовую помощь. При этом в отдельном поле можно разместить свою рекламу. Список «донатов» вместе с оставленными ими сообщениями и указанием суммы пожертвования закрепляется наверху страницы. Сообщения содержат в основном рекламу (например: *Скупка золота! Дорого*) и/или даются с рекламных аккаунтов, где имя или аватар указывают на рекламируемые товар или услугу. Встречаются, однако, и пожертвования не в рекламных целях. Так, анонимный пользователь 14 марта, переведя 99 рублей, пишет: *Разбанте <https://vk.com/namenos>* (здесь и далее – авторская орфография и пунктуация сохранены). На ряд переводов без комментария иногда дается ответ от самого паблика, например: *Спасибо, что цените наш труд, ваше пожертвование мы переведем погарельцам семье Чикунных* (10.03.2020). Данный факт – сбор и перечисление средств нуждающимся – говорит о том, что сообщество выполняет фандрайзинговую функцию. Есть и другие сообщения: поздравления с праздниками, благодарности за решенную проблему, пожелания удачи и процветания сообществу (*Вирус уходит, а доска живи! М.С.*, 15.04.2020).

Похожая возможность открыта у сообщества «Подслушано САРАНСК», называется «Доска объявлений». Записей и пожертвований здесь намного меньше – 15 постов при максимальной сумме помощи в 200 рублей, два из которых сделаны самим администратором паблика.

Необходимо отметить еще одну явную тенденцию – народные новости, размещенные в городских пабликах, становятся инфоповодами для журна-

листных материалов традиционных СМИ. Республика Мордовия – не исключение, уже давно журналисты газет и телевидения в обязательном порядке осуществляют мониторинг всех сообществ, где пользователи могут выкладывать информацию. Чаще всего затрагиваются темы, посвященные социальным проблемам и происшествиям. Например:

1. *Поздно вечером 20 апреля в рузаевском паблике в социальной сети появилась информация о тройном убийстве в городе железнодорожников...* («В Мордовии мужчина убил трех человек», «Известия Мордовии» [33], 21.04.2020).

2. *Накануне в одном из популярных пабликов появилась информация о 84-летнем пенсионере из Саранска...* («Жители Саранска спасают от голодной смерти пенсионера: мужчина госпитализирован», «PRO ГОРОД Саранск» [34], 15.04.2020).

3. *В популярном среди горожан паблике «Привет, сейчас, Саранск» очевидцем были опубликованы фотографии с места аварии* («Жесткое ДТП в Саранске: у автовокзала черный BMW снес столб», «Инфо-PM» [35], 11.04.2020).

Однако иногда СМИ пишут и о распространении сообществами информации, не соответствующей действительности. Этот факт говорит о том, что паблики обрели свою значительную аудиторию и стали обладать силой воздействия на общественное мнение, которую вынуждены иногда контролировать официальные структуры, в том числе и через традиционные медиа, чтобы в обществе не возникли паника или негативные настроения в отношении какого-то события или социальной группы. Так, 24.04.2020 газета «Известия Мордовии» пишет об «очередном фейке»: *Как городской паблик пытался сыграть на «горячей теме»* [33]. До этого информация была распространена в сообществе «Саранск | Доска Позора».

Регулярный мониторинг всех городских пабликов делают чиновники и администрация города, опираясь на Положение об организации работы Администрации городского округа Саранск, подведомственных ей предприятий и учреждений с публикациями в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (от 01.11.2019). В своем сообществе «Администрация городского округа Саранск», которое было создано в ответ на высокую активность пользователей социальных сетей в январе 2019 г., они дают отчеты об устраненных по просьбе жителей города проблемах. Так, за 2019 г. было решено 3 463 проблемы, затронутых в поступивших запросах или комментариях. Например, пост от 14 апреля начинается так: *Городские сообщества ВКонтакте очень часто делают «подсказки» нам и коммунальным службам Саранска. По таким наводкам, порой, оперативнее решаются проблемные вопросы и устраняются недочеты. На минувшей неделе в одном из пабликов пользователь поделился информацией о несанкционированной свалке, которую организовали местные жители на улице Крылова рядом с контейнерами для ТКО* [36]. Далее следует отчет о проведенных работах по уборке захлавленной территории с фотографиями «до» и «после» и хештегами: #Гултаевпомоги #Гултаевзащити #ГултаевСпа-

сибо #мэрСаранска #обратнаясвязь и др. В некоторых случаях пользователи соцсетей проявляют высокий уровень активности и сплоченности, что заставляет представителей власти специально организовывать очную встречу с городским сообществом (например, мэр города встретился с собственниками земельных участков в рп. Николаевка [37]).

Преимуществом обращений через социальные сети является и оперативность рассмотрения проблемных вопросов – мониторинг пабликов происходит даже в выходные и праздничные дни, ответы даются часто в тот же час, так как в случае промедления возможен социальный взрыв. Для традиционных же письменных обращений действует ФЗ от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», где срок рассмотрения довольно длительный – 30 дней. Отслеживание обращений через Интернет осуществляется как вручную, так и через систему «Инцидент-менеджмент», а качество данных ответов последовательно курируется и отслеживается на региональном уровне, на уровне федерального округа, а далее – Администрацией Президента РФ.

Статистика решенных в 2020 г. обращений, поступивших от граждан через социальные сети, включая посты и комментарии, следующая: январь – 229, апрель – 406, июль – 470, октябрь – 323. Большая часть запросов была отправлена в «Дирекцию коммунального хозяйства и благоустройства» и рассмотрена самой пресс-службой. При этом по количеству обращений на первом месте паблик самой администрации, далее в порядке убывания – официальный паблик «Республика Мордовия» (обращения через личные сообщения и комментарии), «Саранск | Доска Позора», «Привет, сейчас, Саранск». Обращения, поступившие через другие паблики, в том числе официальных СМИ, минимальны (до 1–2 в месяц). Данные статистики подтверждают воздействие проанализированных выше пабликов на общественное мнение и преимущество перед другими городскими пабликами («Подслушано САРАНСК», «САРАНСК Online»), где значительную часть контента могут составлять фото природы и мемы.

Таким образом, роль городских пабликов в современном обществе заключается не только в оперативном донесении до аудитории информации и организации общественного диалога. Паблики способны становиться посредником в коммуникативном взаимодействии государства и общества, поддерживать баланс между официальной точкой зрения и мнением «народа», т.е. участвовать в налаживании конструктивного диалога в информационном поле и решении обозначенных вопросов. Ранее эту роль выполняли традиционные СМИ, однако в последние годы процессы глобализации и цифровизации привели к уменьшению роли газет и телевидения в формировании общественного мнения, уменьшению доверия к ним в связи с их провластной информационной повесткой. При этом распространение новых медиа в целом и городских пабликов в частности позволило публично высказываться огромному количеству людей, чьи голоса до этого могли быть услышаны только среди небольшого круга лиц их частной или профессиональной сферы.

При рассмотрении городских пабликов одного из провинциальных городов, являющегося центром региона, напрашивается вывод, что они занимают важное место в информационном пространстве, активно участвуют в формировании общественного мнения, перехватывая эту инициативу у традиционных СМИ. На фоне общего спада востребованности традиционных средств массовой коммуникации у аудитории, особенно молодой, и снижения уровня доверия к ним появляются новые площадки для выражения мнений, быстро набирающие популярность и занимающие свою нишу в обществе.

В то же время паблики могут заменять и оппозиционные СМИ, долгое время фактически отсутствующие в республике (в 2007 г. после судебного процесса над главным редактором была закрыта оппозиционная газета «Мордовия сегодня», которая имела большое влияние на аудиторию). Это связано с несвободным положением прессы, ее зависимостью – экономической, прежде всего – от государства и отдельных элит. То есть площадки, дающие возможность высказать мнение любому пользователю и быть услышанным, закономерно становятся популярными в обществе.

Заключение

Итак, анализ городских пабликов Саранска, относящихся к группе информационных ресурсов, представляющих user-generated content, показал, что они выполняют информативную, коммуникативную, социально изменяющую функции, а также объединяют горожан для решения проблем и провоцируют дискуссию. При этом мы можем предложить собственную классификацию городских пабликов, типичную для регионов:

1. Развлекательно-новостные. К данной группе относятся паблики типа «Привет, сейчас, ...», «Подслушано...», «... Онлайн», «Моя ...», «Типичная ...» (здесь и далее – многоточие обозначает название города). В них преобладает новостной и развлекательный контент, однако встречается и информация, характерная для остальных видов.

2. Проблемно-преобразующие. Сюда, как правило, можно отнести паблики «... Доска позора», главной целью которых является не только сказать о проблеме, но и попробовать добиться ее решения.

3. Справочно-консультационные («Местоположение ДПС ...», «Черный список ...», «Белый список ...», «Попутчики ...», «Скидки и акции ...»), в которых люди оставляют полезную информацию или задают вопросы, например по поиску хорошего специалиста в какой-то области.

4. Рекламно-информационные («Мастер ищу модель ...», «... Объявления», «Знакомства ...», «Ищу тебя ...», «Барахолка ...», «Работа ...», «Квартира посуточно ...», «Аренда квартир ...», «Потерял Нашел ...»), по сути заменяющие газеты объявлений прошлого, которые практически исчезли сейчас, уступая пабликам по оперативности, охвату аудитории, стоимости и т.д.

5. Фандрайзинговые («Отдам даром ...», «Бесплатный ...»). Немногочисленный вид пабликов, но тем не менее представленный в каждом городе и востребованный у аудитории.

6. Тематически специализированные («Мамочки ...», «Рыбалка ...», «... Нумизматика» и др.), которые представляют группы по интересам и позволяют делиться значимой информацией.

При этом наиболее широко аудиторию имеют паблики первых двух видов, исследование которых мы и провели в работе. Проанализировав отклик аудитории, мы выяснили, что самый высокий ERday имеет паблик «Саранск | Доска Позора», при этом количество размещаемых в день записей не превышает или меньше их количества в других сообществах. Самое большое число подписчиков в паблике «Привет, сейчас, Саранск», и одновременно с этим он стоит на втором месте по показателям отклика аудитории. При этом здесь преобладают сообщения с положительной эмоциональной окраской и пост всегда сопровождается фотографией или видео.

Записи, у которых наибольший ERpost, практически все посвящены актуальным в обществе проблемам, которые вызывают реакцию аудитории и разжигают дискуссию. На втором месте – записи и фотографии, которые вызывают положительные эмоции. Анализ не выявил видимой разницы между количеством постов в будние и выходные дни и откликом на них аудитории, которая наблюдается при исследовании сообществ «ВКонтакте» традиционных СМИ.

Самым ранним созданным пабликом стал «Саранск | Доска Позора», он же имеет черты, отличающие его от остальных:

1. У него есть представительства во всех социальных сетях, не являющиеся номинальными, т.е. с довольно значительным числом подписчиков.
2. Не принимает информацию анонимно, борется с фейковыми аккаунтами.
3. Нет репостов из других сообществ и мемов.
4. Полное отсутствие развлекательного контента.
5. Преимущественно отрицательная окраска сообщений.
6. Оппозиция по отношению к власти и противостояние популярным традиционным СМИ.
7. Выполняет фандрайзинговую функцию.
8. Часто упоминается в сообщениях традиционных СМИ, в Telegram-каналах.
9. Встречаются фейковая, непроверенная информация, поданная как сенсация, и разоблачения.
10. Каждая жалоба подтверждена доказательной базой, предварительно проверенной администраторами группы.

Однако самым существенным отличием является именно эффективность размещения информации на данном ресурсе. Люди пишут с целью обратить внимание на проблему, повлиять на общественное мнение, спровоцировать дискуссию и, как следствие, добиться решения проблемы. Налажен опосредованный диалог данного паблика с государственными, общественными, коммерческими структурами и традиционными СМИ, что доказано приведенными данными статистики обращений, примерами решенных вопросов, активностью в принятии регулирующих социальные сети законодательных актов. То есть информация пабликов совершает

полный оборот, двигаясь по вертикали – от обычного пользователя до широкой аудитории, доходит до местной власти, а затем и до власти федеральной. Проблема оперативно решается, нередко человек, написавший обращение, сам закрывает дискуссию, сообщая, что его вопрос рассмотрен и разрешен.

Также важной составляющей является наличие в паблике редакционной политики, что делает его похожим на традиционные СМИ, где контент проходит строгую проверку в соответствии с правилами редакции и уровнем востребованности у аудитории. При этом некоторая примитивность коммуникации служит скорее плюсом, повышая уровень интеракции и доверия.

В то же время спецификой данного паблика является и то, что пользователи могут приходить сюда не только ради написания какого-либо поста, но и чтобы почитать, что пишут другие, – узнать, на кого жалуются, в какой части города проблемы, чью продукцию не стоит покупать и т.д.

Практически все перечисленные характеристики данного паблика влияют на его высокую конкурентоспособность и возможность эффективно формировать общественное мнение. Таким образом, его пример может служить универсальной моделью востребованного у аудитории города конкурентного паблика, способного выполнять такие функции традиционных общественно-политических СМИ, как информационная, коммуникационная, пропагандистская, критики и контроля, оперативная, регулятивная, мобилизационная, выражение общественных интересов, эмоциональной разрядки и т.д.

Остальные проанализированные паблики имеют схожую концепцию. И даже сообщество «Подслушано САРАНСК», которое могло бы выделяться за счет исторически сложившейся полной анонимности, не отличается от других, размещая информацию, авторы которой себя не скрывают.

Так, основные темы сообщений мы подразделили на одинаковые категории, половина из которых не обладает высокой социальной значимостью и привлекает внимание аудитории за счет легкости восприятия и высокой визуализации контента, удовлетворяя потребности в развлечении. Записи нередко лишены корректности, язык – разговорный, с употреблением оценочной лексики, жаргонизмов и просторечий.

Между данными сообществами и другими городскими пабликами налажено сотрудничество по раскрутке, выраженное во взаимных репостах и комментировании постов друг друга. Данные действия увеличивают аудиторию и переходы на страницы сообщества. Кроме того, паблики часто размещают видео, взятое со страниц и сайтов региональных и федеральных телеканалов. Таким образом, человек, который подписан на все эти сообщества сразу, а также на новости телеканалов, может видеть одновременно или с небольшим промежутком времени одни те же сообщения. Это может привести к игнорированию записей или даже «отписке» от паблика.

При этом самые низкие показатели отклика аудитории у сообществ «Подслушано САРАНСК» и «САРАНСК Online», которые можно объяс-

нить, например, невысокой визуализацией контента, оценочно-экспрессивной направленностью и отсутствием конкретики («Подслушано САРАНСК»), использованием контента сторонних ресурсов, отсутствием полезности информации для аудитории. Кроме того, отсутствие редакционной политики позволяет наполнять паблик любым контентом, который присылают пользователи, в том числе информационным «мусором» – ненужной и неинтересной для аудитории информацией.

Явной тенденцией является то, что народные новости, размещенные в городских пабликах, становятся инфоповодами для журналистских материалов традиционных СМИ. Однако если раньше их рассматривали только как источник информации, которую журналист может переработать, дополнить и разместить в своем СМИ, то сейчас они становятся самостоятельным ресурсом, который способен оказывать влияние на общественное мнение и на который вынуждены обращать внимание все участники информационного процесса. Кроме того, паблики выполняют роль посредника между властью и обществом, способствуют поддержанию общественного диалога, все больше отбирая эту роль у традиционных СМИ. То есть в настоящее время произошла реорганизация городского пространства, важной лакуной которого стали паблики в социальных сетях, выросшие до крупных публичных сообществ, которые обладают «четвертой властью» и способны вызвать социальный взрыв. Даже не являясь СМИ, они фокусируются на вовлечении потребителей и увеличении их отклика за счет представленной возможности решать житейские проблемы, консолидируют общество и административную власть на решение важных социальных вопросов. Данный сегмент активно развивается и изменяется, следовательно, в дальнейшем возможны преобразования на данном направлении, которые следует изучать как работникам медиасферы, так и исследователям новых медиа.

Литература

1. Верник А.Г. Теория социальных медиа в работах Маршала Маклюэна // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23 (352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 10–12.
2. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2003. 464 с.
3. Ефимов Е.Г. Роль социальных сетей в развитии студенческих сообществ (на примере сообщества «Подслушано. ВолгГТУ») // Проблемно-информационный подход к реализации методов современного образования: вопросы теории и практики : материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Образование на грани тысячелетий». Нижневартовск, 2018. С. 60–62.
4. Пустовалов А.В., Бугрова А.Р. Социальная сеть «ВКонтакте» как площадка дистрибуции городских новостей (на примере городских медиа Соликамска) // Город и медиа : материалы Международной научно-практической конференции. Пермь, 2018. С. 178–189.
5. Мельничук И.В. Специфика контента новостных городских пабликов в социальной сети (на примере «ВКонтакте») // Медиасреда. 2017. № 12. С. 193–198.
6. Морозова А.А. Тематическая классификация сообществ в социальной сети «ВКонтакте» как нового средства массовой информации // Современная медиасфера: практика трансформации, теоретическое осмысление, институциональные перспективы : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2017. С. 160–166.

7. *Золотухин А.А., Мажарина Ю.Н.* Паблик СМИ как SMM и комьюнити-площадка // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Екатеринбург, 2017. С. 40–45.
8. *Щецилова Г.Г., Мамедов Д.З.* Публичные страницы «ВКонтакте»: контентные стратегии // МедиаАльманах. 2019. № 4 (93). С. 46–56.
9. *Битков Л.А.* Дивный новый мир социальных сетей, или Как публичные страницы убивают гражданскую журналистику и рождают нишевые сообщества // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 20 (311). С. 22–24.
10. *Петрова Е.И.* Интернет–СМИ и социальные сети: этапы конвергенции // Коммуникативные исследования. 2014. № 2 (2). С. 128–133.
11. *Развитие* городского паблика в социальных сетях // Tesla Target. 14.06.2018. URL: <https://teslatarget.ru/blog/razvitie-gorodskogo-pablika-v-socialnyh-setyah/> (дата обращения: 01.05.2020).
12. *Гуревич С.М.* Газета вчера, сегодня, завтра: учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2004. 289 с.
13. *Типология* периодической печати / под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М. : Аспект Пресс, 2007. 236 с.
14. *Давыдов И.* Массмедиа российского Интернета: Основные тенденции развития и анализ текущей ситуации // Русский журнал. 28.09.2000. URL: http://old.russ.ru/politics/20000928_davydov.html (дата обращения: 01.08.2020).
15. *Лукина М.М., Фомичева И.Д.* СМИ в пространстве Интернета. М. : Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. 87 с.
16. *Матисон Д.* Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов: пер. с англ. Харьков : Гуманитарный Центр, 2013. 264 с.
17. *Носовец С.Г.* СМИ в социальной сети «ВКонтакте»: структурная и содержательная специфика // Коммуникативные исследования. 2014. № 2 (2). С. 245–255.
18. *Пустовалов А., Градюшко А., Нигматуллина К.* Городские СМИ vs районные паблики // Журналист. № 3. 27.02.2019. URL: <https://jrnlst.ru/community-media> (дата обращения: 01.05.2020).
19. *Титова В.В., Вакорин М.П.* Анализ коммуникативного взаимодействия пользователей на основе социальных сетях // Управление социальными инновациями : сборник научных статей. 2019. С. 320–324.
20. *Саранск | Доска Позора.* URL: https://vk.com/doska_pozora_saransk (дата обращения: 01.05.2020).
21. *САРАНСК Online.* URL: https://vk.com/saransk_overhear (дата обращения: 01.05.2020).
22. *Привет, сейчас, Саранск.* URL: https://vk.com/saransk_photo (дата обращения: 01.05.2020).
23. *Подслушано САРАНСК.* URL: <https://vk.com/pmr13> (дата обращения: 01.05.2020).
24. *Третьякова Е.О.* Маркетинговое продвижение товара (услуг) в социальных сетях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3 (35). С. 59–60.
25. *Маршалл А.* Основы экономической науки. М. : Эксмо, 2007. 832 с.
26. *Маслоу А.* Мотивация и личность СПб. : Питер, 2019. 400 с.
27. *Guilford J. P.* Personality. New York : McGraw-Hill, 1959. 562 p.
28. *Рубинштейн С.* Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 720 с.
29. *Рузманова Ю.* Как работают известные паблики во «ВКонтакте» // The Village. 10.10.2016. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/how/247127-pabliki-vkontakte> (дата обращения: 01.05.2020).
30. *Столица С.* URL: <https://stolica-s.su/> (дата обращения: 01.05.2020).
31. *Уразова С.Л.* Социальные сети как форма общественного диалога и массовых коммуникаций // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 150, № 2. С. 26–33.

32. Лантев В. В. Изобразительная статистика: Введение в инфографику. СПб. : Эйдос, 2012. 180 с.
33. *Известия* Мордовии. URL: <https://izvmor.ru/> (дата обращения: 01.05.2020).
34. *Про Город* Саранск. URL: <https://pg13.ru/> (дата обращения: 01.05.2020).
35. *Инфо-РМ*. URL: <https://info-rm.com/> (дата обращения: 01.05.2020).
36. *Администрация* городского округа Саранск. URL: <https://vk.com/saranskadm> (дата обращения: 01.05.2020).
37. «Я говорю, что мы реально можем сделать!» // Администрация городского округа Саранск. URL: https://vk.com/@meriya_saranska-ya-govoru-chto-my-realno-mozhem-sdelat (дата обращения: 06.01.2021).

Cities' Public Pages of the Social Network VKontakte: Features of Attracting the Audience and Presenting Information

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 287–310. DOI: 10.17223/19986645/73/16

Kseniya V. Dementieva, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: dementievakv@gmail.com

Keywords: public page, community, social network, audience, content, information, media.

The article analyzes the public pages of provincial cities – centers of regions, which are information resources based on user-generated content, and reveals their role and impact on public opinion in modern society. The author's definition of the city's public page is given; the existing typologies are considered. Also, at this stage, the content of entertainment communities was analyzed, and it was concluded that they cannot be equated with public pages with news content. Further, the author's type-forming features of cities' public pages were developed; various principles of informing and communicating in them were considered. In particular, there is a division into public pages of large cities, for example, Moscow, public pages of provincial centers of the regions, and public pages of small settlements. As belonging to the most numerous type, public pages of a provincial city – center of a region – were analyzed on the example of Saransk. By the method of continuous sampling, messages posted on these pages for April 2020 were considered, and a qualitative analysis of their content was carried out. Quantitative analysis (calculation of audience response rates) was made on the basis of almost 300 texts for six days in April 2020; the texts were determined by a random sample. The city's public pages perform informative, communicative, and socially transformative functions; they unite citizens to solve problems and provoke discussion. After analyzing the audience response, the author has found out that the public page Saransk | Doska Pozora [Saransk | Board of Shame] has the highest ERday, while the number of posts per day does not exceed or is less than their number in other communities. The largest number of subscribers is in the Privet, seychas, Saransk [Hello, Now, Saransk] public, and at the same time it ranks second in terms of audience response. Posts with a positive emotional connotation prevail here, and posts always have a photo or a video. The earliest created public was Saransk | Doska Pozora. It also has features that distinguish it from the rest; therefore, it can serve as a universal model of a competitive public page in demand among the city's audience and can perform functions of traditional sociopolitical media. Its essential difference is the efficiency of posting information on this resource. People's news, posted in cities' public pages, become news feeds for journalistic materials in traditional media. However, now they have simultaneously become a significant independent media resource. That is, there was a timely reorganization of the urban space, an important lacuna of which became public pages on social networks; the pages grew from primitive sizes to large public communities with a “fourth power” capable of causing a social explosion. Even without being media, they focus on engaging consumers and increasing their response due to the presented opportunity to solve everyday problems, consolidate society and administrative power to solve important social issues.

References

1. Vernik, A.G. (2014) Teoriya sotsial'nykh media v rabotakh Marshala Maklyuena [The social media theory in the works of Marshal McLuhan]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 23 (352):92. pp. 10–12.
2. McLuhan, H.M. (2003) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: The extensions of man]. Translated from English. Moscow: Kuchkovo pole.
3. Efimov, E.G. (2018) [The role of social networks in the development of student communities (on the example of the community “Podslushano. VolgGTU”)]. *Problemno-informatsionnyy podkhod k realizatsii metodov sovremennogo obrazovaniya: voprosy teorii i praktiki* [Problem-informational approach to the implementation of methods of modern education: theory and practice]. *Obrazovanie na grani tysyacheletiy* [Education on the verge of millennia]. Conference Proceedings. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 60–62. (In Russian).
4. Pustovalov, A.V. & Bugrova, A.R. (2018) [Social network “VKontakte” as a platform for the distribution of city news (on the example of city media in Solikamsk)]. *Gorod i media* [City and media]. Proceedings of the International Conference. Perm: Perm State University. pp. 178–189. (In Russian).
5. Mel'nichuk, I.V. (2017) Spetsifika kontenta novostnykh gorodskikh publikov v sotsial'noy seti (na primere “VKontakte”) [The specifics of the content of city news in a social network (on the example of VKontakte)]. *Mediasreda*. 12. pp. 193–198.
6. Morozova, A.A. (2017) [Thematic classification of communities in the social network VKontakte as a new mass media]. *Sovremennaya mediasfera: praktika transformatsii, teoreticheskoe osmyslenie, institutsional'nye perspektivy* [Modern media sphere: the practice of transformation, theoretical understanding, institutional prospects]. Proceedings of the International Conference. Minsk: Belarusian State University. pp. 160–166. (In Russian).
7. Zolotukhin, A.A. & Mazharina, Yu.N. (2017) [Public pages of media as SMM and community platforms]. *Professional'naya kul'tura zhurnalista tsifrovoy epokhi* [Professional culture of a journalist of the digital age]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 40–45. (In Russian).
8. Shchepilova, G.G. & Mamedov, D.Z. (2019) Publichnye stranitsy “VKontakte”: kontentnye strategii [VKontakte public pages: content strategies]. *MediaAl'manakh*. 4 (93). pp. 46–56.
9. Bitkov, L.A. (2013) Divnyy novyy mir sotsial'nykh setey, ili Kak publichnye stranitsy ubivayut grazhdanskuyu zhurnalistiku i rozhdayut nishevye soobshchestva [The Brave New World of Social Media, or How Public Pages are Killing Citizen Journalism and Spawning Niche Communities]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 20 (311). pp. 22–24.
10. Petrova, E.I. (2014) Internet-SMI i sotsial'nye seti: etapy konvergentsii [Internet media and social networks: stages of convergence]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2 (2). pp. 128–133.
11. Tesla Target. (2018) *Razvitie gorodskogo publika v sotsial'nykh setyakh* [Development of city public pages in social networks]. 14.06.2018. [Online] Available from: <https://teslatarget.ru/blog/razvitie-gorodskogo-publika-v-socialnyh-setyah/> (Accessed: 01.05.2020).
12. Gurevich, S.M. (2004) *Gazeta vchera, segodnya, zavtra: ucheb. posobie dlya vuzov* [Newspaper yesterday, today, tomorrow: textbook for universities]. Moscow: Aspekt Press.
13. Shkondina, M.V. & Resnyanskaya, L.L. (eds) (2007) *Tipologiya periodicheskoy pechati* [Typology of periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
14. Davydov, I. (2000) Massmedia rossiyskogo Interneta: Osnovnye tendentsii razvitiya i analiz tekushchey situatsii [Mass media of the Russian Internet: Main development trends and analysis of the current situation]. *Russkiy zhurnal*. 28.09.2000. [Online] Available from: http://old.russ.ru/politics/20000928_davydov.html (Accessed: 01.08.2020).

15. Lukina, M.M. & Fomicheva, I.D. (2005) *SMI v prostranstve Interneta* [Mass media in the Internet space]. Moscow: Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University.
16. Matheson, D. (2013) *Media-diskurs. Analiz media-tekstov* [Media discourses: Analysing media texts]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr.
17. Nosovets, S.G. (2014) SMI v sotsial'noy seti "VKontakte": strukturnaya i sodержatel'naya spetsifika [Mass media in the social network VKontakte: structure and content specificity]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2 (2). pp. 245–255.
18. Pustovalov, A., Gradyushko, A. & Nigmatullina, K. Gorodskie SMI vs rayonnye pabliki [City mass media vs regional public pages]. *Zhurnalist*. 3. 27.02.2019. [Online] Available from: <https://jmlst.ru/community-media> (Accessed: 01.05.2020).
19. Titova, V.V. & Vakorin, M.P. (2019) Analysis of communicative interaction of users on the basis of social networks. In: *Upravlenie sotsial'nymi innovatsiyami: sbornik nauchnykh statey* [Management of social innovations: a collection of research articles]. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 320–324.
20. *Saransk | Doska Pozora*. [Online] Available from: https://vk.com/doska_pozora_saransk (Accessed: 01.05.2020).
21. *SARANSK Online*. [Online] Available from: https://vk.com/saransk_overhear (Accessed: 01.05.2020).
22. *Privet, seychas, Saransk*. [Online] Available from: https://vk.com/saransk_photo (Accessed: 01.05.2020).
23. *Podslushano SARANSK*. [Online] Available from: <https://vk.com/pmr13> (Accessed: 01.05.2020).
24. Tret'yakova, E.O. (2014) Marketingovoe prodvizhenie tovara (uslug) v sotsial'nykh setyakh [Marketing promotion of goods (services) in social networks]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 3 (35). pp. 59–60.
25. Marshall, A. (2007) *Osnovy ekonomicheskoy nauki* [Principles of Economics]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
26. Maslow, A. (2019) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
27. Guilford, J.P. (1959) *Personality*. New York: McGraw-Hill.
28. Rubinshteyn, S. (2002) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter.
29. Ruzmanova, Yu. (2016) Kak rabotayut izvestnye pabliki vo "VKontakte" [How popular public pages work on VKontakte]. *The Village*. 10.10.2016. [Online] Available from: <https://www.the-village.ru/village/business/how/247127-pabliki-vkontakte> (Accessed: 01.05.2020).
30. *Stolitsa S*. [Online] Available from: <https://stolica-s.su/> (Accessed: 01.05.2020).
31. Urazova, S.L. (2016) Social networks as a form of public dialogue and mass communications. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 150 (2). pp. 26–33. (In Russian).
32. Laptev, V.V. (2012) *Izobrazitel'naya statistika: Vvedenie v infografiku* [Figurative Statistics: An Introduction to Infographics]. St. Petersburg: Eydos.
33. *Izvestiya Mordovii*. [Online] Available from: <https://izvmor.ru/> (Accessed: 01.05.2020).
34. *Pro Gorod Saransk*. [Online] Available from: <https://pg13.ru/> (Accessed: 01.05.2020).
35. *Info-RM*. [Online] Available from: <https://info-rm.com/> (Accessed: 01.05.2020).
36. *Administration of the urban district of Saransk*. [Online] Available from: <https://vk.com/saranskadm> (Accessed: 01.05.2020).
37. Administration of the urban district of Saransk. (2021) "Ya govoryu, chto my real'no mozhem sdelat'!" ["I'm saying what we can really do!"]. [Online] Available from: https://vk.com/@meriya_saranska-ya-govoru-cto-my-realno-mozhem-sdelat (Accessed: 06.01.2021).

УДК 070+ 316.77

DOI: 10.17223/19986645/73/17

Ю.И. Долгова

ЛОКАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ПРОГРАММИРОВАНИЕ И КОНТЕНТ-СТРАТЕГИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Исследуется специфика программирования и контент-стратегий российского локального телевидения. Проведен анализ сетки вещания трех подмосковных телеканалов, использованы экспертные интервью с руководством данных медиа, результаты опроса зрителей в социальных сетях. Выявлено, что телеканалы редко обращаются к актуальным приемам планирования эфира, не учитывают специфику локального медиaproстранства. Представлен опыт малозатратного программирования с ориентацией на интересы местного сообщества.

Ключевые слова: локальное телевидение, программирование, программирование локального телевидения, российское телевидение, местные новости, медиалокализм

Программирование локального телевидения: вызовы нового времени

Рассматривая специфику и сущность российского регионального телевидения, следует констатировать двойственность его статуса. С одной стороны, данный сегмент включает более двух сотен региональных и муниципальных телеканалов в 85 субъектах РФ, с другой стороны, это телевидение, которое демонстрирует способность собрать лишь чуть более 3% общероссийской аудитории [1. С. 50].

Как отмечают А.В. Вырковский и М.И. Макеенко, развитая система локального телевидения, особенно система местных коммерческих телеканалов, в мировой практике встречается редко [2. С. 13]. Можно с уверенностью утверждать, что и для российского телевизионного пространства ориентация на локальное вещание никогда не была характерным явлением. Функционирование отечественного регионального ТВ на протяжении всей его истории не было простым. В силу существующих центростремительных тенденций можно было наблюдать отставание в развитии локального ТВ сначала в СССР [3], а затем и в России. Как пишет теоретик и историк телевидения А.Я. Юровский, активное строительство телевизионных центров по всей территории советской страны началось в середине 1950-х гг., но часто было плохо продуманным, телевизионные студии не предусматривали площадки для производства телепрограмм, а имели лишь небольшой павильон с телекинопроектором [4. С.100]. Многие из этих телецентров перестали функционировать после 1965 г. Помимо экономических причин (о которых пишет Э.Г. Багиров [5]), Ю.М. Ершов отмечает, что «местные студии плохо понимали свою роль «информационно-публицистического филиала ЦТ на местах» и в результате были закрыты [6. С. 31]. Таким об-

разом, изначально формировалась ориентация местного телевидения на отсутствие самостоятельности.

Изменение политического устройства страны и законодательной базы, ликвидация единой государственной системы телевидения и радиовещания создали условия для динамичного развития местного телевидения в 1990-х гг. Как отмечают эксперты, из большого количества новых телекомпаний, появившихся тогда, постепенно на рынке остались самые перспективные, те, кто изначально планировал производство собственного телевизионного контента, не ограничивая себя функцией ретранслятора чужой продукции [7. С. 69]. Впрочем, сложившаяся в конце 1990-х гг. практика зависимого сотрудничества с крупными сетевыми партнерами освободила локальные телеканалы от необходимости становиться самостоятельными и самопрограммируемыми, заполнять весь эфир собственными передачами. Такой способ выживания получил среди профессионалов название «сетевое рабство» [8. С. 32].

Вполне закономерно, что принятая в 2009 г. программа «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2018 годы», обусловившая функционирование 21 бесплатного и общедоступного телеканала на всей территории РФ, предопределила появление новых проблем у «маленького вещателя». Большинство сетевых партнеров местных телерадиокомпаний получили частоту в одном из мультиплексов, и региональные партнеры оказались им не нужны. Кроме того, значительно увеличивалась конкуренция за локального зрителя, которому теперь стал доступен более богатый выбор продукции. Данные изменения, а также современные тенденции развития медиасферы, связанные с новым этапом информационной революции, нашедшей отражение в глобализации, цифровизации и росте интерактивности телеконтента, потребовали совершенствования тактик и стратегий программирования локального телевидения.

Один из возможных эффективных путей эволюции местных телеканалов, который называется экспертами, – это переход на полновещательный формат. Таковы были и требования государственной комиссии, отбиравшей телеканалы на общедоступную 21-ю кнопку (региональную). Однако локальным вещателям, которые часто даже не имеют возможности измерять свою аудиторию и находятся в условиях постоянной нехватки средств на производство и покупку телевизионной продукции, такой путь развития кажется пугающим. Впрочем, по мнению экспертов, он вполне реализуем [2, 8–9].

Очевидно, что процесс собственной трансформации в меняющемся медиaprостранстве не для всех будет успешным. Именно поэтому считаем важным и полезным рассмотреть и концептуализировать специфику программирования и контент-стратегий локального телевидения, а также изучить существующие практики построения программной верстки. В 2019 г., который был взят для анализа, в России завершился переход на цифровое вещание, поэтому эмпирические данные, собранные в этот период, кажутся нам особенно актуальными.

Степень изученности темы

Местное телевидение неизменно привлекало ученых как предмет исследования (например, [10–14]). По мнению экспертов, оно способно превосходить центральное «по уважительному отношению к человеку, по злободневности в освещении жизненных проблем, искренности интонации, оригинальности подачи информации, глубине анализа, вниманию к деталям» [8. С. 30]. Нельзя недооценивать его роль в формировании местной повестки дня, региональных ценностей и идентичности [2. С. 5]. Одновременно большинство специалистов констатируют сильную зависимость локального телевидения в России от местных администраций (например, [2, 7, 15–16]), а также неспособность к оригинальному программированию, которая находит отражение в заимствовании популярных жанров и форматов и приводит к потере камерности и в определенной степени самобытности [17. С. 32].

Тем не менее вопросы программирования региональных и локальных телеканалов остаются недостаточно изученными, отчасти это связано с тем, что во время господства Центрального телевидения в советскую эпоху, а также в период сотрудничества с сетевыми партнерами в постсоветской истории большинство вещателей не ставили перед собой такой задачи. Однако в условиях развития цифрового телевидения, когда у каждого телеканала появляется возможность развиваться самостоятельно, проблема эффективного программирования обретает особую актуальность. Кроме того, данная деятельность, понимаемая в западной теории как трехэтапный процесс, включающий в себя проектирование / выбор телепрограммы, поиск ее оптимального места в сетке вещания и промоушн [18], является недостаточно изученной в России. Разрабатывая в XX в. теорию программирования в гуманистической традиции, исследователи Э.Г. Багиров и Р.А. Борецкий [19–20] ставили перед телевидением иные задачи, основываясь на несколько других принципах программирования: «Во-первых, тематическое разнообразие, соответствующее ориентации основных категорий зрителя. Во-вторых, жанровое многообразие внутри программы. В-третьих, максимально широкое использование выразительных возможностей телевидения. В-четвертых, соблюдение внутренних, темпоритмических пропорций между компонентами программы» [20. С. 144]. В условиях коммерческого телевидения главной целью оказывается удержание / привлечение зрителей к экранам и сокращение производственных издержек. Следование только данным ориентирам не всегда правомерно для локального вещателя, которому сложно соперничать с высокобюджетными центральными телеканалами и необходимо искать свой путь к зрителю.

Вопросы программирования регионального телевидения рассматривались в коллективной монографии «Телевидение Сибири», вышедшей в период существования в регионах сетевых телеканалов. Авторы систематизировали контент всех крупных вещателей края с точки зрения соотношения собственных программ и представленных партнерами, а также проана-

лизировали корреляцию таких параметров как рейтинг, среднесуточный объем вещания и отношение к аудитории [6]. Вопросу расстановки передач внимание не уделялось, возможно, в силу незначительности количества собственного телевизионного продукта на каналах на указанном историческом этапе. Одной из первых серьезных работ периода перехода на цифровое телевидение, посвященной практике программирования региональных полновещательных каналов в современной медиасреде, стала монография М.И. Макеенко, А.В. Вырковского [2], в которой подробно была проанализирована жанрово-форматная структура выбранных полновещательных телеканалов, однако отмечены лишь некоторые приемы программирования. Комплексный подход к изучению регионального телевидения представлен в работе автора, посвященной формально региональному телеканалу – «Москва 24» [21]. На наш взгляд, исследование специфики программирования региональных и локальных вещателей сегодня сохраняет актуальность и имеет как общетеоретическое значение (концептуализация особенностей программирования полновещательных региональных телеканалов), так и научно-практическое (выделение перспективных приемов программирования на всех этапах процесса).

Локальное телевидение: специфика программирования

Выделение специфических особенностей программирования неразрывно связано с типом телеканала, в том числе по территориальному признаку. Как отчасти закономерно замечает Ю.М. Ершов, «пространственные характеристики деятельности ее определяют больше миссию вещателя и свойства контента, чем форма собственности, источники финансирования и проч.» [22. С. 140]. Принятое сегодня деление телеканалов по охвату территории было предложено В.Л. Цвиком в 1990-е гг. для новой постсоветской телесистемы: общероссийские, региональные, местные [23]. В учебнике «Телевизионная журналистика», выпущенным кафедрой телевидения и радиовещания МГУ в 2019 г., сохранено количество классификационных групп, однако понятие «местные» заменено на «локальные» [24].

Представленная статья посвящена именно местным, или локальным, вещателям. Под ними понимаются телеканалы различной формы собственности, направленные на совокупность телевизионных зрителей, проживающих в пределах одного – нескольких городов или районов, и учитывающие при программировании интересы этой аудитории.

Для определения философии данного вида вещателя американский исследователь Кристофер Али пользуется понятием «медиалокализм» [25]. Применительно к медиа оно подразумевает тесную связь между медиа и местной общиной, находящую выражение в адаптивном, нацеленном на местное сообщество программировании (а не универсальном) [25, 26]. Схожие принципы программирования для локальных телеканалов формулируют и российские исследователи. В коллективной монографии «Теле-

видение Сибири» читаем: «Местное или региональное ТВ – телевидение краев и областей, городов и районных студий – в той мере реализует себя, в какой оно не копирует центральное, не пытается ему подражать, но отстаивает свою контент-стратегию и собственную программную политику» [6. С. 5]. Ориентированность программирования на интересы местного общества, как правило, находит отражение в приоритете новостных блоков и программ на актуальную и историческую местную тематику.

Локальные телеканалы не всегда позволяют себе придерживаться данного принципа. Одна из причин, которую называло руководство изучаемых в данной работе компаний, – это недостаток средств. Действительно, и в российских, и в зарубежных научных исследованиях отмечается слабая способность «маленького вещателя» зарабатывать деньги, именно поэтому предлагается рассматривать его, скорее, как «общественное благо», т.е. медиа, приносящие пользу местному сообществу [27. С. 106]. Рекомендую алгоритм решения данной проблемы, Н.И. Григоренко пишет: «...наиболее оптимальной моделью региональной системы СМИ может выступать ком-промиссная система государственно-общественных СМИ, основанная на единой государственной концепции информационной политики, разработанной на законодательной базе, и регулировании сферы СМИ при помощи коллегиальных общественно-государственных советов по СМИ» [28]. Однако в таком случае значительное место на локальных телеканалах должен занимать журналистский контент, направленный на реализацию социально значимых задач.

Другой важный момент – это влияние на телевидение Интернета, который значительно расширил возможности ТВ по взаимодействию со зрителем [29]. Размышляя о будущем локального телевидения, исследователи отмечают, что местным телеканалам необходимо более осознанно и регулярно обращаться к цифровым технологиям, использовать такую их отличительную особенность, как интерактивность [30], которая может стать их конкурентным преимуществом (например, [8]).

Стоит отметить, что вряд ли возможно применение на локальном телевидении хорошо описанных в западной литературе приемов программирования, обеспечивающих переход аудитории от одной передачи к другой: «якорь», «тент», «гамак» и др. [18]. Значимым оказывается принцип сохранения программных ресурсов, который предполагает, что основная работа программного директора будет заключаться в том, чтобы придумать и оправдать постоянные повторы телевизионного контента. Кроме того, для локального телеканала важно не удержать зрителя у телевизора, а заставить его возвращаться на канал снова и снова. Российские исследователи также выделяют в качестве приоритетного приема данного вида вещателей – контрпрограммирование (ориентация не на ту аудиторию, на которую ориентированы общероссийские вещатели), а также допускают возможность прайм-тайма в утреннее время [2. С. 109–110; 21]. Вместе с тем, на наш взгляд, при программировании должна сохраняться ориентация на ритм жизни аудитории.

Методология исследования

В данной статье мы фокусируем внимание на контент-стратегиях и приемах расстановки передач в программной верстке, а также анализируем промоушн в интернет-пространстве локальных телеканалов (так как в настоящее время цифровая среда считается наиболее перспективной, особенно для изучаемого вида вещателей).

Были исследованы три полновещательных подмосковных телеканала: «ТВР 24» (Сергиев Посад), «ЛРТ» (городской округ Люберцы) и «Королев ТВ» (Королев), которые являются разными по формату и форме собственности. «ТВР 24» – государственный информационный телеканал, «ЛРТ» и «Королев ТВ» – частные универсальные телеканалы. Одновременно нельзя охарактеризовать их финансирование однозначно. И для «ЛРТ», и для «Королев ТВ» государственные контракты являются значимым источником дохода, тогда как «ТВР 24» финансируется не только муниципалитетом, но и за счет рекламы. И «ЛРТ», и «Королев ТВ» распространяются посредством кабеля, кроме того, «ЛРТ» является оператором кабельного телевидения. В этой связи для «ЛРТ» особенно важен имидж городского канала, способного предоставить уникальный набор информационных услуг, связанных с местной тематикой.

Учитывая тот факт, что жанрово-форматное разнообразие локального телевидения беднее, чем на центральных телеканалах, в ходе анализа мы опирались на форматную структуру телевизионного эфира, описанную в исследовании регионального телевидения А.В. Вырковского и М.И. Макенко [2. С. 85]: новости; музыкальная программа; развлекательная программа; спортивная программа; познавательная программа; социально-политическая программа; детская программа; кинопрограмма. Данная классификация была несколько модифицирована в ходе изучения контента анализируемых каналов. Например, ни на одном из них не было выявлено музыкальных и спортивных телепрограмм, тогда как присутствовало значительное количество кинофильмов. В матрице исследования последние были разделены на три категории: кинофильмы, сериалы и документальные фильмы.

При анализе программирования внимание обращалось на вид контента, приоритетного для телеканала, а также на способы его расстановки в сетке вещания. Программа передач исследовалась на неделе с 15 по 21 апреля 2019 г.

Кроме того, для уточнения контент-стратегий были проведены интервью с руководством телеканалов. С целью фиксации мнения аудитории о телевизионных передачах осуществлен опрос зрителей в социальных сетях официальных страниц города, телекомпаний и в «ВКонтакте». В ходе исследования было опрошено 120 человек: 45 человек («Королев ТВ»), 32 человека («ЛРТ»), 43 человека («ТВР 24»). Главной целью автора было выявление возможных мотивов обращения к просмотру, а также причин недовольства предлагаемыми передачами.

«ТВР 24»

«ТВР 24» – муниципальный телеканал, который впервые вышел в эфир еще в 1994 г. Сегодня он по-прежнему принадлежит государству. По словам его руководства, отсутствие денег на синдицированную телевизионную продукцию стало одной из причин выбора формата городского информационного телеканала, предполагающего, что в эфир будет выходить только журналистский контент, преимущественно информационный и информационно-аналитический.

Сегодня телеканала «ТВР-24» верстает один эфирный час, который состоит из следующих программ:

- Событие (новости дня).
- Тема (специальный репортаж).
- Комментарии по теме дня (выступление экспертов).
- В мире.
- Интервью
- Архив (ТВР).
- Life (подробнее см. табл. 1).

Таблица 1

Плей-лист 10.04.2019 20.00–21.00 (повторяется четыре раза до 00.00)

Событие_начальная заставка Яркие20	00:00:15:00	Событие_Отбивки
10_04_19_Ремонт гостиницы Лавры	00:02:27:21	Событие
Событие_отбивка Яркие20	00:00:02:05	Событие_Отбивки
10_04_19_Вакцинация животных	00:01:32:10	Событие
Событие_отбивка Яркие20	00:00:02:05	Событие_Отбивки
10_04_19_Утилизация покрышек	00:01:16:02	Событие
Событие_отбивка Яркие20	00:00:02:05	Событие_Отбивки
10_04_19_Профилактика инсульта	00:02:18:17	Событие
Событие_отбивка Яркие20	00:00:02:05	Событие_Отбивки
10_04_19_Выезд на ЗОМЗ	00:02:37:02	Событие
Событие_отбивка Яркие20	00:00:02:05	Событие_Отбивки
10_04_19_На пути к звездам	00:01:47:24	Событие
Событие_отбивка Яркие20	00:00:02:05	Событие_Отбивки
Яркие 20_Волонтер	00:01:51:15	Событие
Отбивка Яркие20_флешка	00:00:05:00	Отбивки
20_04_Субботник_Анонс	00:00:11:21	Промо и анонсы
Отбивка+_Реклама_новая	00:01:30:00	Реклама
10_04_Погода	00:00:33:03	Погода
Промо_Яркие20_Ирина Громова	00:01:38:00	Промо и анонсы
11_04_ДК_Лебединое озеро	00:00:27:04	Промо и анонсы
20_04_ДК_Любовь и голуби_2	00:00:34:17	Промо и анонсы
10_04_19_Тема_Утилизация покрышек	00:03:24:03	Тема
10_04_19_По делу Беляев_О пале травы	00:01:59:07	По делу
10_04_19_Говорят_День братьев и сестер	00:02:31:24	Говорят
10_04_19_Коротко	00:01:27:04	Коротко
Яркие20_Отбивка	00:00:12:21	Отбивки
10_04_В мире	00:05:45:13	В мире

13 04 2019 Промо Элита	00:01:28:01	Промо и анонсы
Штрихи к портрету	00:19:40:00	Федерация 2019
отбивка Реклама новая	00:00:05:00	Реклама
Фит Сервис	00:00:24:22	Реклама
Лагманная 2017	00:00:39:24	Реклама
10 04 Погода	00:00:33:03	Погода
13 04 ДК Танцы	00:00:20:24	Промо и анонсы
14 04 ДК Хор Турецкого	00:00:29:01	Промо и анонсы
10 04 2019 Life Все чище и чище	00:01:29:13	Life

В конце каждого часа выходят в эфир архивные программы, небольшие документальные фильмы, репортажи об актуальных событиях. Например, 15 апреля 2019 г. час завершался полутораминутным прямым включением с Тотального диктанта, который провел российский киноактер Антон Маркарский. Эфирный блок обновляется в 00.00, в 6.00, в 12.00, далее некоторые изменения вносятся каждый час вплоть до 20.00.

В программе передач не отражается время выхода в эфир и продолжительность каждой программы. С одной стороны, это позволяет редакторам в любой момент внести изменения, но с другой – мешает аудитории планировать свое время. Тем не менее специфика программирования телеканала предполагает его просмотр преимущественно в фоновом режиме, телезритель обращается за необходимой для него информацией по мере возможности.

Структура эфира телеканала «ТВР 24» типична для городского информационного телеканала. По такому принципу строит свое вещание «Москва 24» и «NY1» [21]. Однако главная и существенная особенность американского телеканала, обеспечивающая ему определенную финансовую свободу, – это платный характер распространения контента (по подписке).

Таблица 2

Структура эфира телеканала «ТВР 24»

Тип программ	Объем вещания в сутки, мин	Доля от 24-часового вещания, %
Новости	672	47
Познавательные	336	23
Социально-политические	432	30

Фильмы и сериалы на телеканале отсутствуют (табл. 2). Практически половину всего эфира занимают новости. Остальное время отдается познавательным или социально-политическим передачам и документальным фильмам. Например, в понедельник зрители могут посмотреть «Интересный посад», краеведческую телепередачу, создаваемую совместно с местным туристическим бюро (хронометраж 10–15 минут): каждый выпуск посвящен знаменитым местам Сергиева Посада. По вторникам в эфир выходит проект «По правде говоря»: в ходе интервью (хронометраж 25 ми-

нут) известные люди рассказывают о важных событиях в их жизни и жизни города. В среду в сетке вещания беседа «Прямая речь»: гости в студии обсуждают актуальную повестку (хронометраж 40–45 минут). В четверг можно увидеть проект «Бить или не бить?», создаваемый при поддержке фонда «Надежда» и представляющий собой мини-лекции о проблемах воспитания детей. В пятницу в эфире покупная программа «Вне зоны. Путешествие на квадроциклах».

Серьезное внимание на «ТВР 24» уделяется общественным проектам. Каждый год телеканал участвует в организованном муниципалитетом конкурсе на освещение в СМИ социально значимых проблем. Благодаря участию в данном мероприятии были созданы циклы материалов о работе управляющих компаний, качестве подачи воды и тепла и др. Долгое время в эфире существовал цикл «Время надежды» о детях с ограниченными возможностями.

В выходные дни вещание делится на пятичасовые блоки (табл. 3). Каждый из них начинается с новостей и специального репортажа, кроме того, верстка включает журналистские проекты, уже показанные в течение недели. Телеканал сотрудничает с местным культурно-просветительским центром и Дворцом творчества детей и молодежи, которые предоставляют музыкальные или театральные постановки. По словам главного редактора «ТВР 24» Т.Б. Колгановой, у телеканала практически нет средств на закупку телевизионных программ, тем не менее продюсеры стараются посещать мероприятия по продаже контента. Благодаря контрактам, заключенным на одном из них, в эфире появились международные новости.

Таблица 3

Блоковое программирование «ТВР 24» в выходные дни

Время	Суббота, воскресенье
05.00	«Событие», «Тема», «Цитата», «Говорят», «Лестница», «В мире», «Life»
06.00	«Событие», «Тема», «По делу», «Говорят», «В мире», «Интервью», «Life»
07.00	«Событие», «Тема», «Цитата», «Говорят», «Вне зоны», «В мире», «Бить не бить», «Life»
08.00	«Событие», «Тема», «Говорят», «Элита», «Интересный Посад», «Life»
09.00	«Событие», «Тема», «Прямая речь», «Life»

Канал программируется схожим образом с крупными информационными телеканалами, однако вряд ли можно говорить о том, что утреннее вещание является здесь приоритетным, так как в это время еще нет свежих новостей и повторяются сюжеты, вышедшие в эфир накануне. Магистральными при программировании являются принцип сохранения программных ресурсов и основанные на нем приемы блокового программирования и постоянных повторов.

В ходе опроса зрителей было выявлено, что аудиторию «ТВР 24» привлекают преимущественно новости и программы о жизни города. Тем не менее в комментариях опрошенные часто отмечали необходимость повышать профессиональный уровень работы журналистов.

«Королев ТВ»

«Королев ТВ» вещает с 1994 г., с 2007 г. официально коммерческий телеканал, по формату универсальный (общего интереса). Новости здесь занимают лишь 13% эфира (выходят пять раз в день и состоят преимущественно из сюжетов информационной программы «Мой город», показанной накануне в 20.00 и в 22.00). Особенности контент-стратегии телеканала «Королев ТВ» отражены в табл. 4.

Таблица 4

Структура эфира телеканала «Королев ТВ»

Тип программ	Объем вещания в неделю, мин	Доля в объеме вещания, %
Новости	1 275	13
Кинофильмы	2 220	22
Сериалы	3 700	37
Документальные фильмы	400	4
Детские	1 415	14
Социально-политические	80	1
Развлекательные	840	9

Кроме новостей, на канале есть несколько собственных передач. Например, один раз в неделю в эфире программа «Прямой разговор», интервью в студии с известными людьми на интересную или актуальную тематику (хронометраж 30–45 минут). Из собственных проектов телеканала на сайте также представлена программа «Моя улица», но в сетке вещания изучаемой недели она отсутствовала. Все остальное время занимают покупные телесериалы, документальные и художественные фильмы, ток-шоу, которые достаточно грамотно распределены по программе передач с учетом ритма жизни аудитории. Ранним утром представлен контент для детей: чередуются мультипликационные фильмы и новости, в период позднего утра, с 10.00 до 11.00, можно также посмотреть познавательный документальный фильм. С 12.00 до 16.00 для домохозяек и пенсионеров в сетке вещания стоят новости и художественные фильмы, за исключением периода с 14.00 до 14.40, когда в эфир выходят мультфильмы, по всей видимости, для школьников, вернувшихся после занятий домой. В предпрайм – ток-шоу и художественные фильмы. Прайм-тайм также начинается с художественного фильма. Как уже было сказано, два раза за вечер выходит новостная программа, а в четверг интервью «Прямой разговор», которое показывают и днем в воскресенье. Таким образом, именно четверг, а не пятница, как традиционно на федеральном телевидении, отличается от других дней своим программированием.

В выходные дни можно выделить период «ранее утро», продолжающийся до 10.30: в этот временной отрезок, так же как в будние дни, в эфир выходят мультфильмы и новости. В позднее утро можно посмотреть шоу и документальный фильм. С 12.00 до 16.00 идут повторы документальных программ и художественные фильмы. В вечернем эфире – художественные фильмы, развлекательные телепередачи и один выпуск новостей (табл. 5).

Таблица 5

Программа передач «Королев ТВ» (15.04–21.04.2020)

Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
07.30 «Мультистрана» «Макс Грин» 49-50	07.30 «Мультистрана» «Макс Грин» 51-52 (0+)	07.30 «Мультистрана» «Алиса в стране чудес» 1	07.30 «Мультистрана» «Алиса в стране чудес» 2	07.30 «Мультистрана» «Алиса в стране чудес» 3	08.00 «Мультистрана» «Защитники снов» 8-11	08.00 «Мультистрана» «Защитники снов» 12-15
08.10 Новости	08.10 Новости	08.10 Новости	08.10 Новости	08.10 Новости.	09.00 Новости за неделю (16+)	09.00 Новости за неделю (16+).
09.00 «Мультистрана» «Защитники снов» 8	09.00 «Мультистрана» «Защитники снов» 9	09.00 «Мультистрана» «Защитники снов» 10	09.00 «Мультистрана» «Защитники снов» 11	09.00 «Мультистрана» «Защитники снов» 12	09.30 «Мультистрана» «Макс Грин» 42-43, 44-45	09.30 «Мультистрана» «Защитники снов» 26-27
09.40 Новости	09.40 Новости	09.40 Новости	09.40 Новости	09.40 Новости	10.30 Т/ш «Битва ресторанов» 27	10.30 Т/ш «Гости по воскресеньям» 3
10.00 Д/п «Научные сенсации» 2	10.00 Д/п «Научные сенсации» 3	10.00 Д/п «Научные сенсации» 4	10.00 Д/п «Как оно есть» 1	10.00 Д/п «Как оно есть» 2		
	11.00 Новости	11.00 Новости	11.00 Новости	11.00 Новости	11.30 Д/ф «Ж. Деппарде. Исповедь нового русского»	11.30 Д/ф «Вячеслав Зайцев. Слава и одиночество»
	11.30 М/ф «Защитники снов» 45	11.30 М/ф «Защитники снов» 46	11.30 М/ф «Защитники снов» 47	11.30 М/ф «Защитники снов» 48	12.30 Новости за неделю	12.10 Новости за неделю
12:30 – 14.00 Профиактика на Королев ТВ	12.00 Х/с «Спецотряд Шторм» 10	12.00 Х/с «Спецотряд Шторм» 11	12.00 Х/с «Спецотряд Шторм» 12	12.00 Х/с «Спецотряд Шторм» 13		
	12.50 Х/с «Спецотряд Шторм» 11	12.50 Х/с «Спецотряд Шторм» 12	12.50 Х/с «Спецотряд Шторм» 13	12.50 Х/с «Спецотряд Шторм» 14		
	13.40 Новости	13.40 Новости	13.40 Новости	13.40 Новости		12.30 «Прямой разговор» повтор
14.00 «Мультистрана» «Макс Грин» 51-52	14.00 «Мультистрана» «Алиса в стране чудес». 1	14.00 «Мультистрана» «Алиса в стране чудес». 2	14.00 «Мультистрана» «Алиса в стране чудес». 3	14.00 «Мультистрана» «Алиса в Зазеркалье». 1	13.00 Х/ф «Продавщица фиалок»	13.00 Х/ф «Королева Шангелера»

14.40 Новости	14.40 Новости	14.40 Новости	14.40 Новости	14.40 Новости	14.40 Новости	15.00 Д/ф «Ж.Депардье. Ис-поведь нового рус-ского»
15.00 Х/с «Измена» 10	15.00 Х/с «Измена» 11	15.00 Х/с «Измена» 12	15.00 Х/с «Измена» 13	15.00 Х/с «След-ствие любви» 1	15.00 Новости за неделю	15.00 Х/с «Люба. Любовь» 3
16.00 Т/ш «Амери-канский жених» 30	16.00 Т/ш «Амери-канский жених» 31	16.00 Т/ш «Амери-канский жених» 32	16.00 Т/ш «Аме-риканский жених» 33	16.00 Т/ш «Аме-риканский жених» 34	16.00 Х/с «Люба. Любовь» 1	16.00 Х/с «Люба. Любовь» 3
17.00 Х/с «Гакая работа» 51	17.00 Х/с «Гакая работа» 52	17.00 Х/с «Гакая работа» 53	17.00 Х/с «Гакая работа» 54	17.00 Х/с «Гакая работа» 55	17.00 Х/с «Люба. Любовь» 2	17.00 Х/с «Люба. Любовь» 4
18.00 Т/ш «Жанна, пожени!» 9	18.00 Т/ш «Жанна, пожени!» 10	18.00 Т/ш «Жанна, пожени!» 11	18.00 Т/ш «Жанна, пожени!» 12	18.00 Т/ш «Жанна, пожени!» 13	18.00 Юбилейный концерт С. Жилина и оркестра «Первые 50»	18.00 Х/ф «К чергу на рога»
19.00 Х/с «Принц Сибири» 12	19.00 Х/с «Принц Сибири» 13	19.00 Х/с «Принц Сибири» 14	19.00 Х/с «Принц Сибири» 15	19.00 Х/с «Принц Сибири» 16	20.00 Новости за неделю	
20.00 «Мой город»	20.00 «Мой город»	20.00 «Мой город»	20.00 «Мой город»	20.00 «Мой город»	20.00 «Мой город»	
20.35 «Мультистра-на» «Защитники снов» 9	20.35 «Мультистра-на» «Защитники снов» 10	20.35 «Мультистра-на» «Защитники снов» 11	20.45 «Прямой разговор»	20.35 «Мульти-страна» «Защит-ники снов» 1		20.30 Х/с «Слива-тели» 15-16
21.00 Д/ф «Амери-канский секрет советской бомбы» 1	21.00 Д/ф «Амери-канский секрет советской бомбы» 2	21.00 Д/ф «У кра-денные коллекции. По следам «черных антикваров»	21.35 «Мульти-страна» «Защит-ники снов» 12	21.00 Д/ф «Пове-лители» 5	21.00 Х/ф «Жена художника»	
22.00 «Мой город»	22.00 «Мой город»	22.00 «Мой город»	22.00 «Мой город»	22.00 «Мой город»		
22.30 Х/ф «Воз-вращение Будулая» 1	22.30 Х/ф «Воз-вращение Будулая» 2	22.30 Х/ф «Возвра-щение Будулая» 3	22.30 Х/ф «Воз-вращение Буду-лая» 4	22.30 Х/ф «С лю-бовью, Розы»	23.00 Х/ф «С лобо-вью, Розы»	22.30 Новости за неделю
00.30 Х/с «Измена» 10	00.30 Х/с «Измена» 11	00.30 Х/с «Измена» 12	00.30 Х/с «Изме-на» 13	01.30 Х/с «След-ствие любви» 1	00.30 Х/ф «Воз-вращение Будулая» 1-2	23.00 Х/ф «Жена художника»

В ночном эфире, как правило, транслируются повторы, но в программе это не указывается. Большинство передач телеканал показывает по несколько раз: данный прием помогает экономить программные ресурсы и достигать большей совокупной доли аудитории. В основном эфир заполняется покупными программами (шоу, документальные передачи, кинофильмы и сериалы), преимущественно это телевизионные проекты, уже показанные в эфире главных телеканалов, но сохранившие привлекательность для широкой аудитории. Например, на анализируемой неделе в вечернем эфире субботы стоял юбилейным концерт российского пианиста и дирижера Сергея Жилина, показанный «Первым каналом» в феврале 2017 г.

Исследование показало, что «Королев ТВ» программируется при помощи незначительного количества информационных телепрограмм, а также передач, посвященных актуальным проблемам города и его истории. Утренний и дневной эфир, действительно, отличается от сетки вещания главных универсальных телеканалов: утром много мультфильмов, а в дневном эфире – мелодраматических кинолент, однако сложно говорить о контрпрограммировании как о приеме расстановки передач. Следует также отметить, что «Королев ТВ» ориентируется на традиционное время прайм-тайма, так как именно в 20.00 выходит оригинальный выпуск программы «Мой город» со свежими новостями, которые одновременно распространяются и в интернет-пространстве. Экономия средств происходит за счет большого количества повторов.

Согласно опросу самой популярной программой, как и на остальных анализируемых ресурсах, оказались новости. Критикуя канал, респонденты жаловались на его зависимость от местной администрации. Отмечая предвзятость информационной повестки, зрители тем не менее часто видят в просмотре «Королев ТВ» единственную возможность узнать о том, «что происходит рядом с ними».

«ЛРТ»

Люберецкое районное телевидение было создано в октябре 2006 г. По объему новости здесь занимают менее важное место, чем на телеканалах «ТВР 24» и «Королев ТВ». Информационные программы выходят шесть раз в сутки (три раза в прямом эфире и три раза повторы), и это лишь 9% эфирного времени (табл. 6). Материалы снимаются преимущественно по заказу пресс-службы администрации города, а также столичных партнеров. В эфире «ЛРТ», как и на «ТВР 24», присутствует рубрика в форме уличного опроса горожан.

По своей жанрово-форматной структуре «ЛРТ» – универсальный телеканал, предлагающий зрителю разнообразный телевизионный контент. Как видно из таблицы, основное место на нем занимают покупные фильмы и сериалы.

Как и на телеканале «Королев ТВ», привычная для федеральных универсальных телеканалов утренняя информационно-развлекательная программа здесь отсутствует. Начиная с 5:00 утра эфир достаточно разнообразен: художественные, документальные и мультипликационные фильмы и

сериалы, новости, авторский проект детской студии «Планета ТВ», а также передача «Телегид», рассказывающая о том, что можно посмотреть в течение дня и недели. Последние две программы повторяются в сутки два раза.

Таблица 6

Структура эфира телеканала «ЛРТ»

Тип программ	Объем вещания в неделю, мин	Доля в объеме вещания, %
Новости	915	9
Кинофильмы	4185	42
Сериалы	2640	26
Документальные фильмы	945	9
Детские	810	8
Познавательные	135	1
Социально-политические	120	1
Развлекательные	330	4

Такое же форматное многообразие характерно и для дневного эфира, группировка (компоновка близких по тематике и жанру программ) не является характерным приемом программирования.

На сайте телекомпании представлено много журналистских программ, которые могли бы быть полезны жителям Люберец: о том, где провести время («Афиша», «Выбор ЛРТ»), об интересных людях и исторических местах («Земляки», «Прогулки по Люберцам»), однако в программе передач данные проекты не присутствовали.

Ночной эфир заполняется повторами дневных передач, фильмов и сериалов, а также спектаклями и концертами люберецкой самодеятельности. Телекомпания специально производит дешевый телевизионный контент для таких временных промежутков, когда большая часть населения спит. Стоит отметить, что федеральные каналы в это время, как правило, еще раз транслируют программы, которые уже были в эфире. В прайм-тайм на ЛРТ выходят повторы фильмов и сериалов, которые были показаны в дневное время, а также новости и документальные проекты (исключение эфирное время с 20.00 до 21.00) (табл. 7).

По два раза в субботу и в воскресенье в эфир выходят итоговые информационные программы, в которых анализируются самые важные события недели. Остальная часть заполняется покупным контентом (фильмами, сериалами, документальным кино).

В программе передач телеканала мы встретили часть контента, который присутствовал и на телеканале «Королев ТВ» (например, юбилейный концерт Сергея Жилина и оркестра «Фонограф», документальный фильм про Ж. Депардье, х/ф. «Люба, Любовь» и др.).

Можно сказать, что программная сетка «ЛРТ» верстается хаотично, кроме того, ее недостатком оказывается небольшое количество программ местной тематики.

Таблица 7

Программа передач телеканала ЛРТ (15.04–21.04.2019)

Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
05:00 Х/ф «Принцесса де Монпансье», повтор	05:00 Х/ф «Возвращение Будулая», 1 серия, повтор	05:00 Х/ф «Возвращение Будулая», 2 серия, повтор	5:00 Х/ф «Возвращение Будулая», 3 серия, повтор	05:00 Х/ф «Возвращение Будулая», 4 серия, повтор	05:00 Х/ф «К черту на рога», повтор	05:00 Х/ф «Жена художника», повтор
06:30 Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез)	06:30 Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез)	06:30 Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез)	06:30 Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез)	06:30 Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез)	06:30 Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез)	06:30 Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез)
07:00 Проект «Планета ТВ»	07:00 Проект «Планета ТВ»	07:00 Проект «Планета ТВ»	07:00 Проект «Планета ТВ»	07:00 Проект «Планета ТВ»	07:00 М/ф «Маша и медведь»	07:00 М/ф «Маша и медведь»
07:15 Новости	07:15 Новости	07:15 Новости	07:15 Новости	07:15 Новости		
07:30 Д/ф «Федерация-2017»	07:30 Д/ф «Федерация-2017»	07:30 Д/ф «Федерация-2017»	07:30 Д/ф «Федерация-2017»	07:30 Д/ф «Федерация-2017»	07:30 Проект «Планета ТВ»	07:30 Проект «Планета ТВ»
08:15 Новости	08:15 Новости	08:15 Новости	08:15 Новости	08:15 Новости	07:45 Д/ф «Ж. Депардье. Исповедь нового русского	07:45 Д/ф «Ж. Депардье. Исповедь нового русского
08:30 «Телегид»	08:30 «Телегид»	08:30 «Телегид»	08:30 «Телегид»	08:30 «Телегид»	08:45 «Вне зоны»	08:45 «Вне зоны»
08:45 Т/с «Между двух огней», 2	08:45 Т/с «Между двух огней», 3	08:45 Т/с «Между двух огней», 4	08:45 Т/с «Между двух огней», 5	08:45 Т/с «Между двух огней», 6	09:00 Шоу «Битва ресторанов» 27	09:00 Шоу 3 «Гости по воскресеньям»
09:45 Т/с «Следствие любви», 22	09:45 Т/с «Следствие любви», 23	09:45 Т/с «Следствие любви», 24	09:45 Т/с «Следствие любви», 25	09:45 Т/с «Следствие любви», 26	10:00 Итоги недели Люберецкого округа	10:00 Итоги недели Люберецкого округа
10:45 Д/ф «Как оно есть», 6	10:45 Д/ф «Как оно есть», 7	10:45 Д/ф «Как оно есть», 8	10:45 Д/ф «Как оно есть», 9	10:45 Д/ф «Как оно есть», 10	11:00 Х/ф «Продавщица фиалок»	11:00 Х/ф «Королева Шантеклер»

Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
11:45 «Телегид»	11:45 «Телегид»	11:45 «Телегид»	11:45 «Телегид»	11:45 «Телегид»		
12:00 «Вне зоны»	12:00 «Вне зоны»	12:00 «Вне зоны»	12:00 «Вне зоны»	12:00 «Вне зоны»		
12:15 Новости	12:15 Новости	12:15 Новости	12:15 Новости	12:15 Новости		
12:30 Т/с «Такая работа», 52	12:30 Т/с «Такая работа », 53	12:30 Т/с «Такая работа », 54	12:30 Т/с «Такая работа», 55	12:30 Т/с «Такая работа », 56	12:45 Х/ф «Люба. Любовь», 1	12:45 Х/ф «Люба. Любовь», 3
13:30 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 4	13:30 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 5	13:30 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 6	13:30 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 7	13:30 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 8	13:45 Х/ф «Люба. Любовь», 2	13:45 Х/ф «Люба. Любовь», 4
14:30 М/ф Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез), повтор	14:30 М/ф Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез), повтор	14:30 М/ф Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез), повтор	14:30 М/ф Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез), повтор	14:30 М/ф Сборник мультфильмов (И в шутку и всерьез), повтор	14:45 М/ф «Маша и медведь»	14:45 М/ф «Маша и медведь»
15:00 Проект «Планета ТВ»	15:00 Проект «Планета ТВ»	15:00 Проект «Планета ТВ»	15:00 Проект «Планета ТВ»	15:00 Проект «Планета ТВ»	15:00 «Первые 50». Концерт С. Жилина и оркестра «Фонораграф», повтор	15:00 «Первые 50». Концерт С. Жилина и оркестра «Фонораграф», повтор
15:15 М/ф «Маша и медведь»	15:15 М/ф «Маша и медведь»	15:15 М/ф «Маша и медведь»	15:15 М/ф «Маша и медведь»	15:15 М/ф «Маша и медведь»		
15:45 «Открытый диалог»	15:45 Проект «Планета ТВ»	15:45 «Открытый диалог»	15:45 Проект «Планета ТВ»	15:45 «Открытый диалог»		
16:15 Новости	16:00 «Вне зоны»	16:15 Новости	16:00 «Вне зоны»	16:15 «Вне зоны»		
16:30 Т/с «Жанна, пожени!», 9	16:15 Новости	16:15 Новости	16:15 Новости	16:15 Новости		
17:30 Т/с «Между двух огней», 2 повтор	16:30 Т/с «Жанна, пожени!», 10	16:30 Т/с «Жанна, пожени!», 11	16:30 Т/с «Жанна, пожени!», 12	16:30 Т/с «Жанна, пожени!», 13	16:45 Т/с «Сшиватели», 15	16:45 Т/с «Сшиватели», 15, повтор
18:30 Т/с «Следствие любви», 22, повтор	17:30 Т/с «Между двух огней», 3, повтор	17:30 Т/с «Между двух огней», 4, повтор	17:30 Т/с «Между двух огней», 5, повтор	17:30 Т/с «Между двух огней», 6, повтор	17:45 Х/ф «Про-давица фиалок», повтор	17:45 Х/ф «Королева Шантеклер», повтор
	18:30 Т/с «Следствие любви», 23, повтор	18:30 Т/с «Следствие любви», 24, повтор	18:30 Т/с «Следствие любви», 25, повтор	18:30 Т/с «Следствие любви», 26, повтор		

Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
19:30 Новости	19:30 Новости	19:30 Новости	19:30 Новости	19:30 Новости	19:30 Итоги недели Люберецкого округа, повтор	19:30 Итоги недели Люберецкого округа, повтор
19:45 «Телегид»	19:45 «Телегид»	19:45 «Телегид»	19:45 «Телегид»	19:45 «Телегид»	повтор	повтор
20:00 Д/ф «У краденные коллекции. По Следам «черных антикваров»	20:00 Д/ф «Скальпель для первых лиц. Тайная хирургия»	20:00 Д/ф «Березка», или Капитализм из-под полы»	20:00 Д/ф «Повелители», 7	20:00 Д/ф «Вячеслав Зайцев. Слава и одиночество»	20:30 Т/с «Шиватели», 16	20:30 Т/с «Шиватели», 16, повтор
21:00 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 4, повтор	21:00 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 5, повтор	21:00 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 6, повтор	21:00 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 7, повтор	21:00 Т/с «Воскрешение», сезон 1, 8, повтор	21:30 Программы Совета Федерации	21:30 Программы Совета Федерации
22:00 Х/ф «Возвращение Будулая», 1	22:00 Х/ф «Возвращение Будулая», 2	22:00 Х/ф «В Возвращение Будулая», 3	22:00 Х/ф «Возвращение Будулая», 4	22:00 Х/ф «К черту на рога»	21:45 Х/ф «Жена художника»	21:45 Х/ф «С любовью, Роззи»
23:15 Новости	23:15 Новости	23:15 Новости	23:15 Новости	23:15 Новости		
23:30 Х/ф Возвращение Будулая», 1	23:30 Х/ф «Возвращение Будулая», 2	23:30 Х/ф «Возвращение Будулая», 3	23:30 Х/ф «Возвращение Будулая», 4	23:30 Х/ф «К черту на рога»		

Тем не менее особо как промоушн-проект следует отметить передачу «Телегид», которая помогает зрителям быть информированными о самом интересном на телеэкране и возвращаться к просмотру по мере необходимости. Одновременно на «ЛРТ» большое количество повторов, что позволяет телеканалу в значительной степени сохранять программные ресурсы.

Как показал опрос, наибольший интерес у аудитории также вызывают новости, зрителям не хватает краеведческих программ, передач, рассказывающих о жизни города и его проблемах. Покупной контент оценивается горожанами по-разному. По мнению части опрошенных, «бывают неплохие сериалы и кинофильмы», другие отмечали, что хороших картин «не хватает».

Продвижение телеканалов в социальных сетях

У каждого телеканала существует собственный сайт с полным архивом материалов, группы во всех социальных сетях с разным количеством подписчиков (табл. 8). Т.Б. Колганова, главный редактор «ТВР 24», отметила, что посредством продвижения в социальных сетях телеканал старается привлекать более молодую аудиторию, для этого, например, в сети «ВКонтакте» публикует не только эфирные материалы, но также новости и фотографии. На сайте удобная навигация.

Таблица 8

Обзор подписчиков социальных сетей телеканалов (апрель 2019)

Название ресурса	Число участников (подписчиков)		
	«ТВР 24»	«ЛРТ»	«Королев ТВ»
«ВКонтакте»	5 204	3 128	8 227
«Одноклассники»	8 771	82	4 694
«Twitter»	4 218	6 223	1 832
«YouTube»	4 032	6 088	15 070
«Instagram»	244	590	9 344
«Facebook»	108	3 128	699

«ЛРТ» на своей странице тоже публикует информационные заметки и фотографии, в социальных сетях часто устраиваются конкурсы, разыгрываются подарки с фирменной символикой и даже компьютерная техника. Розыгрыши проводятся и в прямом эфире, для того чтобы выявить самых лояльных и внимательных зрителей.

В отличие от описанных выше телеканалов «Королев ТВ» размещает в Сети в основном эфирные материалы, которые часто выходят по расписанию. Например, в социальной сети «ВКонтакте» записи появляются с 19:30 до 20:30, что напоминает эфирный прайм-тайм. Конкурсы среди зрителей не проводятся, тем не менее по числу подписчиков «Королев ТВ» значительно опережает телевидение и Люберец, и Сергиева Посада в сетях «ВКонтакте», «YouTube», «Instagram».

Выводы и дискуссия

В ходе исследования были изучены практики программирования трех телеканалов Подмосковья, разных по формату и по форме собственности.

Анализ показал, что в большей степени медиалокализм характерен для муниципального телевидения «ТВР 24», контент на котором полностью производится журналистами, в сетке вещания присутствует много проектов, рассказывающих о жизни города и района. На телеканале «ЛРТ» такие программы представлены на сайте, но отсутствуют в программе передач. На телеканале «Королев ТВ» нам удалось найти только одну передачу местной тематики, помимо новостей и актуальных интервью. Так как все три телеканала в значительной степени финансируются государством (напрямую или через государственные контракты), то использование бюджетных средств на синдицированный телевизионный продукт нам кажется нецелесообразным. Специфика локального телевидения, ориентация на местную аудиторию телеканалами «ЛРТ» и «Королев ТВ» учитываются минимально. Два формально частных вещателя постепенно отказываются от философии медиалокализма, что находит отражение в заполнении эфира покупными телевизионными программами. Данный контент воспринимается зрителями неоднозначно.

Можно также сделать вывод, что технологии программирования, направленные на привлечение зрителей, недостаточно освоены региональным телевидением. Сравнение программных стратегий трех телеканалов показало, что ошибки построения вещательной сетки связаны не только и не столько с отсутствием средств, но с недостаточной продуманностью и концептуализацией программной политики, слабым пониманием интересов своей аудитории и особенностей позиционирования телеканалов на рынке. С точки зрения программирования можно также выделить «ТВР 24», который создается как информационный телеканал, с использованием приемов, применяемых на центральном российском телевидении и за рубежом, максимально экономя ресурсы, но ориентируясь на интересы локальной аудитории. Общим недостатком информационного вещания каналов является зависимость от местной власти и отсутствие свежих новостей, а также другой актуальной информации (например, погоды) в утренний период.

Можно говорить о некоторой непоследовательности при программировании телеканала «ЛРТ», покупные документальные проекты чередуются с художественными фильмами и сериалами, ориентация на ритм жизни аудитории, а также группировка однотипных передач используются мало. Однако именно «ЛРТ» (один из трех каналов) обращается к интерактивным технологиям для собственного промоушна, организовывая в социальных сетях конкурсы для зрителей, учитывая таким образом специфику современной цифровой среды. Кроме того, следует обратить внимание на промоушн-проект, передачу «Телегид», информирующую о самом интересном на телеэкране.

В условиях фрагментации телевизионной аудитории именно ориентация на своего зрителя и понимание его интересов должны были бы стать магистральными принципами программирования. Однако российское локальное телевидение в своем развитии движется в противоположном направлении, все больше заполняя сетку унифицированным покупным телепродуктом. На наш взгляд, данная тактика в ближайшее время может показать свою несостоятельность.

Литература

1. *Вартанова Е.Л., Коломиец В.П.* (ред.). Телевидение в России в 2018 году: Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. М. : Фед. агентство по печати и массовым коммуникациям, 2019.
2. *Вырковский А.В., Макеенко М.И.* Региональное телевидение России на пороге цифровой эпохи. М. : МедиаМир, 2014.
3. *Даутова Р.В.* История регионального телевидения России. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018.
4. *Юровский А.Я.* Телевидение – поиски и решения: Очерки истории и теории сов. телевизионной журналистики. М. : Искусство, 1975.
5. *Багиров Э.Г.* Телевидение 70-х: некоторые особенности развития // Телевидение '84: вчера, сегодня, завтра : сб. ст. М., 1985.
6. *Ярославцева А.Е.* (ред.) Телевидение Сибири : коллективная монография. Томск : Издательство НТЛ, 2011
7. *Еришов Ю.М.* Телевидение регионов в поиске моделей развития. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012.
8. *Дугин Е.Я.* Региональное телевидение: стратегии развития или судьба? // Журналист. Социальные коммуникации. 2017. № 1(25). С. 27–39.
9. *Каратаев Р.Ю.* Трансформация регионального вещания в процессе перехода России на «цифру» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология, журналистика. 2017. № 4. С. 92–96.
10. *Дугин Е.Я.* Местное телевидение: Типология, факторы и условия формирования программ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982.
11. *Цвик В.Л.* Парадоксы развития местного вещания // Телевидение вчера, сегодня, завтра-89 / сост. Е.Я. Дугин. М., 1989.
12. *Качкаева А.Г.* Телевидение в социальном развитии региона : дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
13. *Шестеркина Л.П.* Возникновение и развитие Челябинского областного телевидения: 1958–1985 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005.
14. *Данилов А.А.* Становление и развитие телевидения в Чувашской Республике (1961–2005 гг.): исторический опыт : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2006.
15. *Ефанов А.А.* Влияние цифровизации на деструкцию регионального телевидения // Власть. 2017. № 8. С. 49–53.
16. *Лизунова И.В.* Региональное телевидение в России накануне всеобщей дигитализации: «Болевые точки развития» // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. Т. 6, № 1. С. 117–122.
17. *Шестерина А.М.* Культурная среда города и региональное телевидение: проблемы взаимодействия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4, № 13. С. 31–38.
18. *Eastman S.T., Ferguson D.A.* Media programming: Strategies and practices. 9th Edition. Australia : Thomson/Wadsworth, 2013.
19. *Багиров Э.Г.* Очерки теории телевидения. М. : Искусство, 1978.

20. *Борецкий Р.А.* Телевизионная программа. М. : Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР, 1967.
21. *Долгова Ю.И.* Принципы программирования тематического телевидения: «Москва 24» – «канал к завтраку» // *МедиаАльманах*. 2017. № 5. С. 87–96.
22. *Ершов Ю.М.* Телевидение в ряду пространственных медиа и территориальные измерения охвата // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2011. № 1 (13). С. 129–140.
23. *Цвик В.Л.* Телевидение переходного периода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
24. *Долгова Ю.И., Перипечина Г.В.* (ред.) Телевизионная журналистика. М. : Аспект Пресс, 2019.
25. *Ali C.* Media localism: The policies of place. Urbana : University of Illinois Press, 2017.
26. *Comer J.C., Wikle T.A.* Access to locally-oriented television broadcasting in a digital era // *Applied Geography*. 2014. <http://dx.doi.org/10.1016/j.apgeog.2014.11.001>.
27. *Ali C.* The merits of merit goods: Local journalism and public policy in a time of austerity // *Journal of Information Policy*. 2016. Vol. 6. P. 105–128.
28. *Григоренко Н.И.* Основные тенденции и особенности процессов трансформации региональных СМИ в контексте социального реформирования российского общества: По материалам социологических исследований в Красноярском крае на рубеже XX–XXI веков : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Красноярск, 2003.
29. *Gulenko P.V., Dolgova Y.I.* Evolution of interactive elements in socio-political talk shows in post-Soviet Russia // *Global media and communication*. 2020. July 30. <https://doi.org/10.1177/1742766520946471>
30. *Каратаев Р.Ю.* Последствия перехода России на цифровое вещание для регионального ТВ // *Вестник Костромского государственного университета*. 2017. № 3. С. 150–154.

Local Television: Programming and Content Strategies in the Digital Age

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 311–333. DOI: 10.17223/19986645/73/17

Yulia I. Dolgova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: yidolgova@gmail.com

Keywords: local TV, TV programming, local TV programming, Russian TV, local news, medialocalism.

The aim of this article is to investigate the content and programming strategies of local television in Russia, their compliance with specific features of local television. For this purpose, the author conceptualizes the peculiarity of local television and its programming, analyzes actual content strategies and scheduling techniques, as well as Internet promotion. Three TV channels of different formats and forms of ownership were investigated in Moscow Oblast: TVR 24 (Sergiev Posad), a state-owned informational TV channel, LRT (Lyubertsy city district) and Korolev TV (Korolev), general interest private TV channels. The author monitored the TV programs during the period of April 15 to April 21, 2019. She also conducted interviews with the management of TV channels and surveyed viewers in social networks (120 people). The author conceptualizes the main peculiarity of local TV as an attention being paid to local community interests. The author suggested that news, local history, and public affairs programs had to play an important part in local broadcast. However, the study of content strategies has revealed that under low-budget conditions local channels actively aired syndicated TV products, mostly movies and TV series. News, local history, and public affairs programs were largely disregarded. Only one local stated-owned channel (TVR 24) aired mostly its own TV content. The research of programming strategies has shown that local TV channels did not always adapt themselves to the rhythm of the audience's life and made little

use of the grouping of the same type of programs. While planning their programs' schedule, only one channel (TVR 24) implemented techniques used by the main Russian TV channels and learned from international experience. The main principle of programming of all three channels was the conservation of program resources. As a result, a greater number of reruns was observed even in the daytime. All three channels used the Internet to distribute content and promote it. However, only one of them (LRT) applied interactive techniques for programming and promoting. The survey has showed that TV viewers were mostly interested in TV news, local history, and public affairs programs, but only one channel (TVR 24) focused on such content. At the same time, viewers of all the analyzed TV channels mentioned the dependence of local news on government policies. This investigation has revealed that problems of regional broadcasters are not related only to a lack of funds. Professional qualification of local producers does not allow them to properly use scheduling techniques and consider the specifics of the regional media space.

References

1. Vartanova, E.L. & Kolomiets, V.P. (eds) (2019) *Televidenie v Rossii v 2018 godu: Sosvoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya: otraslevoy doklad* [Television in Russia in 2018: State, Trends and Development Prospects: Industry Report]. Moscow: Fed. agentstvo po pechati i massovym kommunikatsiyam.
2. Vyrkovskiy, A.V. & Makeenko, M.I. (2014) *Regional'noe televidenie Rossii na poroge tsifrovoy epokhi* [Regional television in Russia on the threshold of the digital age]. Moscow: MediaMir.
3. Dautova, R.V. (2018) *Istoriya regional'nogo televideniya Rossii* [The history of regional television in Russia]. Kazan: Kazan University.
4. Yurovskiy, A.Ya. (1975) *Televidenie – poiski i resheniya: Ocherki istorii i teorii sov. televizionnoy zhurnalistiki* [Television – Search and Solutions: Essays on the History and Theory of Soviet television journalism]. Moscow: Iskusstvo.
5. Bagirov, E.G. (1985) *Televidenie 70-kh: nekotorye osobennosti razvitiya* [Television of the '70s: some features of development]. In: *Televidenie '84: vchera, segodnya, zavtra: sb. st.* [Television '84: yesterday, today, tomorrow: articles]. Moscow: [s.n.].
6. Yaroslavtseva, A.E. (ed.) (2011) *Televidenie Sibiri* [Television of Siberia]. Tomsk: Izdatel'stvo NTL.
7. Ershov, Yu.M. (2012) *Televidenie regionov v poiske modeley razvitiya* [Television of the regions in search of development models]. Moscow: Moscow State University.
8. Dugin, E.Ya. (2017) *Regional'noe televidenie: strategii razvitiya ili sud'ba?* [Regional television: development strategies or destiny?]. *Zhurnalist. Sotsial'nye kommunikatsii*. 1(25). pp. 27–39.
9. Karataev, R.Yu. (2017) *Transformatsiya regional'nogo veshchaniya v protsesse perekhoda Rossii na "tsifru"* [Transformation of regional broadcasting during Russia's transition to the "digital"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya, zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology, Journalism*. 4. pp. 92–96.
10. Dugin, E.Ya. (1982) *Mestnoe televidenie: Tipologiya, faktory i usloviya formirovaniya programm* [Local television: Typology, factors and conditions for the formation of programs]. Moscow: Moscow State University.
11. Tsvik, V.L. (1989) *Paradoksy razvitiya mestnogo veshchaniya* [Paradoxes of the development of local broadcasting]. In: *Televidenie '89: vchera, segodnya, zavtra* [Television '89: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: [s.n.].
12. Kachkaeva, A.G. (1990) *Televidenie v sotsial'nom razviti regiona* [Television in the social development of the region]. Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Shesterkina, L.P. (2005) *Vozniknovenie i razvitie Chelyabinskogo oblastnogo televideniya: 1958–1985 gg.* [The emergence and development of Chelyabinsk regional television: 1958–1985]. Abstract of History Cand. Diss. Chelyabinsk.

14. Danilov, A.A. (2006) *Stanovlenie i razvitie televideniya v Chuvashskoy Respublike (1961–2005 gg.): istoricheskiy opyt* [Formation and development of television in the Chuvash Republic (1961–2005): historical experience]. Abstract of History Cand. Diss. Cheboksary.
15. Efanov, A.A. (2017) The Impact of Digitalization on the Destruction of the Regional Television Institute. *Vlast' – The Authority*. 8. pp. 49–53. (In Russian).
16. Lizunova, I.V. (2014) Regional'noe televidenie v Rossii nakanune vseobshchey digitalizatsii: "Bolevye tochki razvitiya" [Regional television in Russia on the eve of universal digitalization: "Painful spots of development"]. *Interespo Geo-Sibir'*. 6 (1). pp. 117–122.
17. Shesterina, A.M. (2018) The city cultural environment and regional television: the problems of cooperation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki – Tambov University Review. Series: Social Sciences*. 4 (13). pp. 31–38. (In Russian).
18. Eastman, S.T. & Ferguson, D.A. (2013) *Media programming: Strategies and practices*. 9th Edition. Australia: Thomson/Wadsworth.
19. Bagurov, E.G. (1978) *Ocherki teorii televideniya* [Essays on television theory]. Moscow: Iskustvo.
20. Boretskiy, R.A. (1967) *Televizionnaya programma* [TV program]. Moscow: Komitet po radioveshchaniyu i televideniyu pri Sovete ministrov SSSR.
21. Dolgova, Yu.I. (2017) Printsipy programmirovaniya tematicheskogo televideniya: "Moskva 24" – "kanal k zavtraku" [Principles of programming thematic television: "Moscow 24" – a "channel for breakfast"]. *MediaAl'manakh*. 5. pp. 87–96.
22. Ershov, Yu.M. (2011) Televidenie v ryadu prostranstvennykh media i territorial'nye izmereniya okhvata [Television in spatial media and territorial dimensions of coverage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 129–140.
23. Tsvik, V.L. (1997) *Televidenie perekhodnogo perioda* [Television in transition]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
24. Dolgova, Yu.I. & Peripechina, G.V. (ed.) (2019) *Televizionnaya zhurnalistika* [Television journalism]. Moscow: Aspekt Press.
25. Ali, C. (2017) *Media localism: The policies of place*. Urbana: University of Illinois Press.
26. Comer, J.C. & Wikle, T.A. (2014) Access to locally-oriented television broadcasting in a digital era. *Applied Geography*. <http://dx.doi.org/10.1016/j.apgeog.2014.11.001>
27. Ali, C. (2016) The merits of merit goods: Local journalism and public policy in a time of austerity. *Journal of Information Policy*. 6. pp. 105–128.
28. Grigorenko, N.I. (2003) *Osnovnye tendentsii i osobennosti protsessov transformatsii regional'nykh SMI v kontekste sotsial'nogo reformirovaniya rossiyskogo obshchestva: Po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy v Krasnoyarskom krae na rubezhe XX–XXI vekov* [The main trends and features of regional media transformation in the context of Russian society's social reform: Based on the materials of sociological studies in Krasnoyarsk Krai at the turn of the 21st century]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
29. Gulenko, P.V. & Dolgova, Y.I. (2020) Evolution of interactive elements in socio-political talk shows in post-Soviet Russia. *Global Media and Communication*. July 30. <https://doi.org/10.1177/1742766520946471>
30. Karataev, R.Yu. (2017) Consequences of Russia's transition to digital broadcasting for regional TV. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 3. pp. 150–154. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/73/18

ISSN 0353-8257
UDK 808.61 / 62-087

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА И УМЕТНОСТИ
И
ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК САНУ

СРПСКИ
ДИЈАЛЕКТОЛОШКИ
ЗБОРНИК
LXVI/1

РАДИВОЈЕ МЛАДЕНОВИЋ
ГОВОР СЕВЕРНОШАРПЛАНИНСКЕ
ЖУПЕ СИРИНИЋ

Уређивачки одбор
Др Недељко Богдановић, др Мирослав Николић,
др Драгољуб Петровић, др Слободан Реметић

Главни уредник
СЛОБОДАН РЕМЕТИЋ

БЕОГРАД
2019

Рецензия на книгу: Младеновић Р. Говор северношарпланинске жупе Сирињић. – Београд : Српска академија наука и уметности, 2019. – 1047 с., карте. (На сербском языке).

Младенович Р. Говор микрорегиона Сиринич в северной части горного массива Шар. – Белград : Сербская академия наук и искусств, 2019. – 1047 с., карты.

Монографија посвећена истраживању сербског местног говора труднодоступног микрорегиона Сиринич в Аутономној области Косово и Метохија Републике Србија. На основу полевог материјала, отражајућег све нивоје језиковој структуре, подробно изучени и описани акцен­тологија, фонетика и морфологија уходя­ще­го в прошле традиционог говора право­славног сербског насељенија. Погранично положење говора Сиринич на крајнем југо­западе сербског дијалектног конти­нуума

в контакте с говорима северной Северной Македоније и с албанским адстратом привело к уникальному сочетанию черт, известных и соседним славянским идиомам, с собственно локальными инновациями. Впервые в сербской диалектологии внутренняя вариативность фонетических и морфологических единиц в одном отдельно взятом сербском говоре исчерпывающе описана в рамках традиционного сравнительно-исторического подхода.

Книга адресована специалистам по славянскому и балканскому языкознанию, сербской филологии и диалектологии, контактному языкознанию, славянской и балканской этнолингвистике, вариационной лингвистике, общему и теоретическому языкознанию.

Ключевые слова: славянские языки, южнославянские языки, сербский язык, сербские диалекты Косово и Метохије, говор Сиринич

Очередная фундаментальная монография о сербских говорах Косово и Метохије профессора Радивоје Младеновича из Университета г. Крагуевац в Србији оправдала все ожидания специалистов как своим объемом

(1047 страниц или 72 авторских листа), так и качеством (ей совершенно заслуженно была присуждена премия им. Павла Ивича и Милки Ивич за 2020 г., уже вторая в научной карьере автора). Ведущий исследователь крайнего юго-запада сербского диалектного языка (см., например, [1–3]) опубликовал результаты своего многолетнего исследования базового традиционного говора (нем. Grundmundart) микрорегиона Сиринич. Цель настоящей рецензии – привлечь внимание отечественных и зарубежных специалистов к богатому уникальному материалу монографии, посвященной языку фактически островного говора православного сербского населения Косово и Метохии, и максимально быстро и полно ввести его в широкий научный оборот.

Географически достаточно изолированная горная краина Сиринич (серб. жупа Сиринић) расположена в верхнем течении р. Лепенац в северной части горного массива Шар (серб. Шар-Планина), обособленной от остальной территории Автономной области Косово и Метохия Республики Сербия и включающей в свой состав также еще и жупы Гора (ныне полностью исламизированную), Ополе (ныне исламизированную и албанизированную) и Средска (ныне практически полностью исламизированную). Физико-географические условия вокруг Сиринича делают возможным сообщение лишь с южной частью Косово на востоке краины, с котловиной Скопье на юге, с жупой Средска и Метохией – на западе; эти обстоятельства находят закономерное отражение в системе говора, относящегося к призренско-южноморавскому диалекту призренско-тимокской диалектной группы сербского языка [4] – части торлакского диалектного комплекса (об актуальных терминологических проблемах см. [5]). Говор Сиринича – самое восточное звено в ряду глубоко индивидуальных южнославянских идиомов северной Шар-Планины, в который входят также говор Горы и говор жупы Средска. На формирование всех этих говоров оказали воздействие миграции населения, различные балканские, в том числе романский, субстраты и адстраты, в том числе албанский. В монографии описан базовый традиционный местный говор сербов (православных), еще остаточно бытующий в 12 селах краины. Восточная часть Сиринича (села Коштанево, Ижанце, Брод и Фирая албанизированы и исламизированы), в ряде сел в центре жупы (Сушиче, Горня Битина, Доня Битина, Вича, Драйковце) сербы проживают вместе с албанцами, тогда как на юго-западе албанского населения нет (Готовуша, Беревце, Штрпце, Брезовица, Врбештица, Яжинце, Севце). Насколько известно рецензенту, сербы в Сириниче албанским языком не владеют. Необходимо иметь в виду, что краина Сиринич, богатая ресурсами (прежде всего пастбищами и водой), всегда была привлекательным местом поселения; известно о миграциях сюда славян из северной Северной Македонии, Метохии, Косово, юго-восточной Черногории и Северной Албании. Как и большинство единиц южнославянского диалектного континуума, говор Сиринича представляет собой уникальную комбинацию особенностей, встречающихся и в соседних, контактирующих с ним говорах сербского и македонского языков, а также индивидуальных инноваций.

За «Введением», содержащим всю релевантную информацию о территории исследования, населении региона и его истории, методах работы и источниках материала, следуют разделы «Ударение», «Фонетика», «Морфология», «Лингвогеографическое положение и диалектная индивидуальность говора Сиринича» и «Диалектные тексты». Завершает издание французское резюме.

Представим, вслед за автором, основные признаки говора (в соответствии с русской славистической традицией, примеры не снабжены переводом).

В акцентологическом отношении он нетипичен для сербского диалектно-континуума, поскольку ударение в нем ритмическое, а в именах существительных и глаголах оно стабилизировано на пенультимере.

Инвентарь гласных фонем, напротив, типично сербский приزنско-тимокский /i, e, a, o, u, ə/; здесь /u/ помимо прочего восходит к прасл. *ǫ (*dub, put, zub; metnule, radnuja*), а /ə/ представляет собой системный единый рефлекс прасл. редуцированных и встречается единично на месте гласных полного образования (например, в назальном окружении: *znət, odəvno*). Гласные среднего ряда /e/, /o/ под ударением часто реализуются как открытые, в том числе в дифтонгических сочетаниях с первым компонентом [i], [u], но /e/ перед /j/ звучит как закрытое или даже как [i] (*prije*). Дифтонгические сочетания [oŭ], [eŭ], [iŭ] образуются вследствие перехода конечнослогового /l/ и поствокалического /v/ в /ǔ/ (*došoŭ, kotoŭ, seŭski; da se karoiŭ, da uzoŭ, će nosiŭ; Dragosoŭ, oiŭde, oiŭca, Seŭce, žiŭ*), что удаляет говор от соседних сербских и сближает с северномакедонскими. Вследствие утрат согласных возникло значительное количество специфических сочетаний гласных. Слогообразующее /r/ стабильно, а под ударением факультативно реализуется как долгое, что автор интерпретирует как следствие контакта с неславянскими балканскими языками, видимо, с албанским (есть примеры долгого [rr] и в неслогообразующей функции (*borr*)). Слогообразующее /l/ отражается как /lu/ после дентальных (*dluboko, slunce, sluze*), но как /u/ в остальных позициях (*vuk, buwa*), сближая, по мнению автора, говор с идиомами Скопской Черногории.

Консонантная система – балканского типа, с шестью аффрикатами, фрикативный компонент которых может быть выражен сильнее (доминирующий вариант) или слабее. Фонема /dz/ встречается в ограниченном круге известных примеров вроде *džver, džid, džvezda, penđzija, džvono*. Фонема /h/ утрачена, реализации /v/ и /j/ вариативны и зависят от темпа речи и фонетического окружения. Частотны примеры факультативной антиципации палатальности (*brajća, mejđa*). Латеральные сонанты противопоставлены как палатальный и веллярный, но в селах со смешанным сербским и албанским населением эта оппозиция нейтрализуется перед гласными переднего ряда. Конечнослоговое /l/ отражается как [ǔ] (*steŭna, seŭsko; petoiŭ, deboŭ; mogoŭ, tresoiŭ*), но в л-причастии м.р. ед.ч. – как [(j)a] (*videja, donija, imaa*). Консонантные сочетания, как и в соседних говорах, в ряде случаев сохраняют архаичный вид (*sliva, stap, ostar*), тогда как в ряде случа-

ев изменяются факультативными выпадениями и вставками (*sreća, zrela : streća, zdrela; sestra, zdravo : sesra, zravo*).

Развитие морфологической системы говора Сиринича происходило так же, как и в сербских говорах Косово и Метохии. Младенович выделяет четыре типа склонения имен существительных (м.р. на *-ø, -o, -e, -i*; ср.р.; м и ж.р. на *-a*; существительное *mati*; при этом синтетические и аналитические формы вступают в отношения вариативности (*ot korena ~ ot kromit*). В ед.ч. сохранено больше падежных форм (например, в первом деklinационном типе – номинатив, датив, аккузатив / *casus obliquus generalis*, вокатив, локатив; с ограничениями – генитив, инструментал) нежели во мн.ч. (номинатив, аккузатив / *casus obliquus generalis*, датив, вокатив); синтетические формы лучше сохранились в деklinационном типе на *-a* (например, полностью живой категорией является генитив ед.ч.), тогда как аналитизмом сильнее всего охвачены существительные ср.р. Сохранению синтетических форм способствует падежный синкретизм (*od žene, kaži žene, po žene; kaži bratu, prati po bratu*); при предлогах *po, prema, pri* особенно стабилен локатив ед.ч.

Притяжательность выражается дативом (*Sin moejzi sestre*) и, реже, конструкцией *od + génitif* (*Sin od moje sestre*). Как и в других косовскометохийских говорах, у существительных м.р. на *-ø* во мн.ч. противопоставлены формы номинатива и *casus obliquus generalis* (*došle muži : da vidim muže*), что выделяет этот регион в призренско-тимокском континууме. Высокая вариативность флексий отмечена в дативе мн.ч. (*mužima ~ mužam; govedami ~ govedima ~ govedam ~ govedama*).

В местоименной системе также отмечено сосуществование вариантов, что указывает на участие иных говоров в формировании сириничской системы. Так, например, клитических форм личного местоимения 3 л. ж.р. в дативе ед.ч. (*vidi gu : dadi gu ~ gi ~ je*). Рефлексы местоимений **kʷto* и **kʷi* контаминировались в форме *koj*; аналогичные процессы привели к неразличению неопределенных и отрицательных местоимений (например, *nekoj ~ nikoj ~ neki ~ niki*). Флексия *-i* обобщена у количественных и качественных местоименных прилагательных в м.р. (*kakvi, ovakvi; kolikvi, ovolikvi*).

У прилагательных родовые противопоставления сохранены и во мн.ч. (*stari ljudi, stare žene, stara sela*), но в ср.р. изредка встречаются и такие варианты флексии, как *-e* и *-i*, что свидетельствует о начале процесса нейтрализации этой оппозиции. Как и в субстантивном словоизменении, формы генитива, датива и локатива ед.ч. в склонении на *-a* синкретичны и вариативны (*uzi od moje sestre ~ uzi od moejzi sestre; kaži moejzi sestre ~ kaži moje sestre; padalo po moje sestre ~ padalo po moejzi sestre*). В дативе мн.ч. адъективного склонения обобщена флексия *-ema* (*starema ljudima, ženami, govedam*). Компаратив прилагательных (а также существительных, глаголов, предлогов и даже – единично – отрицательного местоимения в форме *po ništa* (с. 569)) образуется по аналитической модели с частицей *po*. Для всех родов обобщены формы датива числительного ‘два; оба’ (*dvema, obema, obadvema*).

Особенности глагольной системы сближают говор Сиринича с идиомами юга Метохии (например, новые соотношения основы презенса и аориста в *kipujem, darujem* vs *kipovala, darovala*). В 3 л. мн.ч. презенса отмечена форма *nosu*, а также дополнение флексией *-u* тематических показателей (*bere-u, nosi-u*), т.е. фактически усиление грамматической редундантности посредством умножения изофункциональных грамем. В формах аориста существенно частотнее флексии с компонентом *-o* нежели *-e* (*uzo, počo; uzosmo, počosmo, uzoste; vido, zamrzo, uvrto; se domislosmo, izgoroste*). Имперфект сохранен, но редок. В формах 3 л. аориста и импрефекта наблюдается взаимная контаминация и сосуществование дублетов (*oni dođoše* (чаще) ~ *oni dođou* (реже) vs *oni imau* (чаще) ~ *oni imaše* (реже)). Формы футура образуются по модели *će* + презенс (*će vidim, će vidiš, će vidi; će vidimo, će vidite, će vidu*); при эмплазе редко встречаются спрягаемые формы вспомогательного глагола и союзная частица *da* (*al ćemo da rabotamo, al ćemo da sedimo* (с. 672)). В формах перфекта вспомогательный глагол отсутствует в 3 л. ед. и мн.ч. (ср. *ja sam došla, ti si došla; mi smo došle, vi ste došle*, но *ona došla; one došle*). В формах причастия на *-л* в ед.ч. различаются три рода, тогда как во мн.ч. это противопоставление нейтрализовано (с ед.ч. *imaa, imala, imalo*; мн.ч. *imale* для всех родов), как в македонских говорах.

По-разному обобщились наречия с формантом **-gda* (*sæg ~ sage*, но *käd*); отмечены формы *zime, lete; noću ~ noćom; kolko*. В системе предлогов отмечены изофункциональные варианты *iz ~ od, kud ~ kod, kraj ~ krej ~ kri*. Придаточные определительные предложения вводятся *što* или *koji*.

В объемной завершающей главе на с. 831–852 делаются важные и очень точные обобщения о лингвогеографическом положении среди соседних идиомов и о диалектной индивидуальности говора Сиринича.

Говор демонстрирует механизмы постепенного (и неравномерного в разных участках структуры) проникновения балканизирующих инноваций в систему. Материал прекрасно иллюстрирует действие фонетических законов и отклонения от них, процессы влияний и контаминаций, аналогического выравнивания, обобщения под давлением системы, формирования дублетов и мн.др. Очень сильной стороной монографии Младеновича является то, что опубликованные многочисленные материалы позволяют в будущем делать точные и надежные количественные обобщения о частотности форм и преобладании конкретных вариантов. При этом, возможно, впервые в сербской диалектологии внутренняя вариативность фонетических и морфологических единиц в одном отдельно взятом сербском говоре описана автором рецензируемой монографии в рамках сравнительно-исторического подхода *исчерпывающе*. Несомненно, важной методологической новацией исследования Младеновича является то, что в разделах книги, посвященных морфологии, полно рассматривается и ономастический материал, прежде всего личные имена и топонимы. Наконец, завершает монографию одна из крупнейших в сербской и южнославянской диалектологии почти 200-страничная (очевидно содержащая более 100 000 словоупотреблений) коллекция образцово транскрибированных текстов на базовом говоре.

Несмотря на традиционно-грамматическую, господствующую уже второе столетие в сербской диалектологии организацию богатейшего языкового материала лишь в трех – акцентологическом, фонетическом и морфологическом – разделах (с приложением текстов), нет никакого сомнения в том, что заинтересованный и квалифицированный специалист-лексиколог, морфонолог, синтаксист, этнолингвист и др. без затруднений обнаружит интересующие его факты. При этом не всегда можно предсказать, какие именно сокровища откроются внимательному читателю на страницах этого замечательного труда. Так, нетрудно было предположить, что в материалах встретится немало примеров инициального положения клитик (*gi gu uzela mleko*) или местоименных редупликаций объекта (*stoher smo ga kitil'e; mi kañel gostu, sin mi bija njetu*). Но вполне неожиданной находкой оказалась фиксация ряда лексем с корнем *glum-, важных для интерпретации неясных мест славянской Псалтыри [6], которые часто трактуют как «неудачу перевода». Речь идет о глаголе *глумиться* в тех стихах (например, 76,7), где требуется значение ‘размышлять, беседовать’. Лексемы говора Сиринича *glum* ‘омут, запруда’ и *glumne se* ‘броситься в омут’ (с. 191) позволяют без натяжек реконструировать значение ‘погрузиться (в глубины сердца)’ и для древнецерковнославянского глагола.

Тексты из каждого обследованного населенного пункта записаны от надежных в языковом и культурологическом отношении информантов и без преувеличения представляют полную картину этнолингвистических особенностей Сиринича (с особым вниманием к обрядам перехода, традиционному народному календарю и мифологии). Очень хорошей новостью является и то, что Радивое Младеновичем готовится издание словаря говора Сиринича, а в Белграде активизировались работы по созданию столь необходимого Сербского диалектологического атласа.

Книга, вне всякого сомнения, войдет своим материалом в золотой фонд славянской и сербской диалектологии, ареально-типологического балканского языкознания и этнолингвистики. Однако хочется надеяться, что специалисты по общему и теоретическому языкознанию, ныне также обратившемуся к языковой вариативности и диалектным данным, также не обойдут это издание своим вниманием.

А.Н. Соболев

Литература

1. *Mladenović, Radivoje*. Govor šarplaninske župe Gora. Beograd : SANU, 2001.
2. *Mladenović, Radivoje*. Zamenice u govorima jugozapadnog dela Kosova i Metohije. Beograd : Institut za srpski jezik SANU, 2010.
3. *Mladenović, Radivoje*. Govor juđnokosovskog sela Gatnje. Beograd : Institut za srpski jezik SANU, 2013.
4. *Ivić, Pavle*. Celokupna dela. X/2. Rasprave, studije, članci. 2. O dijalektologiji. Priredio Slobodan Remetić. Sremski Karlovci, Novi Sad : Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2018.
5. *Sobolev, Andrey N.* O definicijama lingvonima torlački u južnoslavenskoj dijalektologiji// Bratulić, Josip; Čupković, Gordana; Galić, Josip (Ur.). Dijalekti, jezična

povijest i tradicija. Zbornik u čast Josipu Liscu. Zadar – Zagreb – Zadar: Sveučilište u Zadru – Matica hrvatska – Ogranak Matice hrvatske u Zadru, 2020. S. 637–646.

6. *Соболев А.Н.* Новгородская псалтырь XI в. и ее антиграф // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 113–142.

Book Review: Mladenović, R. (2019) *Govor Severnošarplaninske Župe Sirinić* [The Subdialect of the Micro-Region Sirinić in the North Šar Mountains]. Beograd: Srpska Akademija Nauka i Umetnosti

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 334–340. DOI: 10.17223/19986645/73/18

Andrey N. Sobolev, Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sobolev@staff.uni-marburg.de

Keywords: Slavic, South Slavic, Serbian, Serbian dialects of Kosovo and Metohija, subdialect of Sirinić.

The book examines the Serbian local subdialect of the hard-to-reach micro-region Sirinić in the Autonomous Province of Kosovo and Metohija of the Republic of Serbia. Based on the field material that reflects all levels of the linguistic structure, the book thoroughly studies and describes the accentology, phonetics, and morphology of the traditional subdialect of the Orthodox Serbian population that is receding into the past. The marginal position of the Sirinić subdialect in the extreme south-west of the Serbian dialect continuum in contact with the subdialects of northern North Macedonia and with the Albanian adstratum led to a unique combination of features known to neighboring Slavic dialects with local innovations. For the first time in Serbian dialectology, the internal variability of phonetic and morphological units in one single Serbian subdialect is exhaustively described within the framework of the traditional comparative historical approach. The book is addressed to experts in Slavic and Balkan linguistics, Serbian philology and dialectology, contact linguistics, Slavic and Balkan ethnolinguistics, variational linguistics, general and theoretical linguistics.

References

1. Mladenović, R. (2001) *Govor šarplaninske župe Gora*. Beograd: SANU.
2. Mladenović, R. (2010) *Zamenice u govorima jugozapadnog dela Kosova i Metohije*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
3. Mladenović, R. (2013) *Govor južnokosovskog sela Gatnje*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU.
4. Ivić, P. (2018) *Celokupna dela. X/2. Rasprave, studije, članci. 2. O dijalektologiji*. Priredio Slobodan Remetić. Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.
5. Sobolev, A.N. (2020) O definicijama lingvonima torlački u južnoslavenskoj dijalektologiji. In: Bratulić, J., Čupković, G., & Galić, J. (Ur.). *Dijalekti, jezična povijest i tradicija. Zbornik u čast Josipu Liscu*. Zadar – Zagreb – Zadar: Sveučilište u Zadru – Matica hrvatska – Ogranak Matice hrvatske u Zadru. pp. 637–646.
6. Sobolev, A.N. (2003) *Novgorodskaya psaltyr' XI v. i ee antiograf* [Novgorod Psalter of the 11th century and its antiograph]. *Voprosy yazykoznanija*. 3. pp. 113–142.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБУДУВАИЛИ Муайтаир – аспирант кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета.

E-mail: hopeu123@bk.ru

АХАПКИНА Яна Эмильевна – канд. филол. наук, зам. руководителя Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: yana.akhapkina@gmail.com

БАБАИИ Эсмаг –PhD, профессор департамента иностранных языков Университета им. Хорезми (г. Тегеран, Иран).

E-mail: babai@khu.ac.ir

ДЕМЕНТЬЕВА Ксения Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (г. Саранск).

E-mail: dementievakv@gmail.com

ДОЛГОВА Юлия Игоревна – канд. филол. наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: yidolgova@gmail.com

ЕФРЕМОВ Валерий Анатольевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: valef@mail.ru

ЗУБКОВ Кирилл Юрьевич – канд. филол. наук, доцент школы филологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); мл. науч. сотр. отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

E-mail: k_zubkov@inbox.ru

КАЗАКЕВИЧ Ольга Анатольевна – мл. науч. сотр. лаборатории русской и сибирской лексикографии Томского государственного университета; ассистент кафедры латинского языка и медицинской терминологии Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).

E-mail: o_slugina@mail.ru

КАЗКЕНОВА Аимгуль Каирбековна – канд. филол. наук, ассоциированный профессор Лингвистического центра Евразийского технологического университета (г. Алма-Ата, Казахстан).

E-mail: aimgul.kazkenova@mail.ru

КАЯНИДИ Леонид Геннадьевич – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета.

E-mail: leonideas@bk.ru

КЕРО ХЕРВИЛЬЯ Энрике Федерико – д-р филол. наук, профессор кафедры греческого и славянских языков Гранадского университета (Испания).

E-mail: efquero@ugr.es

ЛАВРОВА Наталия Александровна – д-р филол. наук, доцент кафедры фонетики и лексики английского языка Московского педагогического государственного университета.

E-mail: lavuscha@gmail.com

МАКСИМОВ Борис Александрович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории по изучению зарубежной печати Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: esprit25@rambler.ru

НИКОНОВА Наталья Егоровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой романо-германской филологии Томского государственного университета.

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

НИКУЛИНА Елена Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой фонетики и лексики английского языка Московского педагогического государственного университета.

E-mail: ea.nikulina@mpgu.su

ОРЕХОВ Владимир Викторович – д-р филол. наук, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

E-mail: v-orehov@mail.ru

ПАНОВА Галина Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан).

E-mail: gipanova@mail.ru

ПЕРМЯКОВА Татьяна Михайловна – д-р филол. наук, профессор департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь).

E-mail: tpermyakova@hse.ru

ПОЗДЕЕВА Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь).

E-mail: epozdeeva@hse.ru

РАХИЛИНА Екатерина Владимировна – д-р филол. наук, руководитель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); вед. науч. сотр. отдела культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: rakhilina@gmail.com

СОБОЛЕВ Андрей Николаевич – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sobolev@staff.uni-marburg.de

СТАРИКОВА Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: gstarikova@yandex.ru

ТАРАСЕНКО Татьяна Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологии им. академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск).

E-mail: tvt.tarasenko@yandex.ru

УРМАНЧЕЕВА Ирина Серафимовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

E-mail: isurman@rambler.ru

ЧЕСНОКОВА Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва).

E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru

ЮРИНА Наталья Геннадьевна – д-р. филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск).

E-mail: makarova-ng@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2021. № 73

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.10.2021 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печ. л. 21,6; усл. печ. л. 28,1. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4825.

Дата выхода в свет 10.11.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru